

против всех

Юрий
Мухин

Власть

над властью

Юрий
Мухин

Власть над властью

Москва
«Алгоритм»
2007

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8
М92

Мухин Ю. И.

М 92 Власть над властью. — М: Алгоритм, 2007. — 368 с. —
(Против всех).

ISBN 978-5-9265-0495-5

Народ СССР хотел жить в едином Союзе и даже заявил об этом на референдуме, а бюрократия разделила Советский Союз на части

Народ заявил о своем стремлении к более богатой жизни, а бюрократия сделала его нищим.

Народ хотел свободы, а бюрократия границами, собственной валютой и нищетой приковала его к постоянному месту жительства

Народ никогда не отказывался работать, а бюрократия, развалив экономику, сделала его безработным

И всякий раз втапывая в грязь волю народа, бюрократия нагло заявляет, что делает это для его блага и от его имени. Пора с этим кончать. Народу осточертели не только вредные для него законы, но и преступники от власти, нарушающие их. Народ ждет истинно народного президента.

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-9265-0495-5

© Мухин Ю. И., 2007
© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

То, о чем рассказывает эта книга, знают все с малых лет. Эта книга — об управлении людьми, а под управлением мы находимся и ежедневно, и с детства. Нами управляют родители и начальники, жены и милиционеры, законы и обычаи, наконец, мы и сами со временем начинаем хоть кем-то, но управлять. В этой книге нет ничего такого, что помешало бы ее понять любому человеку. Правда, в конкретных примерах могут присутствовать тонкости, связанные со спецификой того или иного рода деятельности человека, но и здесь автор делал все, чтобы эти примеры были максимально доступны. Затем, в конце концов, пример есть пример: если непонятен один, будет понятен другой. По моему мнению, то, что цели, поставленные мною в первой книге*, не были достигнуты, вызвано другими причинами.

Во-первых. Подавляющее большинство людей внутренне считает себя глупее, чем они есть на самом деле. Они это всячески пытаются скрыть, не показать, но их внутренняя неуверенность в себе очевидна. Такие люди стремятся не затрагивать вопросов, которые формально выходят за пределы их профессии, интересов или официальной компетенции. Они боятся, что вдруг их суждения в областях, где они не признаны специалистами, окажутся глупыми, они сомневаются в том, что здравый смысл, обычная жизненная логика

* Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно. М.: Гарт, 1993.

не подведут их. И сомневаются даже тогда, когда их выводы точнее наукообразных выводов сотни академиков.

Между тем уже давно существует количественное определение ума человека, тестирование на коэффициент интеллекта. Сложно сказать, действительно ли этот коэффициент определяет ум человека, то есть его способность по имеющимся фактам делать свои собственные, правильные выводы. Скорее всего, он определяет сообразительность — скорость, с которой человек приходит к этим выводам, раскрытость ума. Автору удалось на себе экспериментально проверить этот коэффициент.

Много лет назад, отправляясь в длительную поездку, я взял с собой в поезд сборник тестов на интеллект. Устроился на верхней полке и с трепетом приступил к экзамену. С трепетом, потому что кому охота убеждаться в своей глупости? Так и получилось. Ответив на вопросы трех — четырех тестов, я, к огорчению, констатировал, что у меня интеллект весьма средненький.

Пошел в вагон-ресторан обедать и там с горя заказал стакан портвейна. Вернувшись в купе, начал читать какую-то книжку, но... битому неймется... снова взялся за тесты. К своему удивлению, начал решать их очень быстро, и среднее значение коэффициента интеллекта, даже с учетом предыдущих тестов, резко поднял за планку выше среднего. Позже, в разговоре со специалистами, узнал, что небольшая доза спиртного снимает «шоры с мозгов», дает уму действовать свободно, без обыденных шаблонов.

Но вернемся к интеллекту. Анализ тестов позволяет сторонникам подобного тестирования утверждать, что 70% людей имеют обычный, средний ум, 15% выше среднего и 15% — ниже. Но что значит — «ниже»? Это ведь не значит, что эти люди идиоты. Просто им, как следует из моего собственного эксперимента, может потребоваться несколько больше времени, чтобы разобраться в том, что другие понимают быстрее. Идиотами мы делаем себя сами неверием в свой ум.

Конечно, это не значит, что я рекомендую читателям выпить стаканчик портвейна перед чтением этой книги, по-

сколько сам-то я писал ее трезвый, но расслабиться, убрать свои страхи, неуверенность в том, смогут ли они понять то, что написано, надо убрать. То, что вы в этом вопросе поймете, и есть правильное понимание.

Во-вторых. Вспомните сказку о короле, который хотел очень модно одеться и которого портные выпустили на улицу голым, уверив, что на нем платье от Кардена. В этом уверили и весь народ, и толпа единодушно восхищалась красотой и изысканностью одежд короля. Только маленькому мальчику не нужно было корчить из себя умного, и он закричал: «А король-то голый!»

В наше время этот эксперимент проводится по-другому. Сажают в ряд десять специально подученных людей и одного испытуемого в конце ряда. Показывают первому белый круг и спрашивают, какого он цвета. Провокатор уверенно отвечает, что круг черный. Показывают следующему, и тот тоже утверждает, что круг черный. И так один за другим, пока не подносят круг к испытуемому. И несчастный подопытный ошарашенно лопочет: «Черный».

Ведь мы, люди, — стадные животные. Мы боимся отбиться от стада, и это правильно. Но мы одновременно боимся отбиться от него и в своих суждениях, мы боимся думать иначе, чем стадо. И вот тут мы действительно становимся и стадом, и животными.

Да, некоторые вещи трудно понять, и, возможно, есть какой-то смысл в том, чтобы не задумываться о них, не тратить на них время, а делать так, как делают все. Но ведь есть вещи абсолютно понятные, зачем же в этих случаях блеять глупость со всем стадом вместе?

Органы формирования общественного мнения делают из нас зомби именно этим способом: они внушают нам, что все думают так, как они внушают нам думать. И большинство людей вслед за ними повторяет любой идиотизм, такой, за который становится просто стыдно.

Автор просит читателя помнить об этих свойствах человека, поскольку предложения, следующие из разработанной автором теории, могут казаться крайне необычными. Вы будете видеть, что «король голый», но это будет противоре-

чить всему вашему опыту и тому, что вам по сей день преподносят все органы массовой информации.

Когда говоришь, что парламент за плохое управление страной должен быть осужден судом всего народа и сесть в тюрьму, то никто не может привести более конкретных возражений, чем то, что «такого не может быть потому, что такого не может быть никогда». Эту идею мне пришлось опробовать перед множеством людей на выборах, и я убедился, что люди, без труда понимая ее смысл, понимая полезность ее для себя, не могут в нее поверить. Фактически они не в состоянии поверить в себя только потому, что никогда об этом не слышали от других, только потому, что об этом говорит всего один человек и его на сегодня поддерживают очень немногие. Люди в своих суждениях «жмутся» к толпе, к обществу.

Можно сказать, что автор сейчас находится в положении Франклина, пытавшегося убедить людей в том, что стальной прут на крыше дома, соединенный проводом с землей, предохранит дом от пожара при ударе молнией. Как людям, не знающим, что такое электричество, в это поверить, даже если сам прут на крыше не вызывает у них протеста? И, тем более, как в это поверить, если все опыты в округе убедительно объясняют, что молния — это стрелы божьи, которые Илья-громовержец метает в грешников?

Франклин смог предложить молниеотвод, когда понял природу молнии. И мы сейчас находимся в таком положении, что другого выхода у нас нет: либо мы поймем природу управления, либо взорвемся.

Но все же опыт говорит, что не может быть, чтобы подобными исследованиями никто не занимался. Но почему же тогда они не известны широкой публике? А потому, что везде в мире господствует бюрократическая система.

Именно потому, что она господствует, этим исследованиям нет места — никакая система не согласится со своим уничтожением. Коллеге автора, итальянскому чиновнику и публицисту Никколо Макиавелли, жившему почти 500 лет назад, повезло больше, потому что его работа «Государь», очень точная и умная, тем не менее не подрывала основ

бюрократизма, а лишь затушевывала его пакостные свойства, да еще и путем усиления монархии. Будучи прагматиком, Макиавелли не замахивался на невозможное, а, давая умные советы монархам, их руками душил бюрократическую нечисть, рвавшую в то время Италию на части. Но его работа была нужна монархам. А та работа, которую вы сейчас держите в руках, не нужна никому из теперешних власть имущих, не нужна и их прихлебателям сегодня, не нужна была и раньше.

У автора один путь — найти сторонников среди тех, по чьим шкурам барабанит бюрократизм. Однако точно подметил Никколо Макиавелли: «А надо знать, что нет дела, коего устройство было бы труднее, введение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые. Холодность же эта объясняется отчасти страхом перед противником, на чьей стороне — законы; отчасти недоверчивостью людей, которые на самом деле не верят в новое, пока оно не закреплено продолжительным опытом. Когда приверженцы старого видят возможность действовать, они нападают с ожесточением, тогда как сторонники нового обороняются вяло, почему, опираясь на них, подвергаешь себя опасности».

Ну, да бог с ней, с опасностью, не так страшен черт, когда поймешь, что это такое. Займемся Делом.

Часть I

АНТИБЮРОКРАТИЧЕСКАЯ АЗБУКА

ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ ЛЮДЬМИ

Дело и власть

Как учили нас Древние, прежде чем что-либо обсуждать, о чем-либо спорить, нужно договориться о критериях. Иными словами, чтобы обсуждение или спор не были пустопорожними, необходимо всем его участникам сначала убедиться, что каждый из них под одним и тем же понятием, словом подразумевает одно и то же.

Возьмите такое понятие, как «перестройка». Казалось, что для всех оно сулило что-то радостное: подавляющая часть населения считала, что это ситуация, когда магазины будут завалены высококачественными товарами капиталистического производства по коммунистическим ценам; шахтеры полагали, что это время, когда они лопатой будут грести не уголь, а деньги; журналисты думали, что это период, когда удастся уйти из-под контроля скупко платящего ЦК КПСС и продаться другим людям с деньгами, но соблюдая невинный вид выпускниц института благородных девиц; туповатые секретари обкомов, для которых даже эти должности уже были пределом их компетентности, были уверены, что это время, когда они станут президентами и начнут ездить за границу без разрешения Лигачева; мелкая бюрократия и ученые люди были убеждены, что это время, когда им будут подавать к подъезду персональные автомобили и показывать их по телевизору; Запад считал, что перестройка — это уничтожение армии и перерабатывающей промышленности СССР, уход его с мировой арены как по-

литического и экономического конкурента и превращение его в свой сырьевой придаток.

Таким образом, каждый думал о своем, поэтому нужно было сначала договориться о том, что такое «перестройка». Может быть, поняв, что это, не стал бы каждый так отчаянно за нее бороться или тупо таращить глаза ни происходящее. А то ведь, хотя и плохие, но товары капиталистического производства действительно появились в магазинах, но вопреки надеждам далеко не по коммунистическим ценам. Шахты закрывались, и шахтеры перестали грести лопатой вообще. Журналистов освободили от контроля ЦК КПСС, но теперь их покупка может состояться, если они всему миру предъявят билет проститутки, в противном случае их выкидывают из средств массовой информации, как вышвырнули из останкинского борделя энтузиастов перестройки Любимова и Политковского за один лишь невинный вид в ночь на 4 октября 1993 года. Некоторые секретари обкомов действительно в президентах, но остальных с гоголем заплевали и затоптали, а о нобелевского лауреата ноги вытирали даже неблагодарные Собчаки. Маленькая часть бюрократии уже и в министрах, и на других воровских должностях, однако сотни тысяч других, особенно ученых, сторонников Сахарова, теперь нищие, как церковные крысы. Казалось бы, только Запад ясно себе представлял, что делал: действительно, СССР нет, армии его нет, экономики нет. Но и Запад ошибается, поскольку думает, что такое положение надолго.

В этой книге также представлены пути перестройки (хотя автору и ненавистно это слово). Чтобы не усугубить то затруднительное положение, в котором уже находится читатель из-за неясности используемых обществом терминов и понятий, автор вынужден и старым, и новым терминам, используемым в книге, давать подробное толкование.

Прежде всего, будем использовать такое понятие, как Дело, и когда это слово будет применяться именно в используемом автором смысле, оно будет писаться с большой буквы.

Сначала посмотрим на проблему шире и как бы несколько со стороны. На Земле живет примерно 5 миллиардов человек. Жить так, как живут животные, люди не могут физически. Даже если мы начнем питаться травой или листьями с деревьев, этого нам уже не хватит. Чтобы жить, нам необходимо работать, нам необходимо больше энергии и белка с гектара земли, чем это в состоянии дать дикая природа. Для этого к земле нужно приложить труд. Нашей кожи (или шкуры) достаточно для нас только в районе экватора, а севернее и южнее его нам нужны одежда, жилища, обогрев, а это тоже труд. Помимо этого нам нужны и отдых, и развлечения во время отдыха, а это тоже труд занимающихся этим людей. Нам нужны новые знания о природе, и это результат труда. Благодаря труду мы живем на земле, как люди, а не как животные, благодаря труду мы вообще можем жить.

Уместен вопрос: должен ли каждый живущий участвовать в процессе труда или мы должны согласиться с мыслью, что часть людей может паразитировать, то есть потреблять блага общества, но ничего не давать взамен? (Конечно, речь идет о здоровых трудоспособных людях. О пенсионерах нет речи — они уже свое сделали, так же как об инвалидах физических и умственных. Но есть ученые-медики и, следовательно, реальна надежда, что и эти люди со временем будут возвращаться в общество.)

Автор понимает, что вопрос звучит по-коммунистически, но здесь ничего не поделаешь. На первую часть этого вопроса нет другого разумного ответа, кроме положительного. И этот факт говорит в пользу того, что коммунизм — объективная реальность, закон природы. Уж если и Иисус Христос, можно сказать, был коммунистом, то почему нам отмахиваться от него?

Странно, конечно, что в начале XXI века приходится возвращаться к вопросу о том, должен или не должен человек трудиться на благо общества. Но что делать? Сегодня на территории бывшего СССР государственная идея перестала работать, а если и работает, то плохо.

Тем не менее мы остановимся только на труде на благо общества, — однако это определение слишком объемно для темы нашей книги, книги об управлении людьми. Его требуется конкретизировать применительно к нашим целям. Оставим в стороне тех, кто фактически не работает на общество: безработных, воров, рантье-капиталистов; это тоже не наша тема.

Будем рассматривать только тех, кто находится под управлением, кто формально ходит на работу и что-то там делает. Делают ли они Дело? Как Дело по отношению к ним расположено? Как оно выглядит? Ведь мы живем в условиях полного разделения труда, среди нас нет людей, которые исключительно в одиночку могли бы сделать что-то от начала и до конца, даже пустяк.

Возьмите, к примеру, автомобиль. Кто персонально его сделал? Выясняя, совсем нетрудно убедиться, что в его производстве участвовали практически все работающие в экономике страны люди. Не исключено, что в нем, в его компонентах опосредован и труд крестьян, и труд рыбаков, а не только труд сотен тысяч тех, кто формально являются работниками автомобильной промышленности. Обществу нужен автомобиль — это Дело. Состоит это Дело из маленьких Дел, которые делают сотни тысяч людей. Но все ли?

В нескончаемых цепочках разделения труда каждый отдельный человек имеет потребителей своего труда, и сам является потребителем труда других. Конкретизируя формулировку Дела, можно сказать, что человек лично делает Дело, если результаты его труда (товар или услуга) нужны потребителям.

Здесь требуется уточнение. Что значит «нужные» и кто должен быть потребителем труда, чтобы человек лично делал Дело?

Если человеку что-то нужно, то он всегда готов за это платить. Следовательно, если потребитель за какой-либо труд платить не желает, то Дела здесь нет. Плата может быть разной, обычно это деньги, но они должны также поступать от Дела. Это может быть прямой обмен и товарами, и услугами. Иногда плата может состоять в чести и славе, кото-

рые оказывает потребитель в случаях, когда делается столь огромное Дело, что денег может и не хватить. В любом случае главным признаком того, что человек делает Дело, является готовность потребителя (им может быть и вся страна) за него платить.

Затронем вопрос о потребителях. Они всегда по отношению к человеку, делающему Дело, находятся внизу и в конце технологического процесса Дела. Что это значит?

Вернемся к примеру с автомобилем. В технологическом процессе этого Дела сотни тысяч человек передают друг другу детали и услуги, и в конце процесса все вместе они принимают форму автомобиля. Скажем, токарь точит втулки, его потребитель — слесарь-сборщик, он впрессовывает втулки в корпус двигателя и передает его следующему слесарю для дальнейшей сборки. В этой части технологической цепочки производства автомобиля все потребители находятся только по ходу процесса. Но может быть и такая ситуация: токарь наделал бракованных втулок и просит сборщика: «Ты их впрессуй, а я тебе бутылку поставлю». Оплата труда (добровольная оплата) в этом случае тоже есть. Но отсутствует Дело, так как нет истинного потребителя труда у слесаря: ему платит человек, находящийся по отношению к нему против хода технологического процесса.

То же самое можно сказать и об отношениях по вертикали. Если рабочих разместить внизу пирамиды управления, то все ее инстанции, естественно, будут над ними. И по отношению к любой инстанции управления Дело находится у нижестоящих. Только.

Скажем, из-за бракованных втулок срывается выполнение плана, за который отвечает мастер участка. И он может попросить слесаря впрессовать эти втулки и пообещать за это премию. Опять налицо оплата, но нет Дела. Мастер сверху, он не потребитель. Он обязан обеспечивать Дело подчиненных, а не они его.

Поэтому определение Дела должно звучать так:

**Дело — это результат труда человека,
за который истинные потребители готовы платить.**

В определении мы употребили глагол несовершенного действия «готовы платить», а не «платят». Сегодня истинные потребители Дела редко имеют возможность платить лично. Государство изымает у них посредством налогов различных видов огромные суммы и платит из них людям, делающим Дело на государственной службе. Ведь то, что ни один из нас непосредственно не платит солдату и милиционеру, учителю и врачу, не означает, что мы не стали бы им платить за их Дело лично. Мы готовы за это платить.

Автор просит читателей вдуматься в понятие «Дело», потому что оно является основой всех остальных рассуждений и выводов книги. Остерегитесь считать это понятие слишком простым, нудным, малополезным, как многие считают лишним размышлять над понятием «власть». И здесь ведь многим кажется, что им все ясно.

Между тем даже наиболее эрудированные из нас слабо представляют, что это такое. В телевизионной игре «Что? Где? Когда?» ведущий задал команде эрудитов, команде действительно умных, сообразительных и образованных людей, казалось бы, очень простой вопрос: «Как называется человек, подчиняющийся своему начальнику?» Вопрос, на который каждый должен немедленно найти ответ, оказался даже эрудитам не по зубам. Они не знали и не смогли сообразить, что такой человек называется бюрократом, и крайне поразились, узнав об этом. Но ведь они знали, что первая часть слова «бюрократ» (французское слово «бюро») означает руководящий орган и, следовательно, просто начальник. Они знали также, что вторая часть слова «кратос» в переводе с греческого означает «власть». Так в чем же дело? Автор полагает, суть в том, что подавляющая часть людей неправильно представляет себе природу власти. Большинство считает, что власть возникает от начальника, от данных ему кем-то прав, от его приказаний. Но это в корне неверно.

Основа власти — в подчиненном, и возникает она только тогда, когда подчиненный начинает исполнять команды начальника. В 1917 году большевики и левые эсеры, заняв министерские кресла России, стали отдавать приказы. Но от этого у них реальной власти не появилось. Власть возник-

ла только тогда, когда подавляющее большинство граждан России сочло полезным и нужным подчиниться большевикам и силой заставить других подчиниться им.

Пока вы не подчиняетесь никому, никто не имеет над вами власти, власть отсутствует, ее нет. Она возникает только тогда, когда вы подчиняетесь. В создании власти главное лицо — подчиненный. Каким образом руководящий орган заставит подчиниться — это второй вопрос, но для власти главная составляющая — воля подчиненного.

Из-за непонимания природы власти и возникло представление о бюрократах, как о неких начальниках, сидящих в бюро и конторах и выдумывающих противные народу приказы. Конечно, это действительно бюрократы, но не потому, что они командуют, а потому что они в свою очередь подчиняются вышестоящему «бюро».

Но тогда мы приходим к выводу, что самая большая армия бюрократов у нас — рабочие и крестьяне! Это действительно так, и это не парадокс, не игра слов. В дальнейшем это станет понятным. Тогда, когда вы поймете, что начальство — это не единственная инстанция, которой можно подчиняться. Поймете, что есть и другая властная сила.

Но в любых случаях, когда вы читаете или слышите русское слово «власть», слова с греческой частицей «крат» или латинской «рес», надо вникать в суть этих слов и выяснять для себя, кто кому подчиняется и как это должно происходить, чтобы возникла ситуация, действительно описываемая этими словами.

Вам говорят «демократия», вам говорят «республика», «демос» и «публика» в переводе на русский — народ. Это власть народа. Но когда возникает эта власть? Когда народом помыкают и заставляют служить лично себе свободно избранные народом начальники или когда все начальники независимо от того, как они попали на должность, выбраны они или нет, подчиняются интересам народа? Что здесь главное — выборы начальников или их подчиненность народу?

Закончим этот раздел так: *Дело — это то, что нужно и обществу и конкретным людям одновременно; власть имеет тот, кому подчиняются.*

Законы поведения людей

Естественно, для того чтобы управлять людьми, надо знать законы **их** поведения. Надо знать их реакцию на те или иные воздействия на них.

Даже для того чтобы управлять автомобилем, бездушным куском железа, необходимо изучить законы его поведения, знать, что он сдвинется с места только в случае соединения двигателя с коробкой передач, знать, что попытка двинуться с места на пятой передаче заглушит двигатель, знать, как будет реагировать автомобиль на большой или малый поворот руля.

А как можно управлять людьми, не зная законов их поведения? Строго говоря, каждый из нас эти законы использует точно так же, как мы используем закон всемирного тяготения, хотя мало кто из нас в состоянии вспомнить его формулировку. Однако, не помня, как звучит закон всемирного тяготения, никто из нас не выпрыгнет из окна в надежде перелететь 100 м и залететь в окно следующего здания. То есть мы пользуемся законом, не заботясь о его знании. Наш опыт подменяет нам это знание.

Точно так же мы поступаем и с законами поведения людей. Я думаю, что психологи и социологи давно их сформулировали, проанализировали все возможные ситуации, но, тем не менее, в практике управления они не известны. Поэтому законы используются не в полной мере, однобоко. Ведь если знать закон всемирного тяготения, то можно не только предотвратить падение, но и летать. Зная законы поведения людей, ими можно управлять осмысленно, а не только на основе своего или чужого опыта.

Применительно к нашим задачам сформулируем эти законы сами. Первый закон — это закон собственно поведения человека. Он гласит:

**Человек действует так, чтобы в результате получить
максимально необходимое ему поощрение
и минимальное наказание.**

Формально нам необходимо и доказательство этого закона. Оно простое. Попробуйте доказать, что это не так, что есть люди в здравом уме, которые будут действовать с целью получить максимальное наказание. Зачем им это?

Другое дело, что критики этого закона узко трактуют понятия «поощрение» и «наказание». Возьмем крайние случаи: то, что в обыденной жизни воспринимается как страшнейшее наказание, в экстремальной ситуации будет оцениваться как поощрение, как то, к чему человек стремится.

Скажем, у человека сильные, непереносимые физические боли, от которых он не в состоянии избавиться. Тогда для него собственная смерть может быть некоего рода поощрением. Сильнейшую боль Человек может испытать из-за потери чести, совести, а сильнейшим поощрением для него послужит слава от служения обществу, от самосознания пользы своей смерти для общества. И в этом случае смерть можно сравнить с поощрением. На Древнем Востоке бойцов специального назначения учили способам самоубийства даже в связанном состоянии (если это кому-то интересно, путем сворачивания себе шеи резким поворотом головы, а если и это невозможно, то откусывая язык и отсасывая собственную кровь). Боец, зная, что жестокой пыткой его заставят заговорить, во имя общества и чести выбирал себе смерть, смерть Человека, как поощрение. Но это, конечно, крайние случаи.

В обыденной жизни поощрения, которыми можно задать поведение людей, попроще. Обычно это деньги, а если в обществе ценится честь и слава, то и они. Поощрением может быть также отсутствие наказания.

Обобщая, можно дать следующие определения: поощрение — это приобретение чего-то ценного для данного человека, а наказание — потеря или недополучение его.

Для человека его труд, да и просто его время также являются реальными ценностями, поэтому у первого закона поведения людей есть следствие:

Человек стремится достичь результата своей деятельности с минимальными затратами для себя.

Второй закон поведения людей является одновременно и основным законом власти. Строго говоря, это несколько расширенный или переформулированный первый закон, иной взгляд на него:

Человек делает только то, что указывает ему инстанция, которая поощряет или наказывает его. Человек этой инстанции подчиняется, она имеет над ним власть.

Здесь нельзя суживать понятия. Думаю, что многие читатели под словом «инстанция» подразумевают человека или группу людей, эдаких командиров. Но для общества подчинение людей людям, власть людей над людьми можно считать самым плохим вариантом общественной жизни и худшим вариантом из двух вариантов управления.

Разве такой властной инстанцией не может быть любопытство, желание узнать новое, желание творить? Что, собственно, руководит автором этих строк? Почему он работает над книгой, а не занимается какими-нибудь развлечениями, о которых бредят другие люди и которые практически все ему доступны? Нет такого конкретного человека, который поощрил или наказал его за эту работу, который по этой работе имел над ним власть. Только удовлетворение от сознания того, что она нужна людям, и я это могу. И, поверьте, это поощрение нешуточное.

Здесь мы закончим рассмотрение чисто теоретических основ управления людьми. Важно, чтобы теперь сложилось понимание: управлять — значит задать человеку определенную программу поведения, нужного управляющей инстанции. Для этого требуется подчинить человека, то есть необходимо, чтобы подчинившая его инстанция, та, которой мы даем власть над ним, имела возможность поощрять и наказывать данного человека.

Книга об этом, но немного забежим вперед, чтобы теория не казалась столь сухой.

Демократия — власть народа. Это значит, что народу подчиняются все в стране. А разве народ, каждый из нас, имеет возможность поощрить и наказать, скажем, президентов, депутатов, чиновников? А если у нас нет такой возможно-

сти, то можно ли говорить о власти народа? Это болтовня, и только. К примеру, народ СССР на референдуме высказал свою волю о единой стране, но эту страну уничтожили, и никто из разваливших ее «демократов» даже не почесался! Плюнули на народ абсолютно спокойно. А что это за власть, на которую плюют? Так есть у нашего народа власть или нет?

Цель и смысл управления

Зададим себе вопрос: «А зачем, собственно, людьми надо управлять? Что это им дает?» Ответ на этот вопрос вроде бы известен, но лучше его все-таки повторить, на всякий случай, чтобы была уверенность, что мы говорим об одном и том же.

В СССР бюрократическая машина была зациклена на одной идее — больше, больше и больше: больше работай, больше производи. От заводских работников требовали товар в как можно большем количестве. Казалось, те, кто требовал, действительно понимали, что они делали и зачем это нужно.

Но вот эти же люди оказались сиротами: в 1991-м у них умерли «папа и мама» — правительство СССР и ЦК КПСС. Эти люди сами стали управлять экономикой своих республик, у них возникла необходимость думать самим.

Рассмотрим пример Казахстана. Здесь практически не произошло смены руководителей: первый секретарь ЦК КП Казахстана Н.А. Назарбаев стал президентом республики, секретарь обкома С.А. Терещенко — премьер-министром (кстати, он и в СССР, и даже в те же сроки мог бы занять эту должность). Правда, казахские роды, вступив в драку между собой, заполнили родственниками почти все остальные должности в государстве, вытеснив с них русских, но для управления, собственно, в этом нет ничего страшного — ведь люди (казахи) брались не с улицы, они все из того же партийного или государственного аппарата КазССР, имеют на плечах голову и в обычном смысле слова далеко не глупы. То есть это те люди, которые вчера требовали от промышленности работать больше, больше и больше.

К концу 1991 года в Казахстане были подготовлены законодательные акты, и президент подписал ряд указов о лицензировании торговли. Все эти документы резко тормозили работу промышленности республики и снижали объемы производства. В январе 1992 года Назарбаев лично провел совещание с руководителями предприятий на тему «Как увеличить объемы производства и продажу товаров». Старая коммунистическая тема.

По долгу службы автору этих строк было поручено решить на совещании один конкретный и очень важный для завода вопрос. Опасаясь, что меня, заместителя директора, оттеснят на совещании генеральные директора других предприятий, я вышел к трибуне, когда Н.А. Назарбаев еще не успел закончить вопрос: «Кто хочет выступить?» Но сначала попытался обратить внимание президента на общую дикость самой постановки вопроса о лицензировании. («Лицензирование — это «разрешение», уточняя для тех, кто не знает этого «русского» слова.) Я спросил президента: «Казахстан заинтересован в том, чтобы его предприятия продали на экспорт как можно больше своей продукции?» Н.А. Назарбаев подтвердил: «Да!» Тогда я продолжил: «Зачем же мы создали структуру управления, в которую включили чиновников с единственно для них понятной задачей — запретить торговлю? Ведь если чиновник будет каждому разрешать торговать за границей и обогащать этим Казахстан, то через неделю встанет вопрос, зачем этот чиновник нужен. Не лучше ли его уволить, а на входную дверь Министерства внешнеэкономических связей цепью привязать печать МВЭС, чтобы каждый желающий ставил ее на бумагу с надписью «лицензия»? Поймите, Нурсултан Абишевич, ведь если этот чиновник занял должность разрешающего, то для него обязательны запретительные действия.

Ни одна разумная страна не лицензирует экспорт товаров, кроме оружия. Германия, к примеру, доплачивает каждому коммерсанту, ухитрившемуся что-то продать за границу, другие страны также стимулируют экспорт, а мы в Казахстане в государственном управлении сажаем людей,

для которых органическим действием, действием во спасение своей должности, является запрещение экспорта! Зачем это нам? Отмените лицензирование вообще. Дайте указание таможене, чтобы она не выпускала из страны оружие или то, что вы не хотите выпускать за границу, а остальное пусть продает каждый, кто сколько сможет, ведь наша промышленность уже начала останавливаться из-за уменьшения спроса, отсутствия покупателей!»

Назарбаев задумался, чаша весов на какое-то мгновение качнулась, но не растерялся премьер-министр, он тут же прыгнул в другую чашу и своим авторитетом нарушил сложившееся было равновесие: «Если вы начнете торговать без нашего разрешения, то вы немедленно весь Казахстан распродадите за бесценок». (Это, конечно, примерный смысл его слов.)

Почему директора заводов и их специалисты, зарплата которых зависит от доходов завода и которые каждый день смотрят в глаза заводским работникам и членам их семей, тоже живущим за счет этого дохода, будут продавать свою продукцию за бесценок, а чиновник МВЭС, который ни за торговлю, ни за людей не отвечает, будет торговать по максимальным ценам? Этот вопрос С.А. Терещенко на ум не пришел, да и как он мог прийти в голову секретарю обкома, всю жизнь контролировавшему, как работают другие, гордившемуся этой своей деятельностью и искренне считавшему ее действительно чем-то полезной?

Несколько слов о том, кто и как устанавливает максимальные цены на товары. Представьте себя на месте этого чиновника — честного, порядочного человека, волею случая попавшего в кресло клерка, контролирующего цены, по которым те или иные предприятия ведут торговлю самыми разнообразными товарами. Как вы можете оценить уровень цен, если сами не торгуете, в глаза никогда не видели ни заводов, ни товаров, ни покупателей и не представляете, кто это и что это? И это не от природной лени, вам это и по должности не полагается знать. Единственное, что здесь можно сделать — определить уровень цен на бумаге, сравнивая их с ценами на аналогичную продукцию в дру-

гих контрактах. Ничего другого вы сделать не сможете, будь вы трижды честным и трудолюбивым.

Но продажа на свободном рынке имеет массу особенностей, ранее нам неизвестных. Впрочем, если вы покупали что-то на базаре, то вам нетрудно их понять. Торговля точно такая. (Один югослав меня учил, что ничего нельзя покупать, не поторговавшись, иначе сильно расстроишь продавца. Он ночь не будет спать, переживая: в кои веки к нему пришел покупатель-дурак, который платит, не торгуясь, а он заломил всего лишь двойную цену.) Только торговля оптом более масштабная и имеет множество тонкостей, вызванных этой масштабностью. Здесь очень многое имеет значение, даже в личном плане, начиная с того, встретишь ли ты торгового партнера просто в здании аэровокзала или у трапа самолета; поймешь ли намек японца, который очень хвалит твою шапку, или нет, и заканчивая... ладно, это уже коммерческая тайна. Ведь на Западе нет мифических частников, там тоже чиновники, но чиновники фирм. Это особенности субъективные. Есть же и объективные.

Даже продавая продукцию оптовикам в каком-либо порту, одну цену держать глупо. Один оптовик берет много товара и везет его в США, поэтому у него больше накладных расходов на перевозки, хранение, кредиты и высокой цены он не даст. Другой оптовик ставит на Европу, расходов у него меньше, а третий вообще берет мало, меняет в Бресте на вагонах колесные пары и гонит товар прямо своему покупателю. Этого надо «давить», заставлять платить больше. При таком раскладе у завода-продавца будут разные контракты с разными фирмами и во всех контрактах всегда будут разные цены.

А теперь чиновник, выдающий разрешение на торговлю, изучает эти контракты: одна фирма берет 1000 т по 610 долларов за тонну, другая 5000 тонн по 600 долларов, третья 20 000 тонн по 585. Если дать разрешение продать, то начальство спросит: «Почему выдана лицензия на продажу по 585 долларов, когда цена была 610?» И с работы такого чиновника могут выкинуть. Что же делать? Ответ один: запретить продажу по 600 и 585 долларов, не дать заводу-

продавцу лицензию. В какой же ситуации оказался завод? Он, заставив небольшую фирму купить мелкую партию товара по 610 долларов, теперь не в состоянии продать в двадцать раз больше продукции, поэтому завод может остановиться, а работники остаться без средств к существованию. Ведь остальные фирмы по этой высокой цене продукции не купят. Что делать? Выход один — продавать только по 585 долларов, что, конечно, нанесет ущерб заводу, нанесет его Казахстану. Но тогда у чиновника, выдающего лицензии, все будет в ажуре — он не пропустил ни одного контракта по низким ценам. (Это неотъемлемое свойство бюрократизма, механизм которого мы разберем позже: если бюрократу дают что-то улучшить, он обязан это ухудшить.)

Но вернемся к Н.А. Назарбаеву и С.А. Терещенко. Можно ли утверждать, что они понимали, что делают, когда создавали такое управление внешней торговлей? Можно ли утверждать, что они понимают, зачем нужно управление и, кстати, они сами? А ведь, согласно мнению подавляющего большинства граждан СССР, среди нынешних руководителей «государств» ближнего зарубежья Назарбаев — наиболее толковый, наиболее преданный народу руководитель. А что же тогда говорить об остальных? Что понимают они?

Мы привели пример создания структуры управления собственно ради управления, то есть ради того, чтобы толпы чиновников ходили на хорошо оплачиваемую работу, писали бумаги, требовали отчеты и т.д. Ни Делу, ни людям это управление ничего не дает и, следовательно, никому, кроме этих чиновников, не нужно.

Но значит ли это, что ни Делу, ни людям не нужно вообще никакое управление? Нет, конечно. Оно им крайне необходимо.

Возьмем для примера армию. Дело всей армии делают рядовые солдаты — они уничтожают врага. И само это Дело может выглядеть чрезвычайно просто: прицелился, выстрелил, и готово. Но чтобы подвести солдата к этому простому процессу, необходимо предварить это Дело и сопроводить его массой других Дел.

Чтобы наш солдат сумел выстрелить первым, нужно знать, где находится враг. Значит, нужно еще и такое Дело — разведка. Если враг в доте, за броней танка, их нужно разрушить. Нужно покормить солдата. Нужно доставить к месту его Дела. Нужно вооружить. Нужно раненому оказать помощь. Причем нужно не вообще, а в необходимом количестве и к строго оговоренному месту и времени.

Сколько нужно одних боеприпасов! Война ведь дело очень расходное. В битве под Курском наша армия вывела из строя до полумиллиона фашистов. В расчете на каждого выведенного из строя противника наши солдаты сделали в среднем более 1000 выстрелов из винтовок, автоматов и пулеметов, бросили 8 ручных гранат, артиллерийские орудия выпустили по 28 снарядов и мин. И это все надо было доставить точно ко времени. Можно сказать, что все это опять-таки делали не командиры, а солдаты, это они все подвезли, разгрузили, распаковали и т.д. Конечно, это так, но когда и куда подвезти, сказали командиры, они указали каждому подчиненному его Дело, и в результате было сделано нужное народу Дело — победа под Курском.

Как это разделение Дела выглядит? Главнокомандующий ставит задачу командующему фронтом (по нашей терминологии, указывает ему его Дело), к примеру, уничтожение противника на площади 200 км по фронту и 200 км в глубину. Командующий фронтом обязан обдумать, как это Дело исполнить самым дешевым способом (инженеры бы сказали: разработать его технологию), и когда он, наконец, выберет способ исполнения Дела, то его решение будет представлять собой перечень Дел его подчиненных — командующих армиями этого фронта. Для них Дело будет заключаться в уничтожении противника на меньшей площади, скажем, 20 км по фронту и 20 км в глубину. Далее командующие армиями разработают технологию уничтожения противника, и она тоже будет иметь вид перечня Дел и подчиненных — командиров дивизий. Те в свою очередь определяют Дела командирам полков и так далее до сержанта, который в бою будет указывать Дела солдатам.

То же можно сказать и о любой сфере человеческой деятельности, где требуется сделать Дело, разделив его между отдельными людьми в условиях разделения труда. Это единственная цель любой системы управления, ни для каких иных целей управлять людьми не требуется.

Смысл работы командиров, начальников, руководителей заключен в разделении полученного Дела на Дела своих подчиненных. Этим разделением они в конечном итоге обеспечивают работу своих подчиненных и выполнение ими той задачи, что стоит перед начальником.

Принципы управления людьми

Итак, в сфере управления людьми мы получили треугольник: есть Дело, есть люди, делающие Дело, и есть начальники, делящие это Дело между своими подчиненными. И хотя мы уже называем людей начальниками и подчиненными, но пока власти никому не давали. Это весьма принципиально: какой вершине этого треугольника дать власть.

Человечество пошло по принципиально неверному пути: строя системы управления, оно отдало власть тем, кого называют начальниками, передало им право поощрять и наказывать, подчинило им всех. Образовалась бюрократическая система управления. (Это случай, когда слово очень хорошо описывает явление.)

А могло ли человечество, не вдумываясь в то, что делает, пойти по другому пути? Вряд ли! Ведь это так естественно для нас. В детстве, когда мы еще ничего не знаем о мире, власть над нами имеют родители. У них мы узнаем, что нам делать в тех или иных случаях, они нас учат, они закладывают в нас правила поведения и, кстати, обязаны это делать. Так что удивительного в том, что купец, нанимая работников, князь — дружину, и прочие, прочие, прочие разделяющие труд управленцы чувствуют себя отцами семейства, а их подчиненные — детьми в этих семействах? Что удивительного в том, что эти начальники допускают серьезнейшую управленческую ошибку — используют отцовское право поощрять и наказывать своих подчиненных и тем самым берут власть над ними? Бюрократизм для нас естествен.

Автор понимает, что многие пока недоумевают: а что плохого в том, что у начальника власть?

Вспомним первый закон поведения людей: человек действует так, чтобы в результате получить максимально необходимое ему поощрение и минимальное наказание. А раз поощряет и наказывает начальник, то, согласно второму закону, подчиненный будет узнавать только у начальника, как и что ему делать, и делать будет только то, что тот ему скажет.

«Ну и что, — наверняка удивляется еще часть читателей, — чем это плохо?»

«А кто будет служить Делу, кто его будет слушать?» — позволит себе спросить автор. Ведь начальник должен только указать Дело подчиненному, а взяв себе власть, он будет указывать, как делать Дело. А это причиняет Делу огромный ущерб.

Мы подошли к коренному, принципиальному моменту бюрократизма: чьи указания будет слушать исполнитель Дела — указания Дела или указания начальника. Если он слушает указания начальника, то он бюрократ.

Думаю, что и сейчас не все читатели меня понимают. Разве начальник враг Делу? Нет, не враг. Он тоже желает, чтобы Дело было сделано самым лучшим образом, и его указания бывают блестящи, живительны для Дела, ведь он, как правило, обладает большим опытом и когда-то сам работал на месте того исполнителя, кому сейчас дает указания. Но его указаниям присущ один неисправимый, органический недостаток: данное раз, его указание не меняется до того момента, пока он снова не вернется к нему. Но Дело меняется непрерывно, поэтому данное сегодня очень умное указание, как делать Дело, завтра может стать шедевром глупости, но исполнитель будет обязан его выполнить.

В качестве примера рассмотрим последнее «достижение» «цивильной» мысли — эффект от дробления крупных предприятий или эффективность малых. (Правда, инициаторы этого процесса не догадываются, что они попытались решать вопросы управления, они полагают, что их действия — из области экономики.)

Но с позиций экономики как науки малые предприятия — это не что иное, как бред сивого мерина, непростительный даже для сивого мерина с ученым званием академика. Точно так же, как законы физики требуют от двух тел сближения, так и законы экономики требуют укрупнения предприятий. Разговоры о том, что, согласно экономической науке, нужно строить малые предприятия или создавать мелкие фермерские хозяйства, — настолько безграмотная болтовня, что становится страшно за умственные способности носителей таких идей. Ведь экономика в своей сути — весьма несложная наука, ее основы всегда были понятны любому крестьянину.

Гораздо более умно и честно в этом вопросе выступают американские специалисты в области управления, например Дженкинс и Уотермен, которые в своей книге о малых предприятиях пишут, что не понимают, что происходит и почему при укрупнении предприятия, когда численность работников превышает 1500 человек, резко ухудшаются показатели его работы. Эти специалисты исследовали множество предприятий и пришли к выводу, что оптимальная численность штата составляет 400—500 человек.

Между прочим, именно факт, что американцы оценивают размер предприятия не в мегаваттах используемой мощности и не в миллионах долларов производимой продукции, а в численности персонала, заставил автора запомнить и их, и эти цифры. Но Дженкинс и Уотермен в своих исследованиях не учитывали законов поведения людей. Как с позиции наших знаний объяснить, почему небольшие предприятия более прибыльны, чем большие? Почему, к примеру, пять швейных фабрик численностью по 400 человек дают прибыли больше, чем одна, где работает 2000 человек? Ведь экономика утверждает, что должно быть наоборот!

Попытаемся понять, в чем здесь дело.

Рассмотрим состав участников. Их, как всегда, трое: бюро — хозяин фабрики; подчиненные — все остальные работники; Дело. Что для данной фабрики является Дело? Дело — поставка одежды в определенные магазины. Работа хозяина фабрики заключается в разделении этого Дела на

Дела для своих подчиненных: кто-то продает, кто-то закупает сырье, кто-то кроит рукава, кто-то пришивает пуговицы. Каждая такая операция будет Делом для подчиненного. А у кого хозяин фабрики узнает, как ему самому работать? На первый взгляд, ни у кого. Над ним нет бюро, нет министерств, нет начальников. Никто не в праве ему указать, какой материал заказать, что шить и сколько, кого посадить за машинку, а кому дать уют. Военные сказали бы, что он — единоначальник. Да, это так, однако и единоначальник подчиняется. Но в данном случае: кто над ним имеет власть, у кого он узнает, что ему делать на своей фабрике? У Дела. Ведь только Дело способно его поощрить и наказать: поощрить большой прибылью от работы фабрики, а наказать разорением. И хозяин обязан узнавать у Дела, как ему работать: что шить, какого размера, какого качества, что модно, кто что любит и так далее, и так далее. Дело дает ему указания, он Делу служит, Дело имеет над ним власть.

Теперь можно дать определение альтернативе бюрократа, и слово мы построим по аналогии. В слове «бюрократ» французское «бюро» присоединено к греческому «крат», и мы к русскому «дело» пристроим эту греческую половину: *делократ — человек, подчиняющийся своему Делу и этим отличающийся от другого человека, который подчиняется своему начальнику и называется бюрократом.*

Итак, мы нашли одного человека на предприятии, отличного от других. А другие? Они остаются бюрократами. Хозяин предприятия выступает здесь в двойной роли, как и любой член бюрократической системы управления: он управленец, делящий свое Дело между подчиненными, но он же и носитель власти — он их поощряет и наказывает. Этим он заставляет служить подчиненных не Делу, а лично себе, и за указаниями, как делать порученное им Дело, они обращаются к нему. Для них святы его указания, а не состояние Дела.

Если на предприятии работают 400 человек, то получается один делократ на 399 бюрократов, а если численность персонала 2000 человек, то тогда один делократ должен обслужить уже 1999 бюрократов. Здесь вступает в силу закон перехода количества в качество.

Что такое предприятие со штатом 400 человек? По советским масштабам — это цех, причем не очень большой. Те, кто работает или работал в промышленности, знают, что бывают начальники цехов, чрезвычайно преданные Делу, даже если они непосредственно Делом не поощряются. Они днюют и ночуют на работе, они в цехе при любой аварии, словом, они каждой бочке затычка. Эти люди воспринимают любые изменения в Делах своих подчиненных и успевают вовремя дать указания, успевают продумать их. Разумеется, что таким человеком должен быть и хозяин предприятия. Ему и деваться некуда, иначе его разорят 399 бюрократов, которые в 17.00 начинают думать только о выпивке и женщинах.

Но ведь работа в промышленности — это не война, не боевая работа, не уничтожение противника. Здесь нет осмысленного противодействия Дела, оно не так часто меняется, как в боевых условиях. Поэтому в зависимости от способностей конкретного человека, иногда и один может обеспечить работу и 1000 и 2000 бюрократов. Кроме того, в коллективе всегда есть работники, которые и без поощрения от Дела стремятся его сделать хорошо, поддержать хозяина. Бывает, что и хозяин сам создает такой климат.

Короче, предельная численность персонала предприятия 1500 человек, который нашли американцы Дженкинс и Уотермен,— это предел человеческих возможностей по обслуживанию такого количества бюрократов в мирных условиях экономики. Однако за этим пределом человек бессилен, и тогда в фирме начинается застой. Дело меняется, нужно действовать сообразно ему, а пойти к шефу и получить соответствующее указание сложно: он или занят, или раскричится, что к нему лезут с пустяками. И начинается бюрократическая волянка: не зная, поощрит или накажет шеф за самостоятельное решение без его указания, на изменения Дела не обращают внимания и либо действуют так, как было приказано раньше, либо начинают устраивать разные совещания, согласования с тем, чтобы не нести личную ответственность.

Как иначе расценить тот факт, что «...ни одна из фирм большой семерки, контролировавших рынок ЭВМ на Западе,

не сумела оценить важность микропроцессоров и микрокомпьютеров. Оценили их мелкие фирмы, не имевшие большого аппарата, и крупно на этом нажились. А гиганты понесли огромные убытки в виде недополученной прибыли. ИБМ, например, в несколько миллиардов долларов. Фирма «Айтем» разорилась, оставив после себя миллиард двести миллионов долларов долга, чем чуть не разорила своего поручителя — страховую компанию «Ллойд», которая до тех пор никогда так крупно не ошибалась в оценке риска. Точно так же эти фирмы просмотрели машинный язык «Ада». Его изобретатель не смог никого из гигантов уговорить заняться этим делом, создал сам маленькую фирму, которая только за счет компиляторов нажила два с половиной миллиарда долларов, а к девяностым годам ее ежегодный доход ожидался в пределах пятнадцати миллиардов».

Автор специально привел факты из деловой жизни Запада, чтобы показать, что проблема бюрократизма интернациональна и не связана с капитализмом или социализмом. Более того, она не имеет отношения к экономике. Если бы благотворное влияние, например, уменьшения размера предприятий имело к экономическим законам какое-либо отношение, то Дженкинс и Уотермен для оценки крупности предприятия выбрали бы экономический показатель — стоимость основных фондов или годовой оборот. Но они проводили свои оценки по численности работающих.

В отличие от военных специалистов в области управления штатские (скорее всего от бессилия) рекомендуют пойти на убытки по собственно экономическим параметрам ради того, чтобы хоть немного улучшить управляемость Делом, чтобы хоть немного разбавить делократами бюрократические толпы. Но это, повторяю, от бессилия. Ведь для постройки пяти маленьких фабрик вместо одной большой человеческого труда потребуется по меньшей мере в два раза больше. Для общества — это бесполезный труд. Снабженец тратит одинаковое время на заказ 1000 м² ткани или 5000 м². Следовательно, на малых предприятиях специалистов, не участвующих непосредственно в пошиве одежды, будет в 5 раз больше. Эти затраты бессмысленны с точки зрения эко-

номики. Они делаются с одной целью — ослабить бюрократизм, поставить к Делу больше людей, зависящих от него.

Но надо понимать, что малое предприятие — для несложных Дел, для Дел, которые поддаются разделению между небольшим количеством людей. А если надо наладить выпуск автомобилей или самолетов, состоящих из десятков тысяч различных деталей? В этом случае создавать делократов, дробя предприятия, — не выход.

На первый взгляд, достаточно точно и разумно антибюрократические меры вводил советский способ управления людьми. Если мы забудем на время о социальной подоплеке, а оставим только управленческие идеи, то этот способ исходил из следующего. Понятно, что в экономике Дело поощряет и наказывает с помощью денег, но мы не знаем, как сделать, чтобы каждый человек поощрялся и наказывался деньгами не начальством, а непосредственно Делом. Поэтому мы объявим, что деньги — это ничто, это мусор, что человек, алчущий денег, не наш, не советский человек. А нашему человеку деньги не нужны, поскольку они будут не нужны при коммунизме. Главное для нашего человека — это честь служения Родине, слава за хорошо исполненное Дело. Тогда следует поставить доски почета, устроить соревнования, ввести ордена, медали и почетные грамоты для безденежного поощрения Дела, и это ослабит власть «бюро», ослабит бюрократизм. Это, хоть и бессознательная, но достаточно разумная идея, которая помогла вытянуть тыл СССР во время войны и восстановить народное хозяйство. Но даже хорошей идеей бессознательно пользоваться нельзя: один раз получится, второй, а потом произойдет срыв. Он и произошел. По идее, слава должна была идти от Дела, но кончилось тем, что и слава, и деньги стали исходить от того же начальства. Бюрократизм еще больше усилился.

Но советская идея очень неплохо привилась на японской земле. Японская система управления людьми считается непревзойденной, лучшей в мире и, кстати, невоспроизводимой. Попытки американцев привить ее у себя окончились ничем, появилась даже шутка, что внедрить японскую систему управления на американских предприятиях очень

просто, но нужна только малость — чтобы на этих предприятиях работали японцы. Поскольку основа японской системы — моральный кодекс граждан, их образ мысли, ее действительно трудно воспроизвести даже нам, советским людям, хотя нам легче, чем американцам, так как в СССР образ мысли людей был также направлен на беззаветное служение Родине: и мы, и японцы рассматриваем Отечество, как семью. Но у японцев есть преимущество перед нами: их кодекс чести требует беззаветного служения и более маленьким коллективам — своим фирмам. Они и их рассматривают как семью. Этого у нас не было. И ничего подобного нет в остальном мире, тем более на Западе.

В Японии рабочий служит президенту фирмы, но и тот служит рабочему фирмы, и не потому, что так приказало какое-то начальство. Это их образ мысли, фирма — это их семья. Японцы — это природные коммунисты, они просто не пользуются этим словом.

Член семьи обязан сделать все во имя семьи — это первая половина девиза и социализма, и коммунизма: «От каждого по способностям...». Вторую половину девизов «...каждому по труду» или «...каждому по потребностям» японцы, как и мы, в первом случае не в состоянии организовать, во втором — пока не способны обеспечить. Я бы сказал, что они заменили ее формулой: «... каждому столько, сколько фирма в состоянии дать». Заметьте — фирма, а не президент, или начальник цеха, или мастер. Доход работника фирмы не зависит от начальника.

Когда японец устраивается на фирму, ему назначают оклад, который регулярно повышается, но это определяется только стажем работы. Он может сделать карьеру или всю жизнь стоять у конвейера — повышение его оклада будет зависеть только от стажа. Начальник к этому не имеет отношения и не в состоянии изменить оклад подчиненного. Каждому работнику к окладу делают отчисления от прибыли фирмы — бонусы. По нашим меркам, они могут быть весьма значительны — свыше 50%. И каждый работник знает, будет бонус или нет, зависит от процветания фирмы.

Зададим себе вопрос: что с точки зрения нашей теории, с точки зрения законов поведения людей сделали японцы, установив такую схему оплаты? Они, как и все, не смогли подчинить работников напрямую Делу, не смогли организовать, чтобы именно Дело поощряло и наказывало каждого. Но они уравнили начальника и Дело в бесправии, в беспомощности: начальник тоже не имеет возможности поощрять и наказывать, начальник тоже не имеет полноты власти. Казалось бы, с помощью бонусов они вводят поощрение и наказание непосредственно от Дела. Но, между прочим, толку от этого неизмеримо меньше, чем от предыдущего мероприятия. Для того чтобы человек служил Делу, нужно дать над ним власть его собственному Делу, а не Делу пяти или десяти тысяч человек. Слишком долго в СССР была тринадцатая зарплата, чтобы понять, что толку от нее никакого: прибыль от работы всех не стимулирует работы отдельного человека.

Надо думать, что и японцы это отлично понимают. Именно поэтому они заимствовали у нас все, что было изобретено товарищем Сталиным: от лозунга «Кадры решают все» до принципов социалистического (у них — капиталистического) соревнования.

Фирмы поощряют своих людей славой, то есть делают так, чтобы конкретное Дело человека поощрило его славой. Например, на заводе фирмы «Шарп» в Точиге нас, заводских работников из СССР, поразили размах соревнования рабочих и объем сопровождающей его наглядной агитации. Тянувшаяся вдоль сборочного конвейера видеомагнитофонов стена длиной метров 200 представляла собой сплошной стенд, где были плакаты с численными показателями, доски почета, фотографии лучших рационализаторов и лучших контролеров, лучших по специальности, лучших по качеству, были и индивидуальные портреты, и групповые портреты лучших бригад. (Курьезный момент. Мы подошли к стенду, на котором, видимо, вывешивались фотографии победителей сменных соревнований. Бросилось в глаза, что есть фотографии двух типов — на некоторых приколот розовый бантик. Поскольку в России были награды с бантами, усиливающи-

ми значение самой награды, я решил, что это какая-то высшая степень почета, но в то же время удивился, что фотографии без бантов размещаются сверху стенда вниз, а фотографии с бантами — снизу стенда вверх. Вроде бы должно быть наоборот. Но японцы пояснили ошибку: оказывается, с розовыми бантами — это фотографии женщин, а по азиатским традициям — их место внизу. С бантиками... но внизу. Восток — дело тонкое...)

В этом проявляется стремление японцев привязать своих людей к Делу. Поскольку у нас большое значение придавалось премиям победителям соревнований — материальному стимулу, я поинтересовался об этом у них и с удивлением узнал, что японская максимальная премия — чисто символическая: не более 5—7% оклада (а мы порой премировали автомобилями); это значительно ниже порога чувствительности премирования, а на начальную премию можно купить от силы две пачки сигарет. То есть у японцев стимулы служить собственному Делу чисто моральные.

Итак, пытаясь ослабить бюрократизм в системе управления Делом, японцы пошли не путем создания делократов-хозяев на малых предприятиях, не путем экономических потерь, а попытались ослабить власть начальников над подчиненным и славой привязать подчиненного к Делу. Однако и японский способ нельзя считать самым удачным при решении этой проблемы.

Наиболее точный из всех бессознательных путей — армейский.

Но для начала надо сказать несколько слов об армии вообще. В обществе почему-то укоренилось мнение, что армия защищает нас от внешнего врага. Это ошибка. Никакая армия от внешнего врага защитить не может. От врага защищает все государство в целом, это, кстати, его изначальный смысл, для этого в первую очередь оно и создавалось. Задача армии — ее Дело — несколько проще: уничтожить указанного правительством противника. Правда, если у государства есть армия, способная уничтожить любого противника, то это, конечно, лучшая защита народа. Но Дело армии — только уничтожение противника.

Из этого в первую очередь следует, что в мирное время у армии нет Дела и подчинить ее людей можно только начальникам — «бюро». А так как войны, к счастью, редки, то подавляющее количество времени армия представляет собой чисто бюрократическую организацию. Заложенные в ее боевых уставах делократические принципы управления являются для военных чистой теорией, которую можно заучить, но нет возможности использовать. Это, кстати, не может не сказаться на первоначальных этапах войн. Начинают войны организации, полностью обюрократившиеся, больше, чем другие, так как в обществе организаций, не имеющих Дела вообще, все-таки не много.

Вторая особенность — это резкое различие власти Дела внизу и вверху. Вообще видовой признак бюрократических систем управления Делом: чем дальше вверх от Дела, тем меньше людей, зависящих от него, а не от начальника. В армии это различие очень велико.

Делает Дело армии солдат, непосредственно уничтожающий врага. Солдат-бюрократ — это самоубийца. Власть Дела над ним огромна, поскольку у его Дела наказание и поощрение огромны — смерть и жизнь. Солдат не может не подчиняться Делу, а вместе с ним и командиры, удаленные от Дела на расстояние, при котором оно способно их «достать». Однако по мере снижения опасности от Дела резко возрастает опасность от «бюро», которое может наказать нижестоящих не менее сурово. Например. Во время Великой Отечественной войны в боях погибли 345 наших генералов. Кроме этого, разжаловано и расстреляно своими 20 генералов (потом реабилитированных). Один расстрелянный на двенадцать убитых в бою — это уже достаточно ощутимо. А с повышением звания и должности соотношение еще круче — на трех убитых командующих фронтами (Кирпонос, Ватутин, Черняховский) приходится один расстрелянный (Павлов, кстати, Герой Советского Союза).

Генералу трудно быть делократом. Вероятность смерти от руки врага для него такая же, как и вероятность разжалования, а то и смерти по приказу своих начальников. Им требуется мужество особого рода — такое, когда не боят-

ся ни врага, ни начальника. Образно говоря, идеальный генерал — это либо «дуб», который убежден, что он единоначальник в своем Деле, и считает это основанием послать подальше всех остальных, невзирая на лица и звания, так сказать, генерал прусского типа; либо Человек, для которого ответственность за Дело становится выше жизни, чести, славы, генерал типа князя Дмитрия Донского (о котором мы скажем в свое время).

Замечу, что «пруссский тип» — название условное, просто автору в этот момент вспомнились заметки русского генерала Драгомирова, который в 70-х годах XIX века был наблюдателем при прусской армии во время войн Пруссии с Австрией и Францией. Он писал, что прусский генерал не может допустить вмешательства в свое управление войсками, и если такое последует от вышестоящего начальника, то он уйдет в отставку немедленно.

Здесь мы можем вспомнить и Г.К. Жукова, который в 1941 году ушел с поста начальника Генерального штаба, не согласившись с приказом Сталина о запрете отвода войск от Киева.

Уместно вспомнить и Л. Д. Троцкого — номинального Главнокомандующего Красной Армией в годы Гражданской войны. Номинального именно потому, что, по его словам, он всю войну провел в спецпоезде непосредственно на фронтах, в армиях и даже в дивизиях. И вызывают сомнение как военачальники те генералы Красной Армии, которые в последующем стали сторонниками Троцкого, то есть те, кто одобрял его вмешательство в свои Дела.

Поясним эту мысль на примере — эпизоде боевой службы генерала Петрова, талантливо описанной писателем Карповым в романе «Полководец». К командующему фронтом Петрову, готовящему операцию по освобождению Крыма, посылают члена Ставки Верховного Главнокомандующего маршала Буденного. Энергичный маршал силами фронта Петрова планирует и самостоятельно проводит десантную операцию. Петров в его действия не вмешивается. Но когда, как пишет Карпов, из-за операции Буденного сорвалась операция по захвату Крыма, то есть, по сути, Дело Петрова,

и Петрова вызвал для разборки Сталин, то командующий фронтом попытался свалить вину на Семена Михайловича, но не помогло. Сталин снял с должности и разжаловал единоначальника — Петрова. Карпов, между прочим, с этим решением Сталина не согласен. А ведь весьма вероятен и такой ход мыслей Петрова: в отсутствие Буденного вся ответственность за провал операции лежала бы на Петрове (ведь в действиях генералов вероятность провала всегда была: не с дураками воевали), а когда в армии Буденный, вроде бы и Петров командует, а вроде бы и нет. Если будет одержана победа, то, безусловно, Петров — герой, раз он командовал этим фронтом! И в случае поражения он вроде и не будет отвечать за него, маршал-то вмешивался в Дело! Это обычная бюрократическая логика, но в результате такого «логического мышления» десятки тысяч солдат погибли.

Поэтому, несмотря на то, что делократические принципы в армии известны давно, они входят в армию чрезвычайно трудно и в мирное время постоянно «забываются». Требуется непрерывная работа по их поддержанию. Немцы, например, считали, что те принципы управления войсками, которые вели их армию от победы к победе вплоть до 1942 года, начали внедряться в армию еще в прошлом веке и внедрялись непрерывно вплоть до Второй мировой войны.

Мало провозгласить принципы единоначалия. Надо понять, что не очень много людей имеют мужество стать единоначальниками. Надо учить их, надо, в конце концов, надо заставлять их быть единоначальниками. Внизу армии, где власть Дела безраздельна, это проще, там Дело моментально ставит все на свои места.

В свое время с нами, офицерами запаса, примерно один раз в два года проводились занятия по переподготовке. Занятия вели офицеры танковой дивизии, как правило, весьма разные и по званию, и по опыту. Запомнилось одно занятие по тактике стрелковой роты, которое вел старший лейтенант, молоденький, но с опытом афганской войны. Ему вспомнилось, что в училище они, курсанты, жарко спорили о положении Боевого устава, определяющего место в бою боевой машины пехоты (БМП) — впереди цепи

стрелков или сзади. Дело в том, что эта гусеничная, легкобронированная машина имеет достаточно мощное оружие — пушку и пулемет. Если БМП находится впереди пеших стрелков, то она, конечно, своим оружием уничтожит опасные для них цели — пулеметы и противника в укрытиях, но при этом сама может стать легко уязвимой для ручных противотанковых средств противника — гранатометов, противотанковых реактивных управляемых снарядов и прочего. Если БМП будет следовать за цепью стрелков, то они уничтожат опасные для БМП цели — гранатометчиков и прочее, но машине из-за них и из-за дальности расстояния будет не так просто уничтожать цели, опасные для стрелков. И так нехорошо, и так плохо. «А где же в Афгане у вас шли БМП?» — спросил я у старлея. «А как когда,— ответил он,— когда впереди, если местность и противник позволяли, а когда — и сзади».

Видите, в Москве башковитые полковники и генералы вырабатывали ценное указание для командиров рот и батальонов — где должна быть БМП. В мирное время на учениях эти командиры строго исполняли указание и вели учебный бой так, как «бюро» хочет. Дела-то у них не было. Это были пока трудяги-бездельники. Но началась война, появился истинный хозяин — Дело, и все указания «бюро» мигом отлетели, командиры учились у Дела узнавать, как им его лучше сделать. Тем более что армия все-таки позаботилась о том, чтобы у них такая возможность была. Она ввела принцип единоначалия, а это означает, что каждый ее служащий является хозяином своего Дела. Этот принцип внедрить в армии достаточно трудно, несмотря на могучие стимулы у Дела, так как в связи со спецификой и армейское начальство располагает способами поощрить и наказать, не менее действенными, чем «гражданское». Однако все армии мира упорно себя делократизируют, подстраивая под единоначалие и все другие армейские отношения.

Рассмотрим с позиции законов поведения людей суть единоначалия. Человек в зависимости от степени поощрения и наказания той или иной инстанции может признать над собой власть либо Дела, либо начальника. Единоначалие —

это официальный приказ, запрещающий признавать власть начальника в своем Деле, приказ, запрещающий узнавать у начальника, как свое Дело делать, и не исполнять указаний начальника по своему Делу, если они последуют. Разумные советы возможны, но не в форме обязательных к исполнению указаний. А обязательно только то, что указывает тебе делать порученное тебе Дело.

Еще раз заметим, Дело армии — уничтожение врага. Военнослужащий является единоначальником только тогда, когда участвует в Деле. В мирное время, в передышке между боями полная власть в армии принадлежит начальникам, то есть армия — это абсолютно бюрократическая организация. Если вдуматься, то можно понять, что по-другому армию организовать невозможно. И тем более ценен пример армии как организации, которая, казалось бы, в невозможных условиях делократизируется и дает полную свободу действий своим членам там, где свобода кажется немыслимой. Так почему же нельзя делократизировать все остальные организации общества, почему нельзя делократизировать систему управления Делами, которые не требуют давать начальникам право смертной казни?

Еще несколько слов о технике единоначалия. Допустим, что мы объявим всех единоначальниками, а все начальники будут продолжать отдавать подчиненным какие угодно приказы и заставлять их действовать так, как они, начальники, считают нужным. Допустим, мы будем воспитывать у подчиненных самостоятельность, но одновременно своим приказом указывать, как именно делать Дело. В армии это понимают, и при полной свободе начальников-единоначальников форма боевого приказа, который дается подчиненному, строго регламентирована. В боевом приказе нужно указать только то, что регламентировано: сведения о противнике, сведения о своих войсках и их задачу — Дело, сведения о соседях и порядок взаимодействия (подчиненному это нужно для понимания Дела своего начальника и своей роли в исполнении этого Дела); Дело подчиненного — его ближайшая и дальнейшие задачи — тот враг, которого подчиненный обязан уничтожить; необходимые знания для боя:

позывные, сигналы оповещения, заместитель командира на случай его выбытия из строя в бою. И все. Указывать подчиненному, как делать Дело, запрещено.

Автор склонен думать, что внутренний смысл армейских положений слабо понимают не только штатские, но и в самой армии. Можно смириться, когда штатские утверждают, что в армии действует принцип: «Приказы не обсуждают — приказы выполняют». Много ли со штатского возьмешь? Но когда на лозунге, вывешенном в армейской части, эта же глупость написана аршинными буквами, становится не по себе. Это чистой воды бюрократический принцип, это основа существования бюрократа, это его хлеб с маслом. В управлении армией этого принципа и в помине нет, его там органически не может быть, так как не может быть основы бюрократизма в делократической системе управления.

Уставы — это очень точные документы, века службы и реки крови отшлифовали в них каждую букву. Точно армейское положение формулируется так: «Приказы исполняются беспрекословно». Заметьте, «беспрекословно», а не без обсуждений. Нельзя отказаться от исполнения порученного Дела, нельзя «прекословить», но обсуждать приказ подчиненный обязан! Уставы требуют обсуждать приказ в плане его наилучшего исполнения. И это потому, что в делократической системе управления в обсуждении приказа в первую очередь заинтересован тот, кто его дает.

Вот пример: перед командиром полка поставлена задача уничтожить врага на такой-то территории — его Дело. Он мучился, думая, как это сделать, ведь враг не дурак, он и сам сейчас думает, как этот полк уничтожить. Наконец командир полка свое Дело разделил на Дела своих подчиненных — командиров батальонов и дивизионов. Эти Дела он вручает им в своем приказе, объяснив свою задачу. Они не имеют права отказаться исполнять порученное, но они ближе его к Делу, они, а это еще пять-шесть умов, могут найти лучшее решение его Дела, тем более что он в приказе разъяснил задачу, поставленную дивизией. Командир полка будет самоубийцей, если запретит им обсудить свое решение, поскольку они могут предложить лучший вариант разделе-

ния его Дела между ними. И в этом обсуждении нет никакого ущемления его самолюбия: примет он идеи подчиненных или нет, все равно это приказ только его, его слава или позор. Делократы заинтересованы в обсуждении своего приказа, но в армии — это еще и их уставная обязанность.

А в бюрократической системе управления обсуждать приказы недопустимо, невозможно. В этой системе приказ начальника по своей сути или спущен сверху, или задан инструкцией. Какой начальник позволит подчиненному обсуждать приказ? Ведь он не возьмет на себя изменение приказа по предложению подчиненного так как одновременно он должен будет взять на себя ответственность за последствия. Зачем ему это? Какая бюрократу польза от того, если от его действий Делу будет лучше? Его поощряет или наказывает не Дело, а начальник, чей приказ он заставляет исполнять. Поэтому и талдычат бюрократы: «Приказы не обсуждают — приказы исполняют. Закон суров, но закон есть закон». Это их лозунги, это их принципы.

Из того, что мы обсудили, следует: человека можно подчинить и начальнику, и Делу, второе предпочтительнее, к этому бессознательно стремятся все, кто организует структуры управления. Но возникает вопрос: а хотят ли быть единоначальниками те, кого организуют, хотят ли они стать свободными от «бюро»? И сколько у нас вообще бюрократов и делократов?

Не так уж много в нашей стране бизнесменов, полных владельцев своих фирм, что дает им возможность действовать абсолютно самостоятельно, подчиняясь только Делу. Подавляющее число остального населения имеют начальников — «бюро». Мы — бюрократы. Но это 8 часов в день. Все остальное время у нас нет начальника, нам некому подчиняться, кроме Дела, и тогда мы делократы. У многих из нас есть дачи. Кто заставляет нас работать там? Только Дело, только его поощрение осенью. И на дачах, на своих приусадебных участках мы работаем лучше, чем на совхозных полях, хотя в совхозе есть свой начальник, который заставляет работать. Ясно, что для нас в подчинении Делу нет ничего сверхъестественного. Мы подчиняемся Делу и за чисто

моральное поощрение, откликаясь на просьбы друзей, участвуя в общественной жизни. Автора, например, всегда поражало, как отвратительно выглядят места отдыха женщин на работе. Эти комнаты до того грязны, обшарпаны, что остается только руками развести. Работницы могут сидеть в этих комнатах часами, без дела. Но все предложения навести порядок встречаются отговорками: то нехватка извести, то нехватка времени. А в квартире каждой женщины — уют, хотя дома ей никто не делает замечаний, никто не стыдит. На работе за уют в комнате отдыха отвечает начальник, в квартире же начальника нет, не на кого свалить вину за беспорядок, поэтому порядок наводится: иметь славу неряхи никто не хочет.

В быту взрослые люди — делократы, и, казалось бы, нет причин сомневаться, что кто-либо откажется получить свободу, стать единоначальником-делократом на работе. Увы, это не так.

Бюрократизм тем и силен, что он устраивает, возможно, подавляющее большинство людей, Зависеть от начальника, получать от него указания, что делать, в сотни раз проще, чем изучать непрерывно меняющееся Дело, чтобы понять его указания.

Рассмотрим такой пример. Пусть таксисту платят не просто за доставку пассажира, но при выполнении условия: привез пассажира точно в срок, получишь оговоренную сумму; опоздал — ничего не получишь (а многие Дела ставят именно такие условия). Какому таксисту будет легче: бюрократу или делократу? Пассажир для таксиста — начальник, он назначает таксисту Дело: «На Курский к 15 часам». Таксисту-делократу не надо других указаний: он обязан знать свою машину, дороги, условия движения на них вплоть до любимых спиртных напитков инспекторов ГАИ. Безусловно, и он рискует привезти пассажира не вовремя. А таксист-бюрократ будет непрерывно спрашивать у пассажира-начальника: «На какой передаче ехать? По какой улице? На какой скорости держать?» И т.д. и т.п. И если он не успеет вовремя, разве таксист виноват? Он ведь делал все точно, что указывал пассажир-начальник. Так какое пассажир имеет право

не заплатить? Хотя и не приехал вовремя, но ехал-то ведь под мудрым руководством начальника!

Оценим эту ситуацию и с позиции начальника. Таксист, которому безразлично, когда он привезет пассажира на вокзал, конечно, не будет интересоваться и расходом бензина и прочим. И если начальник не проследит, он может поехать круглым путем, заехать куда-нибудь по своим делам и т.п. Начальник, зная, что у него в подчинении бюрократ, просто обязан непрерывно следить за ним и давать указания.

На этом примере мы показали еще один аспект бюрократизма: взяв власть, начальник возложил на себя функцию знать огромное количество действий подчиненного. Смотрите. В делократической системе начальнику нужно знать только, какой вокзал ему нужен и когда там быть. А в бюрократической нужно знать план города, и режимы езды, и устройство автомобиля и т.д. и т.п. Зато подчиненному хорошо: нужно знать лишь несколько элементарных приемов своей работы.

Поставив цель заменить бюрократизм делократизмом, нельзя тешить себя иллюзиями: бюрократизм — это не выдумка начальников, это их ошибка, а заинтересованы в бюрократизме в первую очередь те, кого мы называем подчиненными. В бюрократической системе все хотят быть подчиненными, здесь это возможно: если нет прямого начальника, то найдется что-нибудь подходящее — закон, какой-нибудь мудрец, «опыт цивилизованных стран».

Завершим на этом обсуждение принципов управления людьми и сформулируем их. Допустим, что нужно организовать выполнение какого-либо Дела, которое невозможно сделать, не разделив его между отдельными работниками. Для этого необходимо создать систему управления Делом. Вне зависимости от того, какая система управления создается (бюрократическая или делократическая), одним из этапов ее является расчленение своего Дела на Дела подчиненных. Далее должно быть принято принципиальное решение — необходимо выбрать один из вариантов: либо взять себе право поощрять и наказывать своих подчиненных за то, как они делают порученное Дело, то есть, к радости под-

чиненных, создать бюрократическую систему управления и тогда все под вами будут бюрократами; либо организовать работу так, что поощрение и наказание подчиненных будут поступать к ним непосредственно от того Дела, которое им поручено, т.е. создать делократическую систему управления и все подчиненные будут делократами. Это точно уже потому, что это просто.

Остается вопрос: а как именно «организовать работу», чтобы подчинить работника Делу? Дела разные, и способы делать их не могут быть одинаковыми. Например, дом можно построить десятками способов из сотен видов материалов, но это не важно; важно понять, что нужен именно дом и ничто другое, чтобы не тратить попусту время и силы на строительство неизвестно чего.

Далее мы рассмотрим, как «привязывают» людей к Делу и что из этого может получиться.

А в следующей главе — о бюрократах и делократах: нам надо узнать самих себя.

БЮРОКРАТЫ И ДЕЛОКРАТЫ

Ответственность

Ответственность — это наказание. Человек не любит, когда его наказывают, поэтому в любой системе управления уход от наказания становится его главной задачей. Но происходит это в разных системах по-разному.

В качестве примера рассмотрим действия рабочего совхоза, потому что в начале перестройки именно он был главным примером для придурков от экономики. (Утверждали, что он плохо работает на совхозном поле и очень хорошо на своем приусадебном участке, и отсюда делали вывод: нужно превратить его в частника, для чего следует продавать землю, забывая, однако, что в России практически никогда не было частной собственности на землю; тем более ее не было в СССР. Государство могло изъять любую землю под любые цели, и для крестьянина земля и в совхозе, и у дома

была равноценной. Сама по себе собственность на землю его не стимулировала и не стимулирует работать. Правда, одновременно говорили, что дома он владелец урожая, а в совхозе нет. Но это тоже не имеет значения, поскольку, вырастив на приусадебном участке 10 тонн картошки, крестьянин ее себе в глотку не заталкивал, он менял ее на деньги, то есть получал деньги за свой труд так же, как и в совхозе. Много или мало — это второй вопрос и тоже несущественный.)

Допустим, и в совхозе, и дома он выращивает помидоры. Он выходит на свой участок, и его Дело дает ему ценное указание (которое он воспринимает через свой опыт): «Помидоры заросли сорняками, немедленно выполни их, или осенью ты от меня вместо помидор (поощрения) получишь кукиш». И крестьянин полег, куда денешься — Дело шутить не любит. Но и совхозное поле, точно так же заросло сорняками, и здесь Дело указывает крестьянину, что надо полоть. Однако это ему безразлично. Здесь его поощряет директор совхоза, поэтому прикажет он полоть — придется полоть, прикажет запахать несобранные помидоры в землю — и это можно: он поощряет — ему и указывать. На единицу затраченного труда рабочий в совхозе может получать намного больше денег, чем с приусадебного хозяйства, но это ничего не изменит. Если даже у директора будет возможность заплатить ему не рубль, а миллион, то к директору крестьянин будет относиться в миллион раз лучше, а к совхозному полю — Делу — точно так же, как и раньше. (Забежим немного вперед. Отметим, что Дело и поощряет, и наказывает всей своей стоимостью, а «бюро» — оговоренной суммой. Это очень важно. В нашем конкретном случае, чтобы «привязать» крестьянина к совхозному полю, нужно не только запретить директору его поощрять и наказывать, но крайне необходимо, чтобы совхозное поле, так же как и свое, поощряло крестьянина за его труд всей стоимостью выросших и собранных помидоров. Это сделать несложно.)

Что нужно крестьянину сделать конкретно, чтобы не быть наказанным в первом и во втором случае?

Работа *любого человека всегда* состоит из трех стадий: оценки обстановки, принятия решения и собственно дей-

ствий. Это достаточно просто понять, если вдуматься в то, что и как вы делаете лично. В нашем примере: крестьянин смотрит на свой приусадебный участок, в этот момент в его мозгу происходит оценка обстановки и поиск наиболее выгодного решения, то есть он определяет время, когда можно заняться прополкой; наличие других важных дел, которые могут помешать; возможность помощи и ее необходимость; решает полоть руками или тяпкой и многие другие вопросы, что в мозгу опытного крестьянина «проскакивает» за секунду. Анализ обстановки позволяет принять решение: полоть завтра утром по холодку с детьми без жены тяпками (или: не полоть — и так сойдет). На следующее утро он выступает уже как исполнитель собственного решения. И в роли исполнителя он проводит точно такую же работу — в три стадии. К примеру: в помидорных рядах крестьянин видит сорняки и помидорные кусты и, непрерывно оценивая обстановку, он принимает решение, что эту лещину нужно срубить прямо, а эта растет слишком близко к помидору, и поэтому нужно развернуть тяпку. Однако, исполняя это решение, он срубил и помидорный куст. Значит решение было неправильным: сначала надо научиться держать тяпку в руках, а потом принимать такие решения. А за неправильное решение Дело наказывает: уже не будет помидоров с этого куста. Следовательно, нельзя ставить перед исполнителем задач, нельзя поручать ему Дело, которое он не способен выполнить.

Таким образом, в цепочке действий человека действием, влекущим за собой ответственность—наказание, является принятие решения. От того, правильно или неправильно оно принято, зависит, будет наказание или поощрение в какой бы системе управления человек ни находился. Это очень важный момент для понимания того, как бюрократы ускользают от ответственности.

Многие думают, что более важными являются стадии оценки обстановки или самого действия по исполнению решения. Это не так. Довольно часто человек, совершенно не ориентируясь в обстановке, будучи не в состоянии ее оценить, решение принимает случайное, наобум, которое

в силу благоприятного стечения обстоятельств может оказаться правильным и наказания не будет. Кроме того, чем более высокую ступень лестницы управления занимает человек, тем меньше его личное участие в оценке обстановки, поэтому он уже не в состоянии ее оценить сам. Это делают специальные люди — штаб, а начальнику поступают итоги их работы и проекты вариантов решений.

Что касается действий человека-руководителя, то их часто производят другие люди, так как итогом решения руководителя является приказ исполнителям. (В нашем примере крестьянин сначала выступает в роли директора совхоза, давая команду себе на прополку, а потом сам выступает в роли исполнителя собственной команды).

Делократ физически не может быть безответственным, у него нет способа не принять решение и уйти от ответственности, которую накладывает на него Дело. Продолжим наш крестьянско-совхозный пример. Предположим, крестьянин захотел, чтобы решение по его Делу (полоть или не полоть) принял сосед. Конечно, теоретически это возможно, но Дело-то накажет не соседа, а его! Совсем другая ситуация складывается, когда крестьянин в бюрократической системе управления — на совхозном поле. Он вообще не принимает решения, хотя без труда принимал их у себя дома и вроде бы обязан принять здесь (ведь это поле — тоже его Дело). Решение полоть или не полоть, собрать помидоры или запахать их в землю принимает за него директор: что он скажет, то крестьянин и сделает. И как бы Дело ни наказывало всю эту систему управления Делом, крестьянина это наказание не коснется, хотя именно он своими руками и погубил Дело.

Не принимать решений по своему Делу — главный способ избежать ответственности (наказания) в бюрократической системе управления. Дело наказать не в состоянии, а начальник не вправе, если Делу нанесен ущерб чужими решениями.

Еще один момент. Нельзя сказать, что в бюрократической системе не существует ответственности. Когда начальник назначает подчиненному его Дело, он формально возлагает на

него ответственность за его исполнение. Подчиненный знает, что за плохое его исполнение должно последовать наказание, если и не от Дела, так от начальника. Но если собственных решений по своему Делу не принимать, а действовать только так, как сказал начальник или как написано в инструкциях, то и начальник будет безоружен — не сможет наказать.

В бюрократической системе управления начальники как бы «приседают». В принципе они должны давать команды (делить свое Дело между подчиненными) на своем уровне, а фактически они дают команды за своих подчиненных. В результате в бюрократической системе не отыщешь виновных.

— Почему по твоему Делу возник ущерб? — спросите вы у бюрократа.

— А при чем здесь я? — удивится он. — Я строго исполнял все указания и инструкции своих начальников.

— А у твоих подчиненных почему Дело загибается?

— А при чем здесь я? Разве я могу работать и за себя, и за всех своих подчиненных?

Присмотритесь к бюрократам — и убедитесь, что они всем хороши и всем довольны, а постоянное раздражение вызывают у них всего две вещи: плохие законы (начальники) и плохие подчиненные.

Руководители

Прямых руководителей, например на заводе или в сельском хозяйстве, сама жизнь заставляет «опускаться», приближаться к подчиненным. Ведь у них больше опыта, и они в силах разобраться в идущих сверху идиотских указаниях, когда подчиненные просто теряются. Но это скорее исключение. А правило руководителя — давать команды за подчиненного потому, что это безответственнее. Тем более что подчиненный их ждет, он требует, чтобы начальство делило не свое Дело, а его.

Поясним эту абстракцию на примере. Вспомним Целину. Какое Дело стояло перед правительством в этом случае? Считается, что было необходимо увеличить объем произ-

водства зерна в СССР. Но если вдуматься, то станет ясно, что не это было его Делом. К тому времени хлеба как такового населению уже вполне хватало, а возник вопрос о росте производства мяса. То есть зерно Целины должно было уйти на корм скоту. Производство мяса было Делом правительства.

Попытаемся решить этот вопрос теоретически с позиций главы делократической системы управления, то есть попробуем самостоятельно проработать вопрос о необходимости приказа на освоение целинных и залежных земель.

Подавляющее количество этих земель находится в Казахстане. Трудно сказать, определял ли кто-нибудь их потенциал по зерну, но предположим, что его определили правильно: в пределах 15—20 млн. тонн. Такое количество зерна позволяет получить до 2 млн. тонн мяса. Следовательно, наше Дело — получить дополнительно это количество мяса. В момент принятия решения о Целине вариантов выполнения этого Дела было несколько. Казахстан — зона рискованного земледелия. То есть, посеяв пшеницу весной, нельзя быть уверенным, что осенью можно будет ее убирать, да и для зерновых земли не везде хороши. Кроме того, в Казахстане люди никогда (на протяжении тысячелетий) земледелием не занимались, хотя русские переселенцы во многих районах успешно его ведут. Но это вовсе не значит, что казахи глупее русских. В свое время предки казахов покорили полмира: от Китая до России, и во многих покоренных странах казахи, киргизы, калмыки видели земледельцев, понимали, что они делают, но не перенимали земледелия, хотя и заимствовали стенобитные машины у китайцев, ислам у арабов. Можно объяснить это тем, что эти народы в отличие от русских не хотели отказываться от мяса как основы пищи, а «вырастить» мясо на пастбище, на подножном корму неизмеримо дешевле, чем вспахать это пастбище, засеять зерном, убрать зерно, скормить скоту и только потом получить мясо. Эти народы имели исключительно породистый скот — лошадей, овец, коров, скот, способный даже в Северном Казахстане пастись круглый год. И добра от добра не искали.

Следовательно, первым напрашивается прямой вариант подъема Целины — вариант получения сразу мяса, без зерновой стадии. В этом случае затраты на освоение целинных земель были бы во много раз меньше. Чтобы улучшить пастбища, их надо пахать и удобрять один раз в десять лет, а не ежегодно, как при засеве зерном (да еще без гарантии успеха). Конечно, нужны были бы и дороги, и мясокомбинаты, но без них в любом случае не обойтись. Кроме того, деньги надо было бы вкладывать в обустройство уже существующих казахских аулов (а это значительно дешевле, чем строительство новых поселков), и в улучшение пород скота, который здесь уже улучшали тысячелетиями, и не покупать скот в Европе для стойлового содержания, тратя огромные усилия на акклиматизацию. Конечно, там, где есть твердые гарантии получения урожая зерна, нужно было его сеять, но твердые сорта пшеницы для производства хлеба, а не для переработки его в мясо.

Второй вариант — это тот, который был осуществлен: вспахать все, что можно, засеять в надежде, что Бог все-таки пошлет дождей, а потом ежегодно, используя множество тракторов, тратить огромное количество горючего на вспашку, сев, подвоз зерна и соломы к хранилищам, к фермам, вывоз навоза от ферм на поля. (И это в то время, когда имелся скот, который на своих ногах, без всякого бензина мог подойти к любой точке степи, съесть там корм, оставить навоз и сам дойти до мясокомбината).

Мне не приходилось слышать (и читать), чтобы перед принятием решения о Целине правительство просчитало вариант улучшения степи и нашло его менее выгодным, чем вариант ее перепашивания.

Но предположим, что мы, оценивая обстановку, просчитали этот вариант и сочли невыгодным. Как и правительство, мы принимаем решение, что Дело Целины ~ 20 млн. тонн зерна, в данном случае — это наше Дело. Мы — управленцы, и нам надо разделить Дело между исполнителями. Металлургам мы назначаем обеспечить сталью тракторостроителей, тракторостроителям — обеспечить тракторами крестьян, химикам — обеспечить их удобрениями и так

далее. *Эти* Дела обеспечивают выполнение главного Дела. Поэтому главную команду нужно дать непосредственным исполнителям — руководителям целинных областей. Эта команда должна содержать одно-единственное — сколько кому тонн зерна надо ежегодно поставлять государству. Только это! Это их Дела, составляющие наше Дело. Руководители областей разделят Дело на Дела подчиненных. Если Дело — поставить зерно, то его необходимо не только вырастить, а и вывезти с полей, ссыпать в элеваторы, загрузить в вагоны. Поэтому и у них возникают более мелкие Дела, обеспечивающие главное Дело: строительство дорог, элеваторов, железнодорожных станций и прочего. Естественно, они разделят свое главное Дело между непосредственными исполнителями — совхозами и колхозами. Но и их Дело — получить столько-то тонн зерна. И ничего больше!

Получив свое Дело, десятки тысяч работающих на земле специалистов будут отыскивать пути решения Дела всей страны: колхозные и совхозные агрономы определяют, где пахать, сколько пахать и как пахать, и каждый определит это именно для своей земли. (Заметим, что им было бы еще легче, если бы у них была более точная команда — получить не зерно, а мясо). Здесь стоит заострить внимание на следующем моменте: в делократической системе управления команда где, когда и сколько пахать должна была поступить (даже в самом крайнем случае) только от агронома конкретного хозяйства, а лучше — если от управляющего отделением или бригадира. А что же было на самом деле? Правительство не поставило перед областями задачу ежегодно сдавать определенное количество зерна, а указало площадь земель, подлежащую вспашке, да еще и отвальным плугом, то есть «присело» на уровень колхозных агрономов, за них дало команду. Команда стала исполняться: начали пахать, причем пахать и те массивы, что прикрывали землю от эрозии, и водоразделы. Но ведь в Казахстане сеяли зерновые уже несколько веков, и теперь эту землю стали уничтожать. Чтобы препятствовать этому, некоторые председатели ложились под трактора, не давали пахать; их снимали с должности, как саботажников, когда они утверждали, что такая пахота погубит

Дело, но... приказы не обсуждают — приказы исполняют. В первый год получили огромный урожай, но не было элеваторов, поэтому его большая часть сгнила на токах. Еще один год был урожайным и еще. А потом начались пыльные бури, начало экологической катастрофы (я видел в 60-х годах пыль казахстанского чернозема в Днепропетровске, по меньшей мере, в 2000 км от Целины, а в 70-х в Павлодарской области воочию увидел «казахстанский дождичек» — пыльные бури). Впоследствии перешли на безотвальные плуги, но это потом. А в те годы отчитывались об урожаях по 3,7 центнера с гектара: 110 кг пшеницы закапывали в землю и 370 кг снимали!

Так Делу обеспечения страны продовольствием был нанесен огромный ущерб, его нанесли миллионы тех, кто бездумно изуродовал Целину. Но попытайтесь найти среди них виновных. Их нет. Кто возьмет на себя вину за точное исполнение приказа правительства? Разве правительство в Москве возьмет на себя ответственность за то, что сотни тысяч агрономов и трактористов изуродовали почву на Целине? Тем не менее, виновато только правительство. Хрущев, кстати, в первую очередь. Удивительно, но, пробыв (проболтавшись) всю войну на фронтах в качестве члена Военного совета, он так и не понял, что такое приказ и как его дают. Ведь нельзя верить в то, что Сталин мог отдать приказ не на уничтожение немцев под Курском, а приказ всем войскам открыть огонь с плановой цифрой расстрелять 14 миллионов снарядов и 600 миллионов патронов к 1 августа. Приказ открыть огонь — Дело не маршала, для таких приказов в армии есть сержанты.

Давайте на примере Целины попытаемся подготовить демократический приказ, помня, прежде всего, что Дело — это то, за что наш потребитель готов платить. Мы — правительство. Ответим на первый вопрос: кто потребитель нашего труда? Только весь народ СССР, не отдельные его части, а весь народ. Второй вопрос: согласится ли заплатить весь народ за дополнительное мясо? Да, безусловно, поскольку хлеба, крупы, макарон уже с избытком, требуется мясо. Вывод: производство дополнительного мяса — это действительно

наше Дело, Дело правительства. А производство дополнительного зерна — наше Дело или нет? Нет! Ведь дополнительное зерно, даже в виде хлеба и макарон, всему народу не нужно. Поэтому за него он платить не будет. За это согласится платить только часть людей — те, кто из этого зерна производит мясо, но эти люди — часть народа, и, следовательно, производство дополнительного зерна — это уже не Дело правительства, а Дело зерновой подотрасли Минсельхоза, то есть даже не прямого нашего подчиненного — Минсельхоза, а подчиненного нашего подчиненного.

Третий вопрос: распахать целину — Дело правительства или нет? Чтобы ответить на него, надо выяснить, согласится ли народ заплатить за то, что где-то в Казахстане расплахаи землю? Какая польза народу от этой операции как таковой? Заметим попутно, что целинная затея — это горе от ума. Не знай правительство, как производится мясо и растет хлеб, оно бы дало более разумный приказ. Но оно, к сожалению, благодаря своим академикам-консультантам знало в общих чертах, как это делается, и заложило в приказ такие «умные» подробности, которые в итоге нанесли Делу огромные убытки.

Сформулируем делократический приказ: «Используя земельный потенциал целины, Минсельхозу в течение пяти лет увеличить объем продажи мясопродуктов в СССР на 2 млн. тонн. Остальным отраслям народного хозяйства обеспечить эту задачу».

Критики воскликнут, что это не приказ, а общие фразы. Но именно это и важно, что цель поставлена в общем виде, что в ней нет конкретики, что она оставляет исполнителям максимальную свободу для своего достижения. Докажем это. То, что в приказе записано «использовать земельный потенциал», а «не поднять Целину», разрешает и пахать, и не пахать. То, что сказано «увеличить объем продажи, а не «произвести дополнительно 2 млн. тонн», разрешает и производить самому, и не производить, а закупить мясо за рубежом в обмен на то, что можно вырастить, используя «земельный потенциал», если это окажется выгоднее, что весьма вероятно, так как производство практически всех продуктов пита-

ния в СССР из-за климатических условий дороже, чем, например, в США, Аргентине или Китае. И если Минсельхоз считал бы разумным не специализировать свои предприятия, то этот приказ, дробясь, должен был бы спуститься вплоть до колхоза именно в такой форме. В нем менялась бы только цифра.

Могут сказать, что составить такой приказ — пара пустяков, что Ельцин таких указов за день 200 штук подпишет. Никто в этом не сомневается, но это он сделает потому, что не знает, что каждый его неисполненный Указ — это еще одно доказательство того, что работать ему надо не руководителем, а дворником. А мы-то это знаем. Знаем, что если наш приказ (правительства) не выполнен, значит, это мы не способны свое Дело разделить между своими подчиненными. Эта короткая команда потребовала бы многих месяцев подготовки штабом правительства — Госпланом СССР. В ее подготовке участвовали бы штабы всех отраслей и, не исключено, всех предприятий СССР. Эти 20 слов приказа потребовали бы каждодневной работы правительства по его обеспечению. Но за его исполнение правительству не на кого переложить ответственность. Этот приказ не нанес бы ни малейшего ущерба стране. Более того, с течением времени его исполнение обходилось бы все дешевле и дешевле, так как в поиск путей получения этих 2 млн. тонн мяса включились бы миллионы умов тех, кто исполняет этот приказ внизу в непрерывно меняющейся обстановке. Они на местах постоянно бы использовали эти изменения в свою пользу, в пользу Дела.

Ведь беда СССР не в социализме, а в том, что, возможно, начиная со Сталина, его руководители перестали понимать, что является их Делом. Почему так произошло, мы объясним позже, а сейчас приведем еще пару примеров.

Вспомним прошедшую в эпоху Брежнева кампанию по борьбе за качество. Была ли она Делом правительства? Оно очень мелкое для правительства, но все-таки для него сделаем исключение и ответим «да», ведь каждый человек в стране, безусловно, желал иметь качественную вещь и готов был за это платить. Но... Заметьте тонкость. В этом случае прави-

тельство должно было бы дать каждому предприятию право изготовить вещь только такого качества, которое хочет покупатель, а каждому покупателю — право поощрять и наказывать производителя-продавца. Для этого требовалось исключить из стандартов и технических условий, согласно которым выпускалась продукция, как можно больше показателей качества с тем, чтобы покупатель сам мог их требовать с продавца. Вместо этого правительство, забыв о покупателе, заставило своих людей включить в стандарты новые нормы и ужесточить их, назвав продукцию, выпущенную по этим стандартам, продукцией со «знаком качества» и потребовало выпускать только ее. Разница совершенно очевидна: покупатель всегда готов заплатить за качество, но только и исключительно за нужное ему, покупателю, качество, а не качество, которое бездумно и безумно требовали многочисленные ученые в институтах Госстандарта СССР и других ведомствах. Поэтому можно утверждать, что это не было Делом правительства, оно «присело» на уровень рядового покупателя. Мы, покупатели, должны были давать производителям такие команды, мы должны были указывать им, что нам необходимо. Тем не менее, началась бессмысленная трата денег и сил на достижение «качества», которое никому не было нужно. В третий раз вернемся к примеру с мелким металлом в бочках. Ведь если бы в ГОСТе вообще не оговаривалось, как упаковывать этот металл, то тому покупателю, кто это хотел и готов был платить, можно было бы поставить его в бочках, а тому, кому это было не надо, — насыпом в вагонах, что было бы дешевле. Но в ГОСТ было включено неременное условие — упаковывать металл в бочки, в результате чего и производитель, и покупатель были вынуждены бессмысленно тратить деньги, сталь и силы на то качество, которое покупателю не требовалось, за которое он категорически отказывался платить, но был вынужден это делать. Косвенным доказательством того, что правительство внутренне сознавало, что качества продукции оно не понимает и Дела не делает, является тот факт, что оно запретило проставлять Знак качества на продукции, идущей на экспорт (чтобы не позориться).

Приход Горбачева ознаменовал новую эпоху в управлении страной — стало складываться впечатление, что в правительстве (имеется в виду и ЦК и прочее) была введена госприемка, которая из всех идиотских решений выбирало самые идиотские. Наиболее яркий пример — кампания по борьбе с пьянством. Являющийся основой спиртных напитков этиловый спирт — не только яд, но и лекарство, и (как много веков назад сказал великий врач Парацельс) в этом случае главное — доза. Предположим, что пьянство в СССР на тот момент было таково, что правительство было вынуждено лично заняться этой борьбой. (Спорно, конечно, но предположим.) В этом случае за конечный результат — уменьшение числа алкоголиков, снижение уровня «пьяной преступности» и «пьяного травматизма» — народ согласился бы заплатить. Но только за это. Не водка ему мешала, а ее передозировка — случай, когда она становилась ядом. И если бы правительство Горбачева нашло и внедрило способ не дать гражданам страны пить больше лекарственной дозы, то в результате достижения нужного результата могло появиться (а могло и не появиться) безразличное для народа следствие — уменьшение продажи спиртного. Ведь само по себе это уменьшение никому и не требовалось. Однако будущий нобелевский лауреат (несмотря на то, что глупость сухого закона была широко известна) догадался это никому не нужное следствие сделать задачей всей страны. Вся страна была вынуждена уменьшать объем производства спиртных напитков. Но какая радость в этой команде была для подчиненных Горбачева — многочисленной рати партийной бюрократии! Вместо нудного и тяжелого дела отвлечения людей от пьянства нужно было просто заставить вырубить виноградники и сразу бежать за орденом. Или приказывать трактористу раздавить 10 миллионов пивных бутылок и — к Горбачеву за медалью.

В то время казалось, что действия правительства Горбачева — это предел маразма, но пришедшие после него к власти в республиках дерьмократы доказали, что у маразма нет предела. Эти люди совершенно не понимают, кто они, зачем они нужны и что является их Делом. Анализируя лю-

бую из поставленных ими целей, невозможно понять, зачем это народу нужно и найдется ли хотя бы какой-то народ, готовый за это заплатить.

Первая государственная цель (которую еще Горбачев начал ставить перед страной) — насыщение магазинов товарами. Это совершеннейший идиотизм, поскольку потребителям труда правительства — народам СССР — требовалось, чтобы лично у них все было. Какая им радость оттого, что все есть в магазинах, если это им недоступно? Кто станет платить за собственную нищету, при этом любуясь витринами? Цель правительства, конституционная цель государства — обеспечить всеми товарами народ СССР была официально заменена целью — обеспечить несколько престижных магазинов.

Вторая цель — суверенизация. Суверен — тот, чья единственная воля учитывается, для кого все делается, — народы СССР. Какому народу надо содержать в двадцать раз больше президентов, депутатов, министров, таможенников? Какой народ добровольно согласится на ограничение границами и валютами своей свободы передвижения? Кто бы стал за это платить?

Третья цель — рыночные отношения. Что это такое, никто не понимает, и даже на самом высоком уровне под этим подразумевают только одно — отказ от планирования народного хозяйства. Н.А. Назарбаев, выступая перед Верховным Советом Казахстана 9 июня 1994 года, подчеркнул, что рыночная экономика — это в первую очередь бесплановая экономика: «СССР ведь был сотворен на двух станových хребтах — плановой экономике и тоталитарной политической системе. И то, и другое разрушено, а на основе рынка и демократии государство-монстр, государство-империя возродиться никак не сможет». Но что значит «отказ от планирования»? Любой человек, даже очень недалекого ума, всегда планирует свои действия, трату зарплаты, свободное время, не говоря уже о работе. План — это перечень действий, составляющих решение. Отказ от планирования — это отказ правительств СНГ принимать решения в области экономики, отказ отвечать за нее, отказ от обязательной работы ру-

ководителя, которую тот обязан выполнять в любой системе управления, — делить свое Дело между подчиненными. Первый вывод, который напрашивается сам собой: из правительства должны исчезнуть все, кто связан с экономикой, — от премьера до всех этих министров промышленности, экономики, торговли и прочего. Если они отказались выполнять свою работу, то зачем народу нужно их кормить?

Представьте аналогичную ситуацию во время войны. Скажем, командир дивизии, в состав которой входят полки, планирует бой. План этого боя он изложит полкам в своем боевом приказе. Этим он и ценен для них — тем, что благодаря ему они действуют как единое целое. Благодаря командиру дивизии солдат дивизии способен справиться с дивизией противника, благодаря командующему армией нашему солдату не страшна вражеская армия, а благодаря планам главнокомандующего ему, одному, не страшны армии десятка государств. План объединяет *всех* при решении огромных задач, план — это и есть разделение своего Дела на Дела подчиненных. Но вдруг генералы во время войны решили перейти на рыночные отношения потому, что какой-то недоумок рассказал им, что так воюют в цивилизованных странах. В связи с этим они заявляют полкам и батальонам: «Вы теперь самостоятельные, учитесь воевать сами: сами ищите себе врага, какого вам выгодно уничтожить, сами ищите боеприпасы и прочее. А у нас будете просить лицензии-разрешения на уничтожение противника. Хорошо попросите, взятку дадите, так мы, может; и разрешим кому-нибудь Родину защитить. А еще мы будем скопом сниматься на телевидении и будем народу объяснять, какие мы, генералы, умные и цивилизованные, да вот у нас полковники — застойная военщина — не хотят воспринимать рыночные отношения, мечтают о едином командовании, мечтают, чтобы мы, интеллектуалы-генералы, план войны составили. Но мы, генералы, гордость нации, этого не допустим — пусть все наши полки погибнут, но те, кто уцелеет, с полками иностранных армий создадут совместные предприятия и уже под руководством тех иностранных генералов будут некую Родину защищать. И будет у нас все, как в цивилизованных странах».

Вы скажете, что это бред! Да, это бред, но этот бред внедрен в экономику СССР, и этим бредом гордятся все нынешние президенты и парламенты. Разве за работу таких генералов стал бы платить хоть один народ? Пустой вопрос — мы-то ведь платим своим президентам...

Еще одна идея — «свободные цены». Может ли быть целью государства, его Делом установление «свободных цен»? Ведь народу нужны товары по доступным ценам, а не свободным. Эту идею можно принять в ситуации, когда товара так много, что он уже и по доступным ценам не продается, тогда можно их «освободить», но это является следствием того, что народ уже имеет все, что надо. А разве народы СССР уже имели все, что хотели?

Читатель, наверное, уже обратил внимание на то, что автор часто ходит как бы вокруг да около: то подходит к какому-то вопросу, то переключается на следующий и снова возвращается к прежнему.

Предлагаемую теорию управления очень легко «разложить по полочкам»: она проста. Но когда пытаешься подтвердить ее примерами, начинаются сложности, так как примеры связаны с действиями людей, а они редко руководствуются только одним мотивом. Выявить мотивы руководителя-делократа несложно: на него давит только Дело. Однако с бюрократом сложнее: с одной стороны, он желает получить конкретные указания от начальника, а не от Дела; с другой стороны — он сам пытается вникнуть в Дела подчиненных и дать указания; с третьей стороны, ему нужно отчитаться по всем полученным ранее указаниям, а с четвертой — ему необходимо иметь вид умного и заботливого начальника; с пятой — на него давит многочисленный аппарат; с шестой (и самой главной) — подчиненные. В результате «разложить по полочкам» его действия очень трудно.

Цель этой главы — показать ошибку управления в бюрократической системе, заключающуюся в стремлении руководителя заняться не своим Делом, а Делом подчиненных. В своих примерах мы шли от добросовестного заблуждения Хрущева через бездумность Брежнева и безмозглость Горбачева к маразму нынешних руководителей. Но когда я

пишу слова «бездумность» и «безмозглость», то не имею в виду личные качества этих людей. Это характеристика самой ситуации. А на самих этих людей давил их аппарат, давило желание не быть, а казаться мудрым руководителем. Сами-то они, может быть, такие люди, что их следует называть и милыми, и умными. Но что толку?

Поэтому нужно тщательно анализировать примеры, чтобы не упустить ту главную мысль, которую мы ими подтверждаем. В данном случае это следующее: создав под собой бюрократическую систему управления, взяв себе право поощрять и наказывать подчиненных, руководитель сначала перестает заниматься своим собственным Делом, потом перестает его видеть, потом перестает понимать, зачем он нужен вообще. Бюрократическая возня с «мудрыми» приказами и указаниями становится для него самоцелью. Но не будем забывать, что опора бюрократизма — подчиненный.

Подчиненные

Мы уже писали, что если в бюрократической системе человек хочет подчиниться Делу, то он должен иметь очень крепкий характер, а это редкость. Писали, что в делократической системе управления, где человек «привязан» к Делу, нужно иметь либо высокий профессионализм (понимание Дела), либо мужество, чтобы начать его делать тогда, когда оно еще мало знакомо, когда команды его плохо различимы.

В воспоминаниях маршала Рокоссовского рассказывается о случае самоубийства командира, боявшегося не справиться с порученной ему боевой задачей — Делом. Боевая задача — это, безусловно, отвратительная вещь, какое бы решение ни было принято (ведь бой есть бой), в результате приказа командира все равно погибнут вверенные ему люди. Страх, что он не сможет принять лучшее решение и по его «вине» погибнут люди, оказался для этого офицера сильнее страха собственной смерти. Но такие случаи редки. В основном, перетерпев от Дела наказание, человек его изучает, осваивает и потом достаточно свободно его делает.

В бюрократической системе все иначе: подчиненному в принципе не обязателен профессионализм или знания Дела — нужно знать начальство и знать, что делать, чтобы ему понравиться.

В делократической системе честность — норма деловой жизни. Дело обмануть трудно, а если и удастся, то только раз, а потом оно накажет и очень сильно. Скажем, делократ — хозяин швейной фабрики — сумел сдать в магазин за хорошую цену низкокачественный товар. Но после этого с ним работать не будут, и это будет наказанием от Дела. В делократической системе быть подлецом накладно.

Другое дело в бюрократической системе. Здесь подлость — норма жизни. Подлость настолько вошла в нас в обюрократившемся СССР, что стала обычной для нас, ее сейчас подлостью и не считают. Вспомните все приведенные выше примеры. Разве все подчиненные глупы и не понимают, что их действия по исполнению приказа начальника наносят вред Делу — тому, что их кормит, поит и одевает? Почему же только единицы отказываются исполнять губительные приказы? Почему остальные прячутся за формулой «приказы не обсуждаются»? Ответ один: подлость — это составная часть бюрократизма, его моральная основа. Бюрократы считают моральным закрыть глаза на суть Дела, считают моральным губить его при наличии указания.

Секретарь целинного обкома в желании отчитаться в записке плановых площадей земли заставляет пахать и пахать. Разве он ничего не слышал об эрозии земли? Слышал! Ничего не слышал о безотвальных плугах? Слышал! И подлость его в том, что он знает, что губит Дело, но делает то, что приказано. Однако это далеко не яркий пример, формально этот человек не получал никаких других приказов и у него есть возможность сделать невинный вид: «Я не знал».

Наиболее подлой частью в бюрократической системе государства, по моему мнению, являются две сферы человеческой деятельности: пресса и все, что связано с охраной законов. Журналисты получают всю информацию, но выдают только ту ее часть, что им лично выгодна. Юристы занимают первое место по подлости: им в отличие от секретарей об-

кома подлость официально запрещена законом, и они творят подлость, отлично зная, что являются преступниками. Поэтому примеры того, что может сделать подчиненный-бюрократ, мы будем брать из области права.

Мой опыт показывает, что 99% населения не знают даже принципов права, даже того, что абсолютно понятно и нужно знать каждому. Поэтому предварим примеры изложения основ защиты граждан государства с элементарным объяснением того, что и кто должен делать.

Для того чтобы люди жили вместе, жили обществом, они должны придерживаться определенных правил. Общество распадется, и каждый его член останется без защиты, если в этом обществе будет допустимо убивать, избивать, присваивать чужие вещи. Для сохранения себя и общества люди уже очень давно выработали правила:

«Не убий», «Не укради» и т.д. Ответственность за то, чтобы эти правила соблюдал каждый член общества, люди возлагают на высшую власть государства и записывают требования своей защиты в своем договоре с ней — в конституции. Высшая власть конкретизирует эти правила в специальных законах, и опасное для общества нарушение их считает преступлением, а людей, нарушивших эти правила, — преступниками. В этих законах высшая власть устанавливает и наказание для преступников.

Что касается наказания, то надо помнить и понимать, что оно не является мстью преступнику — это мера по предупреждению аналогичных преступлений. Ведь Дело высшей власти — защита людей, а не наказание. Наказание — это только способ защиты и является Делом других органов.

Скажем, высшая власть государства ввела наказание за убийство в виде штрафа в 100 рублей. Абсолютно всех убийц ловят и штрафуют. Разве люди должны быть довольны такой властью? Им ведь нужно не наказание убийц само по себе, а чтобы убийств не было вообще! Отсюда следует, что мера наказания зависит от степени заботы власти о безопасности своих граждан. К примеру, государство в окружении врагов, война неизбежна. В войне погибнут граждане, и тем больше, чем сильнее противник. В это время государство не может

допустить усиления противника за счет своего внутреннего ослабления, которое возможно вследствие предательства, паники, подрыва боевого духа и веры в победу, поэтому безобидная болтовня, на которую в другое время не обратят внимания, может стать агитацией в пользу врага и наказание за нее должно быть чрезвычайно жестоким. Например, во время Второй мировой войны руководство США, чтобы не утруждать себя контролем за подрывной деятельностью граждан японской национальности, распорядилось отправить в концентрационные лагеря всех своих граждан, у которых была хотя бы 1/16 японской крови. Эти люди ничего против США не сделали и, наверное, не предполагали сделать, тем не менее, были жесточайшим образом наказаны по одному лишь подозрению в возможности совершить преступление. Этот акт можно считать и проявлением гуманизма по отношению к большинству населения США, хотя это звучит странно в связи с арестом невиновных. Но вот мнение Джавахарлала Неру, о котором вряд ли кто скажет, что он не гуманист, а он утверждал, что во имя жизни семьи следует жертвовать жизнью человека, во имя жизни рода — жизнью семьи и во имя государства — родом.

Но это крайний случай проявления заботы высшей власти о безопасности всего народа, в остальных случаях высшая власть не имеет права допустить, чтобы в государстве наказывались люди, не совершившие преступления. Ведь в этом случае она делает все наоборот: взявшись защитить граждан, она их избивает.

Таким образом, наказание должно предназначаться только преступнику, а жестокость и неотвратимость наказания должны остановить подобные преступления.

Но преступник, зная, что он нарушает закон, преступления старается делать тайно. Поэтому у высшей власти появляется необходимость разделить свое Дело защиты граждан на составляющие Дела. Одним из таких Дел является поиск преступника. Казалось бы, что поиском преступника Дело защиты граждан можно и закончить. Сыщики, к примеру, найдут убийцу, и если в качестве наказания убийце высшая власть определила смертную казнь, то его тут же

пристрелят. Найдут вора и посадят в тюрьму. Но... Убийца нередко убивает, чтобы получить деньги. Сыщики за свою работу тоже получают деньги. Чтобы оправдать получение денег, они могут убить невиновного, сообщив обществу и власти, что это и был искомый убийца. Дав тем, кто занят поиском преступника, право наказывать, мы резко ослабим защищенность граждан. Поэтому сыщикам высшая власть не дает права наказания, их задача — найти подозреваемого и собрать доказательства его вины. И только. Понимать это очень важно.

Начиная с 50-х годов, все утверждают, что в период культа личности сотрудники НКВД убили и посадили в лагеря десятки миллионов граждан СССР. Это чудовищная ложь: НКВД, как и милиция, как и следователи прокуратуры, только искали подозреваемых и доказательства. Никто им не давал права наказывать, и они не наказывали. В то время контроль за ними был жестким (достаточно сказать, что два наркома НКВД были расстреляны за свои профессиональные преступления, но ни они, ни их люди никого не убивали и в лагеря не сажали). Если мы действительно не хотим повторения 37-го года, то мы это обязаны понимать.

Казнить преступника или посадить его в тюрьму высшая власть поручила суду. Это Дело только суда, в каком бы виде этот суд ни представлял и как бы действительно ни назывался: трибуналом, особым совещанием, чрезвычайной тройкой. Предполагается, что судьи не отвечают за уровень преступности в стране и поэтому могут оценить доказательства вины подсудимого более объективно, следовательно, не подведут высшую власть и не накажут невиновных. Однако в жизни все сложнее. Рост преступности дает основание сыщикам и следователям возмущаться работой судей: «Мы, дескать, ищем преступников, а судьи их отпускают». В итоге в росте преступности обвиняют и судей, и они теряют объективность. Чтобы этого не было, в разных странах поступают по-разному. В одних государствах судей избирают пожизненно, надеясь, что такой судья будет судить объективно, поскольку на его доходы ничего не повлияет. Но ведь и «вечного» судью можно купить, поэтому обычно су-

дью-профессионала дополняют людьми со стороны, не участвующими в процессе поимки преступников. Делается это по-разному. Например, в военном трибунале помимо юриста-профессионала заседает несколько офицеров, для которых это заседание может быть первым и последним. У нас судью дополняют два избранных народом заседателя, для которых это временная работа, но, тем не менее, им даются равные с профессионалом-судьей права. На Западе судью часто дополняют двенадцать присяжных заседателей, которых вместе избирают защита и обвинение, но там эти двенадцать должны только оценить виновность подсудимого, наказание ему определяет судья. (Один западный юрист как-то сказал: «Идея суда присяжных базируется на ошибочной мысли, что один дурак — это дурак, а двенадцать дураков — это что-то умное», имея в виду, что хитрый участник процесса — прокурор, адвокат или преступник — обманет и двенадцать случайных человек.)

Может, кому-то в наших, советских, судах и везло, но я во всех случаях участия в них в разных качествах видел народных заседателей, у которых на лицах было четко написано, что им плевать на происходящее, их отпустили с работы, теперь им нужно поскорей уйти домой, и поэтому они подпишут председателю суда любой приговор или решение.

Негативный опыт общения с народными заседателями позволяет автору понять и приведенное выше высказывание западного юриста, и то, почему в СССР в 30-х — 50-х годах в чрезвычайных тройках народные заседатели заменялись высшими должностными лицами государства, республик, областей. Тем не менее, только суд может наказывать, только он может дать команду палачу казнить или начальнику тюрьмы — посадить.

Но высшая власть государства, будучи не совсем уверенной в объективности и суда, и органов дознания, и следствия, создает еще одну инстанцию — прокуратуру. Этим людям поручается контроль за исполнением законов как обычными гражданами, так следователями и судьями. Доказательства вины подозреваемого в значительных преступлениях следователи передают не в суд, а прокурору, он их оценивает и,

если считает, что они «пустые», дает команду либо отпустить подозреваемого, не доводя дело до суда, либо собрать новые, более надежные доказательства. Не следователи, а прокурор выступает в суде с этими доказательствами, обвиняя подсудимого, доказывая суду, что подсудимый виновен, и просит суд назначить ему определенное наказание. Если следователи извратили доказательства, подделали их или силой заставили подозреваемого признаться в том, чего он не делал, прокурор тогда может обвинить следователей (обязан обвинять) и потребовать у суда их наказания. В Уголовном кодексе РСФСР, принятом в 1926 году и действовавшем все годы сталинского террора, в статье 115 так и говорилось: «Принуждение к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер со стороны производящего допрос лица, а также заключение под стражу в качестве меры пресечения из личных либо корыстных видов — (наказание) лишение свободы на срок до пяти лет». Если же суд вынес, по мнению прокурора, неправильный приговор (неправильно наказал), то прокурор обязан опротестовать этот приговор и потребовать рассмотрения дела новым составом суда. В том случае, если он увидел, что судьи вынесли неправо судный приговор, то прокурор должен возбудить уголовное дело против судей и обвинить их в суде, поскольку тот же кодекс уже тогда предусматривал: «Постановление судьями из корыстных или иных личных видов неправо судного приговора, решения или определения — (наказание) лишение свободы на срок не ниже двух лет».

Заострим особое внимание на следующем. Все три перечисленные категории юристов принуждаются законом к уникальной в бюрократической системе обязанности: им запрещено исполнять в отношении подозреваемых, обвиняемых (следователям и прокурорам) и подсудимых (судьям) чьи-либо указания, кроме указаний своей совести. Законом, высшей властью, указывается, что эти люди принимают решения, только исходя из собственных (и ничьих больше) убеждений в виновности.

Это можно понимать, как жалкую попытку создать де-юре демократов в системе правосудия. Если в армии подчинен-

ному запрещено указывать, как поступать, то в правосудии подчиненным запрещено слушать указание. Но в армии есть Дело, оно наказывает, а для юристов у их Дела наказания нет, и здесь делократизация дальше беспомощных по-тут не пошла.

Но вернемся к собственно правосудию. Судью и заседателей могут обмануть свидетель, эксперт, следователь, прокурор, подсудимый, и тогда суд допустит ошибку, назначит не то наказание. Но в этом случае судьи не будут преступниками, если эту ошибку они допустят исходя из своей убежденности в правильности такого решения. (Те, кто обманул, будут преступниками.) Но если суд убежден в одном, а выносит не соответствующий приговор, то он вынес его неправосудно, он преступник. Кем бы этот неправосудный приговор ни был указан: преступником за взятку или начальством из благих побуждений. Точно так же обязаны действовать и прокурор, и следователь. В системе правосудия одни лишь адвокаты (защитники) могут свои убеждения отставить в сторону и руководствоваться только интересами подзащитного.

Мы имеем уникальный случай, когда в бюрократической системе управления начальник (закон) запрещает подчиненным быть подлецами, угрожает им расправой за подлость.

Давайте на примерах рассмотрим, какой из этого толк, и убедимся, что ни в одном Деле не собралось вместе столько подлецов, сколько в Деле правосудия. Ведь читатели уже должны ориентироваться: если наказание в руках начальника, то для Дела оно бесполезно, каким бы суровым оно ни было.

Впервые с подлостью советского правосудия мне пришлось столкнуться при таких обстоятельствах. В начале 80-х на завод обрушилась эпидемия судебных приговоров по статье Уголовного кодекса, предусматривающей наказание за нарушение должностными лицами правил охраны труда. Менее чем за три года 23 цеховых руководителя от начальника цеха до мастера получили наказание в основном в виде двух лет лишения свободы условно. Среди инженеров началась паника, молодые специалисты начали отказы-

ваться от назначения на должность, уже занимающие должности предпринимали попытки перейти в рабочие или в контору. В это время любая тяжелая травма рабочего практически без исключения влекла за собой осуждение от одного до трех инженеров.

Разбор этих дел проходил так. При смертельном исходе или тяжелой травме на завод прибывала комиссия под председательством представителя областного госгортехнадзора. Поскольку эти люди в отличие от заводских специалистов отвечают только за отсутствие травм и каждая травма является для них укором, акт они писали так, чтобы виноватым оказывался обязательно заводской работник. Логика была примитивная и на 100% надежная: каждый цеховой инженер по должностной инструкции обязан контролировать исполнение рабочими правил техники безопасности, поэтому если рабочий их нарушил и погиб, то, по логике госгортехнадзора, виноват мастер или начальник цеха, который «не проконтролировал рабочего в момент нарушения им правил». Такой акт комиссия отправляла прокуратуру, тот возбуждал уголовное дело, суд выносил обвинительный приговор. И суд не волновало, что ни один человек не в состоянии находиться одновременно в разных местах рядом с 50 рабочими и целый день «контролировать», не нарушают ли они правила техники безопасности.

Конечно, и инженеры могут быть и бывают виноватыми. Скажем, мастеру присылают для ликвидации аварии рабочих из другого цеха, они не знают опасностей новой работы. Мастер их не инструктирует, не объясняет, откуда может исходить угроза. Рабочий принимается за работу и гибнет. Конечно, этот мастер виноват: ему доверили людей, он проявил халатность, и они погибли.

Но вот другой случай, которым автору пришлось заниматься.

Металлургический цех. Тому, кто его не видел, скажем, что это здание по объему в 2 раза превышает здание Курского вокзала в Москве, но в отличие от вокзала все его площади и этажи заняты мощным оборудованием. Цех работает круглосуточно, ночью на смену выходит человек 50 с на-

чальником смены и мастером во главе. Рабочие места распределены по огромному цеху так, что на некоторых из них руководители бывают только при обходе во время приемки и сдачи своей смены, да и то не всегда.

Руководители смены уже за час до начала работы принимают цех у руководителей, сдающих смену. За полчаса, уже одетые, рабочие собираются в комнате оперативок, где начальник смены и мастер дают им краткий инструктаж и задания. В это время они осматривают экипировку рабочих, их состояние (не пьяны ли, здоровы ли). Минут за 15—20 до начала смены рабочие расходятся по рабочим местам для приемки их у рабочих закончившейся смены.

Так было и в ту трагическую ночь. Смена началась в полночь, а через час произошла небольшая авария на одном из ленточных транспортеров. Их в цехе несколько десятков, а общая длина составляет несколько километров. Включает и выключает транспортеры один оператор со своего пульта. Получив сигнал аварии, оператор кнопкой отключила транспортер и по телефону послала дежурных слесарей поставить на место сошедшую с рельсов тележку транспортера. Работа эта обычно занимает от двух до десяти минут и настолько обыденна, что руководителям о ней никто не сообщил — не было необходимости в их участии. Бригадир слесарей и слесарь поднялись к конвейеру. Первое, что они обязаны были сделать и о чем им сотни раз говорили на инструктажах, — это отключить рубильник конвейера и повесить на нем табличку: «Не включать! Работают люди!» Впоследствии знающих это дело рабочих больше всего возмущало то, что бригадир слесарей, на расстоянии вытянутой руки от которого был выключатель аварийной остановки конвейера, и можно было обесточить конвейер и обезопасить себя, ни первого, ни второго не сделал. Когда слесарь был в ремонтной тележке, с плавильной печи на пульт поступила просьба подать шихту на печь, и оператор, заболтавшись с подружкой, начала нажимать кнопки включения конвейеров, нажала и кнопку конвейера, на котором работали люди. Слесарю оторвало руку, и он умер.

Патологоанатом, делая вскрытие, фактически объяснил, почему слесари вели себя беспечно, — в желудке погибше-

го содержание спирта было все еще выше, чем в крови, то есть слесари начали смену с распития бутылки.

А вот приговор народного суда: мастеру смены, начальнику электрослужбы и начальнику механослужбы — по два года условно. Последние два инженера — дневные работники, их в это время на заводе не было, но ведь они «не обеспечили безопасной работы механизмов».

Но этим хоть условный срок дали. А в другом цехе с мостового крана сорвалась траверса, внизу, в том месте, где ему стоять нельзя (это знают даже школьники: «Не стой под стрелой»), стоял рабочий. Он получил удар по голове (тяжелое сотрясение мозга) и отлежался в больнице. А его мастер отсидел по приговору суда два года: не обеспечил «контроль за соблюдением правил техники безопасности».

Как можно было работать цеховым инженерам в таких условиях? Поэтому среди них и началась паника.

Осужденный мастер, о котором шел рассказ в первом примере, был товарищем автора, и после приговора суда наивный тогда еще автор поражался: как его товарищ не смог объяснить суду свою невиновность в таком очевидном деле?

— Кому объяснять?! — злился осужденный. — Что бы мы ни говорили, как бы ни оправдывались, судья тыкал пальцем в акт госгортехнадзора и говорил: «Тут написано, что вы виноваты, значит, виноваты».

Мне было непонятно: что же это за суд, где живой человек обязан что-то доказать не людям, а бумажке, написанной заинтересованными людьми? Я начал читать Уголовно-процессуальный кодекс и увидел, что закон грубо попран судом. Согласно кодексу, акт ревизии (а акт госгортехнадзора был именно таким актом), послуживший основанием для возбуждения уголовного дела, не может быть доказательством. Иными словами, судья вообще не имел права использовать этот акт при рассмотрении дела.

Согласно закону, в таком сложном техническом деле прокурор обязан был назначить техническую экспертизу. Технические эксперты, как правило, опытные специалисты с других заводов, предупрежденные об уголовной ответст-

венности за дачу заведомо ложного заключения, должны были предстать перед судом и высказать свое мнение о виновности подсудимых. Но ни прокурор, ни суд экспертизу не назначили и никогда раньше в делах по нашему заводу не назначали. Стала понятна судебная механика превращения инженеров завода в уголовных преступников.

Все еще наивный, я пошел сообщить прокурору города о цепи (как я тогда полагал) судебных ошибок. Прокурор меня выслушал и с присущим юристам тупым апломбом сообщил, что все правильно и что с нарушителями охраны труда надо бороться, как того требует Генеральный прокурор СССР, и показал мне приказ своего шефа. Затем, чтобы быть убедительнее, он рассказал об аналогичном деле.

Представьте себе тяжелую стальную балку около 10 м длиной, которая опирается концами на опоры, а ее тело висит над землей в полуметре от поверхности. Балка состоит из двух частей, скрепленных в середине болтами. Мастер дал нескольким рабочим задание развинтить болты и разъединить балку. Один рабочий стал развинчивать, а остальные стояли рядом и курили. Отвинтив верхние болты, рабочий принялся за нижние, для чего он лег на землю под балку. Его товарищи любовались трудовым процессом. Когда он открутил последнюю гайку, обе половины балки упали ему на голову.

— Какие правила техники безопасности нужны были этим идиотам? — спрашивал меня прокурор. — Ведь это даже детям понятно! — продолжал он возмущаться. — Однако мастера мы посадим, — закончил доблестный защитник закона и справедливости.

Так я первый раз столкнулся с откровенной подлостью наших юристов. Закон дал право прокурору поступать по совести, оценивать доказательства вины исходя из собственной убежденности. Этот прокурор был убежден, что мастер не виноват, но абсолютно спокойно делал все, чтобы невиновный был наказан. И все это ради того, чтобы отчитаться перед своим начальником — Генеральным прокурором: «Вот смотрите! У меня в городе на каждый случай травмы имеется осужденный. Я хороший работник, я доблестно борюсь с

производственным травматизмом!» Когда мой товарищ показал выданный ему на руки приговор суда, у меня улетучились иллюзии относительно судебной ошибки. Судья не ошибался: он хотел осудить невиновных и осудил их!

В констатирующей части приговора, где представлены доказательства вины подсудимых, ссылки на акт госгортехнадзора отсутствовали. Судья знал, что они незаконны! Более того, в этой части один из подсудимых не упоминается вообще, судья не смог придумать, в чем он виноват. Его фамилия всплыла только в резолютивной части, где сообщалось, что он осужден на два года условно.

И никакие последующие жалобы вплоть до писем Генеральному прокурору и в Верховный суд ничего не дали. Отовсюду поступали часто безграмотные отписки: вас осудили правильно!

Автор просит прощения у читателей за столь подробное описание примеров — он хочет, чтобы читатели не просто поверили ему, а сами проанализировали эти примеры и действия бюрократов. Но пока мы оставим их в покое и отметим следующее.

Считается, что с 1937 года у нас в стране осуждена масса невинных людей, а со смертью Сталина этот произвол прекратился. На чем основано это убеждение? Неужели на приведенных выше примерах?

Считается, что виновными в произволе были Берия, Ежов — в общем НКВД, то есть люди, которые собирали доказательства вины подсудимых. В приведенных мною примерах нет ни КГБ, ни НКВД, нет даже милиции, а осуждение невиновных есть! И неважно, что они приговорены не к расстрелу. По данной статье просто нет такого наказания, если было бы — был бы и расстрел.

Так кто виноват в осуждении невиновных в 1937 году — НКВД или суды? Вы скажете: «А какая разница, кто виноват! НКВД, суды — все виноваты».

Разница есть. Мы писали, что наказание должно остановить преступление. У правосудия три вида преступления. Получение незаконных доказательств — преступление дознавателей и следователей, это НКВД, это Берия. Возбуждение

уголовного дела против заведомо невиновных — преступление прокуроров. И, наконец, самое страшное преступление — вынесение заведомо неправосудного приговора — преступление суда. Именно в результате вынесения заведомо неправосудного приговора и были казнены или посажены в лагеря невинные люди. А мы вину за это возлагаем на работников НКВД, на тех, кто к этому преступлению — убийству не имел отношения. Мы морально наказываем не за Дело, наказываем невиновных, и от такого наказания нет толку: истинные преступники продолжают и сегодня издеваться над невинными, и сегодня сажать их в лагеря и расстреливать. Мы, как идиоты, которые все помнят, но ничему не учатся.

Возьмем еще пример, но из времен «сталинского террора»: дело о гибели Еврейского антифашистского комитета. Его подробно описал журналист А. Ваксберг, и вот что следует из его описания.

В начале 50-х годов НКВД «обнаружил», что Еврейский антифашистский комитет превратился в «шпионский центр США». Пятнадцать человек из этого комитета «подтвердили» версию НКВД, сознавшись в том, что они американские шпионы.

Сейчас принято говорить, что Сталин давал указание убить тех или других, но посмотрите, как разворачивалось дело.

Когда 34 следователя под контролем пяти прокуроров собрали доказательства шпионской деятельности, им по закону необходимо было представить эти доказательства суду. Но они поступили иначе: передали их в Политбюро.

По идее, по закону, политбюро обязано было выгнать эн—каведешников и послать их со всеми их бумагами в трибунал, но ведь в то время и Политбюро было судом партийным. А КПСС гордилась тем, что ни один ее член перед судом не предстал, — до суда их всех исключали из партии.

Вообще-то весьма сомнительно, чтобы руководители любой страны отказались рассмотреть до суда, в чем обвиняют крупнейших общественных деятелей государства. Было бы странно, если бы при существующих у нас по-

нениях об управлении руководители лично не занялись подобным делом.

Мы опять видим, как руководители «приседают» на уровень своих далеких подчиненных, опять принимают за них решения. Но заметим здесь и рвение подчиненных, которые, минуя потребителя Дела — суд, рвутся к самой высокой инстанции.

Итак, НКВД несет дело в Политбюро, и Политбюро его рассматривает и очень тщательно. По этому вопросу Политбюро заседает три раза. Можно сказать, что это глупо, ведь Политбюро слышало только одну сторону — обвинителей, а защитников, а самих подсудимых не было на этих заседаниях. Как это ни странно, они были! Председатель партийного контроля, член Политбюро Шкирятов выезжал в тюрьму и там лично, один на один допросил всех обвиняемых, и они... признались ему в шпионской деятельности. Председатель трибунала Чепцов в своей объяснительной записке маршалу Жукову писал: «Надо отметить, что Лозовский (руководитель шпионского центра. — Ю.М.) на допросах давал Шкирятову яркие показания о своей и других антисоветской деятельности».

Интересно, а вы, читатели, какое бы приняли решение, рассмотрев на месте Политбюро это дело о шпионаже — преступлении, за которое по законам страны полагается смертная казнь? И вы бы наверняка решили так, как Политбюро решило судьбу шпионов — судить и расстрелять.

Но что значит: «Политбюро решило»? В законах страны о Политбюро нет ни слова, его решение для суда силы не имеет. Более того, как будет видно, это решение никому и не предъявлялось. Политбюро оставило суду возможность поступить по совести, хотя для себя его члены поняли, что обвиняемые — мерзавцы, но суду они этого не говорили. По мнению Политбюро, суд должен был сам до этого дойти. Заслушать обвинителей, заслушать подсудимых и решить. По совести.

Но не тут-то было. Председатель трибунала Чепцов уже на первых заседаниях начал сомневаться в вине подсудимых. (Суд шел больше двух месяцев.) Раз возникли сомнения, то

в зависимости от их степени судья должен был либо оправдать подсудимых, либо вернуть дело следователям для поиска более серьезных доказательств и устранения противоречий. Но так поступил бы порядочный судья, делократ.

А бюрократ делает так. Председатель трибунала Чепцов начинает старательно выяснять, действительно ли у Сталина и Политбюро есть мнение расстрелять членов несчастного Еврейского комитета. Прямо спросить, как ему поступить с подсудимыми, он не может: он же судья и должен подчиняться только закону и своей совести. Решение Политбюро ему не показывают. И он начинает ходить по начальникам, не имеющим отношения к суду, и излагать им свои сомнения в виновности подсудимых. Он ходит к министру ГБ Игнатьеву, к его заместителям Рюмину и Гришаеву, к Шкирятову, к Маленкову. Убедившись, что действительно расстрел подсудимых не противоречит мнению начальников, он завершает процесс и вместе с другими судьями своим приговором дает команду расстрелять людей, которых он считает невиновными.

Еще раз: он судья, ему никто и ничего в этом деле ни приказывать, ни указать не может, да никто и не приказывал. Ему было дано право решить все самостоятельно. Но он упорно игнорирует свою самостоятельность и стремится получить приказ от тех, кого считает начальниками. И после убийства невиновных он без малейшего сомнения оправдывается перед Жуковым: дескать, я же ходил по начальству, предупреждал его! Мало того, что он сам оправдывается, его и А. Ваксберг оправдывает, считает чуть ли не героем: «Даже в тех немыслимых условиях была возможность сопротивления адской машине уничтожения». Но ведь это именно Чепцов и был адской машиной уничтожения! Ведь он дал команду расстрелять. Он, а не Сталин или Берия. Чему же он «сопротивлялся»?

Это алчное стремление бюрократа сделать не так, как требует Дело, а только так, как желательно начальству, снимает с него ответственность за любые преступления не только в своих глазах, но и в глазах наших недалеких журналистов и писателей.

Посмотрите, что дальше пишет А. Ваксберг: «Насколько, наверное, тому же Чепцову было отрадней активнейшим образом участвовать потом в реабилитации жертв произвола и в суде над палачами».

Вот уж действительно «отрадно». Борьбу с культом личности чепцовы начали с того, что по заданию Хрущева и Маленкова сфабриковали против Берии дело и уничтожили его. Это Ваксберг называет судом над палачами. А потом чепцовы начали снова принимать в суд дела все тех же людей, но теперь уже не для того, чтобы их расстрелять и этим выслужиться перед начальством, а для того, чтобы ранее убитых ими реабилитировать на радость начальству. Что касается лично Чепцова, то он в реабилитации собственноручно убитых жертв не участвовал — закон это не допускает. Зато «отрадно» было прокурорам — они участвовали! Подполковник юстиции военный прокурор Кожура в 1952 году своей подписью гарантировал, что следователи провели следствие без всякого нарушения законности, и потребовал от трибунала, чтобы тот немедленно приговорил к расстрелу «космополитов безродных», а в 1955 году своей подписью подтвердил, что все «космополиты безродные» из Еврейского антифашистского комитета невиновны и потребовал от трибунала, чтобы их всех реабилитировали.

Из-за прокурорско-судейских бюрократов сегодня уже невозможно сказать, были или нет члены этого комитета шпионами. Поскольку ни в 1952, ни в 1955 году никто этого дела не расследовал и никто их по закону не судил. Прокурорско-судейская гоп-компания из шкуры лезла, чтобы на их деле завоевать авторитет у начальства. И только. На закон, на судьбы людей этой компании было в высшей степени наплевать. Ради своей должности и карьеры они и тогда, и потом нагло извращали и факты, и суть дела. Из-за них огромный кусок нашей истории покрыт мраком неизвестности. Верить нашим юристам абсолютно невозможно. Безопаснее верить базарным жуликам.

Вот, например, генерал-лейтенант юстиции Б.А. Викторov в своих мемуарах «И поставил свою подпись...» сообщает о «доблестной» работе по реабилитации «жертв сталинизма».

В частности, он пишет о судьбе расстрелянного в 1938 году заместителя наркома обороны Я.И. Алксниса. Утверждается, что Алкснис признался в том, что он немецкий шпион, под воздействием насилия со стороны следователей НКВД. Если бы об этом сказал кто угодно, но не прокурор, то в это можно было бы поверить. Но наш советский прокурор не может не извратить, не сфальсифицировать факты, у нашей Фемиды это уже хроническая болезнь. Викторов «доказывает», что Алкснис не был немецким шпионом, так как у Викторова есть «документальное подтверждение» этому: «В «Списке-справочнике по СССР», изданном начальником немецкой полиции безопасности и СД до нападения Германии на Советский Союз, есть, например, такие строки: «Алкснис (он же Астров) Яков Иванович отнесен к категории лиц, опасных для фашистского режима, которые подлежат аресту в случае захвата советской территории гитлеровскими войсками». Своих шпионов, разумеется, расстреливать не стали бы».

Разберем цитату в цитате. На первый взгляд, Викторов поступил как честный человек, найдя этот справочник и добросовестно переведя из него абзац. Но... Во-первых, если Алкснис шпион, то его фамилия обязательно должна быть в этом справочнике — не дураки же немцы давать сигнал НКВД. Во-вторых, такой справочник мог появиться не ранее начала 1941 года, так как решение разрабатывать план нападения на СССР Гитлер принял летом 1940 года, а от высадки в Англию немцы отказались только в конце того же года. Получается, что Гейдрих в 1941 году не знал, что Алкснис в 1938 году был расстрелян? В-третьих, мы иногда всех лиц кавказской национальности называем грузинами. Это возможно. Но невозможно, чтобы армянин назвал себя грузином. Только итальянцы называли себя фашистами. Немцы же были национал-социалисты. Немыслимо, чтобы Гейдрих власть фюрера назвал «режимом», а этот режим еще и фашистским. Так может говорить только советский прокурор. В-четвертых, невероятно, чтобы германские вооруженные силы Гейдрих назвал даже не войсками фюрера, а «гитлеровскими войсками».

Эта цитата из «справочника» — наглая фальшивка, сфабрикованная прокуратурой в угоду начальству. И теперь ясно, что у прокуратуры 60-х годов не было доказательств того, что Алкснис не шпион, и она должна была эти доказательства сфабриковать. А это бросает тень вины в шпионаже на того, кого прокуратура вроде бы пытается обелить. Вот уж воистину услужливый дурак опаснее врага.

Тому, что в убийствах невиновных в период «сталинизма» обвиняются не истинные убийцы, а НКВД, есть причина. Но ее мы рассмотрим, когда будем описывать свойства бюрократа. Сейчас же остановимся на том, что мы реально получили от такого извращения истины.

Суды как выступали, так и продолжают выступать в холуйской роли перед начальниками любых рангов. Впереди них холуистствует прокуратура. Закон, который защищает людей, остается без защиты. Тут надо уточнить. Начальство ведь не против того, чтобы в стране было тихо и спокойно. Поэтому борьба с убийцами, ворами и прочим уголовным сбродом велась судами в русле закона (с извращениями конечно). Но если желание начальства, желание тех, перед кем законники хотят выслужиться, расходится с законом, они сразу забывают о законе и начинают выслуживаться. Это убийцы хуже убийц мафии: те хоть не лицемерят, убивая за деньги. Прокуроры и судьи убьют невиновного, чтобы сохранить свои кресла и зарплату, то есть за те же деньги, но будут при этом корчить мину защитников закона и государства.

Приведу пару примеров посвежее.

Расчленение страны на части является изменой Родине во всех странах, в том числе и в СССР. В августе 1991 года банда преступников расчленила СССР вопреки воле народа. Во всей системе юридической сволочи нашелся всего один прокурор, попытавшийся возбудить против преступников уголовное дело по признакам статьи 64 «Измена Родине». Зато нашлась уйма холуев в Генпрокуратуре, которые возбудили уголовное дело по признакам этой же статьи против тех, кто пытался спасти нашу Родину. Тупо, трусливо, но пытались. Возглавил прокурорскую челядь тогдашний Генеральный

прокурор России Степанков, которого Ельцин снисходительно назвал «нашим прокурором», то есть не прокурором России, не стражем ее законов, а только лишь холуем при ельциноидах. Но даже у этого холуя волосы встали дыбом, и он отскочил от ельциноидов в ужасе от их последующих преступлений.

Дело в том, что когда, Ельцин был председателем Верховного Совета РСФСР, этот Совет переделал Конституцию РСФСР: ввел в управление страной пост президента и изменил все положения под этот пост. Но существовала опасность, что Ельцина не изберут президентом и тогда он лично и его кукловоды потеряют власть. На этот случай в Конституцию было введено положение о том, что президент России немедленно теряет свой пост и перестает быть президентом, как только он попытается распустить Верховный Совет*. Но для ельциноидов все сложилось благополучно: Ельцин стал президентом. Однако в стране стали предприниматься попытки организации параллельных советам органов рабочей, народной власти. Тогда Верховный Совет России внес два (из четырех за свое правление) изменения в Уголовный кодекс России. Статья 79 стала предусматривать, что «Насильственные действия, направленные на воспрепятствование законной деятельности конституционных органов власти, а равно неисполнение в установленный срок постановлений Верховного Совета Российской Федерации, верховных советов республик в ее составе, решений краевых, областных советов народных депутатов, советов народных депутатов автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга о роспуске структур власти, созданных вне порядка, предусмотренного Конституцией Российской Федерации, наказываются лишением свободы на срок от одного до трех лет...» Заметьте, здесь вообще не

* Статья 126 Конституции Российской Федерации: «Полномочия президента Российской Федерации не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства Российской Федерации, роспуска либо приостановления действия законно избранных органов государственной власти, в противном случае они прекращаются немедленно».

упоминаются какие-либо решения президента или его людей. Они исполнительная власть и обязаны выполнять решения советов. Наряду со статьей 79 УК РСФСР была изменена и статья 70: «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя или захвату власти, а равно массовое распространение материалов, содержащих такие призывы, — наказываются лишением свободы на срок до трех лет...» Эти изменения законов Президент России Ельцин подписал 9 октября, и они вступили в действие 27 октября 1992 года.

Не прошло и года, как Ельцин подписал указ о роспуске Верховного Совета, тем самым вопреки Конституции захватывая законодательную власть. По всей России были ликвидированы представительные органы власти, в связи с чем Ельцин сразу же перестает быть президентом, ни одна его команда не имеет силы, любое исполнение их — преступление.

Тем не менее масса должностных лиц окружают ВС России, лишают его энергоснабжения, взрывают подстанции телецентра Останкино при попытке ВС обратиться к народу, расстреливают ВС из танков, убивают сотни граждан России. И все это при оголтелых воплях прессы, призывающих Ельцина насильно изменить конституционный строй и захватить власть.

Но ни один прокурор России не возбудил против преступников, установивших в России фашистский режим, уголовного дела. Генпрокурор Степанков сбежал, но на его место, алчно урча, бросились казанники, услужливо повизгивая в рвении услужить хозяину. Они, конечно, не вчера появились, еще Салтыков-Щедрин писал, что у нас многие путают понятие «Отечество» с понятием «Ваше Превосходительство», а когда им начинаешь объяснять разницу, то приходят к выводу, что второе более предпочтительно,

И вот за такое огромное число беспринципных и подлых холуев в ведомствах, обязанных охранять законы страны, мы обязаны холуям другого сорта, тем, кто непрерывно твердил нам, что в сталинском терроре виноват НКВД, кто этим скрывал истинных преступников и не дал наказанием предотвратить подобные преступления.

Но вернемся к теме нашей книги и этого раздела, имеющего целью показать, что бюрократизм зиждется на желании подчиненных быть бюрократами. Вспомните приведенные примеры.

Разве генеральный прокурор, давая задание усилить борьбу с нарушениями техники безопасности, приказывал сажать в тюрьму и правых, и виноватых? Нет, конечно. И судьи, и прокуроры, спеша отличиться, сами преступным образом нарушали закон, фактически обманывая своей статистикой начальника. Если бы генпрокурор не дал такое задание, они бы и не знали, как отличиться. Неужели добросовестной работой? Как дураки? Как десятки миллионов «дураков» у станков и комбайнов, которые их кормят?

Разве Сталин и Политбюро давали команду Чепцову уничтожить Антифашистский еврейский комитет? Нет! Чепцов сам роет землю носом, чтобы узнать, какой приговор будет встречен благожелательно, на чем он сумеет войти в доверие. Могут сказать, что он боялся Политбюро. Но ведь мог же он подать заявление и уйти с этой работы, мог хотя бы не убивать невинных? Мог! Однако предпочел убивать, но ездить на персональной машине, а не в метро.

Автор взял очень яркие примеры, связанные со смертью невинных людей. А в обычной жизни — в экономике, в медицине, в прочих отраслях? Обратите внимание на этих людей, обратите внимание на себя, вспомните, как вы поступаете. Шеф вам дает задание. Вы обязаны его исполнить, поскольку именно за это вы и получаете деньги, причем обязаны исполнить самостоятельно, но вы идете к шефу «по-советоваться», как его выполнить, поскольку «вы хотите, как лучше». Разве вы не понимаете, что «как лучше» будет только тогда, когда вы будете настолько профессиональны и трудолюбивы, что исполните Дело сами, как Делу лучше? Понимаете, но прячете от себя эту мысль и идете к шефу. И после этого по команде шефа наносите огромный ущерб Делу, но чувствуете себя нормально: это же не вы, это шеф принял такое решение!

На вас, «маленьких винтиках», держится вся бюрократическая машина, потому что именно вам она и нужна. Не

начальникам, а вам, подчиненным. И не надо от себя прятаться, она нужна вам потому, что позволяет быть тупыми, неграмотными, ленивыми, но занимать любую должность. Зачем учиться, если можно узнать у начальства, что делать, и после этого ни за что не отвечать?

Ведь это вы, узнав, что начальству нужно сдать дом к первому числу, делали его так, что потом в квартиры было тошно заходить. Да, вы гнете грудь колесом: «Мы рабочий класс, а они бюрократы». Но ведь это вы довели свою квалификацию до того, что в магазинах СССР ни на одну отечественную вещь нельзя было глянуть с удовольствием: если к ней приложил руку родной рабочий класс, то это обязательно мерзость. Это вам, рабочему классу, очень нужна бюрократическая система управления, она дает возможность занимать рабочее место, не умея и не учась, но требовать от начальства зарплаты мастера своего дела.

Помню, перед «Олимпиадой-80» я был в отреставрированном Московском Кремле. Камера хранения находилась под аркой, арка была выложена новым кирпичом. И хотя каждый каменщик знает, что нужно заполнить швы раствором, обмыть кладку и расшить швы, но... швы зияли пустотами, из них свисали «сопли» раствора. Даже для Кремля не нашли умелых каменщиков, и наверняка толпы иностранцев посмеивались: «Русски рабочий трудно шить комбинезон, руки русски рабочий растут из задницы!» Но желание начальника сдать арку к Олимпийским играм было выполнено, деньги получили, как за мастерскую работу, и плевать на то, что скажут люди. Вот так и судьям: невиновных убили, выполнив желание начальства, и плевать, что скажут люди. Какая между вами разница?

А врачи? Чтобы не затягивать время лечения, во всех случаях, при всех болезнях выписываются антибиотики. Разве вы, врачи, не знаете, что организм к ним привыкает, что в случае тяжелой болезни они уже могут не помочь. Но начальству желательно сократить больничные, и вы каждый насморк лечили тетрациклином. Это вы, боясь рискованной операции, посылали больного в другие больницы, сокращая шансы выжить, лишь бы он умер не у вас и не испортил от-

четность. Чем вы отличаетесь от судей-убийц? Вам также нужна бюрократическая система.

А вы, учителя? Это же вы довели образование до маразма, слепо следуя «экспериментам» педагогических придурков, довели до ситуации, когда старое образование оказалось намного лучше и прочнее нынешнего, когда от нынешнего школьника требуется уже не знание, а только умение ответить на экзамене. Я вспоминаю давнишнюю статью в Литературке, где недоумевающий профессор Московского университета сообщил, что 96% первокурсников — будущих филологов не знают, зачем Чичиков покупал мертвые души, то есть не читали Гоголя, но поступили в университет. Это вы учили коммунизму нынешнюю элиту так, что она не способна была из него понять даже элементарного.

Автору сам Бог дал быть бюрократом, но будет справедливо, если представители и всех остальных профессий заглянут в себя. Ни у кого нет оснований корчить невинную физиономию, ведь СССР был бюрократической страной с самого низу, причем «по желанию трудящихся».

Наверное, приведенный выше пассаж не всем понятен, и многие недоумевают: если нормальный специалист, знающий свое дело, слушает начальника или советуется с ним, то что в этом плохого? А плохо то, что мастер перестает быть мастером, если сам не изучает Дело, перестает быть специалистом. Но если есть снимающая ответственность прямая команда, то этого и не надо. Специалист тупеет, будучи не в Деле, а лишь при нем. Каждый должен это понять, и каждому должно стать обидно за себя.

Вот такой судебный пример.

В русле общего националистического идиотизма, весной 1992 года мэр и председатель совета города Ермак (Казахстан) дали команду уничтожить охраняемый до этого государством памятник Ермаку. Это в городе, который был основан русскими в 1898 году и в котором до сих пор казахов едва ли пятая часть. Памятник разрушили «по требованию части казахского населения», но справедливости ради скажем, что по требованию Алма-Аты, а большинство местных казахов отнеслось к этому крайне неодобритель-

но и с большой тревогой за собственное будущее, живя в пограничной с Россией области, где казахов меньше трети. Итак, был разрушен памятник, охраняемый государством, а в Уголовном кодексе Казахстана есть короткая статья 216-1, которая гласит: «Умышленное уничтожение или порча памятников истории и культуры, взятых под охрану государства, наказывается лишением свободы на срок до двух лет...».

Кроме того, власть сослалась на требование казахов, то есть дала им преимущество по сравнению с другими гражданами. А в статье 60 Уголовного кодекса «Нарушение национального и расового равноправия» говорится: «...Установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности наказывается лишением свободы от шести месяцев до трех лет...»

Эти статьи Уголовного кодекса и побудили автора написать и опубликовать в газете открытые письма последовательно прокурору города, прокурору области, прокурору Республики и президенту, где автор назвал разрушителей памятника преступниками по этим двум преступлениям. Но прокуроры, «знатоки» Уголовного кодекса, пришли к выводу, что преступления здесь нет. А чтобы заставить автора замолчать, разрушители памятника, услышав, что в Москве за честь и достоинство дают большие деньги, обратились в суд для защиты своих чести и достоинства, а также за компенсацией материального ущерба в сумме около 100 тысяч рублей (весной 1992 года это была еще сумма немалая; для сравнения: зарплата автора была около 10 тысяч). Судья скорее всего провел заседание суда, где, между прочим, я обратил его внимание на незаконность требования компенсации материального ущерба, но судья только презрительно поулыбался: он судья — ему видней. Я обратил его внимание и на то, что на гражданском процессе он фактически рассматривает уголовное дело по двум статьям. И здесь он поулыбался, обменявшись взглядами с заседателями. Устно суд решил, что все, сказанное мною об истцах, — клевета и оскорбление и за это я должен возместить материальный ущерб в размере 5

тысяч рублей каждому «обиженному». Письменное решение суда нужно было получить не позже чем через 10 дней, но... В это время Верховный Совет Казахстана принял решение об усилении борьбы с разрушителями памятников, и судью заклонило. Месяц он не мог написать то, что сказал устно. И, наконец, нашел соломоново решение: в констатирующей части признано, что разрушение памятника Мухин считает преступлением, но в резолютивной части в перечне того, что по мнению суда является оскорблением чести и достоинства истцов, «преступление» на всякий случай не упоминается. В результате судом было установлено, что «звание» уголовного преступника для главы администрации и председателя горсовета не является оскорбительным. Впрочем, им это было безразлично: они тоже выполняли желание начальства и знали, что с ними ничего не случится.

В этом примере интересно другое: судья, преданный холуй начальства, получил команду принять неправосудное решение. Но и при этом он мог поступить грамотно, как профессионал. А вот что он сделал: вынес решение взыскать материальный ущерб на основании статьи 7 Гражданского кодекса Казахстана, а кодекс такого понятия вообще не содержит, а тем более в статье 7, которая предусматривает штраф в размере 30 рублей. И все. Однако сделал то, что не предусмотрено законом: он вынес неправосудное решение и, следовательно, совершил преступление. Само по себе это обычное дело. Но правомерен вопрос: как же другие суды взыскивают с газет миллионы за оскорбление чести и достоинства? Дело в том, что другие суды выносят решение на основании двух законов: статьи 7 Гражданского кодекса и статьи 39 закона «О печати и других средствах массовой информации», в которой действительно предусмотрено денежное взыскание, но... за нанесение «морального вреда». Когда бюрократ знает, что начальство желает, ему даже холуйствовать лень, лень заглянуть в закон, действующий на тот момент уже два года. Зачем? И так сойдет! Разумеется, сошло, но ведь самому должно быть обидно: это же профессиональный уровень председателя городского суда!

Заканчивая разговор о подчиненных, еще раз суммируем сказанное. Если взявшись управлять порученным Делом, которое можно сделать только при разделении труда (для чего только и нужно управление им), вы совершите обычную ошибку и подчините подчиненных не Делу, а себе, то:

- вы вместо своего Дела вынуждены будете решать Дела своих подчиненных, да еще в огромном объеме;

- вы перестанете понимать, в чем состоит ваше Дело;

- из своих подчиненных автоматически вы создадите такую орду безразличной к Делу подлой, тупой и ленивой сволочи, с которой потом никакими репрессиями не справитесь. Она будет уродовать ваше Дело и на вас же перекладывать ответственность.

Но и это не все. Для руководства этой ордой вам придется создать управленческий аппарат.

Annaram

Мы уже писали, что работа любого человека состоит из трех этапов: оценки обстановки, принятия решения и действия.

Внизу *решения* попроще, хотя их и принимать надо в тысячи раз чаще. Одной головы, тем не менее, хватает, порой человек этой работы и не замечает. Скажем, водитель автомобиля. В движении он ежесекундно оценивает обстановку, принимает решение, его руки и ноги действуют. Попутно он принимает решения по маршруту, по состоянию двигателя, по целостности груза, по объемам заправки, по «левым» делам, да еще и песню поет. Его голова с этим справляется.

Теперь рассмотрим другой пример: вот человек, перед которым стоит задача перевезти автомобильным транспортом все грузы государства, причем так, чтобы эти грузы были перевезены минимально возможным числом автомашин при минимальном расходе топлива, чтобы общество потратило на это минимум труда.

Представьте себе объем информации, которую необходимо собрать и переработать только для оценки обстановки, сколько вариантов решения надо просчитать и оценить прежде, чем выбрать более или менее оптимальное. Это мил-

лионы показателей, и каждый из них индивидуален. Один человек справиться с этим не может, даже если считать, что подобные решения он принимает всего лишь один раз в месяц или в год. Ему нужны помощники, которые в армии называются штабом, а во всех остальных сферах управления — аппаратом.

Само по себе наличие этих людей естественно, без них не обойтись в управлении любым мало-мальски сложным Делом. Но в делократическом и в бюрократическом механизмах эти аппараты выполняют различные функции и имеют разные размеры.

В делократической системе управления аппарат играет именно ту роль, которую и нужно: он помогает руководителю найти решение — и ничего больше, он не командует вместо командира. Допустим, командир дивизии поручит начальнику штаба подготовить приказ и подпишет его не глядя. Но ведь Дело его накажет, причем, возможно, смертью. Как можно такое жизненно важное решение доверять кому-либо? Да, штаб посчитает силы своих войск и войск противника, определит необходимость в людях, снарядах, стволах при всех вариантах плана боя. Но из этих вариантов какой-то один должен выбрать командир. И это достаточно тяжело.

Как-то один писатель, чтобы подольститься к маршалу Жукову, стал в его присутствии разглагольствовать о том, что только бездарные генералы находятся на передовой, а умные, дескать, сидят на командном пункте и оттуда командуют. Вроде все правильно, но Жуков резко ответил, что и ему приходилось по переднему краю «ползать на брюхе», и немало.

Здесь обычное непонимание смысла работы командира. Да, конечно, генерал должен находиться на командном пункте. Но работа генерала состоит не в том, чтобы где-нибудь находиться, его работа — выиграть бой. Победа — результат решения командира, а чтобы его принять, нужно оценить обстановку. И когда все варианты решения плохи, генерал, которому необходимо хоть что-нибудь добавить к данным, которые дал штаб, сам «ползет на брюхе» на передний край,

чтобы взглянуть на то место, где лягут убитыми его солдаты, чтобы попытаться еще раз, лично найти тот участок, где этих убитых будет поменьше. Жуков ходил на передний край не командовать, не пулеметчикам давать указания. Ему нужна была информация, чтобы сделать собственную оценку обстановки перед принятием собственного решения.

Еще один признак делократического аппарата: он относительно невелик. Он обслуживает только своего начальника, разрабатывает решения только на своем уровне, не готовит решений за его подчиненных. Такой аппарат обслуживает пять-семь подчиненных инстанций. Эту цифру автор видел в самых разных источниках, в том числе и в гражданских. Считается, что большим количеством прямых подчиненных трудно управлять, трудно их обслужить. В армии эта цифра традиционна. У командира редко бывает больше семи прямых подчиненных. Одно время в ходе Великой Отечественной войны пробовали ликвидировать корпусное звено управления в армиях. Обычно армия состояла из трех стрелковых корпусов и нескольких артиллерийских или танковых соединений. В стрелковый корпус входили три стрелковые дивизии и тоже несколько отдельных соединений или частей. В целом на штаб армии или штаб корпуса приходились те же пять-семь непосредственных подчиненных командиров соединений и т.д. Когда ликвидировали корпусное звено управления, на армейский штаб свалилось до 20 подчиненных, штабы перестали справляться с просчетом вариантов для разделения Дела между ними. Корпуса были созданы вновь. То есть выяснилось, что качественно подготовить приказ для 20 подчиненных невозможно, невозможно их обслужить. (Вспомним, что за невыполнение приказа в армии отвечает тот, кто его дал.)

Александр II предложил знаменитому хирургу Пирогову, который уже доживал свой век на пенсии, занять пост министра просвещения. Пирогов удивился: неужели в России уже не осталось людей, желающих стать министрами?

— Так-то оно так, — согласился царь. — Но все они хотят только руководить, никто из них не понимает, что руководитель — это слуга своих подчиненных.

А это действительно очень трудно понять людям бюрократической системы управления. Очень трудно, даже в армии. Например, в статье «Тыл вооруженных сил» энциклопедии «Великая Отечественная война» сказано, что ответственность за обеспечение войск была возложена на вышестоящие штабы только в ходе оборонительных и наступательных боев. Не будем кривить душой: скорее оборонительных, чем наступательных. Война — Дело, надавав военным теоретикам по морде сплошными поражениями, наконец, сумела подсказать им, как надо управлять Делом: делократически, а не бюрократически. А ведь до войны им, наверное, казалось (как нынешним парламентам СНГ), что главное, чтобы вышестоящий штаб дал хороший приказ (хороший закон), а уж подчиненный обязан как-то изловчиться, сам найти снаряды, то, другое, чтобы этот замечательный приказ (закон) выполнить.

Маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, который во время войны возглавлял Главное артиллерийское управление Красной Армии и отвечал за снабжение ее стрелковым, артиллерийским оружием и боеприпасами, вспоминал, что как только в Ставке принималось решение о проведении наступления на участке какого-либо фронта, решение, о котором еще никто не знал, он начинал гнать на этот фронт эшелоны с боеприпасами. Был риск, что по этому признаку немецкая разведка раскроет замысел операции, но другого решения не существовало, иначе можно было не успеть обеспечить нижестоящий штаб всем необходимым. Война объяснила нашим маршалам, кто кому должен: начальник подчиненному или подчиненный начальнику.

Что показывают эти примеры? В функциях делократического аппарата не заложено «приседать» на уровень подчиненных и нагрузка такова, что нет возможности это сделать. Шеф отвечает за Дело, а у аппарата только о Деле шефа голова и болит.

Иное дело в бюрократической системе управления. Здесь начальник, не доверяя своим подчиненным (с полным основанием для этого), вынужден вникать в их Дела и принимать решения, которых ждут подчиненные. Для этого на-

чальнику нужен аппарат, способный оценить обстановку у всех подчиненных и подготовить решения по ним. Уже только это показывает, что аппаратная камарилья должна быть необъятных размеров.

Вот, например, Министерство черной металлургии СССР, руководившее работой 3 млн. человек примерно на 2000 предприятий. Это министерство ничем не отличалось от нескольких десятков других отраслевых объединений. Как и все другие, Минчермет указывал, что делать персонально каждому предприятию, доходя чуть ли не до отдельного рабочего. Указывалось все: не только объем и сроки производства продукции, но и расход электроэнергии, сырья, материалов, оборудования, сроки ремонтов, устанавливалось наличие материалов на складах, денег на счете, какому рабочему сколько платить, какую спецодежду выдавать, какими напитками поить, сколько квартир строить, сколько мест в детских садах иметь, и прочее, прочее, прочее.

В армии тоже существуют нормы: без них не обойтись при планировании. И командиру для боя тоже планируют расход, скажем, трех боекомплектов. Но если он израсходует пять, но победит, его не станут наказывать за перерасход, а если израсходует один, то ему на следующий бой не снизят норму до одного боекомплекта. И никто не похвалит его за экономию, если он потерпит поражение.

А здесь же, все, что задано из Москвы, должно быть исполнено, все сразу! Невзирая ни на какие изменения Дела. Штат самого Минчермета был относительно невелик — около трех тысяч человек. Но это не весь штат. В ходе развития аппарата часть функций по подготовке решений министра и начальников главков была передана отраслевым институтам и общесоюзным ведомствам, таким, как Госкомтруд, Госкомцен, Госгортехнадзор, Госстандарт и прочим, так что этих людей тоже нужно сюда добавить. Но и это далеко не все. Подготавливая решения по отдельным предприятиям, нужно оценить на них обстановку. Следовательно, ее надо запросить у заводов. Не будут же московские клерки ездить по заводам. А для этого требуется, чтобы на каждом из 2000 предприятий сидели клерки специально для того, чтобы переписываться с московскими.

Но и это еще не все. Ленин как-то, хорошо не подумав, сказал, что социализм — это учет. Это не так. Бюрократизм — это учет. Суть его — неверие начальника в добросовестность подчиненного по отношению к Делу. При бюрократизме возникают целые контролирующие отрасли, паразитирующие на тех, кто делает Дело. (Если исходить из идеи контроля, то, казалось бы, контролировать должен тот, кто знает о Деле больше всех. Возможно, когда-то так и было, когда не хватало инженеров и было целесообразно поручить одному знающему контролировать большое количество предприятий сразу, скажем, в области техники безопасности. Но со временем процент идиотов в контролирующих организациях превысил все мыслимые нормы. И так везде: от прокуратуры до санитарного контроля. Было точно известно, что если, к примеру, какой-то директор полностью развалил свое предприятие, то его обязательно назначат председателем комитета народного контроля города). Сама по себе численность этих людей не так страшна, страшно то, что они творят безнаказанно. Разница между контролером и свиньей в том, что, по русской поговорке, свинья везде грязь найдет, а контролер ее обязан найти, а не найти, так придумать. Встречались интересные случаи «контролерского маразма». Скажем, главный инженер сам утверждает инструкцию, а потом из-за изменившихся обстоятельств дает команду поступить вопреки ей. Так его за нарушение им же утвержденной инструкции с удовольствием и наказывают.

Но вернемся к вопросу подготовки решений аппаратом. Раз аппарат большой, естественно, и решений должно быть много. Это так. Скажем, первая половина 1942 года была, возможно, самой неудачной для Красной Армии: разгромные поражения под Харьковом, на Дону, немцы вышли к Волге и Грозному, самым восточным точкам своего похода «Дранг нах Остен». И, судя по номеру приказа «Ни шагу назад», Верховный главнокомандующий Красной Армией в этот период давал не более одного приказа в сутки, хотя под командой у него было только в войсках до 10 млн. человек и они действовали в условиях непрерывно меняющейся обстановки.

В конце 80-х годов министр черной металлургии СССР, командуя в абсолютно мирной обстановке, давал до шести приказов в день. Завод Минчермета численностью в 5000 человек готовил и отправлял 20 000 писем в год! Из этого числа какой-то процент составляли письма по Делу — покупателям и продавцам. Но их подавляющее большинство — это переписка с аппаратом Минчермета и государством во всех его проявлениях.

Чем занимаются люди в аппарате? Раньше в СССР среди них насчитывалось, может быть, сотня специалистов, работавших непосредственно из промышленности, на высоких заводских должностях, а остальные практически не представляли, чем занималась отрасль. Но им этого и не требовалось, впрочем, и заводским специалистам это вскоре становилось без надобности, поскольку полезная работа по планированию развития отрасли уже практически была забита рутиной контроля за многочисленными показателями в ранее данных приказах.

Для того чтобы подготовить боевой приказ отрасли — план, никто не «ползал на брюхе по передовой», как маршал Жуков. При составлении плана итоги работы отрасли за прошедший период корректировались по всем многочисленным показателям: если запланированный показатель был достигнут, то его немного ужесточали, в противном случае оставляли прежним или немного уменьшали, но руководителя наказывали, особенно, если показатель был в «моде». Скажем, за невыполнение плана по числу бригад коммунистического труда в свое время и с работы могли снять, а потом мода прошла, но планирование оставалось. В 1975—1976 годах за отсутствие на заводе продукции со знаком качества можно было лишиться кресла директора, а в 80-х это интересовало только многочисленную толпу клерков, которые благодаря проведению этой кампании получили стол и оклад в аппарате.

Если перенести бюрократические приемы аппарата на армию, то образно можно было бы представить действия штабов так: если данная рота в прошедшем бою израсходовала 10 000 патронов, то на следующий бой ей планировалось

9990; если она уничтожила 30 солдат противника, то в следующем бою ей планировалось уничтожить 31, и т.д.

Такова же механика работы аппарата и в других вопросах. Скажем, мероприятия по новой технике готовили заводы, посылали бумаги в министерство и оттуда получали их уже в виде приказа. Если какое-то требование возникало сверху, то клерки оформляли его в виде приказа шефа и спускали вниз. Доходило до анекдотов. Когда я работал начальником цеха, ко мне поступила груда бумаг. Сверху пришел приказ директора о том, что к такому-то числу нужно подготовить научно обоснованный расчет потребности цеха в смазочных маслах. При этом нужно было руководствоваться приказом главка, в котором заводу предлагалось провести научно обоснованный расчет, руководствуясь приказом министра (копия прилагалась). В приказе министра говорилось, что в связи с постановлением ЦК КПСС об экономии горючесмазочных материалов всем предприятиям необходимо сделать научно обоснованный расчет потребности в смазочных маслах. Далее прилагалась копия (шесть страниц) научного обоснования, за которое кто-то, наверное, стал доктором технических наук. Смысл его был таков: чтобы получить научно обоснованную потребность в маслах, нужно умножить число требующих смазки механизмов на норму расхода смазки по этому министерству. Дальше шли три страницы норм. Эта груда бумаг меня возмутила. Почему министру черной металлургии сразу не сказать: по нашему министерству норма расхода горючесмазочных материалов, к примеру, 305 грамм в год на механизм, умножайте эту норму на количество механизмов и сообщите итог в управление снабжения? Зачем было в десятках тысяч экземпляров множить все эти бумаги? Однако это было не самое смешное. Оказалось, что в научном обосновании есть нормы для всех отраслей промышленности Советского Союза, включая строительство ледоколов, но не было нормы для Минчермета! Дело даже не в том, что все эти бумаги без указания этой нормы оказались абсолютно ненужными. Пока они дошли до меня, подписи в своем согласии с ними на них поставили не менее пятидесяти должност-

ных лиц: от министра до старшего инженера на нашем заводе. И никто их не читал!

Это наглядный пример не только отношения к своим обязанностям в бюрократической системе, но и, что главное, пример того, какого качества приказы приходится выполнять тем, кто находится у Дела. Снова вспомним, что сейчас все парламенты СНГ штампуют сотни законов и страшно этим гордятся. Прямо стахановцы. А спросить бы, понимает кто-нибудь из них, что в них записано, как это воздействует на их Дело.

Раньше в СССР законов было мало, требования к их качеству и к качеству аналогичных документов были очень высокими, и тем не менее раз за разом выходил какой-нибудь бред. Тут ведь что важно понять. Задание на подготовку дается какому-либо клерку в аппарате, а он не знает (и не обязан знать) хотя бы принципиальные особенности работы всего ведомства. Он знает только свое дело. Он пишет приказ министра, по идее согласовывает его текст с заинтересованными отделами, но этот приказ — не их дело, и не всегда они к нему внимательны. Приказ подписывается с целью улучшить Дело, а вместо этого он либо вносит в управление Делом анархию, либо наносит Делу огромные убытки.

Вот пара примеров.

ЦК КПСС посетила неглупая мысль. Богатство страны люди определяют по наличию у них товаров народного потребления. От того, что у нас есть заводы, люди себя богаче не чувствуют. Но рабочий может строить либо завод, либо легковой автомобиль. Чем меньше у нас будет заводов, тем больше людей получат возможность строить автомобили, и тем более богатыми будут себя ощущать наши люди.

Но вот завод, на котором восемь часов в сутки работают люди, производя, допустим, 100 000 телевизоров в год. Если требуется еще 100 000 телевизоров, то возможны два пути: построить еще один такой же завод либо на старом заводе работать по 16 часов в сутки, то есть в две смены. Очевидно, что второй путь гораздо выгоднее. И те клерки ЦК КПСС, кого это касается, готовят совместно с клерками правительства постановление о переходе промышленности

на многосменную работу везде, где это возможно. Это вроде правильное постановление принимается ЦК КПСС. Но чуть позже другие клерки в ЦК КПСС обращают внимание, что воспитание детей ухудшается, так как многие матери работают в вечерние и ночные смены. И эти клерки готовят другое постановление, которое предписывает в течение трех лет вывести всех женщин из ночных и вечерних смен. Эти постановления должны выполняться везде, в том числе и на заводе, где работает много женщин. Что делать руководителям? Снова переходить на односменную работу или уволить всех женщин для «их блага»?

Другой пример. ЦК КПСС издает постановление о прекращении капитального ремонта оборудования. Смысл: не нужно постоянно ремонтировать морально устаревших инвалидов, если вместо них выгоднее поставить современные высокопроизводительные станки. Этим постановлением предусматривалось, что за капитальный ремонт чего-то надо платить штраф в бюджет. А другие клерки в ЦК КПСС пришли к выводу, что безумие столько металла тратить не на людей, а на станки, станки, станки. И было принято новое постановление: довести число капитально отремонтированной техники до 75%. А нам, заводским работникам, что делать с этими «мудрыми» постановлениями? Ремонтировать или менять свое оборудование?

Я пишу «клерки ЦК», но на самом деле это не собственно штатные работники ЦК, а полки академиков и профессоров, которые консультировали ЦК в те годы.

Еще один пример. Чтобы заводы заказывали себе только нужное им оборудование и в нужном количестве, им было запрещено что-либо продавать с завода. Но ненужное все равно накапливается и без вины завода, поскольку оборудование нужно было заказывать за год, а за такое время многое изменялось, и к моменту поступления оно зачастую оказывалось ненужным. Поскольку продать нельзя, оно лежало на складах. Но ушлые академики обратили внимание правительства на то, что таким образом омертвляются, не работают деньги. В связи с этим правительство дает команду: не продавать новое оборудование тому, у кого на скла-

де есть старое, то есть старое не нужно, но нельзя его продать, а новое купить. Что делать? Делали так. Все, что было на складах, «списывали в производство», по-русски говоря, уничтожали. Как-то в мой цех привезли два огромных, новеньких, еще в масле, воздушных компрессора, предназначенных для цеха, от строительства которого правительство недавно отказалось. Если бы в округе они были кому-то нужны, я бы договорился с охраной завода и отдал их бесплатно. Но двигатели компрессоров были рассчитаны на напряжение 10 киловольт, и ни один колхоз не рискнул их взять. Начальник участка моего цеха взмолился — компрессоры мешали ему работать. Я махнул рукой, рабочие разрезали их на куски и сдали в металлолом. По моим подсчетам, в том году в СССР было уничтожено нового оборудования, наверное, не менее, чем на четверть всего годового национального дохода.

Итак, вам поручат Дело, вы подчините себе всех, вам потребуется всем дать команды, и вы раздуете свой штаб до таких размеров, что отдельные люди, даже неглупые, превратятся в простых передатчиков бумаги и перестанут сообщать (вместе с вами), что они делают. И бесполезно будет сокращать аппарат, не люди виноваты, что их много и они сидят на тупой работе, это вы так тупо построили свою работу.

Но это еще не все люди. Вам потребуются полки и армии придурков особого свойства — контролеров. Ведь когда при делократическом управлении вы указываете подчиненному только Дело и ничего больше, контролеру нечего контролировать. При бюрократическом управлении вы указываете, как делать Дело, и появляется работа у контролера — следить, так ли делает исполнитель, как вы ему приказали. Контролер становится нужным человеком, есть к чему приложить его маразм.

Приведу пример по этой теме. Мой предшественник по посту заместителя директора завода по коммерции осенью, в ходе подготовки к зиме, по распоряжению горисполкома продал котельным города 18 тонн огнеупорного кирпича. Завод между прочим в год использовал 20 тысяч тонн этого кирпича, на складах его постоянно находилось око-

ло 2 тысяч тонн, но материалы нам продавать было запрещено. Первый контролер (из Госснаба) установил, что это незаконная операция — продажа на сторону фондируемого материала, и оштрафовал завод на стоимость проданного кирпича и побежал радостно отчитываться начальству о своей полезности: спас государству незаконно заработанные заводом деньги. А тут и другой контролер — прокурор. Он возбудил в суде иск, чтобы взыскать с моего коллеги стоимость штрафа: по его «вине» завод оштрафовали. От такого идиотизма прокурора сначала даже городской суд опешил. Ведь этот замдиректора по сути спас от замерзания и суд ей, и самого прокурора. Суд иск прокурора не признал. Тогда прокурор внес протест в областной суд, который отменил решение городского суда и назначил новый суд. Иск был признан. Стоимость штрафа взыскали с коллеги, кстати, после третьего такого суда он уволился, а прокурор и судьи остались и радостно докладывали начальникам о своих успехах в борьбе с расхитителями социалистической собственности. Я же говорил, контролер в отличие от свиньи, если не найдет грязь, то выдумает.

И напрасно сетовать, что вот, дескать, у нас нет порядочных людей на ответственных постах судей и прокуроров. Но любой человек, попав в систему бюрократических отношений, либо вылетит из нее, либо станет подличать.

Мы не все сказали о бюрократическом аппарате, о действиях его членов и еще вернемся к нему, когда будем рассматривать собственно экономику. Но есть два крупнейших вопроса, связанных с существованием бюрократического аппарата управления, на которых нельзя не остановиться. Не аппарат виноват в этих проблемах, но именно в аппарате находится источник их существования.

Первый вопрос заключается в отходе от Дела, в потере ориентировки, в исчезновении у организации понимания, что такое Дело. Этот вопрос очень плохо понимают, поскольку все мы — дети бюрократического сознания. Человеку можно поручить только Дело, и ничего больше. Нельзя указывать способы достижения Дела. (Здесь уместно напомнить абсолютно точное изречение иезуита Игнатия

Лойолы: «Цель оправдывает средство».) В противном случае средство немедленно само по себе становится целью, и настоящей цели уже не достичь. Обычно критики Лойолы утверждают, что это изречение оправдывало пытки. Не это изречение привело к жестокостям, а то, что инквизиция вместе с основной целью — добиться правды от предполагаемого грешника — получила способ — пытку, и пытка (средство получения правды, по Лойоле) стала целью судов инквизиции. Но раз пытка стала «Делом», то настоящее Дело — получение правды — было уничтожено. Грешники говорили не правду, а то, что хотел услышать суд инквизиции.

И так бывает всегда, когда пытаются оговорить средства достижения цели. Возьмем, к примеру, делократа — командира в бою. Его Дело заключается в том, чтобы взять у противника деревню. Оговорите ему любой способ, как взять деревню, допустим, с потерями не более 15 человек, и Дело отойдет на второй план. Удастся взять с такими потерями, возьмет, но как только потери достигнут 13—14 человек, он прекратит атаки, поскольку в этом случае он хоть какой-то из двух приказов исполнит. И тогда эти 13—14 человек погибнут бессмысленно и бесполезно, то есть преступно.

Бюрократический аппарат, всё больше и больше иницилируя средства достижения цели, все больше усиливая контроль за исполнением этих средств и ужесточая наказания, оставляет исполнителям все меньше и меньше возможности выполнить само Дело. У экономики, у предприятий Делом является удовлетворение спроса покупателей. И *все*. Ничего другого указывать нельзя. Но аппарат, навязав экономике способ, как это Дело сделать (средства), довел ситуацию до того, что вся экономика прилагала огромные усилия фактически для того, чтобы Дела не делать, чтобы дать покупателю не то, что нужно, не в те сроки, вообще от него избавиться. В те времена был анекдот, точно описывавший ситуацию. Решили провести эксперимент и дать советскому директору поработать месяц директором на американском заводе, а американскому — на советском. Через месяц они, счастливые, встречаются. «Я набрал заказов для твоего завода на 5 лет», — хвастается американец. «А я от всех заказов отбил», — гордится советский директор.

Этот анекдот хорошо иллюстрирует и вторую особенность людей, работающих в контакте с аппаратом. При аппарате руководители атрофируются, они перестают понимать Дело, перестают понимать, зачем они нужны. На протяжении десятков лет их повседневная работа заключалась в передаче аппарату вопросов, поступающих к руководителю для решения и затем в утверждении этих решений своей подписью. При аппарате руководитель — самый малоудачливый субъект, ему фактически надо знать грамоту, чтобы просмотреть бумагу с вопросом, отметить в ней ключевые слова, по которым определится исполнитель, и адресовать ее этому исполнителю. Как это ни парадоксально, но при аппарате руководителю нужно уметь только читать и подписываться, хотя бы так, как Ельцин, — медленно, высунув от старательности кончик языка.

В отличие от стран Запада в СССР была еще одна управленческая структура, в которой руководители физически не могли заниматься Делом — структура партийного управления. Ей бы, КПСС, заняться своим Делом, идеологией, а ей это Дело дополнили другим — ответственностью за все в областях и районах, то есть ответственностью за работу промышленных предприятий, сельского хозяйства, медучреждений и прочего. Нельзя сказать, что партийные функционеры уклонялись от этого, но как физически они могли управлять? Ведь управление — это разделение своего Дела между подчиненными, а между подчиненными обкомов Дело распределяли отраслевые министерства. В этом управлении обкомам не было места, вернее, оно было искусственным, без реальных прав в собственно Деле. Уже только поэтому система партийного управления превращалась в некий контрольный бюрократический аппарат, главной целью которого был отчет по модным показателям. Партийные и советские руководители вообще не имели практики в управлении. Даже в тех Делах, где они могли бы попрактиковаться, бюрократическая боязнь ответственности требовала от них устранения от Дела.

Такой пример. Наш город вырос за счет двух крупных и нескольких мелких предприятий. Все дома и учреждения

в городе построили они, они же их и содержат. В связи с этим каждое предприятие имеет свой жилищно-коммунальный отдел (ЖКО) со штатом ремонтно-эксплуатационных служб, то есть в городе одновременно дежурят 5—6 диспетчеров ЖКО, спят 5—6 дежурных бригад сантехников. Между ЖКО непрерывно идут войны: каждый из них пытается снять с себя ответственность за обслуживание спорных улиц, дворов и прочего. Естественно возникал вопрос: зачем в городе численностью не более десятой части численности одного района Москвы иметь столько организаций? Когда председателем горисполкома стал молодой еще функционер, он начал быстро решать этот вопрос — готовить документы по выделению всех ЖКО из состава предприятий и объединению их в единую городскую службу. Как только об этом узнали в горкоме, его тут же вызвали «на ковер» и задали несколько вопросов: «Ты что же это затеял? Сейчас, если в городе непорядок, что делают горком и горисполком? Звонят директорам предприятий и говорят, что они, сукины дети, не заботятся о гражданах города и их, мерзавцев, из партии поисключают. А если все ЖКО будут наши, кому мы будем звонить, кого пугать?»

Вообще-то, как работали секретари обкомов, очень хорошо описали журналисты в мемуарах Ельцина «Исповедь на заданную тему». Но они не описали механизма работы этих людей, не описали, что именно эти люди делают, не показали их «творческого» процесса.

С описанием в литературе того, как творят, как оценивают обстановку, как принимают решения, как мучаются при этом партийные и государственные деятели, у нас плохо, так и хочется сказать, что «по причине наличия отсутствия». Действительно, у В.Карпова вы можете прочитать отличные описания того, как генерал Петров оценивал возможные решения по эвакуации Одессы, а Александр Бек рассказал, что думал генерал Панфилов, когда малыми войсками пытался удерживать широкий фронт наступления немцев. У А. Бека вы также прочтете, как принимают решения конструкторы, министры. Довольно много литературы по творческому процессу директоров предприятий, инженеров, ученых. Во

многих книгах советских писателей присутствуют и партийно-государственные деятели. Если писатель достаточно умный, то он показывает этих деятелей как болванов, которые способны только собрать совещание и принять на нем справедливое решение, подсказанное «массаами». А если и писатель дурак, то тогда можно прочесть, что секретарь райкома, обходя колхоз, спрашивает у тракториста, который не может завести трактор: «В чем дело?» И по-отечески советует: «А ты продуй свечи». Тракторист продувает свечи, и трактор заводится. Между прочим, на тракторах стоят дизельные двигатели и свечей на них нет, но если секретарь райкома приказал, то тогда, конечно, можно найти на тракторе не только свечи, но и серебряный канделябр к ним.

Многие люди испытывают трепет при виде государственных учреждений: лимузины у входа, озабоченные чиновники, допоздна горит свет в окнах. «Ишь ты, — умиляется обыватель. — Мучаются, думают над проблемами нашей жизни!» Может, и мучаются, может, и думают, но только никак не над проблемами жизни народа. В этом нет необходимости. В чем заключалась мыслительная работа секретаря обкома, допустим, Ельцина, Горбачева и прочих? Утром к ним на стол ложились бумаги. Это были вопросы либо снизу, либо сверху. Тем не менее, подход ко всем один: взгляд на бумагу и определение, кому ее отправить (если референт еще не определил). После этого в левом верхнем углу (для этого он оставляется чистым) резолюция: «т. Иванову. Для ответа (Для решения. Для исполнения. Для контроля)». Вот и все. А, скажем, Иванов, второй секретарь обкома, ниже напишет «т. Петрову» а Петров, заведующий отделом, напишет «т. Сидорову», а Сидоров напишет письмо в Академию наук с просьбой найти научное решение. А потом таким же путем бумага возвращается через тех же людей, Ельцин ее подписывает, не читая, и его многомудрая работа над этим вопросом заканчивается.

Второй тип работы — выступление. Здесь еще проще. Когда секретарь обкома идет на трибуну, ему дают текст того, что надо читать, и секретарь читает. Ельцин, кстати, читал хорошо, с выражением. Был такой анекдот: секретарь

обкома ругает помощника за то, что приказал ему написать доклад на 30 минут, а читать его пришлось час, помощник просит прощения, что по ошибке дал секретарю доклад в двух экземплярах.

Третий тип работы — поехать в Москву, в ЦК и попросить там деньги на что-нибудь для области, скажем, для строительства крупного объекта. Возвращать эти деньги не требовалось, следовательно, главное — выпросить.

Еще один тип работы — обозначить себя радетелем народа, здесь уж вообще ума не требовалось.

Итак, к 90-м годам мы имели партийно-государственную элиту, которая в области умственных решений, связанных с порученным ей Делом, была способна только на три примитивнейшие операции: направить вопрос в аппарат и подписать подготовленное аппаратом решение; публично прочесть подготовленный аппаратом доклад; выпросить деньги у вышестоящей инстанции.

И эти люди в 1989 году совершили бюрократическую революцию. Они отобрали у народа власть себе лично. Отобрать-то отобрали, но дальше что? Ведь они физически не способны ни думать над Делом, ни управлять им! Во главе государств СНГ — «всадники без головы»! И, добавим, без совести и без чести.

Многие читатели скажут после этого определения, что автор совсем обнаглел. Но если у читателя есть голова, то пусть присмотрится к тому, чем и как занимаются нынешние руководители СНГ. Тем более что творческий процесс работы, например, парламента был одно время хорошо виден. Вот в парламент поступает запрос. Разве над ним мучаются, его обсуждают, перебирают решения? Нет, во всех парламентах регламент не дает обсуждать вопрос до выяснения истины. Вопрос направляется на рассмотрение в комиссию, в аппарат! И закон, то есть решение парламента, рождает аппарат. Думают ли парламентарии, когда принимают закон? Нет! То, что они делают, — это имитация кипучей деятельности. Программу «500 дней», написанную заумными академиками на 900 страницах, парламент России принял за один день! А «неработающие» законы?

Присмотритесь к деятельности президентов. Даже лучшие из них зачастую отменяют свои же указы, а это прямое подтверждение того, что они не читали, не думали над ними, когда подписывали. Кто из президентов СНГ способен рассказать о своей политике, о ее принципах в более или менее сложных вопросах без подготовленного аппаратом доклада? В этом смысле, конечно, отличался Ельцин: он к сентябрю, например, уже не помнил, какие вопросы ставились народу на апрельском референдуме, даже заседание своего кабинета министров он вел, читая свое выступление по бумажке.

И, наконец, третий тип «творческой» деятельности — вы просить деньги. Раньше они ездили за деньгами к Брежневу, в Политбюро. Теперь Политбюро нет, но есть буши,... и прочие. И президенты старательно ездят к этим суррогатам генерального секретаря и Политбюро, но все с тем же вопросом — просят деньги. Ни у кого даже мысли нет, что СССР 70 лет обходился без иностранных денег, без подачек, что деньги можно заработать, умело управляя Делом. Они ведь никогда Делом не управляли, они не умеют этого, они умеют только просить, поэтому и просят. И вполне искренне считают, что эти просьбы, эти доллары, эти подписи на бумаге и есть то, за что народ их должен любить и ценить. Эти люди и не догадываются о том, что является их Делом, зачем они нужны стране.

Я понимаю, читатель, если бы эти слова написал Рональд Рейган, ему бы немедленно поверили, ведь он был президентом. А как об этом может писать какой-то Мухин, который никогда не управлял страной?! Но видите ли, я никогда и не нес яиц. Но ведь это не значит, что вкус яичницы я могу оценить хуже курицы. Да и вы бы легко это сделали, если бы, слушая выступления лидеров, не хватались за скандальные факты, а пытались понять все, что они сказали. Поверьте, это не так трудно, как кажется. Вовсе не трудно понять, что хозяин страны — наши представители, народные депутаты, собранные в парламент. В любом деле слово хозяина — закон. А в стране только парламент создает законы, он, значит, и хозяин. И нетрудно понять, что если хозя-

ин нанимает за свои (наши) деньги сторожа, чтобы он следил за исполнением его законов, в том числе и за исполнением закона «Не воровать», то и в государстве есть такой сторож — генеральный прокурор. И если в хозяйстве воруют, то хозяин вполне может спросить сторожа, почему воруют и что сторож делает, чтобы не воровали?

Некоторые особенности бюрократа

Устранившемуся от Дела бюрократу становится крайне важно, если не быть, то по крайней мере казаться таким деловым, заботливым, «служой царю, отцом солдатам». Показывать себя служой царю нужно царю, но как показать, если ты не хочешь управлять Делом, не хочешь за него отвечать? Здесь главным становится отчет об исполнении мудрых указаний царя. Отчет становится самоцелью. Из приведенных выше примеров (особенно это видно на примерах различных контролеров) следует, что в основе мотивов, которые двигают бюрократам, лежит желание красиво отчитаться в своей полезности царю. А у людей, которые стоят при Деле и которые обязаны создать условия для красивого отчета, возникают условия, когда они обязаны делать все с точностью до наоборот. И это естественно.

Если устанавливают показатель, который исполнитель обязан повышать и за невыполнение которого грозит наказанием, то исполнитель Дела для собственной безопасности обязан оставить себе резерв исполнения и добиваться от начальства и аппарата, доказывать им, что данный показатель надо немедленно снизить. Это понимает и вся лестница управления и она так же по возможности добивается ухудшения. Вот пример из заводской практики. Считается, что если начальник цеха невыполнил на немного какой-то показатель (к примеру, его себестоимость продукции составила 100,1%), то он плохо работает, не следит за затратами и прочее, поскольку такую величину, как 0,1%, всегда можно сэкономить, займись он ею хотя бы 29-го числа. За это накажут. Но если он уменьшил затраты и себестоимость продукции составила всего 85% заданной, то его, конечно, не накажут, но обругают и назовут дураком, так как

он показывает начальству резерв, а его надо держать в тайне. Он будет вынужден делать бессмысленные траты, лишь бы выйти на 99,8%. На практике заводские руководители не дают недовыполнять показатели, но и не дают перевыполнять их, хотя формально за этим может последовать награда. Однако резерв зачастую важнее награды.

Если бы не было указания сверху об этом показателе и начальство не заставляло его выполнять, промышленность, да и экономика в целом давно бы добились больших успехов. Отчет, как и любой контролер, губит Дело, но для подавляющей массы бюрократии он единственный способ заявить о себе.

Это одна сторона деятельности бюрократа — «слуга царю», но есть еще и другая показуха — «отец солдатам». Для этого бюрократ выезжает брататься с народом, идет в массы, показывает себя таким простецким, заботливым дядькой. Это чистейшей воды рекламный трюк, но на прессу он действует безотказно. Прессу ведь не интересует, что делается за кулисами, почему дезорганизуется работа всего управления и вообще работа на десятки километров вокруг начальника, в массах. Немного поговорим и об этом.

Вот образец бюрократического шоу. Биограф наркома металлургии Тевосяна пишет, что нарком, посещая заводы, любил стать к печи на место сталевара и провести плавку. Вот, дескать, насколько простой был мужик, специалист, тонко чувствовал и знал металлургию! Но здесь есть и другая сторона: если министр в городе, то рядом с ним должны быть руководители города и области, директор завода, главный инженер, начальник цеха и еще масса людей, чьи пояснения, возможно, потребуются министру. Эти люди, бросив свою работу, обязаны стоять 4—5 часов в цехе, не приспособленном для такой толпы, и смотреть, как министр развлекается у печи. Тут же стоит и сталевар, которому и деньги платят, и работать не дают. Министр не работает — устраивает шоу, а масса высокооплачиваемых и занятых специалистов вынуждена изображать перед министром зрителей.

А вот еще пример, может, несколько более сложный. В декабре 1989 года землетрясением был разрушен город

Спитак. Оставим в стороне трагическую сущность события и обратимся к деловой, поскольку только деловая активность системы управления СССР могла уменьшить масштабы трагедии. В самом факте разрушения города не было ничего, что могло бы стать неожиданностью. Советский Союз непрерывно готовился к ядерной войне, в результате которой появились бы тысячи разрушенных городов. Для спасения людей существовала служба гражданской обороны страны с множеством генералов во главе. По идее, для этой службы землетрясение должно было бы стать незначительным происшествием. Казалось бы, эти генералы уже до тонкостей обдумали технологию спасения людей из разрушенных зданий. О какой технологии идет речь? Когда здание разрушается, часть обломков осыпается внутрь его периметра, а часть падает рядом со стенами, образуя у остатков стен откосы. В этих откосах живых людей быть не могло, они уже были раздавлены падающими обломками. Живые могли находиться только в центре завала, в первых этажах, которые меньше всего разрушаются. Но, накрытые сверху и со стороны окон и дверей обломками, эти люди были, как в склепе. Возник чисто инженерный вопрос: как побыстрее до них добраться? Можно сверху, снимая подъемными кранами обломок за обломком. Но здесь имеются минусы. Нельзя поставить на спасение людей сразу много рабочих: один-два стропальщика на кран да сварщик — перерезать арматуру и варить петли. Это очень медленный процесс. Кроме этого, любой подъемный кран берет тем больше груза, чем ближе этот груз к крану. Чтобы снимать большие плиты, крану нужно подъехать к самой стене, но... мешают обломки откосов. Следовательно, обычные автомобильные краны типа «Ивановец» оказались малопригодными, требовались дефицитные краны типа японских «Като». Но был и другой способ: быстро отодвинуть обломки от стен мощными бульдозерами, освободив двери и окна, и пустить внутрь специалистов, способных работать в таких условиях (горных спасателей и шахтеров). Этот способ безжалостен к мертвым, но позволяет максимально быстро добраться до живых. Извлечением трупов можно было бы заняться позже.

Вот эти технологии следовало отработать ГО СССР. Но случилось несчастье в Спитаке, и оказалось, что СССР не имеет гражданской обороны, в Спитаке действовали, как попало, кто попало и каким попало способом (в основном первым, самым непроизводительным).

Еще раз повторим, хотя это была трагедия союзного масштаба, спасти людей обязаны были силы ГО самой Армении как максимум. Отстроить Спитак, конечно, было делом всего Союза, но спасти людей — нет, слишком мелкая задача.

Тем не менее Горбачев прервал свое пребывание в Канаде. (Интересно, зачем он тогда туда ездил, если так легко отказался, — в турпоход? Какой толк от Горбачева был Спитаку в этот момент?) Рыжков срочно вылетел в Спитак, и телевидение подробно показало его пребывание там. Впечатление для специалиста было ужасное. Неразбериха, люди в панике, слезы и страдания, все просят помощи, мечутся. В такой ситуации, когда жизненно необходим труд руководителей, которые расставят людей по местам, дадут команду работать,отреагируют на изменение условий, определяют, какая помощь нужна.

Вот идет телерепортаж: в Спитак въезжает «Икарус», из него выходит глава правительства с толпой республиканских руководителей. Все местные руководители вынуждены бросить работу по спасению людей и присоединиться к свите любопытствующего начальника. (Чем Рыжков мог помочь в Спитаке? Он бы принес в миллион раз больше пользы, если бы из Москвы из своего кабинета руководил обеспечением спитакских спасателей.) После «экскурсии» — обязательное совещание и пустые фразы типа «Нужно напрячь все силы»... и т.д. На этом совещании какой-то инженер пытается объяснить Рыжкову, что нужно применить второй способ спасения людей (с использованием мощных бульдозеров), но его слова не дошли до премьера, боссы поглощены призывами друг к другу немедленно организовать помощь и напрячь все силы и на слова инженеришки внимания не обратили.

Приезд Рыжкова и последовавшее за ним устранение местных руководителей от Дела спасения людей наверняка стоил

спитакцам сотен, если не тысяч, жизней, но зато какое шоу! Сам глава СССР! В гуще событий! Наедине с народом!

Возможно, не всем читателям понятен этот пример, его суть. Делократ никогда не сделает ничего, что помешало бы его подчиненным исполнить порученное им же Дело.

Посмотрите, как управляет Делом настоящий «отец солдатам». Спасение людей в Спитаке было боевой операцией для гражданской обороны СССР. Уже упоминавшийся начальник главного артиллерийского управления Яковлев описал, как Г. К. Жуков руководил белорусской наступательной операцией. Итак, Жуков выехал на фронт.

«Сразу же по приезде Г.К. Жуков провел обстоятельные рекогносцировки, побывав на наблюдательных пунктах всех стрелковых дивизий...

В каждой из армий вскоре были оборудованы довольно обширные макеты местности (для них, как правило, подбирались лесные поляны), на которых во всех деталях, показывался противник и положение наших войск. На этих макетах командармы А. В. Горбатов, П.Л. Романенко, П.И. Батов и А.А. Лучинский докладывали представителю Ставки свои решения на предстоящую операцию. Г.К. Жуков внимательно слушал и при необходимости вносил коррективы». (Вот так примерно, не ожидая войны и землетрясений, Горбачеву с Рыжковым нужно было готовить гражданскую оборону страны.) Но продолжим: «Итак, все было готово к началу грандиозного наступления наших войск. Перед его началом мы с Г.К.Жуковым вновь вернулись на 1-й Белорусский фронт и обосновались на НП 3-й армии генерала А. В. Горбатова, которой была поставлена задача наносить главный свой удар на бобруйском направлении. 23 июня 1944 года в предрассветных сумерках началась наша мощная артиллерийская подготовка».

Ну, и что Жуков? Сел с начальством на автобус и поехал в атакующие цепи показать себя журналистам? Тем более что на направлении главного удара дела складывались плохо и успеха не было. Нет!

«В этой обстановке командарм А. В. Горбатов, человек, прошедший уже немалый армейский путь и хорошо пони-

мавший всю сложность ратного труда, вел себя сдержанно, пожалуй, даже спокойно. И в этом спокойствии чувствовалась его твердая уверенность в том, что командиры корпусов, дивизий и полков его армии, несмотря ни на что, достойно выполнят свой воинский долг. Поэтому старался не особенно-то тревожить их телефонными звонками, а терпеливо ждал дальнейшего развития событий.

Г.К. Жуков тоже ничем не выдавал своего волнения. Он даже не беспокоил командарма, а, прогуливаясь по рошнице, в которой располагался НП армии, лишь изредка интересовался сообщениями о боевой обстановке в целом на фронте и у соседа в войсках 2-го Белорусского фронта. Так же выдержанно он вел себя весь день, вечер и ночь, а потом даже и следующий день. Такому хладнокровию можно было только позавидовать.

Но затем усилия 3-й армии с согласия Жукова были соответственно скорректированы, и 26 июня обозначился успех и в ее полосе наступления».

Как видите, ни один из управленцев-профессионалов, делократов ничем не помешал своим подчиненным исполнить Дело, ни один из своего Дела не творил шоу личной популярности.

Что хочет руководитель: получить дополнительную информацию для собственной оценки обстановки или показать себя? Если только показать, то это бюрократ, да и еще и замшелый. Делократу это не нужно. Казалось бы, вопрос пустяковый, но суть его мало кто понимает даже в мирной армии. Вот генерал армии Гареев, доктор военных наук, профессор, критикует Сталина как стратега. Оно, конечно, куда уж Сталину до Гареева, но обратите внимание, за что критикует: «К тому же Сталин практически не бывал в действующей армии, не выезжал на фронты, а без личного общения с теми, кто выполняет боевую задачу, по одним лишь донесениям и телефонным докладам невозможно понять все особенности складывающейся обстановки... Отметим, между прочим, что в отличие от Сталина Черчилль, де Голль, да и Гитлер побывали во время войны во всех объединениях и во многих соединениях своих войск». Да, конечно, Гитлер

был великий стратег, да только не видно, чтобы поездки на фронт ему сильно помогли.

Смешно здесь то, что Сталин выезжал на фронт и в толь-ко что освобожденные города, но не делал из этого шоу, и поэтому об этом мало кто знает.

Кстати, братание с народом, столь любимое в свое время Горбачевым, Ельциным и прочими, Сталина раздража-ло. Он много занимался строительством, по его настоянию в Москве строители стали строить не только летом, но и зи-мой, он еженедельно выезжал на стройки одной машиной, без охраны. Люди, естественно, узнавали его, собирались вокруг. Тогдашний (1939—1945) председатель Моссовета В.П.Пронин пишет: «... Сталин в такой ситуации говорит людям: «Товарищи, здесь же не митинг, мы по делу прие-хали». Власик, весь потный, бежит вокруг, никого из охра-ны больше нет».

Мы уже писали, что видовым признаком бюрократа яв-ляется уклонение от ответственности, и это достигается по-лучением указания «что делать» от «бюро», от начальника. Но такое указание не всегда возможно получить, особенно аппаратному бюрократу, ведь по идее он сам должен это указание подготовить. Тогда он стремится разделить ответ-ственность среди своих коллег, согласовывая решение во всех мыслимых и немыслимых инстанциях. Это достига-ется двумя путями: можно либо послать того, кому необ-ходимо решение, по инстанциям, либо организовать сове-щание. Бюрократ боится на случай, если его спросят: «Что же ты, дурак, принял такое решение?» А он ответит, что не один он дурак, а и такие-то инстанции тоже, и уче-ные, и прочие.

Одно время модно было говорить, что в 80-х годах в эконо-мике СССР был застой. Но почему? Мы двигались вперед медленно, ровно на столько, на сколько двигало нас ежегод-ное маленькое увеличение показателей, которое производил аппарат. Никакой прыжок или рывок невозможен, все упи-ралось в тот же аппарат, как в подушку, он и не отказывал, и не разрешал.

Другой аппаратный способ уйти от ответственности применялся в тех случаях, когда требовалось быстро найти решение. В этом случае созывалось совещание, и чем больше участников приглашалось, тем лучше. Ответственность за решение как бы раскладывалась на всех участников, хотя все знали, что ни один из них за решение персонально не отвечает. Поэтому совещаниями переполнено рабочее время бюрократических систем управления.

Просто для сравнения. В годы войны у Сталина было Дело — выиграть войну. Одновременно у него, как у Верховного главнокомандующего, было Дело — уничтожить армии агрессоров. Ставка Верховного главнокомандующего насчитывала несколько десятков человек. Казалось бы, эти люди должны были совещаться, совещаться и совещаться. Но Делу это было не нужно. За всю войну Ставка в полном составе ни разу не собиралась. Собирались по несколько человек и только те, которые действительно могли ответить по существу совещания и были компетентны.

У руководящих бюрократов, тех, кто по должности обязан дать приказ по Делу, тоже есть способ ухода от ответственности — программа. Когда такой руководитель не знает, что делать, боится дать команду, обычно он дает указание разработать программу или план мероприятий. Отличие этих документов от приказа состоит в том, что они коллективного изготовления и сам руководитель как бы стоит в стороне от этого документа. Примером может служить программа «500 дней» Шаталина—Явлинского, по которой Горбачев с Ельциным развалили экономику, но при этом оказались сами вроде и ни при чем. Заметьте, делократ никому не даст готовить программу, никому не доверит решения по своему Делу и не станет при своем Деле утверждающим программу бараном.

Как видим, особенность бюрократа в том, что ему крайне необходимо красиво выглядеть перед всеми: деловитым перед начальством, заботливым перед народом. И так всегда, даже когда он немилосердно гробит Дело. Но когда ущерб Делу становится заметен, начинается поиск виновных, идут вопросы сверху и снизу. И бюрократ принимается извора-

чиваться. Если вопрос следует сверху, ответ имеет такой вид: «А что я мог сделать, если у меня подчиненные такие идиоты? Я и на место выезжал, и совещания проводил, и программы им утверждал, и ценные указания давал, а толку никакого!» При этом всех своих подчиненных бюрократ назначал либо сам, либо они были назначены с его согласия, то есть в момент назначения они его вполне устраивали. Делократ никогда на своих подчиненных ответственность не переложит. Они ведь его подчиненные, в его власти.

А если вопрос следует снизу, бюрократ начинает все валить на начальника: «А что я мог сделать? Он мне так приказал, а я послушный, я выполняю приказы, приказы не обсуждаются — приказы исполняются!» Когда бюрократ делает подобные фокусы среди людей, не пытающихся, не желающих задуматься над тем, что происходит, среди людей, мыслящих как бюрократы, то фокусы эти проходят «на ура».

Давайте посмотрим, как у Хрущева «на ура» прошел фокус с культом личности. В период правления Сталина, в очень суровое и жестокое время, наряду с откровенными предателями и врагами своего народа погибли или отсидели в лагерях либо вообще невиновные, либо те, чья вина даже в те суровые времена была несоразмерна с наказанием. Как-то беседуя со старым судьей тех времен, я спросил, приходилось ли ему судить людей по 58-й статье. Он сказал, что имел дело только с чисто уголовным элементом, но признался, встречал в архивах и такие «дела». Судью, привыкшего к толстым томам бумаг по каждому уголовному делу, поразило, что дела по 58-й статье в нашей области были на удивление тонкими. К примеру, сверху был приколот донос, где было сказано, что подсудимый там-то и там-то сказал, что он е.л эту советскую власть. Дальше шел протокол допроса, где подсудимый признавал, что он действительно так сказал сгоряча. Затем следовал протокол заседания чрезвычайной тройки в составе секретаря обкома, прокурора области и начальника НКВД, из которого следовало, что подсудимый виновен и приговорен к расстрелу. Там же отмечалось время приведения приговора в исполнение. Конечно, время было суровое, но ведь мы, русские, чего только сгоряча не наговорим. Неужели надо было расстреливать?

Указанные члены чрезвычайной тройки включали казенного в отчет о собственной беспощадной борьбе с контрреволюцией и врагами народа, в надежде, конечно, что этот отчет прочтет Сталин или кто-то другой, не видевший самого дела, «бюро» будет довольно своими подчиненными, то есть оставит их на должностях, оставит льготы, персональные машины, удобные квартиры и прочее.

Мы уже писали, что невиновных убивали судьи: работники НКВД по отношению к судам были подчиненными. Они шли в суды с предложениями, как обычно подчиненный идет с предложением к начальнику. Суды могли отвергнуть или принять эти предложения, как обычные начальники. Сталин — глава страны. По отношению к судам он, конечно, воспринимался как начальник. Это неправильное, извращенное восприятие, но, тем не менее, оно безусловно было и его следует учитывать. Таким образом, линия подчинения смотрелась так: НКВД — суд — Сталин.

Начали развенчивать культ личности. Кто оказался виноват в убийствах? Правильно, НКВД и Сталин. Бюрократическая серединка, убийцы, сделала фокус и из числа виновных выскользнула. А почему?

Сталина осудил Хрущев, но стоит привести воспоминания о нем очевидцев. Председатель Моссовета Пронин в 1991 году говорил корреспонденту «Военно-исторического журнала»: «Он активно способствовал репрессиям. Дело в том, что над ним висел дамоклов меч. В 1920 году Хрущев голосовал за троцкистскую платформу. И поэтому, очевидно, боясь расправы, сам особенно усердно боролся с беспечностью, утерей политической бдительности, политической слепотой и т.д. Хрущев санкционировал репрессии большого количества партийных и советских работников. При нем из 23 секретарей райкомов города почти все были арестованы. И почти все секретари райкомов области. Были репрессированы все секретари МК и МГК партии: Кацеленбоген, Марголин, Коган, Корытный... Все заведующие отделами, включая помощника самого Хрущева. Хрущев, будучи уже на Украине, на Политбюро в 1938 году настаивал на репрессиях и второго состава руководителей Московского городского комитета партии.

Мы, тогда молодые работники, удивлялись: как же нас Хрущев воспитывает насчет бдительности, если все его окружение оказалось врагами народа? Он же один только остался в МК целым.

— Вы полагаете, что масштаб репрессий в Москве — личная «заслуга» Хрущева?

— В значительной мере. Ведь после осени 1938 года, после прихода к руководству горкомом Щербакова, никто из работников Моссовета, МК и МГК, райкомов не пострадал. Я знаю, что когда на Политбюро в июле 1940 года возник вопрос о снятии Щербакова с работы за плохую работу авиазаводов, то обвиняли его и в том, что он очень неохотно и очень редко давал согласие на репрессии. Мало того. В моем присутствии на секретариате горкома по предложению Щербакова начальник следственного отдела НКВД был исключен из партии за необоснованные аресты».

Но ведь Хрущев не только «санкционировал репрессии». По своей должности первого секретаря ЦК КП республики он, как и секретари обкомов, был членом чрезвычайных троек, именно он приговаривал подсудимых к расстрелам.

Когда возникла необходимость пересмотреть политику репрессий и осудить прошлое, препятствием стали руководители НКВД. Как при них Хрущев мог обвинить НКВД в тех убийствах, которые совершал сам? И он без труда нашел холуев, которые сфабриковали уголовные дела и подвели под расстрел тех, чьих показаний Хрущев боялся: Берию, Абакумова и прочих. И только после этого он на съезде публично обвинил в терроре НКВД и Сталина, подчиненных и начальника. Сталин мертв, руководители НКВД Хрущевым уничтожены. В зале сидят все те же прокуроры и секретари обкомов, убийцы, которым эта версия очень по душе. Хрущев в их глазах — герой, развенчавший культ личности и спасший их лично. Эту же версию бездумно подхватывают и несут в массы журналисты и писатели. А НКВД (КГБ), виновный в уголовном преступлении, так как принуждал подсудимых давать ложные показания, молчит, учитывая судьбу Берии.

Каков эффект для общества от выяснения такой «истины»? Да, чекисты под контролем, никого не пытаются и не заставляют давать нужные показания. Но этим всюду занимается прокуратура. Вспомним, как действовали в Узбекистане следователи прокуратуры Гдлян и Иванов. Чтобы подследственные дали нужные показания, чтобы родственники несли деньги, которые затем выдавались за украденные, подследственных сажали в камеры с отпетыми уголовниками, а те за послабления в режиме били несчастных до тех пор, пока они не подписывали признание, нужное «героям-следователям». В других случаях незаконно арестовывали родных подследственных и, угрожая расправой над ними, добывали нужные показания. И затем наступала очередь судов с их неправосудными приговорами. Мы все знаем, но ничему не учимся...

Итак, жизнь в бюрократической системе управления не только превращает подчиненного в подлеца, она задает ему и определенный стандарт поведения. Подчиненный, стараясь не отвечать за Дело, делом избирает себе какое-либо, оговоренное начальником действие, и главным для него становится отчет за это действие. Он всячески рекламирует свою близость Делу, часто бывая в тех местах, где работают рядовые исполнители; потому что он «демократ», он не принимает собственных решений, а непрерывно советуется с начальником, со всеми возможными и невозможными, такими же, как он, «специалистами». Он любит совещания, а когда не знает, что делать, то дает команду подготовить программу по «улучшению». Он никогда не виноват ни в чем. У него всегда виноваты либо подчиненные, либо начальники, но обычно и те, и другие вместе. Всмотритесь в эти черты, читатели, вы себя не узнаете?

Бюрократия Запада

Конечно, было бы предпочтительнее, если бы эту тему осветил тот, кто живет и работает на Западе, а не бывает там наездами. Поэтому мы лишь коснемся некоторых принципиальных, видимых отличий.

Как и все отношения между людьми, бюрократические тоже имеют свою национальную окраску. К примеру, немцы весьма энергичны в принятии решений, могут принять их прямо за столом переговоров, а японцы обязательно попросят время на обдумывание, что означает согласование ими своих решений с Токио. Зато прямо противоположны подходы на низших ступенях бюрократической лестницы: японские рабочие работают быстро, непрерывно ищут что-то новое, а немецкие на вид крайне неторопливы, любую операцию выполняют тщательно и, на первый взгляд, бездумно.

В мемуарах немецкого морского диверсанта времен Второй мировой войны есть такой эпизод. Первыми начали совершать морские диверсии англичане и итальянцы. Один из видов диверсий состоял в следующем. Из торпеды вынимался боевой заряд, и в этом месте оборудовалась кабина для диверсанта. К первой торпедой снизу прикреплялась вторая, боевая. Обе торпеды скрытно опускались в море, и диверсант, управляя первой торпедой, транспортировал вторую ближе к вражескому кораблю, а затем производил пуск боевой торпеды. Немцы, узнав идею, стали ее копировать. Однажды им повезло: англичанин, выполняя боевую задачу, задохнулся в кабине, обе торпеды были невредимыми выброшены на немецкий берег, и немцы получили возможность осмотреть их.

Сначала немцев поразили тупость и леность английских рабочих: торпеды были изготовлены грубо, чуть ли не кое-как, даже сварочные швы не были зачищены. А на немецких торпедах все детали и поверхности сияли шлифовкой и полировкой. Но потом немцы поняли, что в условиях войны, когда дорог каждый рабочий час, заниматься шлифовкой и полировкой того, что заведомо должно разлететься на куски при взрыве, — пустое дело.

В основе этой истории лежит бюрократическая зашоренность конструкторов и инженеров, которые запрограммированы на то, чтобы все делать тщательно, и они требуют этого от рабочих, не думая о Деле. И то, что требовалось для Дела, порой упускалось. Скажем, у наших саперов мирного времени существует такая статистика.

Извлекая с полей прошедших боев неразорвавшиеся артиллерийские снаряды, они на один советский находят три неразорвавшихся в бою немецких, хотя наша артиллерия выпустила по немцам больше снарядов, чем их артиллерия по нашим войскам. Тщательно выполненные немецкие снаряды имели взрыватели из малопрочных сплавов, и эти взрыватели при соприкосновении с землей часто отламывались, не успевая подорвать сам снаряд. Имелся и дефект в конструкции.

Получая по ленд-лизу английские и американские танки, наши танкисты немедленно отрывали и выбрасывали весь выполненный из пластика внутренний интерьер танка: очень уж он хорошо горел.

Подобные бюрократические перекосы можно увидеть и сейчас. Например, молниеотвод на здании в Германии выполнен так, что от одного его вида получаешь удовольствие. Но... проводники, спускающийся с крыши и поднимающийся из земли, соединены муфтой с болтовым зажимом. В этом месте проводники будут ржаветь, следовательно, электрическое сопротивление будет расти, неуклонно снижая качество молниеотвода. А наши строители бросят провода, как попало, криво-косо, но соединят их сваркой, и если не обращать внимания на неприглядный вид сооружения, можно считать, что свои функции молниеотвод будет выполнять исправно, не говоря уже о том, что он раза в три дешевле. Одни зациклены на тщательности, а другие на объемах работ.

Это относится к «синим воротничкам». А что касается «белых воротничков» — конторских работников, то их на Западе тоже очень много. Правда, они заняты в несколько других сферах, учитывая бесплановость или ограниченную плановость экономики. Трудно сказать, но впечатление такое, что там бюрократов этого типа во много раз больше, чем было в СССР со всеми его вывертами. Некоторые фирмы утверждают, что из 100 работников у них 60 рабочих и 40 управленцев.

Токийская контора японской металлургической компании «Ниппон стал», производящей на своих заводах около 20 млн. тонн стали, расположена в 32-этажном здании аме-

риканской планировки. Представьте себе огромные залы, заставленные столами, на каждом столе компьютер, за каждым компьютером японец в белой рубашке, очках и галстуке. И так 32 этажа! Это впечатляет. Магнитогорский металлургический комбинат, производивший во времена СССР 17 млн. тонн стали, не имел, наверное, и пятой части такого числа клерков. А ведь фирма «Ниппон стал» имеет еще и конторы на каждом заводе.

В разговоре с представителями этой компании они, как водится, свысока начали учить нас рыночным отношениям, и тогда я задал им вопрос: «Сколько клерков сидит у вас непосредственно на ферросплавном заводе, чтобы продать 200 тысяч тонн ферросплавов?» Смышленные японцы, поняли к чему этот вопрос, и заговорили по-японски. Разговор до этого шел по-английски, но наш переводчик неплохо знал и японский, хотя и стеснялся на нем говорить. Японцы об этом не подозревали. Позже переводчик рассказал, что глава делегации сказал своим: «Этот русский хочет сказать, что у нас очень много конторских служащих». Они посоветовались по поводу приемлемой цифры и назвали ее мне: на японском заводе ферросплавов один клерк обеспечивает продажу 10 тысяч тонн в год. «А мы производим 1 050 000 тонн ферросплавов,— сообщил я,— и по вашим стандартам в отделе сбыта у нас должно было бы работать 105 служащих, но у нас там работает всего четыре человека, а остальные занимаются плавкой в цехах. На этом примере объясните мне недостатки плановой системы хозяйства». Японцы перевели разговор в другое русло, и неспроста.

Уменьшение технологической бюрократии в развитых странах Запада компенсируется ростом бюрократии в торговых сферах, не производящих товары, не создающих богатство этих стран. И это происходит сейчас в СНГ.

Но есть еще одна сфера на Западе, где царит бюрократия, — юриспруденция. Она особо характерна для стран, в которых политические системы давно не менялись, и накопилось огромное количество законов. В таких странах самые простые дела невозможно решить без юристов. Даже сами бизнесмены пишут, например, о США, что это страна

законников, которые баллотируются на выборах в Конгресс, чтобы там принимать законы, с которыми еще лучше будет жить законникам.

Правомерен вопрос: можно ли внедрить результаты данной работы на Западе, можно ли там делократизировать управление людьми? Да, конечно. Более того, страны Европы и США могут делократизировать свои фирмы значительно легче, чем СНГ или, скажем, Япония. Дело в том, что помимо общего сопротивления аппаратной и государственной бюрократии, которое будет общим для всех государств мира, появится и внутреннее сопротивление людей, не желающих стать хозяевами, желающих оставаться бюрократами. В Европе и Америке люди являются большими индивидуалистами, они в большей степени готовы полагаться на собственные силы и, следовательно, стать хозяевами и отдаться Делу, чем советские люди или японцы, привыкшие находиться под защитой коллектива и руководящего им начальника. Предпосылки к делократизации на Западе более глубокие, на фирмах она видится достаточно простой. Хуже будет с делократизацией управления самих государств, так как для этого необходимо изменить общие взгляды на государство, что нелегко, так как люди там буквально зомбированы средствами формирования общественного мнения и узкой специализацией западного образования. Государственной бюрократии держать их в покорности весьма несложно.

Выводы

Мы рассмотрели азбуку управления людьми. Плохо ли получилось, хорошо ли, но автор старался. Что, по мысли автора, читатели должны были понять из первой теоретической части?

Для того чтобы выжить на этой планете, люди обязаны делать Дело — производить товары и услуги, нужные для обеспечения людям достойной их жизни.

Практически ни одно из сегодняшних дел человек не способен исполнить в одиночку, самостоятельно. Труд разделен, следовательно, и Дело необходимо в процессе его ис-

полнения делить на отдельные Дела. Этим занимается руководитель. Это его работа, только для этого он нужен и за это его ценят.

Вот вы, читатель, стали руководителем. Допустим, вам поручили строить дома или воспитывать детей, защищать страну от агрессора или занять первое место в чемпионате мира по футболу. Вам обязательно нужно помнить и понимать две вещи.

Первое. Надо ясно себе представлять, что является вашим Делом, ни в коем случае не путать его ни с чем другим и не браться ни за что дополнительно. Скажем, вам поручили руководить футболом в стране, и, разумеется, вы ставите своей целью воспитать самые лучшие в мире команды. Что является вашим Делом? Приток денег от спонсоров? Победа во всех играх? Завоевание первых мест в чемпионатах? Нет, это все не то. Это — следствие отлично исполненного вами истинного Дела. А Дело — предоставить зрителям максимальное удовольствие от игры наших команд и футболистов. Вспоминайте, что такое Дело. Это услуга, нужная людям, за которую люди согласны платить. Только за удовольствие от финтов, точных ударов, самоотверженности игроков болельщики согласятся платить.

Видите ли, теоретически можно на чемпионат привезти дворовую команду и вагон денег. Купить за деньги остальные команды и таким путем занять первое место. Но болельщики не получают удовольствия, они перестанут ходить на футбол. Можно обивать пороги спонсоров и на выпрошенные у них деньги купить отличную спортивную одежду и обувь. И на это болельщикам наплевать. Только их удовольствие и является Делом футбола. И если болельщики будут получать это удовольствие, то следствием надлежащего исполнения вами Дела станут и первые места, и конная милиция, отгоняющая толпы спонсоров от дверей вашего офиса, и высокие доходы игроков.

Второе. Смотрите на людей проще и не приписывайте им несуществующие черты. Они действуют согласно законам поведения. Они подчиняются тому, кто имеет возможность их поощрить или наказать. И если вдруг они начинают дей-

ствовать вопреки этому правилу, значит, вы плохо осмотрелись и не видите кого-то или чего-то. Вы не видите инстанцию, которая поощряет и наказывает их более сильно.

Итак, вы получили Дело, поняли его, оценили обстановку и приняли решение, как его разделить. Нашли подходящих специалистов и приняли их на работу или заключили с ними договор. Здесь наступил момент ошибки. (До вас все ошибались в этом месте, кроме армии, да и то она не ошибается только после того, как война научит.) Перед вами выбор — кому отдать власть над вашими подчиненными: себе или Делу? Возьмете себе, и у вас бюрократическая система управления, отдадите Делу — делократическая. Вероятнее всего, вы ошибетесь и возьмете власть над подчиненными себе. Конечно, не бездумно, конечно, вы будете изобретать системы оплаты и стимулирования подчиненных за выполненное Дело. И, тем не менее, это будете делать вы, и власть будет у вас, у «бюро». К вам немедленно потекут вопросы от подчиненных: что им делать по их, подчиненных, Делу, чтобы было хорошо и вы были ими довольны? Вы не отобьетесь от них, вы ведь сами будете волноваться и переживать за свое Дело, а оно состоит из Дел подчиненных, и у вас не хватит духу послать их подальше. Вы волей-неволей начнете вникать в их Дела все глубже, «приседать» на их уровень. У вас перестанет хватать рабочего времени, вы начнете нанимать себе помощников — аппарат, устанавливать контроль за исполнением своих указаний. Потом, увидев, что ваши подчиненные тупо вредят Делу, ссылаясь на ваши указания, вы еще усилите контроль и отчетность, начнете наказывать их жестоко, как Сталин, но они будут бояться вас, а не Дела, и бюрократические связи будут все больше и больше упрочняться.

Со временем вы (или тот, кто вас сменит на вашем посту) перестанете заниматься Делом, все ваше время будет уходить на бюрократическую возню, вы станете тупым болваном при своем аппарате. Именно он, оставшись без вашей головы, безумно и бездумно будет давать команды по Делу, будет давать до тех пор, пока не вгонит Дело в застой, разорит или уничтожит.

Вы воспитаете подчиненных особой марки, среди которых будет обилие честных подлецов — людей, которые вне Дела весьма приятны и порядочны, но в Деле будут, не моргнув глазом, творить любые подлости в надежде, что вы их за это похвалите.

Вы сделаете их тупыми интеллектуалами, людьми, не способными думать. Их знание ваших указаний они будут считать признаком собственного большого ума, будут кичиться им, оставаясь по сути своей придурками. Вы лишите этих людей радости творчества, они останутся животными с магнитофончиком вместо мозгов, магнитофончиком для записи и воспроизведения ваших «ценных» указаний и «мудрых» высказываний.

Это и есть бюрократизм.

Но можно пойти другим путем, путем делократизации системы управления Делом.

Прежде всего, задумайтесь над тем, что является Делом организации, которой вы управляете, зачем она нужна людям, согласятся ли люди добровольно платить за то, что вы для них делаете. Поняв это, надо приступить к своей собственной работе — разделить свое Дело между подчиненными, организовать его.

Потребители Дел ваших подчиненных в подавляющем большинстве будут находиться внутри вашей организации, разве что органы сбыта будут прямо зависеть от внешних потребителей. Вы сначала разработаете технологию того, как исполнить Дело,— выстроите технологическую цепочку, и в этой цепочке ваши подчиненные будут потреблять Дела друг друга. До этого момента внешне ваша система управления ничем не будет отличаться от бюрократической, разве что вы лично тщательно отнесетесь к постановке задач своим непосредственным подчиненным, будете ставить эти задачи очень обще, всеобъемлюще, оставляя максимум свободы.

Но дальше вам необходимо разработать и внедрить такую систему поощрения и наказания от Дела для каждого, чтобы человек в этом смысле зависел только от него, но не от вас. В идеале каждый подчиненный, непосредственно участвующий в исполнении вашего Дела, должен стать единоличным

хозяином, как хозяин мини-завода на Западе, но в лучших условиях, так как выбудете страховать его от возможных неудач мощностью своей организации, как любой армейский командир страхует резервом свои сражающиеся войска.

Вы должны осознанно дать Делу власть, только ему и никому другому, даже себе. В СССР были попытки внедрять суррогаты подобных систем поощрения от Дела, например сдельные системы оплаты труда. Это был безусловный прогресс, но все эти системы погибали: как только человек начинал хорошо зарабатывать, бюрократическая система немедленно снижала расценки. Аппарат воспринимал высокие заработки как недочеты в собственной работе. Вам потребуется здоровая психика, чтобы спокойно смотреть на то, как ваши подчиненные начнут работать за десятерых и зарабатывать за десятерых. А такое будет обязательно.

Если ваш подчиненный не способен делать свое Дело либо делает его так плохо, что мешает и вам, и другим, вы можете снять его с должности, забрать у него Дело и передать другому. Вы начальник, для этого вы и нужны. Но нельзя вставать между подчиненным и Делом, когда оно поощряет и наказывает подчиненного.

Чего вы добьетесь? Ваша организация станет делать Дело неизмеримо эффективнее, и благодарность вам со стороны Дела также неизмеримо возрастет. При этом каждый работающий у вас будет делать Дело в большем объеме, более ценно и качественно, затрачивая при этом гораздо меньше материальных ресурсов. Не сомневайтесь в этом. Это многократно проверено сотнями тысяч руководителей нашей экономики, когда у них были случаи воспользоваться свободной сдельщиной или аккордом, это многократно проверено всеми армиями мира в войнах. В делократической системе управления эффективно работать начнут абсолютно все: врачи и педагоги, милиционеры и продавцы и, конечно, все в экономике.

Но это не все. Неизмерим будет моральный эффект. Ведь в бюрократической системе управления подчиненный — это животное. И, как полагается скотине, он и туп, и ленив. Вы из своих подчиненных сделаете Людей. Дав им свободу от

себя, вы сделаете их рабами Дела, их работа станет интересной, творческой для них самих. Они начнут учиться и совершенствовать свое Дело, их успехи принесут им большую человеческую радость. Половина жизни человека проходит на работе, вы сумеете эту половину сделать для своих подчиненных лучшей.

Вот, собственно, и вся теория.

На этом можно было бы ставить точку, но все читатели, бюрократы по образу мыслей, немедленно скажут: «Все это хорошо, но это теория, а вот как конкретно внедрить в жизнь ее положения?» Это нормальный бюрократический вопрос. Человеку дают Дело, а он немедленно спрашивает у того, кто дает: «Как его делать?»

В следующей части книги рассматривается именно этот вопрос, но читателю необходимо иметь в виду, что автор не может знать абсолютно все. Рекомендации основаны на изложенной выше теории, на законах поведения людей, на принципах управления ими, на личном опыте автора и накопленных им лично знаниях. Эти знания не всеобъемлющи, поэтому нельзя внедрять приведенные рекомендации, не понимая принципы управления людьми. У каждого свое видение Дела и свои особенности, он может найти и лучший способ делократизации. И если такой способ есть и он способствует более эффективному достижению цели, чем предлагаемый автором, то нужно забыть о моих последующих рекомендациях и делать так, как удобнее, как лучше Делу.

Часть II

ВЛАСТЬ - ДЕЛУ

ДЕЛОКРАТИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ

Дело экономики

Поскольку речь идет о всей стране, о государстве, то мы, реформируя экономику страны, должны стать на место высшей власти, на место законодателей, парламента.

Прежде всего, установим, кто является потребителем нашего Дела. Будем исходить из того, что мы — избраны всем народом, мы — представители всего народа, а не отдельных его прослоек, весь народ нам платит налоги и наши законы обязательны для всех, а не для отдельных классов. Наш потребитель — абсолютно весь народ страны. А что нужно всему народу от экономики? За что абсолютно весь народ согласится добровольно нам платить, допустим, славой и уважением? За то, что мы сделаем экономику рыночной? За то, что продадим предприятия частникам? За то, что рубль станет свободно конвертируемым? За то, что сделаем экономику цивилизованной?

Только в истощенном защитой диссертаций мозгу аппаратного бюрократического придурка может созреть мысль, что весь народ согласится платить за эти пустые и трескучие фразы. Зачем народу эта мышьяная возня? Кто, будучи даже в пьяном виде, согласится благодарить нас не за костюм, телевизор или машину, а за какую-то рыночную экономику? Можно, конечно, считать свой народ толпой идиотов, но мы не будем этого делать.

Чтобы жить, народу нужно иметь набор товаров — от теплого дома до вилок и ложек, нужно иметь разнообразную еду, содержащую нормированное количество калорий и белка, пользоваться различными услугами — от просмотр-

ра кинофильмов до возможности быстро попасть в любую точку страны. А для того чтобы хорошо жить, еды, товаров и услуг нужно иметь много и в широком ассортименте. Возникает вопрос: сколько всего этого должно быть у каждого человека?

Дать каждому человеку столько товаров и услуг, сколько хочет сидящее в человеке животное, физически невозможно. Товары может изготовить только человек, а его рабочий ресурс даже на износ не превышает 12 часов в сутки. Ограничен и природный ресурс: не хватит угля, нефти, руд, посевных площадей, энергии.

Поэтому коммунистическая теория в основе своей общественная, в ней главное — человеческое начало, а не прибыль или прибавочная стоимость. Согласно коммунистической идее, нужно создать человека, который бы не испытывал душевных мук от того, что не в состоянии каждый день есть паюсную икру золотой ложкой из серебряного тазика; который понимал бы, что природные ресурсы и силы человека ограничены и соизмерял бы желания с потребностями.

Но будет ли у каждого человека все, что он хочет, или все будет только у некоторых — вопрос не экономики, а социальной справедливости данного государства, то есть вопрос о том, как государство разделит те товары и услуги, которые его экономика в состоянии дать.

Делом экономики государства является производство товаров и услуг в максимально возможном количестве. Это надо понимать так. Есть трудоспособное население страны; есть ресурсы сырьевые, почвенные и климатические; есть достижения науки, техники и технологии. Максимально возможное количество товаров и услуг — это то количество, которое можно получить при максимальном использовании абсолютно всего трудоспособного населения при рациональном использовании ресурсов страны и максимальном использовании достижений науки. Только такую цель экономики народ может считать Делом, причем весь народ.

Предположим, что народ нашей страны состоит из двух человек: одного капиталиста и одного рабочего, а экономика производит 6 килограммов мяса в месяц. Капиталисты

будут считать нормальным, если капиталист съест 5 килограммов, а рабочий — только один. А коммунист будет считать справедливым, если они оба съедят по 3 килограмма. Но это дело социальных идей, а не экономики: распределение того, что она произвела, ее не интересует, она вне социальных течений, хотя Маркс и считается экономистом.

Дело экономики произвести не 6, а 30 килограммов мяса в месяц, и будет ли оно распределено между капиталистом и рабочим поровну или нет, для нее не имеет значения. И кто бы ни стоял у власти в государстве, его народ — и капиталист, и рабочий — будут рады такой экономике, оба согласятся платить нам, парламентариям, за выполненное нами Дело.

Характерно, что даже Сталин, коммунист до мозга костей, развивал промышленность СССР не по социалистическому пути, как можно было от него ожидать, а по американскому. Промышленность — часть экономики, и он не связывал ее с идеологией. Главное — чтобы давала много товаров.

Вот почему наше Дело — максимально возможное производство товаров и услуг, и ничто другое Делом экономики не является.

Итак, мы разобрались с тем, что является нашим Делом, теперь необходимо оценить обстановку и принять решения по реорганизации управления экономикой. Мы должны оценить свои возможности и трудности, говоря армейским языком — силы своих войск и войск противника. Удобнее это делать одновременно, только разделим задачу на ближайшую и дальнейшую.

Ближайшая задача — делократизация управления экономикой страны, дальнейшая — делократизация ее предприятий. У предприятий должны быть развязаны руки, чтобы начать что-то делать. Ведь подавляющему числу рабочих нужно будет стать хозяевами своего Дела, взять на себя риск за неудачу. Дело рабочего будет частичкой Дела предприятия, а последнее уродуют, как хотят, правительства СНГ своими «реформами» экономики. В этих условиях мы не найдем людей, которые бы согласились к общему риску предприятия, которому они подвергаются, прибавить еще и

риск индивидуальный. Кроме того, делократизация вызовет повышение производительности труда, приведет к высвобождению рабочих рук. А к этому нужно готовить страну: куда еще высвобождать рабочие руки, когда в стране и так работают едва ли 40%?

Итак, приступим к оценке обстановки, а затем, последовательно, к решениям по ближайшей и дальнейшей задачам.

Что мы имели

Мы имели мощную экономику, именно такую, которая могла справиться с Делом экономики государства — обеспечением всего народа максимумом товаров и услуг. Даже парализованная бюрократизмом, она была настолько сильна, что с ней не могла сравниться ни одна экономика, даже самых развитых стран.

Рассмотрим, в чем была ее сила. Смоделируем нашу страну. Будем мысленно уменьшать ее размеры до тех пор, пока она не достигнет величины крестьянского хозяйства. Тогда главой страны, ее правительством, окажется хозяин этого двора — сам крестьянин.

Представим себе конец зимы, долгий вечер, он сидит и думает: «Детей у меня пока четверо, жена, да я сам — шестой. Чтобы не голодать, надо в год 20 пудов хлеба на рот, итого 120 пудов. Да на одежду, инвентарь, то-другое потребуется рублей 60. Если Бог даст, то цена на хлеб не упадет ниже 1,5 рубля за пуд, а значит, чтобы выручить 60 рублей, надо еще 40 пудов, да на еду 120, итого 160 пудов. Если Бог дождичка пошлет (а судя по зиме, то может и послать, наверное, пошлет), то урожай надо ожидать, пожалуй, семьдесят, то есть по 60 пудов с десятины. На семена 6 пудов, тогда на еду и товарного зерна с десятины останется 54 пуда, а мне надо 160, это значит, что три десятины под хлебом надо иметь. Да, пожалуй, хоть половину десятины, а овсом надо засеять. Будет овес, следующей зимой схожу с лошастью в извоз, все лишняя копейка... Зима снежная, пожалуй, луга хорошо зальет, сена пудов 300 возьму, да солома будет, телку, видимо, резать не придется, пусть на следующий год простоит, корова старая, менять надо... Три с половиной де-

сятины я и сам вспашу и засею за две недели, старшему 12, пособит. Так что людей в помощь нанимать не придется...» И так далее, и тому подобное.

Как назвать то, чем занимается этот крестьянин? Что он делает? Думает? Мечтает? Фантазирует? Нет. Он планирует! И никакое хозяйство невозможно без планирования, если во главе его не стоит идиот. И сила экономики СССР была в системе планирования.

Отвлечемся. В чем же смысл тех «рыночных отношений», что внедряли перестройщики? В отсутствии планирования! В тупой, административной, насильственной ликвидации системы планирования в стране!

Если развить нашу модель, то перестройщики хотели иметь такой вид страны. Скажем, жена крестьянина сварила себе порцию щей и сидит ожидает спроса. Прибегает один ребенок: «Мама, кушать хочу». «Ага, — размышляет жена крестьянина, — появился спрос на рынке. Надо еще порцию варить». А потом следующий ребенок бежит, потом еще один. Жена каждый раз радуется: спрос на свободном рынке растет. У людей возникает вопрос: что, у этой хозяйки «крыша поехала»? Почему она, не пересчитает свою семью и сразу не сварит шесть порций? Кому нужны эти «свободные рыночные отношения»?

Ведь никакое хозяйство, никакая экономика не может развиваться без планирования. Разве мы, 70 лет считая, сколько стране нужно тракторов, квартир, дорог, полей, самолетов и т.д., вдруг разучились? Теперь нам нужно строить автобусы только тогда, когда увидим спрос в виде очередей на остановках? Так как же нам называть правительства СНГ, как называть консультирующих их академиков? Чему нам было учиться у Запада, если СССР не знал себе равных по скорости экономического развития, если даже социалистическая плановая Польша входила в десятку самых развитых промышленных стран мира? А теперь, кстати, поляк — главный персонаж, идиот в американских анекдотах. Но, думаю, недолго поляк в этих анекдотах будет занимать место, по праву принадлежащее нам.

Наверное, мало кто слышал в России имя Ли Якокки: у нас сейчас совсем другие герои. А между тем в 1986 году

этот человек по опросам общественного мнения занимал в США второе место по популярности после президента Рональда Рейгана, был его яростным критиком, что не мешало ему и в 1987 году опять войти вместе с Папой в десятку самых почитаемых в Америке людей. Но мы его не знаем, так как по профессии он из тех, кого пресса СССР, начиная с 1989 года, выставляет злобными врагами «экономических реформ». Ли Якокка — руководитель промышленного предприятия. Сначала он возглавлял «Форд Мотор Компани», а затем поставил на ноги обанкротившуюся корпорацию «Крайслер». Его репутация руководителя и экономиста столь велика, что существовало мощное движение по выдвижению Якокки на пост президента США. Это человек, который не учил других, как управлять экономикой, а сам успешно управлял империями, от благосостояния которых зависела жизнь нескольких миллионов граждан США.

Сам себя он считает убежденным капиталистом и принципиальным поборником свободного предпринимательства. «И я вовсе не хочу, чтобы правительство вмешивалось в деятельность моей компании, а если на то пошло, и всякой другой компании», — пишет он. Но тут же добавляет: «Почти все восхищаются японцами, их ясным видением будущего, налаженным у них сотрудничеством между правительством, банками и профсоюзами, их способностью использовать свои преимущества для неуклонного движения вперед. Но как только кто-нибудь предлагает следовать их примеру, в воображении возникает образ Советского Союза с его пятилетними планами.

Между тем государственное планирование отнюдь не должно означать социализм. Оно означает лишь наличие продуманной стратегии, сформулированных целей. Оно означает согласование всех аспектов экономической политики вместо разрозненного их выдвижения по частям, негласной их разработки людьми, преследующими лишь свои узкогрупповые интересы.

Можно ли считать планирование антиамериканским понятием? Мы у себя в корпорации «Крайслер» ведем большую плановую работу. И так же действует любая другая пре-

успевающая корпорация. Футбольные команды планируют. Университеты планируют. Банки планируют. Правительства во всем мире планируют. Исключение составляет лишь правительство США.

У нас не будет прогресса, если мы не откажемся от нелепой идеи, будто всякое планирование в масштабе страны представляет собой наступление на капиталистическую систему. Эта идея внушает нам такой страх, что мы остаемся единственной развитой страной в мире, не имеющей своей промышленной политики».

...Наиболее известным лауреатом Нобелевской премии по экономике является В.В.Леонтьев — американский экономист русского происхождения. Эту премию он получил за разработку способов планирования капиталистической экономики.

В начале перестройки он приезжал в СССР, просил, убеждал, уговаривал: «Не трогайте Госплан и Госснаб, не разрушайте то, что кормит и содержит страну!» Но кто мог его слушать? Секретари обкомов? Разве он был нужен нашему дорвавшемуся до власти тупому и продажному бюрократическому аппарату? Все разгромили, все уничтожили — могучую страну, мощную экономику. Теперь слушаем и читаем в очередной раз о том, что «темпы падения производства стабилизировались», то есть падаем в яму с той же скоростью. Уже радость! Поскольку можем и быстрее.

Прошу прощения у читателей за эмоциональное отступление, но поймите правильно — ни одно предприятие никогда не действует без плана. Что значит: разделить Дело между подчиненными? Планировать! И это везде, в любой стране, на любой фирме.

С точки зрения управления социалистическая экономика отлична от капиталистической.

На Западе снизу до уровня предприятия (если считать предприятием и крупные объединения типа концернов) все строится планоно и рационально. Западные менеджеры так же, как и мы, ничего лишнего не строят и лишних людей не держат. Если, к примеру, на данном предприятии внутренние перевозки выполняют два автомобиля, то западный ме-

менеджер не будет держать еще двадцать с двадцатью водителями на всякий случай, на случай спроса «на рынке» своего предприятия. И там каждый цех и каждое подразделение руководствуются не рыночными отношениями, а планом предприятия. Ни один западный менеджер, даже свихнувшийся рыночник, не допустит, чтобы, скажем, его два водителя вдруг отправились бы возить грузы для другого предприятия, а не между цехами. На менеджера-рыночника не действуют и их объяснения, что они левыми перевозками зарабатывают в день по 1000 долларов, а не по 500, как на своем предприятии; ведь из-за этих дополнительных 1000 долларов все 20 цехов предприятия могут недосчитаться продукции на 1 000 000 долларов. Менеджер их уволит, да еще и с «волчьим билетом». Тех, кто разрушает плановое хозяйство, и на Западе не потерпят. Там секретари обкомов и преподаватели марксизма-ленинизма предприятиями не руководят. Там план — закон!

Но выше уровня предприятий в экономике Запада начинается анархия или полуанархия. Не давая никому внутри предприятия гоняться за сверхприбылью, сами хозяева предприятий (акционеры) эту сверхприбыль хотят получить. Сверхприбыль, которую можно ухватить на свободном рынке и лично разбогатеть, делает для западных менеджеров и хозяев крайне непривлекательной работу в плановой упряжке страны. Можно только восхищаться ими — люди согласны работать по принципу «или все, или ничего!». Хотя, с другой стороны, им и выбирать не из чего, так как планирования ни в одной капиталистической стране нет. Теперь его, впрочем, нет нигде.

Нужно различать такие понятия, как «планирование» и «форма собственности» предприятий. Система планирования в государстве никак не связана с формой собственности. Если капиталист согласен стать в плановую схему, то этому ничего не препятствует, и, кстати, очень многие официально частные и самостоятельные предприятия включены в плановые схемы концернов. Обычно предприятия по производству комплектующих к основному изделию концерна расположены в государствах с высокой ставкой налогов на

прибыль. Эти заводы работают или с убытком, или с минимумом прибыли, то есть концерн заставляет их продавать изделия по определенному плану и по ценам, при которых весь концерн практически не платит налогов там, где они высоки. А сборочное производство располагается в стране с минимальной ставкой налогов, и тут же продается конечная продукция. Этим обеспечиваются максимальные прибыли концерна, за счет которых он развивается. И, конечно, никакой анархии, никаких идиотских «рыночных отношений» внутри концерна нет — план и только план! Но это опять-таки только до уровня фирм и концернов. Выше в подавляющем большинстве случаев процветает рыночная анархия. Правда, в настоящее время эта анархия несколько обуздывается правительствами, но с единственной целью — не допустить падения собственного производства. Куда денется продукция этого производства, кто ее купит, западные правительства не интересуют. Задачу обеспечить товарами весь народ, которую ставило перед собой правительство СССР, ни одно правительство Запада не ставит. Поэтому и государственного планирования в полном смысле этого слова там не существует. Оно там не нужно. В случае необходимости корректировки экономики Запад действует с помощью правительственных фондов.

Например, в японском гастрономе меня удивили цены. Во всем мире цена на сахар, как правило, втрое выше цены на хлеб. Когда мне приходилось заниматься этими сделками, то в ленинградском порту тонна хлебного зерна стоила 90—110 долларов, а тонна сахара 280—310 долларов. Без сомнений, пусть и при других цифрах, но похожее соотношение должно быть и в портах Японии. А в японском гастрономе килограмм хлеба и риса стоил примерно по 5 долларов, а килограмм сахара — всего около 3 долларов. При этом получается, что розничная цена сахара примерно в 10 раз выше оптовой, а хлеба — в 50 раз! Суть здесь такова. Сахар в Японии не производится, а хлеб и рис выращивают. Миллионы японцев, занимаясь этим делом, имеют доход, платят налоги, обеспечивают свои семьи и покупают трактора, сельхозорудия, другие товары, морской флот доставля-

ет им топливо, удобрения. В Японии мало пахотной земли, фермерское сельское хозяйство высокозатратно, цена риса очень высока, возможно, он в десятки раз дороже, чем вьетнамский или китайский. Если позволить продавать на рынке Японии дешевый импортный рис, то покупатели будут очень довольны: каждый сэкономит на рисе кругленькую сумму. Но тогда японские крестьяне не смогут продать свой дорогой рис, и поэтому не станут его производить. Объем производства упадет, Япония станет беднее на 13—15 млн. тонн риса.

Ну и что, скажете вы, зато каждый японец станет богаче, покупая дешевый рис. Нет, он станет беднее. Ведь нужно будет назначать пособия крестьянам, оставшимся без работы, тракторостроителям, морякам и прочим, кто обеспечивал своим трудом производство зерна. А взять средства на пособия можно только у тех, кто еще работает. Кроме того, нужно будет возместить ту часть поступлений в бюджет, которую раньше вносили крестьяне. Налоги на работающих возрастут и превысят экономию от дешевого импортного риса. Это естественно. Надо содержать армию, полицию, учителей, врачей, пенсионеров, и чем меньше работающих, тем тяжелее налоговое бремя на каждого из них.

Если вдуматься, то налог платит не человек, а производимый им товар. И чем меньше товаров, тем больше налогов заложено в цене оставшихся и тем большие налоги платят их производители. Скажем, завод, на котором работал автор, во времена СССР производил миллион тонн продукции. Когда дорвавшаяся до власти толпа бюрократов развалила экономику СССР, покупателей продукции завода в СНГ почти не осталось, экспорт на Запад был увеличен вдвое, тем не менее, производство сократилось наполовину. И это еще хорошо, ведь множество предприятий останавливалось полностью. Естественно, что все расходы государство возложило на тех, кто еще производит товар, т.е. на оставшийся товар. Если в СССР на рубль товарной продукции завода на налоги приходилось менее 5 копеек, а на зарплату 11,2 копейки, то в рубле продукции постперестроечного периода зарплата работников составляла всего 4,5 копейки, а все

виды отчислений в бюджет, скрытые и явные, выросли до 50 копеек! И это, повторяю, естественно. Налоги платят не люди, а производимый страной товар.

Поэтому забота правительства любой страны — не снизить производство товара. Если есть клочок земли, на котором можно что-то вырастить, нужно сажать, даже если стоимость продукции будет выше, чем на свободном рынке. Если на этом клочке земли ничего нельзя вырастить, то нужно везти туда туристов полюбоваться на это чудо и таким образом заставить землю работать. Любой явный или скрытый безработный — непростительный убыток.

В Японии это понимают. Там никому не запрещают торговать своим рисом. Но на дешевый импортный рис установлены такие таможенные пошлины, что его цена становится выше цены отечественного риса, и японский крестьянин может спокойно работать, жить, кормить семью и платить налоги государству. Таким способом Япония защищает своих производителей. Это не плановая экономика, но уже и не анархия. Это осмысленные действия правительства, хотя, конечно, далеко не планирование.

В других странах поступают по-другому. Скажем, в Европе, где из-за климата сельское хозяйство не в состоянии по ценам конкурировать с Америкой или Аргентиной, допускают продажу сельскохозяйственных продуктов по мировым ценам. Но с осласчастливленных таким образом покупателей изымается дополнительный налог, и из этого налога фермерам платят компенсацию, покрывающую разницу между ценами отечественного и импортного продовольствия. Это тоже не назовешь «свободным рынком».

Один мой знакомый еврей, занявшийся бизнесом в ФРГ, возмущался тамошними порядками: «Представляешь, — говорил он, — моя фирма получает миллион марок прибыли. Из этого миллиона фирма выплачивает налог, а остаток мы, трое владельцев, делим между собой. Но когда деньги попадают на мой счет, я еще раз плачу налог! Более того, если я свою долю до конца года не потрачу полностью, то из остатка у меня еще раз берут налог! Сумасшедшая страна!»

Но если вдуматься, к чему может привести то, что он не потратил свой доход? Это значит, что он не купил товар и

не дал его произвести, то есть кто-то из-за его бережливости остался без работы. Значит, надо либо отдать государству для безработного часть остатка денег, либо покупать товар. Покупатель дает работу, способствует увеличению объема производства товаров.

Еще один наглядный пример: почти во всем мире — от Швеции до ЮАР — существует правило: тому, кто вывозит товар за границу, возвращают часть его стоимости, часто до 10%. Покупатель берет в магазине специальный чек, который предъявляется на таможне вместе с товаром (единственный случай, когда имеешь дело с таможней в Европе), и получает наличными деньгами часть его стоимости. Объясняется это так: иностранец купил товар не в своей стране, а, например, в Германии, не своей промышленности помог, а германской, Германия благодарна такому покупателю, и он получает премию. Эти действия тоже осмысленные и рыночной анархией их никак не назовешь.

Но это — не планирование. Правительство ни одной страны не ставит целью обеспечить товаром каждого своего гражданина. Государства взимают налоги со всех граждан, правительства избираются всеми гражданами, а экономики этих государств ставят себе целью обеспечение не всех граждан, а только покупателей на рынке, т.е. людей с деньгами и желанием купить. Без планирования экономики другой цели невозможно поставить.

Только экономика СССР, правительство СССР ставили себе такую цель. Разумеется, эта цель достигалась поэтапно. Например, последовательно ставились цели: обеспечить всех хлебом, обеспечить всех мясом, обеспечить всех крышей над головой. Для достижения этих целей строились элеваторы, хлебозаводы, мясокомбинаты. Соответственно строились цементные заводы, домостроительные комбинаты, заводы по изготовлению оборудования. В более поздний период ставились цели обеспечить каждого радиоприемниками, черно-белыми телевизорами, и т.д. Соответственно подсчитывались население, число семей, срок эксплуатации бытовой техники, мощность заводов-производителей, доходы населения, цены на товары.

Для того чтобы советские люди, те, кто захочет, могли отдохнуть на юге, планировалось строительство дорог, аэродромов, самолетов, вагонов, автобусов, соответственно строились заводы по обеспечению материалами, комплектующими и энергией этих заводов, строились заводы по производству стали, алюминия, открывались угольные и рудные шахты, то есть делалось все, чтобы позволить каждому советскому человеку добраться в любой уголок своей страны без особых технических и экономических проблем.

Ведь это не так давно было — московские гастрономы, забитые товарами, списки обязательного ассортимента на стенах и продавцы, как каторжные, бросающие очереди тонны отечественных продуктов: круп, колбас, консервов и много того, от чего ломились полки магазинов. Промтоварные магазины были забиты советскими холодильниками, телевизорами, радиоприемниками, часами, костюмами, рубашками, тканями, и все это по вполне доступным почти для каждого ценам. И главное здесь не то, что цены были невысокими, это вторично, главное, что экономика производила почти все виды товаров, рассчитанных (спланированных) на покупку абсолютно всеми гражданами СССР, а не в расчете только на людей с деньгами, как на Западе. Именно это истинное Дело экономики.

В ходе перестройки советская экономическая наука была раздавлена аппаратными академиками, но кое-кто из ученых все-таки уцелел. Дадим слово нашим экономистам, сначала Алексею Пригарину: «Часто можно слышать такой довод: после крестьянской реформы 1861 года Россия начала развиваться ускоренными темпами и, мол, безо всякого социализма она вошла бы в число развитых стран. Но вот что показало совместное исследование, проведенное Хьюстонским университетом США и НИЭИ при Госплане СССР. На старте в 1861 году душевой национальный доход России составлял примерно 40 процентов по сравнению с Германией и 16 процентов по сравнению с США. Прошло более 50 лет — и что же? В 1913 году — уже только 32 процента от уровня Германии и 11,5 процента от американского уровня. Значит, разрыв увеличился. Поэтому слова о вековой отсталости России не были только образным выражением.

Прорыв из этого тупика обеспечили Октябрьская революция и победа народа в Гражданской войне. Только после этого экономика страны начала развиваться высокими темпами. Быстрее всего развивалась промышленность. В 1913 году на долю России приходилось лишь немногим более 4 процентов мировой промышленной продукции, в то время как ее население составляло 9 процентов от населения мира. Это означает, что на душу населения в России приходилось в два с лишним раза меньше продукции, чем в остальном мире, включая Азию, Африку и Южную Америку, т.е. самые нищие регионы мира. К середине 30-х годов удельный вес населения СССР сократился до 5,5 процента. Зато доля промышленной продукции Советского Союза в мировом объеме достигла уже 14,5 процента. Именно эта цифра названа в статистическом сборнике, который ежегодно готовит ЦРУ Соединенных Штатов. Кстати, наш Госкомстат давал еще более высокую оценку — 20 процентов, но и по американским данным уровень промышленного производства в Советском Союзе на душу населения почти втрое превышал средний мировой уровень. С точки зрения динамики это означает, что за 70 лет советской власти промышленность в СССР развивалась в 6 раз быстрее, чем в остальном мире.

Если взять такой обобщающий показатель, как национальный доход, то в расчете, выполненном на основе американских данных, он в 1985 году составлял 57 процентов от национального дохода США, а в пересчете на душу населения — 46, 2 процента вместо 11,5 процента в 1913 году. Значит, национальный доход в СССР за этот период рос в 4 раза быстрее американского.

Начиная с середины 70-х годов темпы развития страны начали последовательно снижаться. Рост масштабов общественного производства, увеличение его технологической и организационной сложности, рост культурного и квалифицированного уровня народа должны были сопровождаться адекватными изменениями системы управления экономикой страны.

Но, заметьте, даже в период так называемого застоя развитие страны по-прежнему шло быстрее, чем развитие капи-

талистического мира. Так, за 1981—1985 гг. валовый национальный продукт СССР возрос на 20 процентов, США — на 14 процентов, Франции и Италии — на 8 процентов, ФРГ — на 6 процентов и только Японии — на 21 процент».

Автор любит Цифры из-за их жесткости и конкретности, и пусть простят меня читатели, которым они не по душе, но я предоставлю слово еще одному советскому экономисту — А. Виноградову: «Россия обладает 30% мировых запасов угля, 40% нефти, 45% газа, 50% сланцев, 44% мировых запасов железных руд, 30% хромовых руд, 74% марганцевых руд, 40% редкоземельных и т.д. и т.п. В стране сосредоточено 28% мировой добычи алмазов и 30% — драгоценных камней...

Но, может быть, в России нет техники и оборудования? Ничего подобного. Россия производит 17,9% мировой машиностроительной продукции», из них 22% мирового производства металлорежущих станков, 46% комбайнов, 11,3% оборудования для пищевой промышленности, 63,2% энергетического оборудования, 27% самолетов, до 50% военной техники, 21% грузовых автомобилей и только 4,8% легковых.

Таким образом, наша страна является одним из крупнейших поставщиков машиностроительной продукции. И хотя Россия производит лишь 17,9% машиностроительной продукции, а капстраны — 73,1% (без КНР), о чрезвычайно высоком качестве нашего оборудования свидетельствует то, что на нем работает 35% базовых отраслей промышленности КНДР, 36% — Индии, 45% — Ирана, 65% — Пакистана, 20% — Турции, 50% — Алжира, 25% — Египта, 50% — Ливии. А это отнюдь не отсталые страны... Страна произвела в 1990—1991 гг. (в год) 13,2 млрд квадратных метров ткани, или 37,8 кв. м на человека (для сравнения: ФРГ — 32 кв. м на человека). В том числе 75% мирового производства льняных тканей, шелка 12%, хлопчатобумажных 13%, шерстяных 19% — 2,6 кв. м на человека (для сравнения: ФРГ — 2,4 кв. м, США — 0,7 кв. м).

Трикотажных изделий в СССР было произведено 22% мирового, т.е. в 2,5 раза больше Японии.

Чудовищный дефицит обуви стал уже притчей во языцех, но ведь у нас в стране производится 27% мирового произ-

водства кожаной обуви, в 4 раза больше, чем в КНР, в 6 раз больше, чем в США, в 3 раза больше, чем в Японии.

Вот вам и нехватка. Даже в 1991 г. в стране возросло производство стиральных машин на 5%, магнитофонов на 8%, пылесосов на 7%, мясорубок на 3,5%, магнитол на 3,4%, швейных машин типа «Зигзаг» на 2%, а остальное осталось примерно на уровне 1989—1990 гг. СССР произвел 9—10 млн. телевизоров (10,9% мирового производства, ФРГ — 5 млн., Япония — 12 млн.). Электропылесосов — 6 млн. шт. (12,4% мирового производства, Япония — 6,6 млн., ФРГ — 4,6 млн.). Утюгов мы производим 16 млн. шт. (15% мирового производства), холодильников — 6,5 млн. шт. (17,4% мирового производства, Япония — 5 млн.), стиральных машин — 6 млн. (12,6% мирового производства, Япония -- 4 млн., ФРГ — 2 млн.), фотоаппаратов — 3 млн. шт. (4,4% мирового производства), часов — 72 млн. шт. (17,1% мирового производства)».

Тем, кто разбирается в цифрах, из приведенных данных должно быть все ясно, а тем, кто не привык с ними работать, скажем, что это феноменально огромные объемы и еще более феноменальные темпы развития. Ни одна экономика мира не знала темпов нашей плановой экономики.

А теперь показатели развития промышленности дополним данными о развитии сельского хозяйства, тем более что разрушители плановой экономики настойчиво твердят, что в Советском Союзе был чуть ли не голод и его сельское хозяйство совершенно не обеспечивало продуктами питания советский народ. Но сначала надо сказать несколько слов просто о питании.

Как-то неудобно писать, что людям для того, чтобы жить, нужно есть и что продуктами нас обеспечивает сельское хозяйство. Складывается впечатление, что об этом забыли. В сельском хозяйстве работают люди, и они тоже едят. Следовательно, часть того, что производят крестьяне, они же и потребляют. Для любого государства очень важно, чтобы после того, как работники сельского хозяйства съели то, что произвели, у них осталось еще что-то для остальных граждан. Это «что-то» называется товарностью сельского хозяйства.

Когда любишь средневековыми творениями зодчих в Западной Европе, невольно приходит мысль, что уже в XIV—XV веках огромное количество людей профессионально, то есть круглый год и всю жизнь, должны были заниматься строительством, инженерным делом, ваянием и живописью. Следовательно, уже в те времена должна была быть такая производительность труда на селе, такая товарность сельского хозяйства, которая бы позволяла государству кормить значительное количество профессионалов,двигающих прогресс во всех областях знаний и экономики. Возникает вопрос: а почему в России было мало таких людей? Ответ прост. Во-первых, конечно, товарность сельского хозяйства была очень низка, ведь даже самые южные земли Московии гораздо севернее всех земель Германии, Франции, Италии и т.д. Во-вторых, те небольшие излишки, которые крестьянин мог оторвать от своей семьи, шли в первую очередь на прокорм армии и на обеспечение вооружения для нее. Россия абсолютно объективно не имела излишков сельскохозяйственной продукции, чтобы кормить инженеров, ученых, ваятелей и прочих. Имея высокую политическую культуру, она резко отставала от других стран в области культуры технической, научной, развлекательной.

Для оседлых народов основой сельского хозяйства является растениеводство и его главная отрасль — зерновое производство. Зерно, хлеб — это прямая, наиболее экономичная по затратам труда пища человека. Когда производительность труда крестьянина достигает определенных пределов, появляется возможность использовать зерно не только для питания человека. Хлебом начинают кормить животных, получая мясо, а мясо идет людям. Здесь надо понимать элементарные вещи. Человек, как и автомобиль, для поддержания своей жизни нуждается в топливе и в запасных частях. Но в отличие от автомобиля он получает топливо и запчасти сразу — вместе с пищей. Топливом для него является калорийность пищи, запчастями — содержащиеся в ней белки. Еще одно отличие: для автомобиля можно запасти топливо в канистрах, а запчасти сложить в багажник, а человек так не может. Он запасает «топливо» в виде собственно-

го внутреннего и подкожного жира, но запаса белков, с помощью которых восстанавливаются клетки его организма и которых ему надо-то всего около 100 граммов в день, он сделать не в состоянии. Белков можно съесть в день очень много, но организм возьмет их ровно столько, сколько сегодня нужно, остальные организм не усвоит и сбросит в канализацию.

Нет нужды забираться в дебри физиологии, но экономические аспекты питания может оценить каждый. Рассмотрим всего два продукта: хлеб и мясо. В постном мясе калорий почти в два раза меньше, чем в хлебе, то есть это неважное топливо. Но в нем почти вдвое больше белков, чем в хлебе, причем в очень хорошем сочетании. (В хлебе белка до 6%, калорийность его 2300—2400 килокалорий на килограмм, в мясе белка 12%, калорийность 1200—1300 килокалорий на килограмм). Отсюда следует, что человеку, который находится в условиях холода и занят тяжелой физической работой, нужно есть больше хлеба или один только хлеб — калорийное топливо. Вместе с хлебом он получит и достаточное количество белка (запчастей), а еды ему нужно будет не очень много. Но если человек живет в теплом климате и расходы энергии (калорий) на его собственный обогрев невелики, если его труд физически не очень тяжел, то ему лучше есть мясо. Если он свою ежедневную норму белков будет набирать за счет хлеба, то быстро распухнет. Получится не еда, а откорм. В то же время, если тяжело работающий человек будет питаться только постным мясом, то его и есть придется много, и белки будут бесполезно потрачены.

Можно сделать вывод, что не следует сравнивать, скажем, душевое потребление мяса или хлеба в различных странах просто так, чтобы определить, хорошо или плохо живут люди. Нужно оценить климат в этих странах, комфортность их жилищ и рабочих мест, доступность транспорта и физические усилия, затрачиваемые в быту и на работе.

Если мы вспомним, что Россия — страна с долгой и холодной зимой, с огромными расстояниями, а в прошлые века и с тяжелым крестьянским трудом, то поймем, почему хлеб — основа русской пищи. (Под хлебом здесь имеются в

виду и каши, и все мучное.) Мясо для крестьянина считалось скорее баловством. В пище крестьян России (даже прошлого века) приоритеты были следующие: кислая капуста либо щи из нее, водка, мясо. От мяса, разумеется, никто не отказывался, особенно от жирного. В России всегда считалось: что сладко есть — значит, жирно есть, ведь жир — это калории, энергия. Но если была возможность выбора между мясом и водкой, то предпочитали водку. А если был выбор между водкой и щами, то предпочитали щи, поскольку то изрядное количество хлеба, что ел крестьянин, нужно было чем-то «сопроводить» для лучшего усвоения. Народ выбрал себе в качестве такого сопровождения капусту и блюда из нее.

Когда наступал голодный год, крестьянин продавал корову или бычка по цене мяса, равной цене ржи. Мы не поймем смысла этой операции, если не вспомним, что в постном мясе калорий вдвое меньше, чем в хлебе, то есть такой торговлей крестьянин вдвое увеличивал энергетическую ценность пищи.

Приведем «меню» прииртышских казаков Семипалатинского уезда в 1893 году:

Летом, в пост	В мясоед
5 часов. Чай с булкой	5 часов. Чай, молоко, калачи
9 часов. То же	9 часов. То же
12 часов. Редька с квасом, иногда рыба	12 часов. Щи, молоко, черный хлеб, квас
17 часов. Чай с хлебом	17 часов. Чай, молоко, калачи
21 час. Остатки обеда	21 час. Остатки обеда

А вот как описывает П.И.Мельников-Печерский завтрак артели приволжских крестьян, работающих зимой на лесоповале (примерно в те же годы): «Развел он огонь в очаге, в один котел засыпал гороху, а в другом стал готовить похлебку: покрошил гулены, сухих грибков, муку, засыпал гречневой крупой да гороховой мукой, сдобрил маслом и поставил на огонь... Петряйка нарезал черствого хлеба, разложил ломти да ложки и поставил перед усевшеюся артелью чашки с похлебкой. Молча работала артель зубами, чашки

скоро опростались. Петряйка выложил остальную похлебку, а когда лесники и это очистили, поставил им чашки с горохом, накрошил туда репчатого луку и полил вдоволь льняным маслом. Это кушанье показалось особенно лакомо лесникам, ели да похваливали». Артель, заметим, ела два раза в день из-за специфики работы в короткий зимний день и длительной дороги к просекам.

Как видим, пища и богатых казаков, живущих на вольных землях рыбного Иртыша, и небедных крестьян лесного Поволжья в основном растительная, высококалорийная.

Хлеб был очень ценен, зерном скот кормили только богатые люди, крестьянину это и в голову бы не пришло. Ведь для получения килограмма мяса необходимо почти 10 килограммов зерна, в целом это потеря калорийности почти в двадцать раз. Слишком мало производилось тогда зерна в России, чтобы перейти на такой способ производства мяса. Даже в 1913 году, самом урожайном за историю империи, было произведено зерна в границах СССР всего 98 млн. тонн. В 1989 году, в год прихода к власти перестройщиков, производство зерна составило 211 млн. тонн, а было и 240 млн. тонн.

Да, из полученных 98 млн. тонн, в 1913 году Россия экспортировала 9 млн. тонн, и нынче «мудрецы» по этому поводу заявляют, что Россия кормила хлебом всю Европу. Это не так: в России душевое потребление зерна было вдвое ниже, чем в Европе. Россия своим зерном кормила скот в Европе, она кормила Европу мясом и молоком, хотя только половина своих детей доживала до 10 лет, в том числе и из-за отсутствия мяса и молока.

Князь Багратион, полковник Генштаба русской армии (надо думать, потомок героя 1812 года), в 1911 году писал: «С каждым годом армия русская становится все более хворой и физически неспособной... Из трех парней трудно выбрать одного, вполне годного для службы... Около 40% новобранцев почти в первый раз ели мясо по поступлении на военную службу».

Между тем относительная цена на мясо в России тех времен нам должна казаться не очень высокой. Вспомним, что в

начале 80-х годов белый хлеб стоил 25 копеек за килограмм. Мясо по 2 рубля в магазинах бывало редко, но на рынке его можно было купить за 3 — 4 рубля. Соотношение между ценой килограмма хлеба и килограмма мяса было примерно 1:16. А в 1914 году в Москве, относительно дешевом в смысле продовольствия городе, белый хлеб стоил 5 копеек фунт, а говядина — 22 копейки. Соотношение 1:4,5. То есть относительно хлеба мясо в 1914 году было почти вчетверо дешевле, чем через 70 лет. И, тем не менее, 40% новобранцев впервые пробовали его в армии!

Эти цифры и цены показывают состояние сельского хозяйства России, доставшееся большевикам. Несмотря на то что Россия кормилась и объективно, и субъективно практически одним хлебом (о зерне для производства молока и мяса и говорить не приходилось), то есть кормилась самым экономичным путем, производительность труда в этой отрасли была столь низка и товарность ее столь невелика, что в сельском хозяйстве работало почти 85% населения страны. Это означало, что Россия не могла развиваться, не могла строить электростанции и заводы, не могла увеличивать свою экономическую и военную мощь, так как для всего этого требовались люди, их нужно было брать из сельского хозяйства, но тогда оставшиеся крестьяне не смогли бы прокормить работающих в промышленности. Это был тупик. К концу 20-х годов, несмотря на нэп, товарность сельского хозяйства упала до 37%. Крестьяне практически съедали все, что выращивали, и два человека, занятые сельским трудом, были едва способны прокормить одного горожанина даже одним хлебом.

Как поднять товарность сельского хозяйства, все понимали — нужно было поднять производительность труда. Как поднять производительность труда, тоже было ясно — путем механизации сельского хозяйства. В принципе СССР был к этому готов: приступали к строительству тракторных заводов, закупали технику за рубежом.

Но возникал вопрос: кому дать технику? О том, что трактор должен получить крестьянин-единоличник — «фермер», не могло быть и речи. У него бы не хватило денег на такую

покупку, и он бы никогда не окупил его на своем крошечном наделе.

Очевидны были три пути.

Первый — быстро восстановить в сельском хозяйстве крупного землевладельца. Он бы купил трактора и комбайны, и поля, которые обрабатывали 50 человек, стали бы обрабатывать всего 5, а 45 высвободились бы для промышленности. Даже если бы во главе государства стояли не коммунисты с их представлениями о буржуазии и всеобщей справедливости, а какое-то нейтральное правительство, то с точки зрения управления индустриализацией страны перед ним возникли бы сложнейшие проблемы. Ведь рабочие руки стали бы высвобождаться непредсказуемо: помещику плевать на судьбу тех, кто остался без земли и работы. Любое правительство постаралось бы избежать ситуации с миллионами безработных и обездоленных людей. Коммунистам этот путь не подходил в принципе.

Второй путь был очень соблазнительным и теоретически хорошо проработанным, к примеру, экономистом Чаяновым. Это путь кооперации. Он кажется настолько хорошим, что его надо рассматривать вместе с третьим путем — коллективизацией сельского хозяйства. Упрощенно изложим идею кооперации: крестьяне, продолжая владеть каждый своим наделом земли, своим тягловым и продуктивным скотом, сообща покупают технику (за наличные или в кредит), скажем, из расчета один трактор на 10 человек, который обрабатывает поля всех по очереди. Упрощенно изложим и идею коллективизации: крестьяне отказываются от своих наделов, тяглового и продуктивного скота, передают все это в общее пользование и становятся работниками коллективного хозяйства, получая от него доход пропорционально количеству и качеству своего труда.

Если говорить о количестве сельхозпродукции, полученной от одной деревни, а следовательно, и от всего сельского хозяйства, то кооперация по сравнению с колхозом имеет очевиднейшие преимущества. Обработку своего личного участка земли крестьянин проведет гораздо тщательнее, чем колхозного поля. Он обиходит своих быков и лошадей луч-

ше, чем конюх на колхозной конюшне. Его хозяйка за своими коровами, телками, бычками и свиньями присмотрит лучше скотницы, доярки или свиноводки на колхозных фермах. А это, без сомнения, дало бы 10—15% прироста сельхозпродукции по сравнению с колхозом на той же земле.

Это настолько очевидно, что просто глупо обвинять большевиков и Сталина: дескать, они этого не видели или не учитывали личного фактора в работе. Все видели и все учли в отличие от критиков коллективизации. Последние забывают, что кооперация не дает повышения товарности и не освобождает людей для промышленности. С помощью трактора крестьянин-кооператор весной обрабатывает свой надел не за 20, а за 2 дня, покос успеет произвести не за 10, а за один день и так далее. Работа его становится легче, но она есть, и бросить свой надел он не может. Он не может стать сталеваром или шахтером, инженером или офицером. Для крестьянина кооперация — облегчение труда, для страны — тупик. А колхоз — это источник трудовых ресурсов. С ростом степени механизации и производительности труда в сельском хозяйстве крестьян не сгоняли с земель, как это случилось бы при помещике, они не болтались без дела, будь они кооператорами, а уходили на работу в города, но только тогда, когда там появлялось для них рабочее место. До этого момента 70 трудней в год делали их полноправными колхозниками, и колхоз давал им средства к существованию. Да, и у Сталина были своры научных консультантов, но Сталин отличался от тех, кто был после него, тем, что сам понимал, что делает. И он, ведя страну по пути коллективизации, достиг того, чего хотел.

Перед тем как перестройщики уничтожили СССР, в нем жило едва 5,5% населения мира, а в сельском хозяйстве работало только около 15% трудоспособного населения. И наше сельское хозяйство при крайне неблагоприятном климате в 1989 году произвело 11% мирового производства зерна, то есть вдвое больше среднемирового показателя в расчете на душу населения. Производство хлопка составило 15% — почти в три раза больше, картофеля 27% — почти в пять раз больше, сахарной свеклы — 36%.

По производству продуктов питания на душу населения СССР прочно вошел в пятерку самых высокоразвитых стран мира, несмотря на то что климат в СССР для сельскохозяйственного производства во много раз хуже, чем в любой из этих стран.

В 1989 году было произведено (килограммов на душу населения):

Продукт	США	Великобритания	ФРГ	Япония	Среднее	СССР
Зерно	842	380	462	114	556	683
Картофель	65	105	125	33	69	219
Мясо	122	68	97	31	90	69
Молоко	268	263	400	60	180	374
Сахар-песок	24	22	50	7	23	29
Масло животное	2,0	2,6	6,0	0,6	2,2	6,3
Рыба	24	17	3,4	97	38.9	40

А теперь посмотрим на карту: Великобританию омывает теплый Гольфстрим, северная граница Германии находится на широте Смоленска и Рязани, все ее земли расположены на широтах Украины, север Японии южнее Астрахани, юг Японии — широты Египта, но с мягким морским климатом, север США на 150 км южнее широты Киева; сама территория США — это настолько благодатная для сельского хозяйства земля по климатическим условиям, что наши крестьяне о такой и мечтать не могут. Что делать, СССР с географическим положением не повезло очень крупно: ни морей на границах, ни дождичка в мае.

Тем не менее колхозное сельское хозяйство СССР со своих скудных земель обеспечивало граждан СССР лучше, чем США, Германия, Великобритания и Япония в среднем обеспечивали своих граждан. Это видно из последних двух колонок таблицы. Только по мясу отставание, но правительство СССР не собиралось останавливаться на достигнутом. Это западные страны считали, что у них уже все хорошо с питанием, а в СССР так не считали и разработали продовольственную программу, которую перестройщики не дали внедрить.

Но и без этой программы сельское хозяйство СССР производило указанные в таблице продукты питания на 2200 миллионов калорий в год на душу населения. Это на треть больше того, что давали западные страны (1600 миллионов калорий), а по белкам на четверть больше (67,8 килограмма в год против 54,9 в среднем по США, Великобритании, Германии и Японии).

Некоторые читатели заметят, что у этих стран пусть земли и хорошие, но их мало, не на чем выращивать. Ничего подобного! В США платятся огромные деньги (свыше 20 млрд. долларов в год) фермерам, чтобы они не засеивали свои земли и этим не сбивали высокие цены на продовольствие.

Причина в экономике. В СССР плановая экономика имела цель обеспечить питанием каждого, повторяю, каждого гражданина. А на Западе — только людей с достаточным количеством денег.

Оцените и условия, в которых мы работали. На таких географических широтах и в таком климате в других странах люди либо вообще не живут, либо практически не занимаются сельским хозяйством. Две тяжелейшие разрушительные войны на своей территории, отвлекавшие огромные трудовые ресурсы и повлекшие за собой уничтожение национальных богатств. Только Великая Отечественная война унесла треть тех богатств, что накопили все наши предки, начиная от Рюрика.

Можно поражаться и восхищаться упорству наших дедов и отцов, которые в этих неимоверно тяжелых условиях воевали, строили и создавали. То же они делали и раньше, но именно плановая экономика существенно повысила эффект от их работы. Это послужило примером и для других стран, Запад попытался тем или иным путем тоже планировать свою экономику.

Но ведь нельзя слепо копировать, нужно понимать смысл того, что ты делаешь. Скажем, после войны изрядно обнищавшая Великобритания стала по примеру СССР национализировать целые отрасли экономики, не понимая, что в экономике СССР главное не то, что она государственная, а то, что плановая. А для создания плановой экономики, повторяю, не имеет значения, какое это предприятие: государ-

ственное или частное. Главное, чтобы все предприятия действовали по единому плану, а не в слепой анархии рынка. В результате гораздо более разрушенный Советский Союз отказался от карточек в 1947 году, а Великобритания — лишь в начале 50-х.

Гораздо более осмысленными можно считать действия японцев, которые не стали увлекаться национализацией, а планомерно сосредоточили усилия на приоритетных отраслях: металлургии, кораблестроении, электронике.

Сделаем промежуточные выводы. Что значит плановая экономика? На любом заводе, в любом цехе, на любой фирме есть руководитель (директор или коллективный орган), который принимает на себя всю ответственность за Дело предприятия, оценивает его, решает, как его лучше и с наименьшими затратами исполнить, и делит Дело между своими структурными подразделениями. Это и есть планирование. Разница в экономике СССР и Запада заключалась именно в этом: первая управлялась из единого центра, а западная нет. В этом состояло огромное преимущество СССР перед Западом. Но одновременно это был и тяжелейший недостаток. Организована-то экономика СССР была хорошо, но ведь надо было ею эффективно управлять. Управление же было бюрократическим, причем бюрократический маразм все время возрастал.

В последние годы существования Советского Союза все говорили, что в СССР некачественные и несовременные товары, каких-то товаров мало, а какие-то покупатель брать не хочет, люди стремились покупать только импортные товары, и в этом вина вроде бы прямо ложилась на нас, руководителей предприятий. И действительно, мы были виноваты: ведь мы эти товары производили. В книге уже достаточно написано о влиянии бюрократизма на Дело, но я позволю себе привести еще один пример, на этот разобразный, чтобы вы лучше узнали, в каких условиях приходилось работать капитанам советской промышленности и почему их труд был так малоэффективен.

Представьте, что вы — директор советского завода в то время. Чтобы лучше это сделать, мысленно уменьшим завод

до размеров квартиры. А каждый знает, что нужно делать в собственной квартире. Итак, завод принадлежал государству, т.е. всему народу, и ваша квартира принадлежала государству — всему народу. На заводе вроде был хозяин — директор. В квартире был хозяин без всяких «вроде» — вы. Перед директором стояла задача обеспечить потребителей продукцией, для ее исполнения ему доверялся завод определенного типа, стоимости и т.д. И перед вами стояла и стоит задача — обеспечить жизнь вашей семьи, для исполнения этой задачи вам предоставлялась квартира с нужным количеством комнат и нужного метража. У директора потребители, и у вас потребители, у директора государственные средства производства, и у вас такие же. Только директор сначала тратит деньги на обеспечение своих потребителей, а потом уже платит налог государству из прибыли. А вы (если считать зарплату прибылью) сначала платите налоги (квартирплату), а уж потом тратите деньги, скажем, на ремонт квартиры, покупку линолеума и т.д. Но главное различие между директором и вами в том, что квартирой управляете вы сами, а наш директор управлял заводом под диктовку бюрократического аппарата. Вы исходите из интересов семьи, а он — из указаний начальства и только после этого из интересов потребителей.

Представьте, что вы в своей квартире поставлены в те же условия, что советский директор завода. Какой бы была тогда ваша жизнь и жизнь потребителей — членов вашей семьи. Возьмем какой-нибудь пустяк, например, у вас износилась прокладка кухонного крана. Что вы сделаете? Если вы хозяин квартиры, то вы либо замените ее сами, либо возьмете бутылку белой или красного и позовете знакомого слесаря, либо вызовете сантехника из ЖКО и заплатите ему рубль (по тем ценам) за работу.

А как вы будете действовать, если станете советским директором завода-квартиры или председателем колхоза-квартиры? У орды бюрократов для вас всегда готово «нельзя». И на замену прокладки вам придется испросить разрешения по всем бюрократическим законам. Читателю придется набраться терпения, чтобы мысленно (слава богу!) пройти

этот путь. Итак, вы идете к управдому и просите разрешения потратить заработанный вами рубль на замену прокладки. Но управдом не знает, много это или мало. Вдруг придут его проверять и скажут: «Тебе доверили беречь государственные средства, а ты разбазарил целый рубль!» Поэтому он вам разрешения не даст, и вы пойдете выше и выше, пока не дойдете до т. Рыжкова Н.И. — тогдашнего предсовмина СССР. (Когда завод в 1989 году покупал за свои деньги мясной цех для Ермаковского райпотребсоюза за сверхплановый металл, я уже почти дошел до т. Рыжкова Н.И., но именно тогда он разрешил давать такие разрешения своим министрам, и я пошел по второму кругу.) Премьер пошлет вас к министру коммунального хозяйства, чтобы тот ему подсказал, можно ли тратить рубль на прокладку или это все-таки дороговато. Но тот это тоже не знает. Поэтому он пошлет вас к своему заместителю, который ведает кухнями, а тот — в управление кухонного водопровода, а тот — в главк вентилей, а тот — в отдел прокладок, а тот — к главному специалисту по резиновым прокладкам. Последний потребует, чтобы принесли разные справки, и примет решение, что менять прокладку надо, но сколько это стоит, он не знает, будучи узким специалистом, и решить этот вопрос должны в экономическом отделе министерства. В том отделе вы находите экономиста, который определяет цену ремонта. Он относится к своей работе добросовестно и, действуя по инструкции, требует, чтобы вы принесли ему проект замены прокладки со сметой работ. В проектном институте вы заключаете договор, по которому они всего за 10 рублей и один год сделают проект. Но предварительно они должны знать технологию, то есть знать, как будут менять прокладку. В технологическом институте всего за 10 рублей и один год вам обещают разработать технологию. Когда все это будет сделано, то экономист по прокладкам абсолютно точно рассчитает, рубль или не рубль стоит замена вашей прокладки. Государство не потеряет ни одной лишней копейки! Когда все будет подсчитано, экономист задаст, а министр утвердит норматив, то есть ту часть стоимости прокладки, которую вы ежегодно можете тратить на ее ремонт. Теперь

у вас есть разрешение потратить деньги на прокладку, осталось за две копейки ее купить. Обычно вы это делаете в магазине «Хозтовары», а завод — в Госснабе. Вы направляетесь туда. А специалист Госснаба, узнав о вашем желании, думает: «Прокладки — народное достояние, если я буду их давать кому попало и как попало, то меня могут выгнать с работы». Поэтому он просит вас утвердить норму, то есть количество прокладок, которое вам разрешается покупать и тратить за год. Вы опять идете в министерство, оно вас посылает в институт, и там ученые, все эти буничи, Шаталины, Явлинские, всего за 10 рублей и за год подсчитают вам норму. Но в Госснабе не знают: может, у вас уже есть прокладка, и поэтому они потребуют баланс, то есть вы должны предоставить им справку, где было бы указано, сколько и какие прокладки находились у вас в доме на начало этого года, сколько вы собираетесь купить и истратить денег и сколько у вас останется на конец года. Кроме того, Госснаб ведь не знает, есть ли у вас вообще кран, может быть, вы воду из колодца носите и прокладка вам не нужна. Но даже если кран есть, то, может, в городе нет воды. Поэтому с вас также потребуют справку о том, что у вас на кухне есть кран, а в кране есть вода. Затем понадобится справка, что вы сдали пищевые отходы и макулатуру. (Для того чтобы нашему заводу заказать металлорежущий инструмент, нам потребовалось: утвердить в Новосибирском институте нормы на каждое сверло, каждую фрезу, каждый тип резца и т.д.; предоставить балансовый отчет, где указать наличие и остаток каждого вида инструмента (отдельно сверла 6 мм с цилиндрическим коротким хвостовиком, отдельно сверла 6 мм с цилиндрическим длинным хвостовиком, отдельно сверла 6 мм с коническим хвостовиком и т.д.); предоставить справку, в которой подтверждено наличие у нас на заводе станков, справку о том, что мы сдали победитовые пластинки, справку о том, что мы сдали старые напильники. Только после этого Госснаб принял у нас заявку!) Вы уже поняли, что бюрократы гоняют вас по инстанциям не просто так, а для того чтобы в государстве ни одна копейка даром не пропадала! Но пока вы ходили по институтам

и управления министерства, к вам в квартиру пришел народный контроль и возопил так, чтобы все его услышали и поняли, насколько он полезен государству: «Как, из крана теряется государственная вода?!» И тут же наложил на вас штрафа размере вашего оклада и перекрыл воду. Затем пришел пожарный инспектор и возмутился: «Как в квартире нет воды, а вдруг — пожар?!» И отключил в квартире электроэнергию и газ. Поскольку у вас нет воды, то, разумеется, в туалете не функционирует бачок. А это вызвало повышенный интерес еще одного борца за народное счастье. К вам пришел инспектор из Госкомприроды и запричитал: «Бедные советские дети! Живут в такой вони!», после чего он выбил окна в квартире, чтобы освежить воздух, и опечатал туалет. За ним пришел инспектор госгортехнадзора: «Как, советские дети живут на сквозняке, без света и газа?! Это противоречит инструкциям по технике безопасности!». И он опечатал квартиру, а вашу семью из нее выселил. Вы приезжаете домой, а ваша семья в подъезде дрожит от холода. Что делать? Вы находите слесаря, который за червонец готов поставить прокладку немедленно. Поскольку в Сбербанке вам денег не выдают, так как у вас еще нет норматива расходов на эту прокладку, то вы берете свой талон на водку (на заводе — лимиты или фонды), покупаете бутылку водки, и слесарь делает прокладку. Вы вселяете обратно семью, вставляете стекла, меняете размороженные батареи отопления и т.д. Стук в дверь, и на пороге инспектор финансового отдела. Он объявляет, что вы дали слесарю на ремонт прокладки 10 рублей (бутылка водки), а надо было рубль. Поэтому он вынужден предъявить вам экономические санкции и перечислить в бюджет разницу между 10 рублями и рублем. Следом за ним к вам вваливается инспектор Госнаба и кричит, что вы фондируемый материал (бутылку водку) реализовали на сторону. Поэтому он вас штрафует на стоимость этой водки. Разумеется, не оставил вас без внимания и самый доблестный защитник нашей экономики — прокурор... (В середине 80-х годов телевидение, радио и газеты рассказывали о таком случае. В одном колхозе было поле, засоренное камнями. Агроном нанял шабашни-

ков, они очистили поле от камней, и уже в первый год урожай с этого поля полностью перекрыл затраты на шабашников. Агронома за это посадили в тюрьму на три года и взыскали с него лично 15 тысяч рублей, которые колхоз заплатил шабашникам.) ...Так вот, прокурор заявляет: «Ты, негодяй, допустил, чтобы твою семью оштрафовали на стоимость бутылки водки, а я очень люблю твою семью и забочусь о ней, поэтому с тебя лично через суд будет взыскана стоимость бутылки водки в пользу твоей семьи». И суд, конечно, с вас взыскивает. Дальше... А может быть, уже хватит? Скажите, как бы вы жили в своей квартире в таких условиях хозяйствования? Советская экономика много лет работала именно в таких условиях, и ей было не до потребителя, не до Дела, не до эффективности, решалась главная задача — вообще выжить.

Как вы считаете, что нужно было сделать в экономике, чтобы лучше обеспечивать наших потребителей, чтобы заполнить ваши дома высококачественными товарами? То, что написано выше, я рассказывал многим людям и задавал этот же вопрос. Я не знаю, как на него ответите вы, но мне ни один не сказал, что нужно продать заводы и землю в частные руки. Все сразу же заявляли: «Надо разогнать эту банду!» Это правильно по сути, но не правильно по способу исполнения.

Разогнать, сократить аппарат пытались цари. Николай I сетовал: «Россией управляю не я, Россией управляют столоначальники». Ленин приходил в бешенство при виде работы своего аппарата. (Голодающей Москве французы предложили неиспользованные военные запасы консервов за бумажные рубли, которые тогда ничего не стоили. Но Моссовет этот вопрос так запутал, что, в конце концов, он дошел аж до ЦК! Я читал записку Ленина по этому вопросу, и мне помнится, что чуть ли не в каждой строчке там стояло слово, начинающееся на букву «г». Люди умирают, а они советуются, а не дорого ли будет за бумажки покупать!) Сталин хладнокровно одобрял смертные приговоры аппарату. И что толку? Горбачев начал карьеру генсека сокращением министерств, но... в 1985 году управленцев было 10,5%, а в 1988 году — уже 11,2%.

И уж совсем развернулась бюрократия, дорвавшись до власти. Советского Союза нет, а в Москве все правительственные здания так же забиты чиновниками. В российской армии генералов больше, чем во всей Советской Армии, а в Министерстве обороны чиновников на две тысячи больше, чем в советские времена. Что поделаешь, их власть!

Энтузиазмом здесь Делу не поможешь. Бессмысленно ругать бюрократов. Нужно точно и целенаправленно изменить, делократизировать систему управления, свято придерживаясь принципов управления людьми на каждом шагу.

Сделаем выводы по разделу. Если у нас есть хотя бы чайная ложка ума в голове, то экономику нам следует сделать плановой и поставить цель: обеспечить необходимыми товарами весь народ. Такая экономика у нас и была. Ее единственный недостаток состоял в полнейшей бюрократизации управления. Только этот тормоз, и никакой другой.

Что надо иметь

Находясь на месте законодателей (конечно, мысленно), мы поняли: необходима плановая экономика, Дело которой — обеспечить весь народ товарами и услугами в максимально возможном количестве. Это Дело мы, законодатели, поручим своему подчиненному — главе исполнительной власти страны. Разумеется, мы обязаны обеспечить порученное Дело, то есть утвердить соответствующие законы. Какие потребуются законы и как они обеспечат Дело, нам объяснит глава исполнительной власти, и когда мы его поймем, то, разумеется, примем законы.

У главы исполнительной власти много Дел, и Дело экономики он, вероятно, кому-либо поручит также целиком. Штаб председателя, его аппарат, будет оценивать обстановку и готовить варианты решения Дела. Будут оценены людские ресурсы на перспективу (сколько работников уйдет на пенсию, сколько придет в промышленность молодых), запасы природных ресурсов, трудозатраты по их задействованию, технические ресурсы, их производительность и соответствие сегодняшнему дню, обеспеченность народа товарами и услугами, потребности и срок эксплуатации товаров и мно-

гое, многое другое, что необходимо для планирования Дела экономики. Будет выработано несколько вариантов выполнения Дела, из которых глава исполнительной власти выберет один и предложит его на утверждение законодателям. Конечно, будут обсуждения, конечно, глава исполнительной власти будет объяснять депутатам, почему выбраны именно такие сроки, что является тормозом развития экономики, что определяет те или иные цифры плана. Возможно, он и согласится с депутатами, но потребует дополнительно обеспечить Дело, например, принять закон об увеличении продолжительности рабочего дня либо о продаже части национальных богатств за рубеж и т.д. В конечном итоге законодатели примут вариант плана и от имени народа оформят его своей властью, примут и необходимые исполнителям законы.

Этот план и его исполнение будут теперь конкретным Делом Председателя правительства. Он разделит это Дело на Дела своих подчиненных, то есть выдаст конкретные задания отраслям и предприятиям.

...Из всего вышесказанного следует, что процесс делократизации управления нужно начинать исключительно сверху. В экономике России полный бюрократический беспредел, поэтому нужно сначала делократизировать управление экономикой государства. На Западе, где экономика традиционно не управляется, тратить на это силы сегодня, возможно, и не имеет смысла. Вряд ли их политики, которые, надо заметить, не умнее наших, решатся на что-либо без мощного положительного примера. А убедить их мог бы только пример крупной страны — России, Китая или Индии.

На Западе можно незамедлительно делократизировать фирмы и предприятия. Однако и здесь нужно двигаться сверху вниз: сначала реорганизовать предприятие так, что его цеха преобразуются в малые предприятия, затем провести реорганизацию участков внутри цехов. Делократизация рабочих возможна только тогда, когда сверху все будет отработано и отлажено, когда основная масса вопросов, связанных с делократизацией (многих мы даже не касались), будет решена. Это объясняется тем, что любой отрицательный

пример делократизации управления рабочими немедленно будет раздут рабочими-бюрократами и использован ими в контрпропаганде. Чтобы этого не произошло, лучше не спешить и создать положительные примеры. Процесс делократизации нужно начинать с тех рабочих, которые и сегодня действуют самостоятельно, а убытки от их ошибок будут не очень велики, например станочников, слесарей-сборщиков, ремонтников, шоферов, рабочих, индивидуально управляющих какими-либо аппаратами, машинами. Желательно, чтобы у пионеров этого дела было немного потребителей их труда и поставщиков, тогда они смогут сами оценивать последствия своих действий. При этом на предприятии нужно создать систему страхования, коллективной помощи на случай крупных ошибок, чтобы человек, хоть и был наказан за ошибку, но не разорен, не поставлен в безвыходное положение.

В некоторых случаях будет очень сложно создать цепочки исполнитель—потребитель. Например, в промышленности, когда агрегаты, которые выполняют одну технологическую операцию, обслуживаются группой рабочих — бригадой; на транспорте, когда одна операция — перевозка груза, пассажиров на морском или речном судне, поезде осуществляется группой людей. При этом бригаду следует рассматривать как малое предприятие с одним хозяином, который имеет право назначать рабочим зарплату из своего дохода, принимать или увольнять их со своего «предприятия». Конечно, здесь сохранится бюрократизм, но вред от него будет минимален, так как при небольшом количестве подчиненных хозяин сможет присмотреть за Делом и за тем, как его подчиненные это Дело делают.

Надо помнить, что Дело, которому мы хотим передать власть, беспомощно перед лицом «бюро». Нужно создать гарантии, чтобы «бюро» не смогло проявить свою власть во вред Делу. Поэтому, вводя стандартные товары, услуги, цены, необходимо сделать так, чтобы «бюро» впоследствии не смогло все изменить по своей воле, необходимо, чтобы эти условия были незыблемы и действовали до тех пор, пока исполнители от них не откажутся сами.

При делократизме «бюро» не будет заинтересовано во вмешательстве в Дело. И тем не менее лучше надежно защитить от вмешательства начальства стандартные условия. Для этого можно, например, их утвердить совместным решением руководителей предприятия и профсоюза или любым другим способом, при котором вмешательство в стандартные условия станет невозможным.

В этом контексте вспомним об одном способе нейтрализации власти начальника (заодно посмотрим, как Дело меняет психологию людей).

В СССР воинские отличия отмечались орденами — поощрение за Дело. Эти ордена учреждались в мирное время (орден Ленина, звание Героя Советского Союза, ордена Красной Звезды, Красного Знамени), когда у армии не было Дела, и во время войны (полководческие, ордена Отечественной войны, Славы), когда Дело было. Статуты этих орденов существенно различны. «Мирные» статуты коротки, в них говорится, в общем, о некоем героизме, за который этим орденом можно награждать. Становится понятно, что авторы этих статутов не понимали, в чем Дело солдата, армии; Дело армии — уничтожить врага, поэтому Делу абсолютно все равно: уничтожен враг героически или как-то трусливо. Но «мирный» статут отдает дело награждения солдата в руки командира, который должен определить, был героизм или нет. Скажем, солдат в бою уничтожил два танка, но вопрос о том, на сколько он проявил героизма — на орден Ленина или объявление благодарности перед строем, будет решать командир солдата, а тому, может быть, не нравиться внешний вид бойца или лень писать представление на орден ... Эти статуты отдавали власть над солдатами не Делу, а «бюро», командирам. Когда началась война, и Сталин, и Верховный Совет стали оценивать значение орденов по-другому. В статутах орденов Славы и Отечественной войны героизм отошел на второй план, а на первый вышло Дело. В них указывалось, сколько надо подбить танков, сбить самолетов, сделать боевых вылетов, уничтожить живой силы врага, чтобы получить орден. (С позиции нашего вопроса эти статуты можно рассматривать как перечень стандартных

условий — стандартных услуг и их стандартную государственную цену.) Поэтому не командир решал, достоин солдат ордена или нет. Если летчик сделал двадцать боевых вылетов, он должен был получить орден Отечественной войны. В эти вылеты он мог разбомбить какой-то очень важный объект, прорвавшись через сплошной зенитный огонь, начальство могло заметить эту нестандартную услугу Родине и представить его к званию Героя Советского Союза. Но если этого не случилось, все равно летчик получал орден Отечественной войны. Если солдат первым прыгнул во вражеский окоп, он получал орден Славы, нужно было только добежать до окопа и прыгнуть. И храбрецы бежали, а за ними и трусоватые. Именно это нужно было Делу, Родине. (Во время Бородинской битвы не в силах остановить отступающие под натиском французов русские полки генерал Ермолов сам пошел в атаку на французов, бросая перед собой под ноги французов солдатские Георгиевские кресты: хочешь, солдат, крест на грудь — иди подбери!).

Во время войны статуты и «мирных» военных орденов были изменены. Так, звание Героя Советского Союза стали присваивать за 20 сбитых самолетов противника в любом случае. Могли присвоить и за 5—6, но за 20 — обязательно. Один из писателей, пишущих о войне, на мой взгляд, лучше всех понимающий войну, В. Карпов рассказывал о себе. В 1941 году он кончил пехотное училище, но был арестован и осужден как враг народа. Из лагерей ему удалось попасть на фронт, где он стал разведчиком и захватил 20 «языков», то есть 20 раз уходил в тыл к немцам и там захватывал вражеского солдата, доставляя его в свой штаб для допроса. За это ему полагалось присвоить звание Героя Советского Союза. Можно представить положение его командиров: вдруг он, враг народа, со Звездой Героя убежит к немцам? Тогда с них за такое представление голову снимут. Тем не менее представление написали, и звание Героя Карпову было присвоено. То есть главное — это Дело, а не характеристика его исполнителя.

Автор привел эти примеры, чтобы читатели поняли, насколько важно сознательно передать власть от начальника

Делу. И это возможно всегда и в любом Деле, в том числе и в экономике.

...Здесь предпринята попытка объяснить пути делократизации как можно подробнее, но меня все равно не покидает чувство, что приведенного объяснения недостаточно. Поэтому для тех, кто продолжает недоуменно пожимать плечами, скажу следующее.

Вы, конечно, слышали и неоднократно (это утверждают все органы формирования общественного мнения), что будущее экономики за малыми предприятиями и за хозяевами. Автор предлагает превратить каждого работающего в малое предприятие. Не надо дробить крупное предприятие на десять мелких. Надо, чтобы каждый работник крупного предприятия стал единоличным хозяином. Например, в «Форд Моторс Компани» работает 432 тысячи человек, и автор предлагает сделать конкретные шаги к тому, чтобы эта компания состояла из 432 тысяч мелких предприятий и каждым управлял единоличный хозяин.

Я понимаю, что многие продолжают недоумевать, потому что академики уже много лет утверждают: чтобы стать хозяином, человек должен получить средства производства и землю в личную собственность с правом продажи. Но это либо глупость людей, никогда не работавших и не знающих, как создаются материальные блага общества, либо подлая корыстная заинтересованность тех, кто эти идеи распространяет.

Первое, о чем надо задуматься: для чего человеку собственность на средства производства, на землю? Либо для того, чтобы с их помощью создать товар или услугу, продать их и получить средства к существованию, либо для того, чтобы перепродать все это и нажиться на этой перепродаже. Любому обществу важно, чтобы человек использовал эти средства для первой цели. Достижение второй цели ничего не дает обществу. Она позволяет обогатиться только паразитам общества — спекулянтам, а то, что спекулянты действуют вполне легально, их паразитическую сущность не меняет.

Среди нынешних героев Запада есть братья-евреи, которые в Нью-Йорке занимались скупкой-продажей земли. Эта

деятельность их обогатила, они стали мультимиллионерами, но от их деятельности Америка не стала ни на грамм богаче, в ней не появилось ни одного лишнего дома, лишнего килограмма хлеба или стали. Образно можно сказать, что это экономический онанизм, эти люди в экономике удовлетворяют только себя лично, такая экономика не имеет выхода к обществу. Американцам это очень нравится, и нам незачем вмешиваться в их дела. Но зачем это нам?

Если человек добывает средства к существованию своим трудом, честно, в поте лица своего, то тогда его волнует, как продать изделия, а не как продать инструменты, с помощью которых он изготовил эти изделия, как продать пшеницу, а не землю, на которой он ее вырастил. В этом случае абсолютно безразлично, кому принадлежит земля или станок.

В 50-х годах в Айове, хлебном штате США, вдруг стало резко уменьшаться число фермеров, владеющих землей. В чем было дело? Богатство фермера определяется объемом продажи зерна, а для его получения фермеру нужны земля, трактор, комбайн, плуг, сеялка и прочее. У фермеров того времени не было денег иметь все сразу, и они предпочитали приобретать только движимое имущество, а землю брали в аренду, поскольку покупка земли — мероприятие и дорогое, ответственное. Фермеры имели возможность не спеша оценивать и участки, и место постоянного жительства. Для нас здесь важно другое: труженику не важно, кто владеет инструментом, которым он пользуется. Не инструмент определяет его доход, а собственный труд. И это в США, где люди путают частную собственность с Господом Богом!

Существует расхожее мнение, что к личной собственности работник относится более бережно, чем к общественной или чужой. Это и так, и не так. Например, в России леса, находившиеся в пользовании общины, оберегались миром очень тщательно, а разделенные на участки для личного пользования быстро уничтожались взаимными порубками.

Дело обстоит по-другому, если рассмотреть отношение работника к инструменту. Если с помощью какого-то инструмента человек добывает деньги своим трудом и, особенно, если этот инструмент достаточно дефицитен, то ра-

ботник будет хранить и беречь его очень тщательно уже в силу того, что любой инструмент имеет свои индивидуальные свойства, к которым работник привыкает и знание которых превышает производительность его труда. Например, бригада слесарей или плотников напряженно работает очень примитивным инструментом — молотком. Хотя все молотки на вид и одинаковы, стоит только их перемешать и дать каждому рабочему чужой молоток, производительность труда у всех упадет (в этом можете поверить автору: я работал слесарем и знаю, что такое молоток).

Работник и бережет, и очень ревниво относится к тому, с помощью чего он зарабатывает. Скажем, у всех водителей одинаковые автомобили, но сколько энергии и выдумки тратят наиболее толковые шоферы на то, чтобы их автомобиль даже временно не попал в чужие руки, хоть и к опытному шоферу. Они говорят «моя машина» не потому, что они за нее заплатили или могут продать, а потому, что она позволяет им зарабатывать. А кому она принадлежит — дело десятое.

Хотелось бы, чтобы читатели поняли: хозяин тот, кто в своем Деле имеет возможность самостоятельно распоряжаться доходом и делать затраты. И если работник не собирается продать инструмент, с помощью которого он делает Дело, то и собственность на него не имеет значения — он все равно к нему будет относиться бережно. А если он собирается продать инструмент, то он уже не работник и нам не интересен. Поэтому автор считает, что идеи о необходимости продать все богатство страны в частную собственность распространялись не только недоумками, но и корыстными и подлыми людьми, не теми, кто собирался зарабатывать хлеб свой «в поте лица своего».

Что с нами сделали

Строго говоря, этому вопросу не место в книге, где рассматриваются вопросы управления людьми, не стоило бы путать с этими вопросами вопросы собственно экономические. Но сказав а, надо сказать и б.

Мы уже доказали, что огромный урон экономике страны был нанесен уничтожением планирования, а планирование — это вопрос управления людьми, вопрос по теме книги. Не меньшее разрушение вызвала и собственно экономическая причина, связанная с бюрократической зашоренностью одних консультантов нынешних политиков и корыстной заинтересованностью других.

До каких пор остальные ученые будут терпеть положение, при котором звание «ученого» дают людям, занимающимся пустопорожним умствованием и паразитирующим на одураченном обществе? Эти экономисты-теоретики буквально высосали из пальца новое «мышление» в экономической науке, так называемую монетаристскую теорию, которая очаровала политиков, и они назвали ее краеугольным камнем реформ. Между тем суть теории столь же проста, сколь и глупа и сводится к замене планирования неким рыночным регулированием. Приведем такую аналогию: вы планируете потратить свои деньги: купить продукты питания, пальто, стол на кухню и так далее. Монетаристы, прежде всего, объявят вас неспособным правильно это сделать, неспособным спланировать собственные покупки, поскольку, по их теории, планировать должен не покупатель, а рынок. Но если денег (монет) у человека много, то здесь и рынок бессилен, так как, по их мнению, человек в этом случае будет покупать что попало, а не то, что ему действительно нужно. Если же денег будет очень мало, то только тогда человек купит то, что ему нужно. То есть только при недостатке денег, считают монетаристы, рынок будет управлять экономикой, и она будет делать то, что нужно обществу. Таким образом, исходное положение состоит в том, что и производитель, и покупатель не способны сами оценить ситуацию. Упрощенно идею монетаристской теории можно сформулировать так: скажем, если некто имеет мало денег накануне зимы, то он купит зимнее пальто, а если много — то пляжный зонтик.

Единственный практический выход монетаристской теории — не давать денег для покупки, причем деньги не даются ни прямо, ни косвенно, для чего резко повышаются про-

центы за кредит, и покупатель не может взять деньги в долг, деньги делаются дорогими. Читатели, наверно, слышали по телевизору, радио и читали в газетах о том, что правительство реформаторов борется с проклятыми промышленниками, требующими денег и кредитов; это и есть следствие внедрения идей монетаристов.

В начале книги я писал, что долго не мог опубликовать или пропагандировать теорию управления людьми, так как не видел экспериментального, практического ее подтверждения. И только найдя его в боевых уставах армии, увидев положительные результаты эксперимента, я решил опубликовать и саму теорию. В отличие от нашей теории монетаризм имеет множество примеров практического применения, и все до одного отрицательные. Ведь наши «реформаторы» взялись внедрять ее в СССР, когда эта теория уже с треском развалила экономику Южной Америки, под ее натиском с грохотом рухнула экономика Польши, флагман реформ Венгрия дожилась до того, что сегодня в домах 37% венгров нет ни одного электрического прибора, впрочем, у многих венгров уже и нет денег заплатить за электроэнергию.

Для тех, кто понял, как действует бюрократ, как бездумно подписывает он подготовленные аппаратом решения, в этой ситуации нет ничего нового, но все-таки маразм такой силы не может не удручать... Ведь эти идеи внедряются не только у нас, но и во всех «цивилизованных» странах, лишь азиаты наблюдают за этими попытками с презрительной усмешкой.

Приведем слова уже упомянутого в этой книге Ли Якокки о последствиях действий монетаристов в колыбели «рыночных отношений» — в США: «Я вспоминаю день 6 октября 1979 года как день позора для нашей страны. Именно тогда Пол Уолкер и Совет Федеральной резервной системы объявили учетную ставку для первоклассных заемщиков — прайм-рейт — плавающей. Вот когда монетаристы провозгласили: «Единственным способом затормозить инфляцию является осуществление контроля за денежной массой, и черт с ними, с процентными ставками».

Как всем нам, испытавшим на себе этот губительный способ, известно, принятое тогда решение породило гигантскую

волну экономических катастроф. Следовало найти более подходящий способ борьбы с инфляцией, а не возлагать ее бремя на плечи рабочих автоиндустрии и жилищно-строительной промышленности. Когда будущие историки станут изучать наши методы лечения инфляции и тяжкие муки, которые причиняло это лечение, они, вероятно, будут сравнивать их с кровопролитиями средневековья!

Первый удар обрушился на Детройт. Мы пережили самый длительный за пятьдесят лет кризис сбыта автомобилей. Затем настал черед жилищного строительства. После этого удары посыпались почти на все другие отрасли.

До объявления прайм-рейт плавающей учетная ставка достигала уровня 12 процентов лишь однажды за всю историю, и произошло это в период Гражданской войны в США. Однако теперь, как только был достигнут уровень 12 процентов, он продолжал повышаться. Был момент, когда он составил 22 процента. Это — легализованное ростовщичество. Некоторые штаты приняли законы, запрещающие превышение 25-процентного уровня, усматривая здесь криминальные намерения. Даже мафия сочла такие законы разумными».

Разъясним,, в чем здесь дело. Покупая автомобиль, без которого в США просто невозможно жить, американец берет кредит. Когда процентная ставка составляла 5%, то это означало, что за три года — срок, на который выдается кредит, покупатель дополнительно заплатит 7—10%, на что он может пойти и привык это делать. Но когда процентная ставка за кредит повысилась до 20%, то, соответственно, и стоимость автомобиля возросла на 30%. Поэтому тем, кто при покупке автомобиля должен брать кредит, он становится не по карману. Но если автомобили не покупают, то Детройт не может их производить, поэтому Ли Якокка и назвал действия монетаристов «ударом по Детройту».

Большинство американцев дома также покупают в кредит, выплачивая долг банку в среднем 30 лет. Когда процентная ставка за кредит 4—5%, то общая выплата за дом увеличивается на 60%. Конечно, это дорого, по нашим меркам, но американцы к этому привыкли и дома строили. Но при кредитном проценте 20% им придется заплатить

в 4 раза больше, чем сумма, которую возьмут за дом строители, то есть они должны будут отдать банковским ростовщикам сумму, эквивалентную стоимости трех таких домов. Естественно, что в США перестали заказывать строительство новых домов.

Идея монетаристов о том, что рынок «покажет» экономике, какие товары нужно производить, как я писал, — это бред людей, ничего не знающих о реальной экономике. Ли Якокка подтверждает эту мысль; если следовать идеям монетаризма, получается, что рынок потребовал оставить американцев без средств передвижения и без крыши над головой.

Но внедрение монетаристской теории разоряет не всех, некоторые при этом жиреют. Ли Якокка указывает, кто именно: «Когда процентная ставка высока, потребители помещают значительные суммы в краткосрочные ценные бумаги. Но наживать деньги на деньгах — дело непроизводительное. Оно не создает рабочие места. А те из нас, кто действительно создает рабочие места, кто вкладывает капитал в оборудование, повышающее производительность, кто расширяет производство и готов вносить справедливую долю налогов, обивают пороги в ожидании нескольких крох кредита, чтобы кое-как удержаться на плаву и получить возможность вернуть на работу еще несколько человек.

Высокие процентные ставки усиливают стремление крупных воротил играть в свою новую игру: делать деньги из денег. Когда деньги дороги, инвестировать средства в научно-исследовательские работы — дело рискованное. Когда учетные ставки высоки, дешевле купить предприятие, чем заново его построить».

Здесь имеется в виду следующее. Предположим, некто решил построить предприятие, продукция которого нужна и общество ее ждет. Он берет кредит и несколько лет строит, налаживает производство. Когда продукция выпускается, в ее цене учитываются доля возврата кредита и проценты. Когда проценты по кредиту невелики, то в цене продукции хватит «места» и для этого и цену не придется поднимать слишком высоко. Но при высоких кредитных ставках цена

продукции подсакивает так, что невозможно либо продать продукцию, либо вернуть кредит. То есть в данном случае «рынок показывает», что не надо строить новых предприятий, не надо совершенствовать старые. Эта бредовая монетаристская идея препятствует внедрению результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, тормозит научно-технический прогресс в стране.

Здесь начинается то, что я уже называл экономическим онанизмом. Если нет возможности из-за дорогих денег строить дома или совершенствовать производство, деньги направляются на покупку акций, в надежде что цена последних поднимется и их можно будет выгодно продать. Поскольку цена акции колеблется быстро и купленные акции можно продать через 2—3 недели, то для этих целей выгодно взять в банке кредит даже под 22% годовых. При покупке большого количества акций их держатель становится собственником уже работающего предприятия, дающего прибыль. За счет этой прибыли и уменьшения зарплаты работникам можно в конце концов оплатить и бешеные проценты банку. Ли Якокка в своей книге приводит примеры таких сделок: «Из десяти самых больших в истории США слияний корпораций девять осуществлены при администрации Рейгана. Одна из крупнейших из них связана с корпорацией «Юнайтед Стэйтс стал». Будучи защищенной триггерными ценами, которые обходились нам при покупке американской стали в лишних 100 долларов на каждый автомобиль, «Ю.С. стал» уплатила 4,3 миллиарда долларов за компанию «Марафон ойл». Большую часть этой суммы корпорация получила в виде ссуд. А лучше было бы использовать их на приобретение новейших кислородных конвертеров и установок для непрерывной разливки металла, чтобы можно было конкурировать с японскими сталелитейными фирмами.

Когда об этом узнали рабочие корпорации, они были глубоко возмущены и потребовали, чтобы все полученные за счет снижения их заработной платы средства были инвестированы в сталелитейную индустрию. Почти неправдоподобно, что именно рабочие преподнесли администрации урок на тему о том, как на деле действует наша система».

Самого же Якокку подобные сделки возмущают и по другой причине. «Где здесь здравый смысл? Почему бизнесмен, занимавшийся выплавкой стали, внезапно стал нефтепромышленником? Ведь это совершенно другой мир. Ему понадобятся годы, чтобы изучить новый для него бизнес. И, что самое важное, это непродуктивно».

Больше всего Якокка возмущается итогом эпидемии монетаризма: «Подумайте только, за десятилетие 1972—1982 годов общая численность занятых в пятистах крупнейших промышленных компаниях Америки фактически сократилась. Все новые рабочие места — свыше десяти миллионов — были созданы в двух других сферах. Одна из них — это мелкие предприятия. Другая — мне неприятно об этом говорить — это государство, которое, очевидно, осталось единственной в мире сферой, где отмечается рост занятости».

В этой книге мы уже об этом писали: чем тупее политик, тем в большей степени ему хочется выглядеть гением и тем больший ему требуется аппарат для подготовки «гениальных» решений и последующего контроля за ними.

...Надо сказать, что Горбачев и Ельцин были далеко не первыми руководителями, не понимающими того, что они творят. В самом начале XVIII века, то есть почти 300 лет назад, во Франции разразился, как сейчас говорят, финансовый кризис, но тогда он был естественным, связанным с ростом населения Франции: появлялись новые рабочие руки, которые могли сеять хлеб и плавить сталь, строить дома и ткать сукно, но количество золота и серебра, которые в виде монет обеспечивали товарообмен, не росло пропорционально возможностям экономики. Более того, движение монет было медленным, большое количество денег отвлекалось на внешнюю торговлю и уходило за границу. Массы голодных людей бунтовали, а правительство Франции не представляло, как выйти из этого положения. От кровавого бунта Францию спасло, возможно, то, что в это время в Англии один староватый джентльмен был не способен удовлетворить свою содержанку. Но в этом он стал обвинять не себя, а молодого любовника содержанки и вызвал его на дуэль. На дуэли джентльмен был убит ударом шпаги, а счастливого

соперника приговорили к повешению, но ему удалось сбежать во Францию. Так Франция приобрела своего финансового гения — Джона Ло. Он стал убеждать правительство Франции напечатать и пустить в обращение бумажные деньги. Но ведь сами по себе эти деньги ничего не стоят, а золота, чтобы их обеспечить, то есть обменять по первому требованию, не было. Правительство Франции колебалось. Я думаю, что Джон Ло убеждал их так: «Пусть ассигнации нечем обеспечить! Если не увлечься их печатанием, то никто не принесет ассигнации, чтобы поменять их на золото, так как они каждому будут нужны для товарообмена. Экономика Франции не выпустит эти деньги из обращения». Он оказался прав. Франция испытала невиданный экономический расцвет: лихорадочно строились заводы и фабрики, оживилась торговля, только в Париже за один год потребовалось столько рабочих рук, что его население увеличилось на 300 тысяч человек (в начале XVIII века!) и по его улицам, забитым повозками и каретами, стало невозможно проехать. Имя Джона Ло вошло во все энциклопедии, а то, что он сделал, получило имя «система Ло».

А вот как с помощью денег развил экономику своей страны выдающийся государственный деятель — Сталин. Перед ним стояла огромная проблема — развить промышленность в стране, где 85% населения занималось сельским хозяйством. И эту проблему надо было решить в условиях враждебного отношения остального мира, которое фактически не оставляло надежды на то, что можно опереться на промышленные товары других стран, а географические особенности страны перечеркивали саму мысль о том, что сельское хозяйство Советского Союза когда-либо сможет конкурировать с сельским хозяйством остальных стран. Сталин был коммунистом. Настоящим коммунистом, а не карьеристом, как Горбачев, заучивший по случаю кое-какие основы коммунистического учения и превративший их в догмы, непонятные даже самому себе. Поэтому Сталин не сомневался в том, что экономические законы едины и в капиталистическом, и в социалистическом обществе. Он рассуждал примерно так. Промышленность — это, попросту говоря, стан-

ки, на которых работают люди и которые производят какой-то товар или услугу. Развивать промышленность — значит, иметь очень много таких станков и людей. Для этого нужны станки, которые для начала можно купить за границей, а потом изготавливать самим, и люди, которых даст коллективизация сельского хозяйства. Но для того, чтобы станки и люди работали, необходимы покупатели производимого ими товара. В противном случае его незачем производить. Покупатели — это люди или организации, имеющие желание купить и обязательно деньги. Желание, как правило, есть, поэтому главным фактором становятся деньги, которые в большем или меньшем количестве имеются у каждого. Люди с деньгами — это рынок сбыта, с большими деньгами — хороший рынок, с маленькими — неважный, но очень много людей — тоже хорошо.

Рынок сбыта — важнейшее условие развития экономики. Следовательно, до начала конкретных действий по развитию экономики Сталин был обязан ответить на вопрос: где находится рынок сбыта будущей экономики СССР. Этот вопрос не праздный. Скажем, подавляющее число рынков сбыта Японии находится за границей. Если запретить вывоз товаров из Японии, промышленность страны остановится. Поэтому Сталин рассматривал несколько путей поиска рынка сбыта для экономики СССР. Он говорил, что в принципе можно пойти по прусскому пути развития экономики — пути аннексии: аннексировать (захватить) какую-либо страну, затормозить развитие ее промышленности, добавить к ее покупателям своих, что создаст большой рынок сбыта для своей промышленности. Но для СССР этот путь был неприемлем, так как не отвечал принципам коммунистической, интернациональной идеологии. Существовал похожий английский путь — путь колонизации: когда в колониях тормозится развитие промышленности и за счет рынка колоний развивается экономика метрополии. И этот путь не подходил для СССР.

Сталин избрал американский путь — путь создания рынка в собственной стране, то есть путь обеспечения граждан достаточным количеством денег. Сложно сказать, поче-

му этот естественный путь Сталин назвал американским. Возможно, поводом послужил такой случай. Выдающийся изобретатель и организатор производства Генри Форд I создал автомобиль, который действительно мог удовлетворить всех, не только экстравагантного миллионера. Он разработал технологию производства огромного количества таких автомобилей. Но автомобиль — все-таки довольно дорогое сооружение. Чтобы их много производить, надо, чтобы в стране было очень много людей с достаточным количеством денег. Здесь Форд столкнулся с экономической проблемой и решил ее с гениальной простотой. В те годы (1914) хороший рабочий получал в день 2—2,5 доллара. Форд стал платить своим рабочим 5 долларов! Формально он объяснил этот шаг тем, что хочет, чтобы рабочие могли купить его автомобили. Но Америка уже тогда была сплочена профсоюзами, и дневная ставка в 5 долларов превратилась в тот рубеж, за который стал бороться весь рабочий класс. Форд создал в США «средний класс», «класс высокооплачиваемых рабочих» — рынок для своих автомобилей.

Назвав путь американским, Сталин по истинно американскому пути не пошел: он достаточно хорошо знал экономику как науку. Этот путь требовал свободных цен и зарплаты. То есть можно было обеспечить всех производителей деньгами под закупку необходимого для производства товаров, например, дешевыми кредитами. Производители назначили бы высокие цены, позволяющие платить большие зарплаты, а на эти зарплаты покупались бы конечные товары. Росли бы цены, росли бы и зарплаты. Но Сталин увидел свойственные этому пути развития дефекты, которые применительно к плановой экономике становились нетерпимыми. Во-первых, в плановой, наиболее рационально организованной экономике многие предприятия являются монополистами. Они могут поднимать цены, а не работать над вопросами снижения себестоимости продукции. Сталин не собирался давать инженерам жить спокойно.

Но главный дефект, общий для любой экономики, заключается в том, что свободные цены обесценивают деньги и количество денег в системе товар—деньги—товар постоянно уменьшается. А это означает, что и при пополнении этой

системы деньгами производство товаров будет все время тормозиться, по крайней мере, не стимулироваться автоматически. Поясним это положение. Первого числа рабочий получает зарплату 1000 долларов, а хлеб в этот день стоит 1 доллар, то есть на полученные деньги можно купить 1000 килограммов хлеба — 1000 долларов стимулируют производство 1000 килограммов хлеба. Но 2-го числа булка хлеба стала стоить 2 доллара, и полученные 1000 долларов стимулируют производство только 500 килограммов хлеба. И если даже объявят, что в этом месяце в связи с повышением цены на хлеб назначена зарплата 2000 долларов, то ее еще надо заработать, ведь ее выплатят только в следующем месяце, а высокая цена уже действует. Мало того, обесцениваются и все сбережения, предназначенные для покупки дорогих вещей.

Сталина в первую очередь волновали не конкретные денежные проблемы людей, его волновало то, что в схеме товар—деньги—товар центральная часть «деньги» была величиной падающей, тормозящей производство. Поэтому он построил дело по-другому: все цены были зафиксированы, а для контроля количества денег в системе была зафиксирована и зарплата. Читатели согласятся, что это не лучший путь, но надо отдать Сталину должное: он ведь совершенствовал только экономическую сторону Дела и не подозревал, что есть еще и бюрократические подводные камни. Однако Сталин добился следующего. Инженерам не осталось другого способа для получения прибыли, кроме поиска путей снижения затрат на производство. Но этого мало. По мере уменьшения затрат государство снижало и цены. Количество денег в системе товар—деньги—товар непрерывно и автоматически росло. На свою зарплату в конце месяца работник мог купить больше, чем в начале, а на свои сбережения он имел возможность купить более дорогую вещь, чем раньше рассчитывал. А, следовательно, промышленность имела возможность производить все больше и больше товаров. Ее рынок сбыта становился все более мощным.

Все это несложно понять, но задача в том, что это необходимо понять самому, а не ждать, пока академик экономических наук подготовит наукообразную программу.

Мы привели два примера, откуда можно понять, что руководители, понимающие, что такое деньги, разумными мерами могут буквально толкать экономику своих стран вперед. Ведь Сталин заложил такой рост экономики СССР, что в 1960 году Хрущев решил догнать Америку и запланировал к 1980 году построить материально-техническую базу коммунизма.

Но вернемся к нашей роли консультантов. Рассмотрев роль денег в производстве товаров, мы теперь учтем некоторые специфические моменты развития СССР в 1985—1991 годах. Советский Союз вместе со странами СЭВ был автономной, самообеспечивающейся экономической системой. Для своего жизнеобеспечения он не нуждался в других странах. Все, что здесь производилось, продавалось своим же гражданам. Это не значит, что не было связи с рынками других стран, но внешняя торговля развивалась не потому, что это было жизненно необходимо, как, скажем, для Японии, а для того чтобы иметь больший доход. На западные рынки сбыта поступали небольшое количество сырья и в больших объемах промышленное оборудование и оружие. Эти товары продавать очень выгодно, поскольку, во-первых, на Западе они очень дороги, а во-вторых, продажа один раз оружия или завода обеспечивала для СССР рынок сбыта запчастей и боеприпасов на очень долгие годы.

За вырученную валюту закупались, конечно, и товары народного потребления, но, как мы помним, импортные товары с Запада были большой редкостью в наших магазинах. Товары народного потребления импортировались преимущественно из стран — членов СЭВ, что, строго говоря, трудно назвать вполне импортом, и из развивающихся стран. Увидеть в магазине товары из Англии или ФРГ было довольно сложно. Закупалось также промышленное оборудование, но, к примеру, в металлургии доля такого оборудования была чрезвычайно мала. Зато, как и полагается индустриально развитой стране, в большом количестве закупалось сырье: вольфрамовый концентрат, глинозем для производства алюминия и т.д. Сейчас это покажется странно, но, имея 75% мировых марганцевых запасов, мы закупали марган-

цевую руду в Габоне. В то время даже США и Канада были, можно сказать, сырьевыми придатками СССР: производя зерна в 5 раз больше, чем требуется для производства хлебобулочных и макаронных изделий, СССР закупал у этих стран 20 млн. тонн (десятую часть своего производства) зерна на корм скоту (США и Канада были сырьевыми придатками мясомолочной промышленности СССР).

СССР ежегодно производил 170 млн. тонн стали, но и этого не хватало — в ФРГ ежегодно закупалось еще 10 млн. тонн, и заводы Рура дымили для СССР. Все это, повторим, было выгодно и давало лишнюю копейку, но было не обязательно. Главным рынком экономики СССР был его собственный рынок, свои покупатели*. На этом рынке властвовала своя денежная единица — рубль, пожалуй, самая прочная денежная единица мира. Можно было закопать рубль в землю, но, откопав его через 30 лет, купить на него практически столько же товаров. Государство строго дозировало

* У автора есть статистический сборник «Внешняя торговля», к сожалению, только за 1978 год. Но вряд ли здесь произошли крупные структурные сдвиги. Так, в этом году СССР продавал на экспорт товаров на 35,7 млрд. рублей, что составило около 9% его валового национального дохода, то есть в рубле дохода каждого советского человека только 9 копеек обеспечивалось продажей за рубеж сделанных его руками товаров, остальные — 91 копейка — доход от продажи внутри СССР. Но что значит на «экспорт»? В соцстраны было продано товаров на 21,3 млрд. рублей (около 60% экспорта) и лишь 40% экспорта (около 4 копеек в рубле) поставлено на Запад и в развивающиеся страны. Пресловутых «нефтедолларов», за счет которых якобы кормился СССР, было получено от всех западных стран (от ФРГ до Кипра) на 4244 млн. рублей — это всего около 1 копейки в рубле дохода советского человека. Да и то, к примеру, в ФРГ нефтепродуктов поставлено на 641 млн. рублей, а стали и труб куплено на 581 млн. рублей. Пресловутого хлеба куплено в США, Канаде, Бразилии и Австралии на 1655 млн. рублей (в том числе на 909 млн. рублей — кукурузы), а чая, кофе, какао, пряностей, экзотических фруктов и вина куплено почти столько же — на 1241 млн. рублей. Заметим, что машин, оборудования и транспортных средств было продано на экспорт на 6991 млн. рублей, и хотя эти доходы в четыре раза больше затрат на закупку зерна, но это крайне мизерный рынок — чуть более 1,5 копейки в рубле дохода советского человека.

ло количество рублей в обороте, что при плановом хозяйстве было нетрудно, поскольку было известно количество произведенных товаров. Дефицита в рублях ни для предприятий, ни для частных лиц не создавалось. В случае нехватки собственных оборотных средств банки давали кредит под 2% годовых, и под такой же процент частные лица кредитовались при покупке товаров в магазинах. Рубль не конвертировался, не обменивался на другие денежные единицы, и это было естественно. Он обслуживал свою, советскую систему товар—деньги—товар, и на чужих рынках ему было нечего делать. Рубли нельзя было вывозить из СССР, что делало возможным планирование их количества в своей экономике. Советская система товар — деньги — товар была заполнена деньгами полностью, возможно, даже несколько более, чем нужно. Целые группы товаров были дефицитными — их немедленно покупали при появлении на прилавках. Достаточно вспомнить магазины коммунистического города Москвы — самого оборотистого города в СССР. В то время работа продавцов была сродни работе каторжников: с утра до вечера они метали покупателям через прилавки тонны различных товаров. Этим они резко отличались от своих коллег на Западе, где продавцы чуть ли не за полы затягивают покупателей в магазины. И товар есть, и люди перед витринами шатаются, но с деньгами у них туго. У советских людей такой проблемы не было — дай товар, деньги есть! В этих условиях дать доступ чужим денежным единицам на свой перенасыщенный деньгами рынок было недопустимо, и валютные операции в СССР считались преступлением. И, наконец. Хотя рубль не конвертировался, но его курс по отношению к иностранной валюте был установлен для ведения внешней торговли. В среднем курс 1 доллар = 62 копейки, возможно, и был справедлив, но только в среднем.

СССР был задуман не как государство для аппаратной бюрократии, а как государство для народа. И это предопределило резкое различие в ценах на аналогичные товары у нас и на Западе. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Все товары можно разделить на три категории. Первая катего-

рия включает товары (и услуги) жизненной необходимости, не имея которых человек либо умрет, либо будет на грани смерти. К ним относятся жилье (без жилья в нашем климате не прожить), набор продуктов, обеспечивающий жизнь, такой же набор одежды, рабочее место, чтобы можно было заработать на первое, и транспорт, чтобы добраться до этого рабочего места; сюда же следует включить и медицинские услуги. Вторая категория — это товары элементарной комфортности: бытовая электротехника, более модная одежда, книги и прочее, что делает нашу жизнь разнообразнее и интереснее. Третья категория — это либо товары более высокой комфортности, скажем, цветной телевизор в эпоху черно-белых, либо предметы роскоши: ювелирные изделия или личный автомобиль в стране, где в любой уголок без труда можно добраться общественным транспортом. Без первой категории товаров (и услуг) жить невозможно, без второй — трудно жить сообразно имеющемуся в мире уровню, третья категория избыточна.

По идеологическим причинам, цены на эти три категории товаров в СССР и на Западе были совершенно разными. СССР — государство для народа, и здесь не могли допустить, чтобы кто-либо из граждан оказался на грани смерти из-за отсутствия товара жизненной необходимости. Цены на товары устанавливались с учетом того, что экономика СССР была едина, как один завод, а как мы уже убедились, на одном заводе прибыль отдельных цехов не имеет значения: эти цеха могут успешно и полезно для завода работать и с плановыми убытками, важна прибыль всего завода. Поэтому по первой категории товаров курс рубля был чрезвычайно занижен: доллар мог стоить и 5 копеек, и даже меньше копейки. Мы это и раньше не понимали, да и сегодня тоже. Чтобы лучше это понять, приведу ряд примеров. Я помню, как в начале 70-х, после окончания металлургического института был стажером-переводчиком в школе ООН в Запорожье, тогда слушатели этой школы — инженеры из развивающихся стран — стремились за два месяца пройти полный курс лечения от всех болезней. Лечили все, что могли: от язвы же/гудка до зубов. В то время государ-

ство, покупая многие лекарства за рубежом, скажем, по 10 долларов за упаковку, продавало в своих аптеках по 30—40 копеек. А стоимость лечения в больницах равнялась стоимости проезда туда.

Как-то во Франкфурте-на-Майне нам потребовалось проехать три остановки на метро. Это стоило примерно 2,5 марки (1,5 доллара). Стоя у автомата, продающего билеты в метро, мы собирали по карманам мелочь, и я, наткнувшись на родной пятак, как сувенир, шутя, подарил его немцу. «О,— сказал тот,— ты подарил мне 2,5 марки». Я не понял, о чем он говорит, и немец, заметив мое удивление, пояснил: «Ведь на эти 5 копеек я в Москве смогу уехать на метро, куда захочу». Если соотнести по этой услуге рубль с долларом, то окажется, что он стоил едва 3 копейки.

Во Франкфурте плата за квартиру площадью 20 квадратных метров тогда составляла 800 марок в месяц (около 500 долларов), а в Москве за такую квартиру надо было платить не более 3 рублей. То есть доллар в этом случае стоил 6 копеек, и это еще очень много. Иногда говорят, что, мол, в Детройте рабочий имеет дом площадью 200 квадратных метров. Но содержать такой дом в условиях Подмосковья, обогревая его шесть месяцев в году, он уже не сможет, даже при зарплате 20 долларов в час. А в СССР наличие у каждого, пусть в два раза меньшего дома в Подмосковье (запрещено было иметь дом более 82 квадратных метров жилой площади), сдерживалось многими причинами, из которых деньги были на последнем месте.

И ведь речь идет не о второсортном товаре. В середине 80-х годов американцы провели исследования по определению лучших для жизни городов. Города оценивались по десяти параметрам: наличие товаров в магазинах, быстрота передвижения по городу, комфортабельность жилищ, наличие в них канализации, горячей воды и прочего, чистота воздуха и т.д. Все три обследованных советских города: Москва, Ленинград, Киев — вошли в десятку самых комфортабельных городов мира, причем Киев уступил два первых места двум новым, малоизвестным японским городам. Всем столицам мира было далеко до наших городов. Эти факты были

бы более известны, не будь у нашей «интеллигенции» обычая поливать грязью все, что сделано своим народом, и захлебываться от восторга по поводу успехов Запада.

Явно заниженным был курс рубля и по отношению к стоимости промышленного оборудования. Скажем, в СССР изготовление одной печи для нашего завода стоило около 3 млн. рублей, а когда после развала СССР нам пришлось покупать их на Западе, то даже в удешевленном варианте, даже после конкурса нескольких фирм-производителей купить печь дешевле, чем за 14 млн. долларов, нам не удалось, то есть в этом случае доллар можно оценить примерно в 20 копеек.

По категории товаров элементарной комфортности курс доллара, равный 62 копейкам, в какой-то мере соответствовал ценам, но по предметам роскоши доллар стоил дороже. Серенькой (для всех) роскоши на доллар можно было купить больше, чем на 62 копейки. Но это и понятно: прибыль с продажи предметов роскоши в СССР компенсировала низкие цены жизненно необходимых товаров.

Все эти дешевые товары предназначались только для советских людей, иностранцев этими товарами никто обеспечивать не собирался. Эти цены были нашим собственным, внутренним делом. Представим себе семью, в которой при себестоимости хлеба 1 рубль его цена 1 копейка. Кому до этого дело? Если в целом у этой семьи доходы превышают расходы (а у СССР во внешней торговле долгов было меньше, чем должников), то кому какое дело до цен внутри этой семьи? Посторонний по этим ценам хлеб купить не может, потому что не имеет таких денег — рублей. Рубль — это защита семьи от посторонних, желающих поживиться ее дешевым хлебом. И при таком положении с ценами внутри семьи она не должна допустить, чтобы ее рубли менялись на другую валюту.

Отсутствие конвертации рубля было еще одним препятствием для утечки денег за рубеж. Цены на сырье внутри СССР практически не включали стоимость сырья от Бога, а только трудовые затраты на извлечение этого сырья из недр, поскольку все равно все наше. Поэтому здесь курс доллара

был чрезвычайно завышен, и иностранцам цены на сырье внутри страны всегда казались бросовыми. Скажем, хром советскому потребителю обходился в 200 рублей за тонну, а в нашем балтийском порту иностранцу — 1500 долларов.

Предположим, движение товаров в СССР обеспечивало один миллиард рублей. Но если в цену этих товаров включить стоимость природного сырья, потребовалось бы уже 3 млрд. рублей. Мы уже говорили, что в СССР в системе товар — деньги — товар денег было даже несколько с избытком, но если бы цены включали стоимость сырья, денег перестало бы хватать.

И вот мы, экономические консультанты западных фирм (надеюсь, что читатели не забыли об этой своей роли), наблюдаем за тем, что происходило в СССР. А там из управления страны и республик исчезли государственные деятели, и пришли какие-то академики, профессора, партийные боссы, музыканты «с лицом Ростроповича», шахматные гроссмейстеры и прочие «чикагские» мальчики. Эти люди вполне серьезно решили конвертировать рубль, более того, они поручили устанавливать курс рубля — курс основы того, что обеспечивает работу собственной экономики, не государству, а биржевым спекулянтам валютой. И на этом фоне ликвидировать планирование и устранить государственный контроль над ценами.

Обратим внимание на валютную биржу. Зададим себе вопрос: а кому она была нужна в СССР? Кому в СССР нужны были доллары, если экономика сама себя обеспечивала сырьем и на своем рынке продавала готовую продукцию? С начала разговоров о конвертации рубля и необходимости организации валютной биржи утверждалось, что это очень нужно для закупки оборудования передовой технологии, чтобы иностранцы могли построить в СССР передовые производства (инвестировать средства в экономику СССР), а затем прибыль, полученную от этих производств в рублях, конвертировать в доллары.

И суть даже не в том, что каждый четвертый ученый мира работал в СССР, и уже поэтому тезис о внедрении зарубежных высоких технологий звучит маловразумительно и

пользуется популярностью только у профанов, не имеющих понятия ни о технике, ни о технологии. Мы отмечали, что по отношению к категории таких товаров, как промышленное оборудование, курс рубля к доллару был сильно занижен. Такое положение само по себе не является чем-то необычайным. Государство устанавливает заниженный курс своей валюты, если хочет воспрепятствовать импорту товаров из-за рубежа на свой рынок и способствовать экспорту своих товаров за рубеж. Примером может служить Япония, где длительное время курс йены по отношению к доллару держался заниженным, а японцы, философски воспринимая град упреков со стороны США, успешно торговали благодаря такому курсу на рынке США, не давая последним торговать у себя.

Оборудование в СССР, даже с учетом затрат на разработку самого передового, стоило настолько дешевле западного, что даже при курсе доллара в 62 копейки западное купить было невозможно. Тем людям в СССР, а потом СНГ, которые хотели бы закупить какие-либо производства за рубежом, низкий курс рубля не давал это сделать. По этой причине им была не нужна биржа с ее долларами и явными тенденциями к дальнейшему обесцениванию собственной валюты. Западные экономические эксперты это понимали и были обязаны предсказать, кто придет на биржу и что он на этой бирже сделает с рублем. Такие люди в СССР появились. Это, конечно, в первую очередь были те, кто и раньше занимался торговлей валюты на «черном» рынке, используя ее для покупки за рубежом тех предметов, для которых курс рубля обеспечивал достаточную прибыль.

Но «ударной силой» стали новые коммерсанты, люди, которым правительство СССР уже дало легально наворовать огромные суммы. В их число входили различные посредники, которые после частичной отмены госзаказа немедленно встали между производителями и покупателями товара и стали брать деньги ни за что, за работу, которую рядом с ними Госснаб и Госплан делали бесплатно. Скажем, завод А поставлял заводу В по плану 100 000 тонн стали по 200 рублей. Перестройщики объявили, что 5% из плана исклю-

чаются. Посредник без труда берет 1 500 000 рублей кредита в банке, покупает у завода А разрешенные 5% (5000 тонн) по 300 рублей за тонну. Заводу А вроде бы выгодно, и он заключает договор. Посредник продает купленный товар заводу Б, но уже по 500 рублей за тонну, поскольку заводу Б в противном случае пришлось бы снижать объем производства на 5%, так как больше купить не у кого, кроме того, посредник и на заводе Б сидит и просит продать продукцию по «повышенной цене». Есть чем компенсировать потери. Сделка состоялась. Ничего не изменилось: вагоны с товаром как шли, так и идут по старым адресам, а посредник, дав немного взятки и вернув кредит, кладет в карман 1 000 000 рублей, фактически не стукнув пальцем об палец. Точно так же, но на продаже денег Госбанка, стали богатеть новоявленные рокфеллеры и ротшильды.

«Гении» внешней торговли типа пресловутого Артема Тарасова тоже богатели без особых трудов. Например, банк давал кредит 100 000 рублей, и с этими деньгами такой «гений» обращался, скажем, к директору леспромпхоза, который экспортировал лес, с просьбой продать 1000 кубометров леса по обычной цене 100 рублей, а ему, директору, по отдельному трудовому соглашению выплачивалась кругленькая сумма (по понятиям директора) — 1000 рублей за дополнительный труд. Затем с договором о продаже «коммерсант» обращался во внешнеэкономическую организацию, торгующую лесом, с просьбой продать лес за границу и тем же обещанием заплатить 1000 рублей по отдельному трудовому соглашению... Потом он направлялся во внешнеэкономическую организацию, закупающую компьютеры, с просьбой закупить за вырученную от продажи леса валюту 100 компьютеров и обещанием заплатить по отдельному трудовому соглашению... А потом в газете печаталось объявление: «Продаются персональные компьютеры по 100 000 рублей», заключались договора с покупателями компьютеров и в леспромпхоз переводилось 100 000 рублей за лес. Тот сам грузит на экспорт лес, закупаются компьютеры и рассылаются по договорам покупателям. На счет коммерсанта поступают деньги, он возвращает кредит, раздает взятки и получа-

ет почти 10 млн. рублей. В стране дураков очень просто делать деньги из воздуха.

Строго говоря, в эти годы СССР посрамил западных бизнесменов, которые десятилетия тратят на обучение своему делу, на изучение рынка и прочего. Наши «talанты», правда, благодаря современной власти стали миллионерами, ничего не зная и не умея, не имея конторы и телефона. Я вспоминаю профессии удачливых коммерсантов и поражаюсь: среди них практически нет работников экономики. Очень много партийных и комсомольских функционеров, есть крупные работники Генпрокуратуры СССР, работники Главного разведывательного управления, очень много врачей различных специальностей, много кандидатов технических наук, спортивных тренеров и прочих далеких от экономики людей, в одночасье ставших «финансовыми гениями».

Куда эти люди могли потратить свои миллионы? По западным стандартам, они могли бы вложить их в постройку заводов, в промышленность. Но что в этом деле может понимать врач-гинеколог? Естественно, что эти люди и их рубли встали в очередь на валютную биржу с тем, чтобы по любой цене приобрести доллары да купить на них «Роллс-Ройс», виллу в Испании, еще одну в США, открыть счет в банке Лихтенштейна. Этим людям, у которых рубли легкие, по сути своей ворованные, нет нужды за них держаться, эти их миллионы обесценивают рубль на бирже. И мы, эксперты, это видели. К началу 1992 года при цене доллара в Госбанке 1,73 рубля на бирже он вырос до 80 рублей. И реформаторы твердо пообещали сделать этот курс официальным.

Вернемся еще раз к отказу от планирования. Этот отказ означал, что теперь рядом с плановыми покупателями будут западные покупатели. Казалось, можно было бы радоваться: у экономики СССР резко увеличился рынок сбыта! Но не будем спешить радоваться, а сначала выясним, а что они покупали. Поскольку люди покупают то, чего у них нет, то и в СССР западные покупатели купить хотели то, чего нет на Западе. А там нет своего сырья. Следовательно, главный объект покупки дополнительных покупателей — сырье и энергоносители (сырье для энергетики и транспорта).

Сырье в СССР, как отмечалось выше, не включало в себя потребительную стоимость, стоимость от Бога, и поэтому имело для внутреннего потребления низкую цену: Но когда появился покупатель с Запада, цену на сырье приходилось поднять до принятой на Западе, причем поднять для всех, в том числе и для внутренних покупателей. Внутри страны цена резко вырастет... А цена на сырье имеет очень пакостные свойства. Пока сырье превращается в готовый товар, скажем, бытовой холодильник, оно проходит до десятка переделов. К примеру, медная руда попадает на медеплавильный завод — это первый передел, черновая медь идет на рафинировочный завод — второй передел, электротехническая медь прокатывается в толстую проволоку — третий передел, проволока протягивается и эмалируется в обмоточный провод — четвертый передел, из него изготавливают обмотки электродвигателя — пятый передел, электродвигатель монтируется в холодильный агрегат — шестой передел, холодильный агрегат монтируется в готовый к продаже людям товар — холодильник — седьмой передел. На каждом переделе производитель добавляет к цене купленного сырья свою прибыль, пусть небольшую — 20%. Но умноженная семь раз сама на себя, эта скромная прибыль приводит на седьмом переделе к увеличению цены конечной продукции в 3,7 раза! Это означает, что если цена на медную, железную руды, уголь и другое сырье повысится в 10 раз, то цена на конечную продукцию возрастет в 37 раз.

И, наконец, снова подчеркнем, что рост цен при одном и том же количестве денег в системе равносителен их исчезновению. К примеру, на одном предприятии работают люди, которые производят хлеб, на другом — автомобили «Жигули». С помощью денег они обмениваются своими товарами. За десять лет работник хлебозавода смог накопить, наконец, 15 тысяч рублей, необходимые для покупки автомобиля к концу 1991 года. А работники автозавода готовы собрать к этому моменту автомобиль. Назрела операция в системе товар—деньги—товар. Но с 1 января 1992 года резко повысились цены, и «Жигули» стали стоить 700 тысяч рублей. Хлебопек обворован, у него украдены честно заработанные

сбережения. И обворован он не работниками автозавода, те бы продали автомобиль хлебопеку, как и всем другим, но его новая стоимость уже не позволяет им это сделать. Этот автомобиль, как и другие, не продан, выпуск их прекращается, болтунам предоставляется полная свобода утверждать, что производство остановлено, так как из-за низкого качества продукции автозавод не может найти покупателей. Но мы понимаем, что не в качестве дело: подъемом цен на продукцию автозавода отобран его рынок, у его покупателей изъяты деньги — средство передачи товара в системе товар — деньги — товар.

Но в гораздо более тяжелом положении оказываются предприятия. Не купив автомобиль, рядовой покупатель купит хотя бы что-нибудь. Предприятие так не может. Ведь никто же не купит у автозавода автомобиль без колес, без коробки передач или без стекол. Автозавод обязан купить или все, или ему ничего не надо. А с ростом цен и у предприятия, как у частного лица, деньги исчезают, как бы оно ни стремилось их пополнить. Допустим, у предприятия есть 10 рублей, на которые оно купило у поставщиков сырье, изготовило товар и продало его за 15 рублей. Если цены постоянны, то оно получит выручку, заплатит налоги и прочее и снова купит на 10 рублей сырье. Но в современной ситуации, пока товар доставлялся покупателю, а деньги за товар — предприятию, цены на сырье повысились до 100 рублей. А ведь выручка составила всего 15 рублей. Предприятие берет в банке кредит и дает ростовщикам на себе нажиться, покупает сырье за свои 15 да 85 рублей кредита, изготавливает товар и продает покупателю за 150 рублей. Но пока предприятие ждет деньги, цена на сырье становится 1000 рублей. Предприятию нечем вернуть кредит и проценты ростовщикам, новый кредит они не дают, у предприятия один путь — остановиться, даже если у покупателей есть эти 150 рублей. А если и у покупателя нет денег, тогда надо останавливаться немедленно!

Похоже, что мы, экономические консультанты, рассмотрели достаточно примеров и провели тщательный анализ. Теперь надо писать отчет. Он должен быть примерно такой: «СССР имел замкнутую экономическую систему, самообес-

печивающуюся, автономную. В едином государстве сосредоточены были и сырье, и покупатели готовой продукции. Приток денег для бесперебойного функционирования системы товар — деньги — товар обеспечивало государство, оно же контролировало цены на товары. Цены специфические: цены на сырье, не включающие его потребительскую стоимость, существенно ниже западных; цены на товары повышенной комфортности — выше западных. Поэтому при соединении рынков СССР и Запада на Запад могло продаваться в первую очередь только сырье.

ДЕЛОКРАТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Суть слов

То, чем мы до сих пор занимались в этой книге, определяя, что является Дело, русский народ называет «докопаться до сути». Сегодня крайне необходимо докапываться до сути, поскольку множество понятий перестало иметь для нас конкретное, осязаемое значение, мы перестали и понимать, и даже задумываться над тем, что действительно стоит за тем или иным словом. Но мы продолжаем использовать эти слова, подразумевая под ними или Бог знает что, или вообще ничего. Это положение объясняется рядом причин, и первая — наш бюрократизм как образ мысли, сводящийся к правилу: «делай так и говори так, как приказало делать начальство или как говорят «модные» авторитеты». А зачем надо так делать, как эти действия и слова влияют на Дело, знать необязательно и даже вредно. Ведь обдумывая действия, можно вредить Делу, поэтому спокойнее вообще о Деле не думать. Например, приехал к чиновнику за пенсией на инвалидной коляске человек без ног, а его гонят за справкой, в которой будет указано, что он инвалид. Если задуматься и понять, кто такой инвалид, то станет стыдно гонять безногого человека по инстанциям. А если не докапываться до сути, то инвалидом можно считать только того,

кто имеет справку, что он инвалид, пусть даже и придет он самостоятельно хоть на четырех ногах.

Вторая причина связана со следующей особенностью России: иметь крайне паскудную прослойку населения, именующую себя интеллигенцией. К ней обычно причисляют себя те, с которых нет надлежащего спроса за их Дело: писатели, журналисты, артисты и те ученые, результаты работы которых обществу не требовались. В России они почти всегда содержались правительством. Заметим, что только в СССР и Испании ученые получали деньги за то, что они ученые, другими словами, за то, что имеют некие ученые звания: кандидат наук, доктор наук, академик. В других странах ученый, чтобы получить деньги, должен сделать нечто полезное для общества; тогда найдется покупатель и заплатит ученому из своего кармана, а не из денег налогоплательщика. Не уверен, что такое отношение к науке наиболее полезно для общества, но в этих условиях масса российско-советских ученых, особенно гуманитариев, превратилась в наглых паразитов на теле народа, причем не знающих своего Дела. Действительно, все эти шаталины и буничи, поповы и гайдары — получали свои ученые звания и большие деньги за обладание ими, доказывая в своих работах необходимость планового ведения хозяйства, а потом они доказывали необходимость уничтожения системы планирования. Это говорит о том, что они откровенные мошенники: либо они раньше с целью получить деньги, выплачиваемые государством за ученое звание, утверждали не то, что составляло суть экономической науки и, следовательно, они не имели права на эти звания и все полученные ими деньги украденны у народа, либо они мошенничали позже.

Не могу вспомнить, чтобы об этих «светилах» нашей экономики сказал хотя бы одно хорошее слово непосредственный потребитель их Дела — работник экономики, директор завода или председатель колхоза. И вы не могли такого слышать: не за что было их хвалить тогда, а тем более сейчас.

Вот еще пример. И во времена СССР, и сегодня телевидение демонстрирует передачи о новых кинофильмах. В этих передачах, как правило, проводится оценка качества этих

фильмов. Нельзя вспомнить ни одного случая, когда эту оценку давал тот, для кого фильм предназначен,— зритель — потребитель Дела. Работу режиссеров и артистов оценивают сами режиссеры и артисты по принципу: кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку.

Такое положение интеллигенции дает ей возможность не знать и не понимать своего Дела.

Но как выглядеть умным, не понимая сути Дела? Для этого нужно и говорить, и поступать так, как модные «умные». И беда России в том, что для ее интеллигенции модные умные всегда находились на Западе. По-видимому, в этом нечаянная вина Петра I, который начал обучать Россию именно там. Что говорят на Западе, то для нашей интеллигенции и свято. Для нее, не понимающей сути Дела, не имеет значения, почему так говорят, когда, в каких случаях и зачем. Главное, что так говорят на Западе. На Западе говорят, что нужны демократия, умные политики, рыночные отношения, и наша интеллигенция старательно повторяет эти слова, не пытаясь даже понять, что они означают.

И это не сегодня началось. Под влиянием интеллигенции Столыпин уничтожал в России общины потому, что на Западе — фермерское сельское хозяйство. И для подавляющей части тогдашней российской интеллигенции не имело значения, что на Западе другой климат, другие расстояния, другая религия (молящаяся на деньги и освящающая рабство) и, главное, другой образ мыслей людей. Кстати, для сегодняшней интеллигенции уже не имеет значения и суть слова «фермер»: она уже не понимает, кто это.

Приведем пример, подтверждающий это высказывание. Пропагандируя развал колхозов и совхозов, российское телевидение сняло фильм о канадских фермерах. Я видел три последних сюжета из этого фильма. В первом показали фермера, только что купившего ферму и мечтающего вместе с авторами фильма о будущих доходах. Во втором был показан фермер, уже разоренный банком, так как он не сумел расплатиться за кредит под покупку высокоудойного стада. Но наиболее показателен третий эпизод. Несколько братьев, получив в наследство очень большие площади земли, разде-

лили их, попробовали работать самостоятельно, но не получилось. Тогда они создали фирму, передали ей свою землю, машины и инвентарь как личный вклад и нанялись вместе с женами работать на собственное предприятие. Объединив свои усилия, они купили самые высокопроизводительные машины и добились очень высоких доходов от совместного труда. Авторы фильма утверждали: надо и в России иметь фермеров, не понимая, что в качестве положительного примера доказали именно то, что в СССР называли колхозом.

К несчастью, зачастую и на Западе весьма смутно понимают суть используемых слов. Если бы там всегда понимали, о чем говорят, то, возможно, и наша интеллигенция время от времени попадала бы в точку.

В октябре — ноябре 1994 года по телевидению был показан пятисерийный американский фильм «Постижение демократии», автор которого пытался объяснить, что такое демократия. Уже то, что это понятие он не смог описать несколькими предложениями, должно насторожить: понимает ли он, о чем речь идет? Действительно, ведущий делал все, чтобы постигнуть демократию: посетил многие страны, на лодке плавал, говорил со многими людьми. Но в конечном итоге у него получилось, что вроде бы и африканская диктатура — демократия, а английская Хартия вольностей — вроде бы и вовсе не демократия. В конце концов, автор как будто пришел к мысли, что демократия — это строй, при котором все подчиняется закону. Но... Гитлер пришел к власти абсолютно законным демократическим путем, Германия абсолютно демократическим путем приняла расовые законы, которые гитлеровцы не нарушали. Окончательно запутавшись, автор сделал выводы, что демократия — это строй, при котором государство подчиняется законам, выработанным ООН. Это, может быть, звучит и неплохо, но автор перед этим убедительно доказал, что смысла законов сегодня уже никто не понимает, а истолковать их может лишь небольшая группа юристов. А на примерах из решений Верховного суда США автор фильма показал, что то, как толкуют законы юристы, может совершенно не подходить народу — демосу. Но если народ (демос) не понимает законов, а их толкова-

ние юристами его не устраивает, то это не демократия, это юристократия. В общей сложности часа четыре автор фильма пытался объяснить суть демократии, но добился, в конце концов, весьма жалких результатов. А ведь слово «демократия» сегодня все комментаторы и политики упоминают так же часто, как грузчик слово «мать».

Рассмотрим суть слова «фашизм». Это название одного крыла итальянской социалистической партии. Было бы справедливо и правильно использовать это слово для характеристики политических течений, идеология которых полностью совпадает с идеологией итальянских социалистов, которые пошли за Муссолини. Но сейчас за любые слова против сионизма на критика автоматически наклеивается ярлык фашиста. Говорящие это очевидно не знают, что фашисты Муссолини не испытывали вражды к евреям, и антисемитизм не был им свойственен. Когда в 1941 году Гитлер напал на СССР, вместе с немцами нас атаковали союзники Гитлера и его вассалы, а также сотни тысяч добровольцев из всех стран Европы. Часть их была убита в ходе войны, а часть взята в плен. На год освобождения из плена в числе плененной гитлеровской сволочи находились и 10 173 еврея. Это больше, чем бельгийцев, голландцев, финнов, люксембуржцев, испанцев, норвежцев и шведов, вместе взятых. Откуда же взялись эти евреи?

То, что эти евреи воевали в составе немецкой армии, совершенно исключено; то, что они были в составе армий вассалов (Румынии, Венгрии), — маловероятно, но не исключено, так как в плен были взяты и примерно четыреста цыган. Наиболее вероятно, что в плен к Красной Армии попали евреи из фашистской Италии — союзника Гитлера. То, что сионисты используют ярлык «фашист» для своих противников, вполне объяснимо: вор на базаре всегда громче всех кричит: «Держи вора!» Но остальные, используя это слово, наверное, не понимают его суть.

А кто понимает, что стоит за словом «свобода», что оно обозначает конкретно? Обычно под этим словом подразумевают возможность делать то, что хочется. Но сомнительно, что так будет поступать даже дикое животное. Человек,

живя с другими людьми, не может делать то, что хочет, если его желания противоречат интересам других людей, ограничивают их свободу. Возможно, какому-то человеку хочется взять чужую вещь или ударить другого человека. Общество и государство ограничивают эту его «свободу», но можно ли назвать это общество несвободным, а государство тоталитарным?

Советский Союз с подачи государственной пропаганды США был назван империей зла и всегда считался на Западе огромным концентрационным лагерем, где людей за малейшую провинность или не то слово отправляли жить на архипелаг ГУЛАГ. Наша интеллигенция все это охотно повторяет. Но сравним некоторые цифры. К моменту уничтожения СССР в его тюрьмах и лагерях содержалось 0,8 млн. заключенных, грубо, около 28 человек на 10 000 жителей, а в США, «свободной стране», по разным данным насчитывается от 1,3 до 2,4 млн. заключенных, то есть от 54 до 100 человек на 10 000 жителей. В «свободной стране» в тюрьмах сидит, по меньшей мере, вдвое больше граждан, чем в «империи зла»? Конечно, эти цифры говорят и о моральном уровне нашего и американского народов, но одновременно и о «справедливости» общественного строя и свирепости этого «свободного» государства, его готовности к расправе над своими свободными гражданами. А те несколько десятков диссидентов, «узников совести», имена которых всплыли на волне перестройки в СССР, действительно пытались с помощью Запада изменить Конституцию СССР, то есть совершить деяния, которые в США наказываются в первую очередь.

Советские люди, без большой любви относившиеся к своей милиции, тем не менее, никогда не видели у милиционеров дубинок, шлемов, щитов, слезоточивого газа; даже личный пистолет у них был редкостью. В исключительных случаях массовых волнений государство делало все, чтобы не применять оружия против своих граждан.

Например, во время возникших в Новочеркасске волнений армия, чтобы не причинить вреда толпе, последовательно оставляла без сопротивления все, что толпа пыталась захватить: на разграбление были оставлены не только

магазины, но и здание обкома партии. Солдаты применили оружие только тогда, когда обнаглевшая толпа попыталась силой отобрать его у армии и милиции.

Аналогично действовало государство и в 1979 году в Орджоникидзе, где из-за убийства таксиста вспыхнула вражда между ингушами и осетинами. На центральной площади города собралась пятитысячная толпа, вооруженная всем вплоть до охотничьих ружей. Пять суток руководство России: председатель Совмина, заместители генерального прокурора СССР и министр внутренних дел безоружными выходили к толпе, уговаривая разойтись, пять суток ездили на предприятия города, уговаривая людей образумиться. Пять суток ЦК КПСС не давал разрешения не только применить «Черемуху», но и вообще разгонять толпу силой. Когда на исходе пятых суток милиция и курсанты все-таки разогнали остатки толпы, среди участвовавших в беспорядках не было ни одного убитого или получившего огнестрельное ранение. Секретарь обкома, кстати, был не только снят с должности, его исключили из партии, что по тем временам означало служебную смерть.

Правда, на Западе существует, а российской интеллигенцией поддерживается мнение, что русский человек раб в душе, что для содержания его в рабстве и оружия не надо — приходи и бери его голыми руками. При этом наша интеллигенция упорно забывает, что, начиная с монголо-татарских захватчиков, было много желающих поставить русских на колени. Не получалось — кровью захлебывались эти «рабы», но не отдавали своей свободы.

Заметим, что свободолюбивых французов союзники поставили на колени в 1813 году, немцы в 1871 году, потом (не без участия России) французы поставили на колени немцев в 1918 году, но немцы это положение быстро исправили в 1940 году. И что поразительно. Немцы в 1939—1940 годах дали французам восемь месяцев на подготовку к испытанию свободолюбия и только потом нанесли удар. После того, как во французской армии потери достигли 100 тысяч убитыми и пропавшими без вести при 120 тысячах раненых, Франция сдалась. Такова цена свободы жи-

теля Запада. Причем дело здесь не в слабости армий союзников и силе вермахта. В 1940 году англичане и французы в военной мощи не уступали немцам. Более того, профессионалы пытались честно исполнить свой долг: треть всех убитых в этих боях французов — офицеры. Это свидетельствует о том, что именно солдаты не дрались за свою свободу, ведь, скажем, в «параллельно» идущей войне в Китае на 25 убитых японцами солдат гоминьдана приходился всего лишь один убитый китайский офицер.

В боях 1941—1945 годов СССР потерял убитыми и погибшими в плену 8 668 400 солдат Красной Армии, солдаты были ранены и контужены 15 205 692 раза, но на колени не стали и сохранили свою свободу.

Так какой же народ более свободолюбивый и лучше понимает, что такое свобода? И от чего, собственно, освободили русских перестройщики? От русского свободолюбия? От государства, которое не сажало своих граждан в тюрьмы, не избивало стариков дубинками, не расстреливало москвичей из танков, не вербовало в армии позорные зондеркоманды для расстрела безоружных жителей?

Дело государства

Нельзя менять какие-либо детали, не понимая сути целого, например, никто не будет менять колесо у автомобиля на поплавки или лыжи, не понимая устройства автомобиля. Нельзя реорганизовывать государство, не понимая его цели — его Дела. Но, как это ни грустно, народы на Земле столетиями реорганизуют государства, не утруждая себя ответом на вопрос: зачем они вообще им нужны? Займемся целью государства, его Делом.

Неужели мы радуемся, когда платим налоги? И неужели мы испытываем чувство глубокого удовлетворения, когда свободно проехав на красный свет, вдруг упираемся в государство в лице милиционера, достающего квитанции для штрафов? Попытаемся ответить на вопрос: зачем нам, рядовым людям, необходимо наше государство?

Мысленно представим себе, что мы ничего о государстве не знаем. Живем, работаем, а государства у нас нет, нет

ни милиции, ни армии, ни налоговой инспекции, ни президента, ни парламента. Ничего. Стерильная чистота в отношении любых признаков государства.

Как мы будем себя чувствовать? Радоваться, что не надо никого слушаться, не надо платить налоги...? Вряд ли!

Во-первых, окажется, что хотя мы лично и исповедуем христианские заповеди «не убий», «не укради», но не все жители нашей страны ими руководствуются. Мы строим дом, работаем, приобретаем имущество, а кто-то приходит, и все у нас отнимает и даже убивает. Конечно, мы, объединившись с ближайшими соседями, попробуем сообща защититься, но наша община бессильна против большой банды, и ворам удастся удрать с награбленным так далеко, что мы не в силах догнать. Во-вторых, мы увидим, что беспомощны при насилии со стороны соседних государств и вторгнувшиеся войска могут нас уничтожить. Мы не сможем передвигаться по своей стране, так как в разных местах действуют неясные нам правила поведения людей, нет единых денег, даже правила дорожного движения везде разные, и поэтому мы гибнем на дорогах. Если стихийное бедствие уничтожило жилье у соседей, им бы надо помочь, но мы не знаем, а окажут ли нам помощь, случись такое с нами. Мы видим, что беззащитны без государства. Причем мы все будем понимать: нас так много, что если действовать вместе, то не будут страшны ни уголовники, ни внешние враги, ни любые стихийные бедствия. Но понимать мало, нужно что-то сделать, чтобы действовать сообща. И мы начнем создавать государство.

Прежде всего, сформулируем цель его создания, определим Дело своего государства — ту его услугу, за которую мы согласимся добровольно заплатить. Этим Делом является организация нас самих для нашей же защиты в случаях, когда мы в одиночку или общинами не можем себя защитить. У государства нет другой более полезной для народа цели.

Присмотримся к этому Делу. Во-первых, делом государства является организация нас для нашей защиты, а не наша защита как таковая. Никакое государство своих граждан не

защищает, защищают себя сами граждане. Как защищают: прямо, или нанимая специалистов на свои деньги, — это другой вопрос, но защищаются они сами. Просто без государства, без его организационных действий коллективная самозащита граждан невозможна.

Во-вторых, виды защиты, которые граждане хотят себе обеспечить, должны быть уточнены в договоре между ними самими, поскольку в этом плане все государства разные: граждане одного могут поручить своему государству организовать защиту права на труд, а другого гордиться тем, что они принципиально не защищают это право.

В-третьих, народ является в стране хозяином — сувереном. Работники государственных органов — исполнительных, законодательных, судебных — нанятые на службу вассалы. Обычно это всем понятно и всеми декларируется, но в жизни быстро забывается, и создаются государства-монстры, хозяином которых является государственная бюрократия, причем она и чувствует себя хозяином, а к народу у нее такое отношение, как будто она его едва терпит, да и то только потому, что тот платит налоги. Народ хозяин, и если мы сейчас создаем государство, об этом надо помнить.

Итак, Дело своему государству мы определили, какими именно способами защиты будем себя защищать, уточним позже в своем (народа-хозяина) договоре-приказе с государством. Поговорим о нем.

Совершенно ясно, что для организации защиты надо, чтобы все люди в стране подчинялись единым правилам поведения. Если мы постановим, что каждый должен платить налог, значит, каждый обязан и платить. Если мы введем правило, согласно которому в случае войны все мужчины призывного возраста обязаны явиться к армейским начальникам, значит, каждый из них обязан явиться. Если мы запретим убивать, воровать, насиловать и прочее, значит, никто не имеет на это права.

Ясно, что все правила должны поступать из одного источника, иначе они не будут одинаковыми для всей страны и не будет единого народа. Это очевидно. Но очевидно, что вряд ли мы, народ, сможем быть таким источником во всех случаях. Жизнь идет, меняются ее условия, в соответ-

ствии с этим необходимо корректировать правила поведения, например норму налогообложения. Однако мы не сможем все время обсуждать эти изменения, получать для этого массу специальной информации, в том числе секретной. Следовательно, необходим некий центр, который мы назовем Законодателем. Этот центр будет устанавливать от нашего имени правила поведения всех в стране — законы, и эти правила будут едины для всех.

Итак, попытаемся построить управленческую цепочку. Для своей защиты мы, народ, создаем государство, Делом которого является организация нас при необходимости самозащиты. С этой целью мы даем государству Законодателя, который от нашего имени определяет правила поведения всех граждан страны и в первую очередь правила поведения нас самих — народа. Так, государство получило инструмент, с помощью которого оно может организовать нас, хотя пока еще нет того, кто бы мог осуществить эту организацию. Мы уже предоставили Законодателю огромные права, обрисовали ему его задачу, Дело, но не указали, какую защиту и в каких случаях мы хотим для себя получить от самих себя. Выражаясь образно, мы наняли главнокомандующего, дали ему власть над собой, но еще не дали офицеров и не объяснили, кто наш враг.

Мы, народ, оговорим с Законодателем, кто наш враг, то есть какую защиту мы хотим иметь, в специальном договоре-приказе, который назовем Конституцией государства, его основой. Как и в любом договоре, оговорим с Законодателем его и свои обязанности, его и свои права, которые следуют из наших обязанностей в соответствии с обычным для договоров принципом: моя обязанность — его право, его обязанность — мое право.

Развивая упомянутый образ, скажем: у главнокомандующего есть задача, есть наше обязательство ему подчиняться — быть рядовыми солдатами. Теперь нужны офицеры, которые непосредственно поведут нас в бой. В государстве эта роль принадлежит исполнительной власти — профессионалам-специалистам, способным организовать народ на свою защиту. Пока не будем уточнять, откуда эта власть возьмется, оставим это на потом. Просто запомним, что исполни-

тельную власть должны реализовывать профессионалы. Так, если во время войны командующим армией будет человек, не знающий, как организовать этот вид защиты, то это обречет нас на верную смерть, потому что нам предстоит быть солдатами этой армии. Мы, народ, должны твердо знать, что исполнительная власть — не предмет политических интриг, ее должны составлять люди, отобранные по единственному признаку — профессионализму.

И еще одно замечание относительно исполнительной власти. Делом исполнительной власти — Исполнителя — будут те виды нашей защиты, которые мы укажем в конституции: укажем, что речь идет о защите от внешнего врага, Исполнитель организует нас на это, укажем, что это защита от безработицы, организует и на это.

Итак, мы, народ, создали Законодателя и заключили с ним договор (Конституцию) об организации собственной защиты, в котором обязались слушаться его и указали, какие виды защиты он обязан организовать, для чего отдали ему в подчинение себя и Исполнителя.

Исполнитель будет организовывать нас с целью обеспечить конституционные виды защиты, для этого в своих приказах он разделит Дело защиты народа на Дела для всех. Каждый человек обязан слушаться Исполнителя, иначе Дело не будет сделано. Слушаться — значит следовать определенным правилам поведения. Исполнитель ни себе, ни нам не имеет права задать эти правила: народ задает сам правила своего поведения и поведение своего государства, а то, что это осуществляется через Законодателя, так это потому, что иначе трудно. Мы — хозяин, суверен и не можем позволить командовать собой.

Поэтому, если Исполнителю требуется от нас что-то необычное, он обязан обратиться к Законодателю, к нашему представителю. Если Законодатель, а значит, мы, народ, сочтет требование Исполнителя разумным, то Законодатель издаст закон, исполняя который мы будем следовать тем правилам поведения, которые от нас требует Исполнитель для организации нашей защиты, а Исполнителю разрешим следовать тем правилам поведения, которые помогают ему

делать свое Дело. К примеру, он возьмется за Дело организации нашей безопасности. В этом случае он обратится к Законодателю, чтобы тот издал закон, запрещающий убивать, воровать и тому подобное, то есть определил правила поведения народа. Одновременно следует определить и нормы поведения Исполнителя — арестовывать и, по приговору суда, карать преступников, тех, кто не следует правилам доведения, заданным законом. В случае нападения внешнего врага Исполнитель, Дело которого теперь — организация нашей защиты от внешнего врага, потребует изменения правил поведения народа: одни должны будут взять в руки оружие; другим надо будет работать не по 8, а по 10 часов; третьи примут в свои дома беженцев.

Читателям может показаться несколько навязчивым и надуманным использование слова «поведение», хотя мы ведем речь о законах, а выражение «законопослушное поведение» звучит вполне естественно. Нелишне все-таки определить разницу в командных документах государства. Мы, народ, заключаем с органами государства договор-конституцию, где указываем, что мы хотим от государства и что ему дадим. Законодатель с помощью законов устанавливает для всех граждан правила поведения с тем, чтобы иметь возможность выполнить положения конституции. Исполнитель в рамках оговоренных законом правил поведения с помощью своих указов и приказов — планов наших действий — организует нас с тем, чтобы обеспечить достижение целей конституции.

Мы несколько преждевременно отошли от темы раздела, поэтому вернемся к ней, и подведем итоги: государство нужно народу для единственной цели — организовать народ для собственной защиты в случаях, когда отдельный человек или община не в состоянии защитить себя.

Делократизация законов

Продолжим разговор о разнице в государственных командных документах (командах): командах, которые даны от имени народа и должны исполняться народом — законами, и приказе-договоре — Конституции. Естествен вопрос:

должны ли эти команды (документы) быть понятны любой кухарке? Так же естествен и ответ: безусловно, по-другому быть не может. Ведь эти документы Законодатель принимает от народа, а значит, и от ее имени тоже. А хозяин, суверен, не может не понимать приказов, которые отдает сам, тем более, что в большинстве случаев он сам обязан их исполнять. Если в государстве будут законы, непонятные любому грамотному человеку, то это государство нельзя называть государством народа, государством демоса, демократическим государством. А как народ может исполнять законы, сути которых он не понимает?

Еще вопрос: выгодно ли иметь понятные народу законы недобросовестным чиновникам государственной бюрократии? Конечно, нет! Ведь если народ не понимает, что от него требуют законы, то он вынужден обращаться с вопросами к чиновникам, чтобы те объяснили ему, как поступать в данном конкретном случае. И этот чиновник, юрист, который не сеет и не пашет, получает большущий кусок хлеба с маслом от народа, который сеет и пашет. Он паразитирует благодаря тому, что в государстве непонятные законы. Конечно, юристы могут работать очень много, но суть их деятельности это не меняет. Для общества они паразиты, и общество могло бы легко обойтись без них, если бы потребовало от своих вассалов принять понятные для себя законы.

Есть еще один аспект. Допустим, законы понятны каждому, но их великое множество — просто невозможно запомнить.

Вернемся к вопросу, зачем нужны законы. В договореконституции содержатся положения о нашей собственной защите. Но не все, а только некоторые из этих положений потребуют от всех нас какого-то особого поведения. В этом случае наше поведение, а значит, и наша свобода в чем-то ограничивается. Каждый закон — это ограничение нашей свободы. И чем больше в стране законов, тем меньше в ней свободы, даже если это законы о защите свободы. Идея о том, что свобода защищается законами — бредовая. Полная свобода реализуется тогда, когда нет ни одного закона и человек ничем не ограничен. В нормальном, демократическом,

свободном государстве просто не может быть много законов, а в государстве, где властвует бюрократия, законов будет миллион.

Вспомним, что в СССР было минимальное количество законов, которые касались всех граждан: уголовный и гражданский, уголовно-процессуальный и гражданско-процессуальный кодексы, кодекс законов о труде. Было еще несколько специфических кодексов, которые мало кому требовались. Поэтому в СССР практически не было юристов: они были просто не нужны. С этой же точки зрения рассмотрим другой вид командных документов государства — приказы и указы Исполнителя. Должны ли и они быть понятны каждому, должно ли их быть мало? Отвечая на эти вопросы, надо учитывать, что Исполнитель — это профессионал и ему как профессионалу присуща профессиональная атрибутика, в том числе профессиональные термины, знания явлений, знакомых только специалисту, и прочее. Приказы Исполнителя касаются только системы исполнителей, тоже профессионалов. Поэтому команды Исполнителя могут быть и непонятны простым гражданам, их можно исполнять, не думая: за них отвечает профессионал. Но Исполнитель не может иметь сам и требовать от вас не оговоренного в законе поведения; он действует в рамках закона, то есть того, что должно быть понятно любому. Например, если милиционер требует остановить автомобиль, это надо сделать: у него могут быть профессиональные соображения, о которых можно и не знать, допустим, впереди опасность, но он не может использовать вашу машину как такси: ни ему, ни вам закон не предписывает такое поведение.

Количество приказов Исполнителя невозможно предугадать: оно определяется изменением обстановки, но в любом случае эти приказы от Исполнителя должны поступить вам, народу, в форме понятного указания, которое не должно выходить за рамки закона — того, что вам должно быть понятно и без чьей-либо помощи.

То, что мы сейчас рассматриваем, это не суть законов, это только внешние признаки демократических законов, действующих в народном, демократическом государстве. Если

законов в государстве мало, они коротки и абсолютно понятны без постороннего толкования тому, от чьего имени они приняты и кто обязан их исполнять — народу, то можно говорить, что в таком государстве нет засилья бюрократии и оно похоже (но не более) на демократическое. Важна суть законов. Для того чтобы закон был делократичен, он обязательно должен быть дан по Делу, которое указано в конституции.

Договор о создании государства (конституцию) часто называют основным законом. Требование к этому закону должно быть таким же, как указано выше: он должен быть понятен любому грамотному человеку. Иначе у нас власть будет принадлежать не народу, а крючкотворам.

В качестве примера документа, дающего большую радость бюрократии и представляющего весь народ идиотами, рассмотрим Конституцию США. (Я понимаю, что от этих слов многих покоробит, но проанализируем ее сами и непредвзято.) Не будем сильно критиковать авторов Конституции США, вспомним условия, в которых она создавалась. В 1787 году тринадцать штатов, уже ставших независимыми, хотели просто подправить статьи Конфедерации, однако, посоветовавшись, решили усилить государство, заменив конфедерацию федерацией, и быстро написали конституцию нового государства. В первую очередь они обдумали действия чиновников государственных органов: какой вид будут иметь органы управления США, нужен ли единый суд, какие права имеет президент, какие Конгресс, где и когда им собираться, как пересылать друг другу бумаги и прочее, прочее. Составляя «самую демократическую» конституцию, ее авторы в спешке забыли про демос, про народ. Начав конституцию словами «Мы, народ...», они все семь статей Конституции США посвятили решению проблем трудоустройства бюрократии государства. И если в Конституции США и вспоминается о народе — фермерах и охотниках, ковбоях и лесорубах, то только косвенно: в случаях, когда в Конституции определяется, кому и как взимать налоги с народа. Когда Конституция США была ратифицирована, забеспокоились крючкотворы в штатах: ведь если все зако-

ны будет принимать Конгресс США, что тогда им останется делать? Это, конечно, утрировано, но суть действительно в том, что руководители штатов, опасаясь, как бы Конгресс США не стал нарушать права их граждан, потребовали принять поправки к Конституции, которые действительно зафиксировали некоторые права граждан США. Эти десять поправок, принятых через четыре года, в 1791 году, получили название «Билль о правах». Поэтому Конституция США — весьма оригинальный документ: в законе о правах граждан США не упомянуто об этих правах, а включены кое-какие из них спустя четыре года и в поправки к «самой демократической» конституции. Вот почему ценность этого документа, впопыхах подготовленного 200 лет назад, для многих американцев представляется весьма сомнительной. (Ярослав Мудрый 800 лет назад создавал основы права русского государства «Русская правда» не спеша, но мы и сегодня не можем понять, почему за нечаянно убитого кота нужно отдавать вола, и поэтому мы за конституцию Ярослава не цепляемся.)

Зато для крючкотворов-юристов такой документ — это манна небесная, уже двести лет они имеют законный кусок хлеба с маслом, толкуя американцам американскую Конституцию. Например, Вторая поправка к Конституции США дает американцам безусловное право носить оружие. «Поскольку хорошо организованная милиция необходима для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться». Когда эта Конституция создавалась, сомнений в правоте данного положения не было: невозможно было оставить без оружия человека на неосвоенном континенте. А сегодня? Ведь согласно этой статье американец имеет право носить при себе хоть атомную бомбу. «Вопрос о том, позволяет ли данная поправка носить оружие частным лицам, был предметом оживленных дебатов, но Верховный суд так и не сумел разрешить этот спорный вопрос». Еще бы! Никаких других толкований эта поправка не допускает, особенно если учесть время принятия конституции. Но зато сколько высокооплачиваемой работы она дала и еще даст американским юристам!

Цитата заимствована из книги о Конституции США американского юриста Дэвида Карри, написанной им для американцев и имеющей подзаголовок «Настольная книга гражданина». Дэвид Карри начинает эту книгу следующим образом: «Конституции США более двухсот лет. Введенная в еще 1787 году она продолжает успешно действовать и поныне. Претерпев за всю историю лишь ряд незначительных изменений, она и сейчас обеспечивает образцовую модель функционирования представительной власти, надежно защищая основные права человека.

Все восхищаются Конституцией США, но лишь немногие понимают ее».

Наши юмористы утверждают, что у нас и американцев разное чувство юмора. Возможно, это так, ведь когда персонаж покойного А. Райкина говорил: «Он говорит красиво, правильно, но не понятно о чем» — весь зал обычно взрывался хохотом, потому что русскому смешно сочетание «правильно» и «не понятно о чем». А как вы видите из последней фразы Карри, для американца вполне естественно восхищаться словами, смысла которых он не понимает. Мне кажется, что американцы стали рабами своих не понятных им законов и действительно считают принятые от их имени законы чем-то сверхъестественным и доступным пониманию только юристов, а если юристы восхищаются, то и им надо восхищаться.

Еще один момент. В книге Карри собственно разбор Конституции США начинается с главы «Приоритет судебной власти», а она со слов: «Приоритет судебной власти выражается в праве судов опротестовывать законность актов других ветвей власти. В рамках своей юрисдикции суд США, пользуясь этим правом, может объявить тот или иной законодательный акт федеральных органов власти или любого штата страны неконституционным». Разберем эту фразу. Народ США избирает своих представителей в Конгресс, надеясь, что они примут законодательные акты, которые принесут народу пользу. Эти представители ответственны за свои решения перед народом. Но... Принятый на благо избирателей законодательный акт обсуждает десяток ни за что не отве-

чающих юристов, которые сравнивают его с Конституцией США, и акт представительной власти фактически объявляется недействительным, если, по мнению юристов, в этом акте что-то не соответствует документу, написанному во времена, когда Адам был мальчиком. Эту ситуацию Дэвид Карри называет «образцовой моделью функционирования представительной власти», хотя здесь не избранные народом поправляют избранных, безответственные — ответственных. Вот такая «образцовая модель»! Хотя... Строго говоря, Конституция США может быть действительно образцом конституции, которую не должно иметь демократическое государство.

Но нас, как обычно, интересует Дело. Дело государства в Конституции США сформулировано так: «Мы, народ Соединенных Штатов, дабы образовать более совершенный Союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать всеобщему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим, торжественно провозглашаем и устанавливаем настоящую Конституцию для Соединенных Штатов Америки». Не будем сильно критиковать эту цель, помня, когда и зачем писалась Конституция США. Хотя она и начинается со слов «Мы, народ...», но ведь не народ создавал государство, а объединялись тринадцать уже готовых государств. В этот момент, как мы уже писали, о народе никто не думал.

Конституция СССР, написанная 200 лет спустя, тоже не объявляет Дело государства как такового, но, по крайней мере, в ней есть обязательства СССР перед своим народом и обязательства народа перед государством. Конституция СССР: «... Устанавливает права, свободы и обязанности граждан...», то есть то, что в Конституции США отсутствует и что частично появилось лишь в 1791 году в виде поправок.

Права и свободы граждан — это обязательства всего государства по отношению к каждому человеку и обязательство всего народа по отношению к каждому своему члену. И соответственно должна быть и обязанность отдельного человека по отношению к обществу и его организатору — государству.

Еще раз напомним. Государство, как Святая Троица, одно в трех лицах: народ, Законодатель, Исполнитель. Сюда обычно приплетают и судебную власть, но такой власти нет: люди подчиняются не суду, а закону, сам суд ничего указать не может, ему поручается лишь определить, было нарушение закона или нет.

В дальнейшем нам придется конкретизировать все понятия в этой троице, а пока будем помнить следующее. Мы, народ-хозяин, суверен страны, мы заключаем договор-приказ со своим главнокомандующим — Законодателем, в котором должны конкретно сообщить, какие виды общественной защиты нам нужны. Мы даем Законодателю двух подчиненных: себя и Исполнителя.

Теперь более подробно поговорим о собственно Деле — о своей защите.

Нашу Конституцию начнем так: «Мы, народ, с целью обеспечить свою защиту в случаях, когда мы не в состоянии обеспечить ее в одиночку или общинами, основываем свое государство (название государства)».

Цель государства должна формулироваться как можно более обще и включать в себя абсолютно все. Здесь уместно провести аналогию с формулировкой цели одного из подразделений государства — армии. Ее цель — уничтожить врага. Но затем армии надо указать, какого именно врага она должна уничтожить. Мы также в самом тексте Конституции должны указать, какие именно виды защиты требуем от своего государства, имея при этом в виду, что в конечном итоге мы требуем их от себя — государство может организовать все, но за это «все» мы и заплатим и надо решить самим: стоит ли за это платить, хотим ли мы этого. Поэтому количество защит будет зависеть от нас, от нашего морального, человеческого уровня. Скажем, один богат и может себе позволить любые виды медицинской защиты и самые лучшие, самые разнообразные. Другой человек беден и не может вставить зубы или купить очки. В одном государстве могут сказать: так не справедливо, общество должно обеспечить медицинской защитой всех, а в другом скажут: почему отдельный гражданин должен платить за всех? Если кто-то

не может вставить зубы — это его личные проблемы, пусть он их сам и решает, а другие граждане не должны платить повышенные налоги. Но в любом случае эти виды защиты являются нагрузкой государства, чем их больше, тем большим тружеником является это государство.

Сравним виды защиты, предоставляемые народам Конституцией США и предоставлявшиеся Конституцией СССР:

Наименование	Конституция СССР	Конституция США
Защита от внешнего врага	Статьи 31, 32	Статья 1
Защита гражданина за рубежом	Статья 33	Не предусмотрена
Равные расовые и национальные права	Статьи 34, 36	Поправка XV
Равные права мужчин и женщин	Статья 35	Поправка XIX
Защита материнства	Статья 35	Не предусмотрена
Защита религиозных убеждений	Статьи 34, 52	Поправка I
Защита прав иностранцев	Статья 38	Не предусмотрена
Право на труд	Статья 40	Не предусмотрено
Право на отдых (нормирование рабочего дня)	Статья 41	Не предусмотрено
Защита здоровья	Статья 42	Не предусмотрена
Защита старости	Статья 43	Не предусмотрена
Защита от климата (право на жилище)	Статья 44	Не предусмотрена
Право на все виды образования	Статья 45	Не предусмотрено
Защита культурного уровня граждан	Статья 46	Не предусмотрена
Защита творчества	Статья 47	Статья 1
Защита права участвовать в управлении государством	Статья 48	Во многих местах текста и поправках
Защита права критики государственных органов	Статья 49	Не предусмотрена
Защита свободы слова	Статья 50	Поправка I
Защита свободы печати	Статья 50	Поправка I
Защита свободы собраний	Статья 50	Поправка I
Защита права объединяться	Статья 51	Не предусмотрена
Защита семьи	Статья 53	Не предусмотрена
Защита свободы личности	Статья 54	Поправка V
Защита неприкосновенности жилища	Статья 55	Поправка IV

Защита тайны личной жизни, переписки и переговоров	Статья 56	Не предусмотрена
Защита от посягательства на личность	Статья 57	Не предусмотрена
Защита личного имущества	Статья 57	Не предусмотрена
Защита своих прав в суде	Статья 57	Поправки VI, VII
Защита в суде от действий государственных органов	Статья 58	Не предусмотрена
Защита права обвиняемого на открытый суд и защиту	Статьи 157, 158	Поправки V, VI, VII
Защита права на суд на знакомом языке	Статья 159	Не предусмотрена
Право не свидетельствовать против себя	Не предусмотрено	Поправка V
Право не предоставлять свой дом для проживания солдат в мирное время	Не предусмотрено	Поправка III
Право на ношение оружия	Не предусмотрено	Поправка II
Защита от рабства	Не предусмотрена	Поправка XIII
Право пить спиртные напитки	Не предусмотрено	Поправка XXI

Конечно, этот поверхностный анализ не отражает действительного состояния дел в сфере защиты гражданина. То, что в Конституции США не предусмотрена защита материнства, еще не значит, что там материнство реально не защищается. Или то, что в Конституции США не предусмотрена критика государственных органов, еще не значит, что там нет критики, а у нас она была, скорее наоборот. С другой стороны, то, что в Конституции СССР не было предусмотрено право не свидетельствовать против себя, вовсе не означает, что у нас кто-то против себя свидетельствовал. Тоже наоборот: в советском суде обвиняемому давалось право говорить что угодно, а правду обязаны были говорить только потерпевший, свидетели, эксперты и переводчики.

Но для народа, хозяина страны, есть разница в том, как получено это право: то ли тебя государство обязано защитить, то ли оно это делает из милости к тебе. Хозяину не требуется милость — ему обязаны.

И из этого сравнения видно, что американское общество как таковое по отношению к отдельным гражданам не считает себя обязанным обеспечивать очень многие права:

медицинскую защиту, защиту в старости, защиту образования и прочее. Считается, что отдельный гражданин должен всем этим обеспечить себя сам. Но... это дело американцев. Если им нравится именно такое государство, то Бог им судья, а не мы.

А нам следует от куцей американской Конституции вернуться к Делу. Мы отмечали, что чем больше защит обеспечивает государство, тем больший оно труженик, но тем больше и наши личные расходы. Уже по этой причине необходимо быть осторожным, и не стоит в Дело государству назначать все, что нам придет в голову.

Что такое организация людей? Это подчинение их определенным правилам, приказам, планам. Но все эти правила, приказы и планы ограничивают личную свободу граждан. Дав государству команду что-то обеспечить, мы автоматически заставляем его это организовывать, то есть ввести для нас правила, дать нам планы и приказы. Мы сами ограничиваем свою свободу. И из-за ограничения свободы как таковой дело своей защиты мы будем делать хуже, чем без государства. Кроме того, чтобы нас организовать, государство будет вынуждено посадить нам на шею чиновников исполнительной власти, которые будут контролировать исполнение нами правил, будут давать нам планы и приказы. Защита с помощью государства там, где без него можно обойтись, всегда будет хуже и себе дороже. Защищать себя с помощью общества нужно только в тех случаях, когда без помощи общества этого действительно сделать невозможно.

Предположим, что мы уже обсудили и отобрали те виды защиты, в которых нуждаемся и не можем осуществить без помощи государства, и включили их в Конституцию. Теперь Законодателю и Исполнителю надо их организовать, а Законодателю издать законы. В законе следует обязательно указать, какую конституционную защиту обеспечивает данный закон. Без этого закон не является законом. Ведь мы же не давали разрешения и не обязывали Законодателя делать то, что его не просят, организовывать нас в тех делах, которые мы ему не указали.

Совет Федерации России в свое время отклонил проект закона «О коррупции». Но ведь в Конституции России

не вписано право россиян не давать взятки? Зачем нужен этот закон, если в Уголовном кодексе есть статья, карающая мздоимцев? Или взятка уже не считается уголовным преступлением? С другой стороны, Совет Федерации, где заседают именно те, кто по службе может брать взятки, мотивировал свой отказ тем, что, дескать, Дума еще не приняла закон «О государственной службе», видимо считая, что этот закон разрешит брать взятки. Но если говорить серьезно, то разве этот закон имеет отношение к охраняемым Конституцией правам граждан? Это профессиональный документ, который касается не всех в стране, а только профессионалов. А ведь закон, как мы говорили, касается всех и должен быть понятен всем.

Мы должны принять меры, чтобы наш Законодатель подобной глупостью не занимался, а сейчас отметим эту особенность делократизированного закона — в нем обязана быть конституционная цель, Дело. Это Дело должно присутствовать в законе и в силу другого соображения. Как бы тщательно ни разрабатывался закон, но со временем в отдельных местах его положения будут мешать людям исполнить Дело. Жизнь слишком сложна и переменчива, чтобы в законе можно было все предусмотреть. А если в законе не будет указано Дело, то ревностный исполнитель закона может натворить много бед, исполняя его буквально.

Представим, что в нашем Уголовном кодексе, первый вариант которого, кстати, разрабатывал Ленин, не была бы указана его конституционная цель, а были бы только перечислены деяния, которые считаются преступными, и указаны наказания за них. Приведем часть текста статьи «Умышленное убийство»:

«Умышленное убийство:

- а) из корыстных побуждений;
- е) совершенное способом, опасным для жизни многих;
- л) совершенное особо опасным рецидивистом, наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со ссылкой или без таковой или смертной казнью.

Умышленное убийство, совершенное без признаков, указанных в части первой настоящей статьи, наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет».

Вот всё, что сказано в Уголовном кодексе об умышленном убийстве. Но ведь в Великую Отечественную войну солдаты убивали людей, причем «способом, опасным для жизни многих». Так что же получается? Согласно этой статье Уголовного кодекса их надо расстрелять?! И по-другому думать было бы нельзя, если бы Кодекс не начинался с формулировки Дела, со своей конституционной цели.

Статья 1. Уголовное законодательство... имеет задачей охрану общественного строя СССР, его политической и экономической систем, социалистической собственности, личности, прав и свобод граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств.

Для осуществления этой задачи уголовное законодательство... определяет, какие общественно-опасные деяния являются преступными...

Статья 7. Преступлением признается предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние...

Согласно Конституции, государство обязано защитить нас и наше имущество. Именно эту задачу Уголовный кодекс и имеет, это его Дело. Поэтому преступлением он считает только те деяния, что направлены против нас — граждан СССР, и называет их общественно опасными. Конечно, убийство гитлеровских захватчиков не было опасным для граждан, следовательно, нет и состава преступления, хотя само деяние солдат полностью подпадает под признаки статьи «Умышленное убийство».

Поэтому в любом законе должно быть прежде указано его конституционное Дело, исполнителю закона должна быть предоставлена свобода исполнить Дело, а не следовать непонятным правилам.

На этом мы завершим данную главу и резюмируем: любой закон должен быть ясен каждому грамотному человеку и для его понимания не нужно привлекать юристов. В противном случае этот закон — насмешка над народовластием: народ дает сам себе указания, не понимая их смысла, и не в состоянии исполнить свои указания без их постороннего толкования. В законе должна присутствовать конституционная цель, он обязан начинаться с объяснения, какое Дело конституции он решает.

На этом мы прервем обсуждение проблемы делократизации государства, и отвлечемся от темы. Автор надеется, что при этом читатель несколько отдохнет от абстракций, которыми для многих являются законы, и на конкретных примерах оценит, что предложения автора не надуманы, они имеют мощные корни в отечественной истории.

Те, кто читал мою книгу «Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно», могут пропустить следующую главу, освежив в памяти ее последние разделы.

РУССКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Термины

С политическими терминами у нас такая путаница, что большинство из них используется не по назначению. Явные правые нагло именуют себя левыми, а пресса и обыватели им поддакивают. Явных антифашистов называют фашистами, фашистов — демократами, предателей — борцами с тоталитаризмом и т.д.

Кроме того, терминов перестало хватать. Перестройка вскрыла явления, которые до этого считались малозначительными, не достойными отдельного имени. Причем речь идет не о том термине, который был введен в начале книги: «делократия». Нужда в этом термине назрела давно. В одной телепередаче академик Аганбегян радовал зрителей тем, что рыночные отношения сметут всех бюрократов и на их место: «Станут... станут... станут... Ну, как называются те, кто не бюрократы?» — наконец наивно спросил присутствующих борец, толкающий страну, как ему казалось, в цивилизацию (по крайней мере, считалось, что он-то знает, куда ее толкает). Речь о терминах другого рода.

Жила в Лондоне буйная семейка Халагенов. И эта семейка своей фамилией дала название явлению — «хулиганство». Но это не означает, что такого явления до Халагенов не было. Вспомним хотя бы Ноздрева из «Мертвых душ». Тоже ведь хулиган. Но массовости тогда это явление не приобрело, называть его не было нужды.

Имя маркиза де Сада, написавшего о том, о чем до него предпочитали помалкивать, стало основой для явления «сализм».

Имя австрийского писателя Л. Захер-Мазоха по тем же основаниям послужило для наименования явления «мазохизм».

Французский солдат Шовэн, надо думать, слегка повредившийся умом на фронте во время Первой мировой войны и ставший люто ненавидеть все нации, кроме французской, дал имя шовинизму.

Автор этой книги также пришел к необходимости ввести новый термин, так как размеры явления явно заслужили того, чтобы как-то назвать само явление.

Можно назвать еще одну причину. В русском языке есть два исключаяющих друг друга понятия: глупость и мудрость. Людей, которым одно из этих свойств присуще, называют глупец и мудрец. Но есть люди, у которых, например, глупость — это не свойство их ума, но, тем не менее, они ее проявляют, проявляют дурость. Таких людей называют дураками. «Дурак» звучит мягче, чем «глупец»: «дурак» — это скорее ругательство, а «глупец» — скорее диагноз. Недаром героем стольких русских сказок является Иван-дурак. Дурак-то он дурак, но сказка всегда имеет счастливый конец. Итак, для оценки человека, который поступает глупо, есть термин «дурак». А как назвать человека, который, как ему кажется и кажется ему подобным, поступает мудро? Назовем такого человека «мудрак», а явление — «мудрачество».

Поскольку мы уже коснулись русских сказок, то вспомним сказку про то, как мужик и медведь занимались сельским хозяйством. Посадили репу, и мужик предложил медведю осенью собрать вершки, а он-де соберет корешки. Медведь согласился, а осенью понял, что надо быть таким же мудрым, как и мужик. На следующий год посеяли пшеницу, и медведь потребовал себе корешки. (Сказочник утаил фамилию медведя, может быть, его звали Черниченко — неизвестно.) Но медведь — это типичный мудрак. Если бы он был дурак, необучающийся, то и на следующий год он взял бы вершки. Но... медведь остается медведем, а хочет выглядеть мудрым.

Конечно, слово «мудрак» звучит не очень благозвучно, но зато, безусловно, по-русски.

Заметим, что мудрак — это не разновидность глупца, дурака. Дело в том, что эти люди в условиях, когда им не нужно выказывать свою мудрость, скажем, в быту, могут быть вполне и вполне умными. В этом их отличие от дурака, который делает глупости вне зависимости от условий (его это просто не волнует), и от глупца, который просто не в состоянии понять, что делает. Обратите внимание, что мудрак — это синоним бюрократа. Ведь именно бюрократ выполняет все команды бездумно. Но у бюрократа должно быть «бюро», начальство, чьи команды он бездумно выполняет.

А, к примеру, кто у того же Черниченко, певца колхозно-совхозного строя, начальники, где его «бюро»? Кто ему дал команду петь оды фермерам в перестроечную эпоху? Просто раньше мудро было петь оды колхозам, а потом — фермерам. Никто его не заставлял. Пел сам и громко.

Можно взять и другой пример. Кто был начальником у Горбачева? Политбюро? Да ведь там были все ему послушны, по крайней мере, — большинство. Был бы он дураком, так поступал бы так, как его предшественники: силой бы придушил тех, кто попытался вызвать национальную рознь и покусился на целостность СССР. Но он не был дураком. Мудрые Тэтчер и Буш сказали ему, что мудро быть демократом, то есть человеком, который говорит много, непонятно о чем и ничего не делает. А когда из-за Горбачева развязались кровавые войны в пяти из пятнадцати вверенных ему республик, нобелевский комитет подтвердил его мудрость Нобелевской премией мира. Свои же, отечественные академики убедили его, что мудро слушать экономиста Сакса с его рыночными идеями. Ну, как было не внедрить идеи Сакса, если очень хотелось Горбачеву выглядеть мудрым? Да, конечно, Горбачев всю жизнь проработал в аппарате, он бюрократ до мозга костей, но на посту генсека и президента он — типичный мудрак.

Думаю, что вышеприведенные доводы достаточны для того, чтобы понятия «мудрак» и «мудрачество» вошли в наш обиход для обозначения соответствующих людей и явлений.

Наше государство расположено в центре материка, со всех сторон окружено другими государствами и почти нигде не имеет и не имело с ними естественных границ. Последнее время своего существования СССР был самым большим государством по площади на планете, но было так не всегда. Россия начиналась с небольшой территории на северо-западе страны и формировалась в течение сотен лет непрерывного движения на юг и восток.

Жить в России нелегко и по географическим, и по климатическим условиям. Короткое, хотя часто и жаркое лето сменяется длинной и очень холодной зимой. Это требует строительства теплых жилищ, но главное — их обогрева. Преодоление огромных расстояний связано с большими затратами энергии. Даже царские гонцы на дорогу из конца в конец государства тратили годы.

Императрица Елизавета, взойдя на престол, послала на Камчатку своего курьера Шахтурова, чтобы он не позже чем через полтора года, к ее коронации привез «шесть пригожих, благородных камчатских девиц». Императрица слабо представляла себе размеры государства и трудности передвижения по его просторам: только через 6 лет гонец с отобранными девицами смог достичь Иркутска. Там у него кончились деньги, да, видимо, и девиц он действительно отобрал пригожих, так как к тому времени они уже все были или с детьми, или беременны. Несчастный гонец, понимая, что он безнадежно запоздал, запросил из Иркутска Петербург: что же ему делать с «девицами»?

Жить в нашем государстве значительно труднее, значительно дороже, чем в любом другом. Урожаи из-за сурового климата были существенно меньше, чем в других странах, а, следовательно, пахать, сеять и убирать надо было и больше, и дольше. По сравнению с гражданами других государств житель России тратил (и тратит сейчас) в несколько раз больше труда только на то, чтобы просто выжить. И, тем не менее, никто так не любил свою Родину, как русские, никакой другой народ так мало не уезжал в другие страны, ни-

кто так не тосковал за границей по Родине, как они. Это лирическое отступление можно дополнить, заметив, что мало кто в мире так любил свободу, как они, и мало у кого свободолюбие подвергалось столь жестоким испытаниям.

И дело здесь вот в чем. На западе от России всегда жили оседлые народы. Они строили города и села, сеяли хлеб и производили сталь. Эти народы были объединены в государства, и главы этих государств, руководствуясь теми или иными соображениями, вели между собой нескончаемые войны. Нападали они и на Россию. Особенностью войн с Западом было то, что тогда ни один противник не оставался без наказания, а войны эти, по сути, были в основном не на уничтожение, а грабительские. Если западные короли посылали войска захватить или ограбить города России, то, выдержав натиск, русские цари или князья вели войска в западные страны и в свою очередь грабили западные города. Было абсолютно точно известно, где живет агрессор, и он не мог укрыться от возмездия. Войны оседлых народов на ранних стадиях цивилизации характеризовались рядом особенностей. Целью войн был грабеж, это было законно и соответствовало обычаям тех времен, но уничтожение населения не поощрялось, так как было бессмысленным. Действительно: зачем, захватив вражеский город и приняв его жителей в свое подданство, надо было убивать его жителей? Кто бы тогда платил налоги на содержание короля и его армии? Зачем надо было убивать пленных солдат и рыцарей, если их можно было нанять в свою армию и не тратить деньги на обучение новых?

На Западе война стала основным делом, промыслом, а нередко и развлечением королей, герцогов, баронов. Были разработаны правила ведения войны, и в чем-то они были сродни теперешним футбольным. Три штурма крепости давали законное право ее защитникам сдаться, при этом они не испытывали ни мук совести, ни позора. Рыцарь заключал с королем или герцогом договор, в котором оговаривалось, где и сколько рыцарь будет служить и сколько за это получать. В качестве платы обычно давались города и села, жизнью населения которых нанятые рыцари могли рас-

поряжаться. Жалобы на рыцарей судами не принимались. Служба королю была ограничена во времени, например два месяца в году, а иногда и 40 дней. Закончил король войну или нет, для рыцаря не имело значения. Он мог с войны уехать. Переход от одного сюзерена к другому не возбранялся. Если рыцарю другой король или герцог предлагали большую плату, то он возвращал взятое на старой службе и шел к новому сюзерену. Но в бою рыцарь как честный человек был обязан драться за своего короля, не жалея жизни, правда, до тех пор, пока был жив и свободен его король. Король обычно находился у штандарта, и рыцарь сражался до тех пор, пока королевский штандарт был виден. Если штандарт падал, это означало, что король или убит, или пленен, тогда рыцарь мог без зазрения совести и без ущерба для чести бежать с поля боя. Например, устав довольно строгого в отношении дисциплины ордена тамплиеров требовал от рыцаря не покидать поля боя даже в случае поражения, пока над ним развевался штандарт ордена. И лишь после того, как он упал, «рыцарю можно искать спасения там, где Бог поможет».

В этих «состязаниях» мирным жителям отводилась роль зрителей, оплачивающих их стоимость. На жизнь их никто, как правило, не покушался, хотя, конечно, на войне, как на войне, и их тоже могли грабить прямо или налагая контрибуцию. Например, когда король Швеции осадил столицу Дании, то датчане, не имея возможности из-за осады продавать продовольствие войскам своего короля, продавали его без всяких колебаний вражеским войскам, поскольку вражескими они были только для короля, а им было безразлично, и кому продавать, и кому платить налоги — этому королю или другому.

Вступление в город войск, и своих, и неприятельских, рассматривалось горожанами как грандиозное шоу. Французский офицер так описывает вступление наполеоновских войск в Вену в 1805 году: «Жители обоих полов теснились в окнах; красивая национальная гвардия, расположенная на площадях в боевом порядке, отдавала нам честь, их знамена склонялись перед нашими, а наши орлы — перед их знаменами. Ни малейший беспорядок не нарушал этого

необыкновенного зрелища». Но и Париж в 1813 году не останется в долгу: как только стало известно, что капитуляция подписана и штурм не будет, нарядная веселая толпа заполняет бульвары для встречи победителей.

Долгое время примерно по таким же правилам жили и россияне. Они были более свободолобивы: они весьма относительно признавали над собой княжескую власть, не говоря уж о власти какого-нибудь рыцаря. Первое время они даже не были вассалами князя, а принимали его на службу, чтобы он с помощью своей дружины защищал их от врагов и разбойников. И если жителям города князь не нравился, то его просто изгоняли и подыскивали себе нового. Так же и князья признавали власть великого князя над собой от случая к случаю, непрерывно враждуя с ним и между собой, как сказали бы сейчас наши мудраки, отстаивая свой суверенитет. Разумеется, бесконечные междоусобные войны велись по тем же футбольным правилам ведения войны, что были приняты и на Западе у других оседлых народов. Но были и исключения. Так, например, для России очень ценной военной добычей были пленные. Ими торговали, но главным образом их переселяли с захваченных земель в Россию. В частности, Москва началась с поселения пленных, захваченных в одном из набегов на венгерские земли. Кстати, и на Западе были исключения, особенно в период, когда войны носили религиозно-мистический характер. Так, германскими племенами было полностью уничтожено племя пруссов, от которых осталось только название самой земли Пруссия.

В целом на Руси действовали правила и обычаи ведения войны, характерные для Европы, и почти такие же социальные обычаи, только ни князья, ни их люди (дружина) не имели такой власти над русскими, как короли и дворяне на Западе. Горожане, как уже говорилось, приглашали их на службу, но могли и выгнать. Это было не всегда справедливо, например новгородцы изгнали из города Александра Невского, но это было. Никто не рассматривал волю князей как божью волю, на них смотрели как на военных специалистов. Как нанимали в Константинополе архитекторов строить себе церкви, так нанимали и князей себя охранять.

На юге и на тысячи километров к востоку от России жили кочевые народы и племена, обычаи и правила жизни которых в корне отличались от принятых на Западе. Россия как пограничное государство прикрывало оседлые народы Запада от кочевников Востока.

Кочевник-скотовод, пасший скот на выжженных солнцем степных просторах, имел совершенно другие взгляды на войну и следовал совершенно другим правилам. Ему была нужна земля, но не в том виде и не в том количестве, как земледельцу. На такой же площади, где земледелец мог получить урожай, достаточный, чтобы кормить в течение года свою семью, кочевник едва мог вырастить овцу, которую съедал со всей семьей за один-два дня. Кроме того, изменчивость климата, частые засухи то в одном районе, то в другом требовали быстрых перемещений на огромные расстояния в другие, менее пострадавшие области. По этой причине кочевнику нужна была земля в количествах, в сотни и тысячи раз больших, чем земледельцу. Это давало ему возможность безопасно откочевать летом на север на 1,5—2 тысячи километров, а зимой вернуться обратно. То есть кочевнику, чтобы жить, нужен был простор.

Поэтому войны между кочевниками, по сути, велись не за обладание налогом поработощенных народов, а за территории, где жили эти народы. Этим объясняется поражавшая всех жестокость кочевников: захватив в плен противника, они убивали и старых, и малых — всех, в ком не видели пользы, скажем, кого нельзя было продать как раба. И не имело значения, кто попал в плен — солдат или мирный житель. С точки зрения кочевника на той территории, которую он присмотрел себе, другим делать было нечего.

Кроме экономического, был и чисто военный аспект. Кочевники на военный период объединялись в большие подвижные группы — орды, но в мирное время они рассыпались по степи мелкими и потому беззащитными кочевьями. Если бы они, следуя западным правилам ведения войны, взяв и ограбив город, оставили бы его жителей в живых,

то те через некоторое время могли бы перебить кочевников, нападая на каждое кочевье отдельно. Поэтому кочевники либо убивали всех жителей в районах, пригодных для кочевого выпаса скота и пограничных с ним, либо запугивали население до парализующего волю страха.

Поддерживать мирные отношения с кочевниками было сложно.

Во-первых, их культура, позволяющая выжить в суровых условиях, резко отличалась от культуры народов-соседей, особенно скромны были их достижения в области техники и технологии, в области товарных производств и ремесел. Они не умели получать и выделывать железо, стекло, керамику и многие из тех видов товаров, производство которых уже давно и успешно освоили оседлые народы. Эти товары кочевники вынуждены были приобретать, но для торгового обмена они имели только скот. А в те времена скот стоил не очень дорого и, кроме того, перегонять его на большие расстояния для продажи было чрезвычайно трудно.

Таким образом, для кочевника наиболее доступной формой получения необходимых товаров был военный разбой — набег на города и поселения оседлых народов. В качестве товара использовались и пленные, которых кочевники продавали на невольничьих рынках Средней Азии и Средиземноморья. Поэтому время от времени кочевые племена, особенно те, которые потерпели поражение, заключали мирный договор с Русью, но наступал товарный голод, подрастало новое поколение батыров, и они снова устремлялись в набег.

Во-вторых, кочевники первыми освоили стратегическую оборонную инициативу, которую в США впоследствии стали сокращенно называть СОИ. Идея ее заключалась в нанесении противнику безнаказанного для своего населения удара и состояла в следующем. Отряды кочевников в начале лета внезапно вторгались в пределы России, грабили все, что могли, и быстро откатывались назад. Русские князья со своими дружинами бросались в погоню. Но кочевники, собрав весь свой народ и весь скот, продолжали отходить все дальше и дальше на восток в бескрайние степи. Они отрав-

ляли воду в колодцах, поджигали высохшую траву за собой, лишая русские войска питьевой воды и корма для лошадей. Наказать их за набег становилось невозможно или, по крайней мере, очень затруднительно.

Подобные стратегия и тактика кочевников должны были заставить русичей задуматься о том, как изменить правила ведения войны на Востоке. Из-за набегов кочевников было опасно селиться и вести хозяйство на многие сотни километров от их земель: очень высок был риск, что русича ограбят, продадут в рабство или даже убьют.

Правда, до определенного момента кочевники были разобщены, воевали не только с оседлыми народами, но и между собой, а поэтому и сами были слабы. И до поры до времени на Руси считалось мудрым поступать, как на Западе, т.е. население не участвовало в войне, а нанимало князей, поручая им свою защиту.

Однако в начале XIII века Чингисхан объединил кочевников. Они вошли в состав его государства, весьма сильного в политическом и военном отношениях. И в этом государстве по-прежнему не развивалось товарное производство, даже оружие либо покупалось, либо добывалось в бою, но Чингисхану удалось создать сильнейшую в мире армию, солдаты которой отличались высочайшей военной выучкой и храбростью, ввести крепкую дисциплину и в армии, и в государстве. Мощным ударом монголо-татары разгромили соседние государства, причем и такие, как Китай, численность населения которого в сотни раз превышала численность войск Чингисхана. Эти государства при высокой степени цивилизации были неспособны оказать сопротивление войскам Чингисхана, они пали перед ним на колени.

В 1224 году полководцы Чингисхана Джебе и Субут, разгромив ясов, обезов и половцев, вторглись в русские земли.

Нельзя сказать, что русские не поняли надвигающейся опасности. Князья со своими дружинами выступили навстречу врагу. Объединенную армию возглавили три Мстислава: Киевский, Черниговский и Галицкий (Удалой). Все три, к несчастью для Руси, были старшими. Свои дружины привели и младшие: Даниил Волынский, Всеволод

Мстиславович Киевский, Михаил — племянник князя Мстислава Черниговского, Олег Курский и другие. (Как видим, князей хватало.) Был здесь и Алеша Попович с семьей богатырями.

Но, несмотря на такие силы, поражение русских на реке Калке было полным. И во многом это поражение объясняется желанием князей прославиться. Мстислав Удалой выехал из лагеря и увидел, что враг приготовился к бою, но возжаждав славы, он решил один одержать победу и дал команду изготавиться к бою только своим полкам. (Летописец утверждает, что Удалой сделал так из зависти.) Остальные князья и не подозревали о близкой опасности.

Первым ударом конники Чингисхана смяли союзников русских — половцев, те побежали через стан не успевших вооружиться русских воинов; увидев, как обстоит дело, Мстислав Киевский принял решение не участвовать в битве и не двинулся из своего лагеря, он огородил его кольями.

Разгром русских дружин был полным. Шесть князей были убиты в бою и во время бегства, а выговорившего себе почетную сдачу Мстислава Киевского ордынцы положили под помост, на котором обедали, и так задушили. Надо бы их пожалеть, да не жалеется. Оценивая действия Мстислава Удалого и Мстислава Киевского, начинаешь понимать Ивана Грозного, жестоко расправившегося со всеми такими «суверенитетчиками». Ведь им было доверено русское войско, была доверена судьба Руси. А они из-за своих амбиций погубили дело. Тысячи дружинников полегли на берегах Калки, приняли смерть в битве и Алеша Попович, и остальные богатыри. Дружинников и богатырей жалко, но они солдаты, такова их участь.

От Калки монголо-татарское войско двинулось в область волжских булгар, однако они объединились и разгромили врага. Так завершился поход Чингисхана.

В 1236 году к пределам России подошел внук Чингисхана Бату со своим войском. Он был талантливый полководец. Разгромив волжских булгар, он сжег их города, уничтожил жителей. Оставшиеся в живых спаслись на Руси. Затем Бату добил половцев, а те из них, кому удалось спастись, откоче-

вали в Венгрию. Таким образом, народов и государств, прикрывавших Русь с востока от нашествия, не осталось. Бату ворвался в Россию. Четыре года он громил разрозненные дружины русских князей, жег русские города, уничтожал мирных жителей. Для русских масштаб опустошений можно сравнить только с последствиями природной катастрофы. Были опустошены целые земли: Курская, Черниговщина «от того нечестивого Батыева плененна запустеша и ныне лесом заросташа и многим зверем обиталище бывша». Пал и был уничтожен Киев — мать городов русских. Многие князья и их дружины, честно исполняя свой долг, пали в боях с монголо-татарами, но были и такие, что сбежали в Венгрию вслед за половцами. Соппротивление русских не остановило продвижение Бату. В 1241 году он перешел Карпаты, нанес сокрушительное поражение польско-немецкому рыцарству, ворвался в Силезию, но оказался перед войсками чешского короля Владислава. Не приняв боя, Бату повернул назад, по дороге разбил венгерско-французско-австрийское рыцарское войско, гнал его до Пешта и ворвался в столицу Венгрии.

Ну да ладно, не о Бату речь.

Чуть севернее Киева проходит граница степей и лесов. Севернее этой границы дождей выпадает столько, что деревья могут расти без проблем и глушат траву. Южнее влаги не хватает, и здесь хозяйкой земли является трава. А монголо-татарам для выпаса их скота нужна была именно трава. Поэтому лесная часть Руси не представляла для них ценности, в связи с чем у них не было особой необходимости полностью «очищать» ее от людей. Были уничтожены города и селения только степной и лесостепной части Руси, что позволило Бату предотвратить в будущем нападение оттуда на степь, а лесная часть была просто покорена и ограблена. Жители тех городов, которые оказывали сопротивление войскам Бату, таких, скажем, как Козельск, были убиты. Тех, кто сдавался, частично увели в рабство, а частично оставили в живых, наложив непомерную дань. Сдавшихся князей и их дружины тоже частью пощадили, поручив им собирать дань и защищать Русь, а заодно и Орду от нападений с Запада, где тоже было много желающих пограбить.

Век спустя, когда государство Чингисхана, раздираемое внутренними междоусобицами, начало слабеть, западные соседи России — Литва и Польша — захватили и держали уже под своим владычеством ту юго-западную лесостепную, наиболее ослабленную часть Руси, что впоследствии была названа Украиной, а немецкие рыцарские ордена захватили ее северо-западные земли. Таким образом, западные соседи лишили Русь выходов к открытым морям, затруднив и торговлю, и общение с остальным миром.

Тем не менее разбитая, ограбленная, запертая в глубине своих лесов, Русь осталась жива, тогда как все народы, населявшие территории восточнее Руси, были либо уничтожены полностью, либо ассимилировались, и даже названия их исчезли из памяти людской.

За время тяжелейшего, унижительного монголо-татарского рабства русские поняли то, что не понимали и не понимают другие народы, что, к сожалению, и сами россияне в последнее время перестали понимать. А тогда постоянная угроза рабства и смерти их многому научила.

Умом Россию не понять?

Может ли Россию понять житель Запада? Может ли понять Россию американец, для которого, по-видимому, до сих пор война — это любимая забава Рэмбо? Могут ли нас понять те, которые в 1945 году, испытав удар издыхающей армии Гитлера в Арденнах (удара, в результате которого погибло всего до 9 тысяч американских солдат; я думаю, слово «всего» правомерно для масштабов той войны), слезно запросили помощи у не готового к наступлению Советского Союза? Могут ли понять Россию наши отечественные мудраки, для которых единственная мудрость — это смотреть на все глазами Запада?

Историк Ключевский подсчитал, что с 1228 по 1462 год, в период, когда формировался великорусский народ, Русь пережила 160 внешних войн. В XVI веке Русь 43 года воевала с Речью Посполитой, Ливонским Орденом и Швецией, одновременно защищаясь от набегов монголо-татар. Да каких набегов! В 1571 году крымский хан Давлет-Гирей сжег

Москву, и, согласно летописям, тогда погибло до 800 000 человек. Наверное, это преувеличение, но летописи дают такие подробности: хоронить мертвых не было ни сил, ни возможностей, трупы сбрасывали в реку. «Москва-река мертвых не пронесла: нарочно поставлены были люди спускать трупы вниз по реке; хоронили только тех, у которых были приятели». Какие реки, протекающие через столицы западных государств, видели подобное? Сена, Темза, Потомак?

В XVII веке Россия воевала 48 лет, в XVIII веке — 56 лет!

Жестокие войны, в большинстве своем направленные на уничтожение русских, стали правилом, жизнью России, а мир... мир — исключением из правила.

Конечно, в таких условиях за эти столетия у русских выработалось свое мировоззрение, свой взгляд на свободу, на демократию. Пятьсот лет — это достаточный срок для того, чтобы что-то понять и чему-то научиться. Демократия — это строй, при котором власть в данной стране в руках народа. Однако по критериям мудрости, принятым на Западе, народом считается каждый человек. Считается, что это мудро, и, естественно, каждый мудрак и там, и у нас тоже придерживается этого же мнения. Поэтому демократическим считается государство, удовлетворяющее желаниям большинства той части населения, которая имеет возможность требовать. Когда толпа мудраков требует: «Не хотим этого короля, а хотим другого!» — то с точки зрения мудрака — это вершина демократии. Мудрак рассуждает так: «Король — это глава государственного аппарата, и если мы подберем короля, который будет служить народу, то есть лично нам, мудракам, то такой король и такой государственный аппарат будут демократичными». Такова мудрацкая логика, и такой она была во всех государствах и в России до порабощения ее монголо-татарами.

Кстати, и во время монголо-татарского рабства на Руси были места, куда ордынцы не добрались из-за глухих лесов и болот, например Новгород. Поэтому там мудрацкая демократия существовала очень долго. Когда город подвергался нападениям Литвы или Ордена, новгородцы пригла-

шали для своей защиты опытного в боях князя Александра Невского. Но когда князь отбивал нападение врага, его почти сразу изгоняли из города. Мудракам-новгородцам не нравился крутой нрав Александра, заставлявшего жителей тратить излишние, по их мнению, силы на оборону города. Тем не менее, и старые, и новые наши историки-мудраки всегда говорят о Новгороде как образце народной демократии.

Постоянная угроза смерти или рабства изменила представления русских о демократии. Стала подвергаться сомнению логика мудраков, которая выражалась следующим образом: «Если народ — это я, то служить я должен сам себе, то есть своей чести и своей славе. И если во имя своей чести мне надо умереть, я умру, так как этим прославлю себя, а в себе свой народ. Но если мне предстоит погибнуть, но ни чести, ни славы моя гибель мне не принесет, то вместе со мной умрет мой народ. Это бессмысленно. Лучше сдать-ся на милость победителя, тогда я спасу себя и в себе народ. Идти в бой и на смерть, в том числе, и на такую смерть, которая не принесет ни чести, ни славы, меня заставляет государство и его глава — царь, князь. Чем больше я буду рабом государства, тем больше я буду подвергать себя лишениям и смертельному риску. А чем более я буду свободен от государства, тем больше буду служить себе и в себе народу, следовательно, тем больше я демократ!»

Но для русича сдача в плен почти без вариантов означала либо смерть, либо рабство. Это продолжалось столетиями, то есть было время все обдумать. И постепенно образ мыслей русских стал меняться и стал примерно таким: «А народ ли я, один человек? А может быть, народ — это все живущие в моей стране, в том числе и дети, в том числе и еще не родившиеся дети моих детей? Тогда я не народ, я только частица народа. И если я хочу быть демократом, то мне нужно служить не себе, а всему народу. При этом, если я испытываю лишения, то это еще не значит, что народ испытывает их, мои лишения могут обернуться отсутствием лишений у моих детей. Если я умираю, защищая свою страну, то вместе со мной умирает только очень малая частица народа, а народ будет жить, так как я спас его своей смер-

тью. И не важно, умер ли я на глазах восхищенных моим героизмом или незаметно, в мучениях скончался от болезней в осажденной крепости. Враг, стоящий под ее стенами, не пройдет в глубь моей страны, не будет убивать мой народ. Но если я сдамся, то враг, не сдерживаемый мною, пойдет убивать мой народ дальше».

Вот свидетельство ливонского летописца Рюссова: «Русские в крепости являются сильными боевыми людьми. Происходит это от следующих причин. Во-первых, русские — работающий народ: русский в случае надобности не утомим во всякой опасной и тяжелой работе, днем и ночью, и молится Богу о том, чтобы праведно умереть за своего государя. Во-вторых, русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищей; если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец не может. В-третьих, если русские добровольно сдадут крепость, как бы ничтожна она ни была, то не смеют показаться в своей земле, так как их умерщвляют с позором; в чужих же землях они не могут, да и не хотят оставаться. Поэтому они держатся в крепости до последнего человека, скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю. Немцу же решительно все равно где бы ни жить, была бы только возможность вдоволь наедаться и напиваться. В-четвертых, у русских считалось не только позором, но смертным грехом сдать крепость».

Да, жестокое монголо-татарское иго *научило* русских думать так: «Если я демократ, то я должен быть рабом своего народа и отдать ему все. На службу народу нас организует государство и его глава — царь. Следовательно, я должен быть не наемником, а рабом, добросовестным рабом государства и царя. Только став рабом народа, я освобожу народ от любого гнета, и он будет свободным. Но мудраки считают народом только себя лично и хотят быть, как на Западе, свободными от службы и ему (народу), и государству. Чем их больше, тем больше тягот и по защите народа, и по защите их, мудраков, падает на меня, на раба народа. Это несправедливо. И если царь действительно служит народу, как и я, то он должен либо заставить мудраков служить народу,

как это делаю я, либо уничтожить, чтобы другим было неповадно становиться мудраками и перекладывать на меня, раба народа, все трудности и опасности службы».

Таким образом, трехсотлетнее монголо-татарское иго привело к тому, что все больше и больше россиян по своему мировоззрению становились истинными демократами — рабами своего народа и своего государства.

Между прочим, подобный образ мыслей был не понятен не только на Западе, но и большинству наших историков. Сложилось устойчивое мнение, что Россия — страна рабов (и это правильно), но мало кто понимал, чьи это рабы, кому они служат. Считалось, что русский не может жить без плети. При этом историки и исследователи обходили вниманием то, что за пятьсот лет после рабства русские не склонили головы ни перед кем, ни один захватчик не смог поставить их на колени, в то время как почти все западные страны по паре раз в столетие были в роли побежденных. Причем Русь была свободной даже тогда, когда численность ее населения была вдвое меньше, чем численность любого их западного государства-соседа.

Что касается плети, то на Западе не понимали, кому она предназначена, не понимали, что раб-россиянин, раб своего народа, меньше всего боится этой плети, так как она в идее своей не ему предназначалась. Правда, доставалось этой плетью и преданным рабам, но лишь тогда, когда в руки ее брали холуи-мудраки, желающие показать свою мудрость и преданность царю. Такое бывало, и от этого ненависть россиян-рабов к мудракам возрастала еще больше.

Сейчас наши мудраки-демократы, ненавидящие Ивана Грозного, указывают, что в его царствование были казнены от 4 до 5 тысяч князей, бояр и прочей тогдашней интеллигенции. Но ведь Иван Грозный давно умер, и, чтобы правильно оценить личность Грозного, надо выяснить, как относились к нему его современники. Иван Грозный вел очень неудачные войны с польским королем Стефаном Баторием, в рядах последнего дрался наблюдательный немец Гейденштейн. Впоследствии он писал о Грозном: «Тому, кто занимается историей его царствования, тем более должно

казаться удивительным, что при такой жестокости могла существовать такая сильная к нему любовь народа, любовь, с трудом приобретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки. Причем должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже высказывал во время войны невероятную твердость при защите и охране крепостей, а перебежчиков вообще очень мало. Много, напротив, нашлось во время этой войны таких, которые предпочли верность князю, даже с опасностью для себя, величайшим наградам».

Иван Грозный так и остался для мудраков кровопийцей, а в сказаниях народа — очень добрым царем. Историк Ключевский, исходя из этого примера, делает такой вывод: вот, дескать, русский народ — очень незлобивый народ. Но это не так. Русские в своей ярости жестоки и злы. Но у раба-русского не может не вызвать добрых чувств раб-царь, царь — раб своего народа.

Идею о том, что русские — рабы своего царя, своего государства, не могут понять наши мудраки. Упорство русских при защите своего Отечества они объясняют боязнью царя или государства. Это и понятно: ведь мудрак все мерит на свой аршин, царя и государства страшно боится, так как не хочет им служить. Мудрак обычно говорил: «Россияне потому так упорно защищались, что иначе царь их убил бы!» — не задумываясь, что человеку в принципе все равно, кто его убьет, враг или свой царь. Но в России царю как таковому не служили — служили Отечеству.

В 1980 году вышло первое издание замечательной книги Ф.Ф. Нестерова «Связь времен». Многие из приведенных выше примеров взяты из нее. И хотя я согласен не со всеми выводами Нестерова, но его книгу считаю поистине замечательной. Не для мудраков.

Для обоснования того, что русские служили не царю, я приведу пример, также заимствованный из книги Нестерова.

С 21 сентября 1609 года по 3 июня 1611 года армия польского короля Сигизмунда осаждала Смоленск. За время осады рухнуло Московское государство: в 1610 году Василий

Шуйский был свергнут, бояре впустили в Москву польское войско гетмана Жолкевского и отправили в стан Сигизмунда посольство, чтобы просить его сына, королевича Владислава, на русский трон. Сигизмунд согласился, но потребовал от послов сдачи Смоленска. Послы, передав его слова смолянам, поставили их в сложное положение. Совершенно неожиданно им пришлось решать, продолжать оборону или впустить в Смоленск Владислава с польским войском. Смоляне согласились впустить Владислава как русского царя, но не как польского королевича, сопровождаемого польскими ратными людьми. Но на этом настаивает Сигизмунд, таково его последнее условие.

Над Смоленском уже не было верховной власти, церковь освободила всех от клятвы верности низложенному царю, смоляне с крепостных стен видели пленного Шуйского в королевском лагере на пути в Варшаву. Так что некому было «казнить их казнью» за сдачу города. Многие русские города признали Владислава царем, и поляки на этом основании называли жителей Смоленска изменниками. Смоленск — ключ к Москве, но зачем хранить ключ, когда сбит замок? К тому же город в течение года выдержал осаду, горел от раскаленных польских ядер, жители страдали из-за отсутствия соли и были поражены каким-то моровым поветрием. Превосходство польской армии было настолько очевидным, что падение крепости было лишь делом времени, так как ждать помощи не приходилось, а условия сдачи были милостивыми. Пришло время подумать о жизни женщин и детей и прекратить бессмысленное кровопролитие. Дети боярские, дворяне и стрельцы колебались, не знали, какой дать ответ, воевода молчал, архиепископ безмолвствовал. Черные люди посадские, ремесленники и купцы настояли на обороне Смоленска. Русскому посольству во главе с митрополитом Филаретом представители Смоленска, дети боярские и дворяне, разъясняли, что хотя поляки в город и войдут, но важно, чтобы их, смолян, в этом вины не было. Поэтому они решили: «Хотя в Смоленске наши матери и жены, и дети погибли, только бы на том стоять, чтобы польских и литовских людей в Смоленск не пустить».

После такого ответа поляки пошли на приступ. Взорвав башню и часть стены, они трижды пытались ворваться в город, но безуспешно, после чего возобновили правильную осаду, днем и ночью засыпая Смоленск ядрами. Потом снова шли на штурм крепости, снова отступали, палили по стенам и башням из пушек, снова вели подкопы и взрывали укрепления и так в течение целого года. К лету 1611 года число жителей сократилось с 80 до 8 тысяч, а оставшиеся в живых дошли до последней степени телесного и душевного истощения. Когда 3 июня королевская артиллерия, сосредоточив весь огонь на отстроенном недавно участке крепостной стены, разрушила его полностью и войско Сигизмунда вошло, наконец, в город через образовавшийся пролом, оно не встретило сопротивления: те смоляне, которым неведомо было видеть над Скавронковской башней польское знамя, заперлись в соборной церкви Богородицы и взрывали под собой пороховые погреба (по примеру сагутинцев, замечает польская хроника); другим уже все было безразлично: безучастно смотрели они на входящих победителей, Сигизмунду передали ответ пленного смоленского воеводы Шеина на вопрос о том, кто советовал ему и помогал так долго держаться: «Никто особенно, никто не хотел сдаваться». Эти слова были правдой. Одного взгляда на лица русских ратных людей было довольно, чтобы понять, что брошенное оружие не служило просьбой о пощаде. Русские не испытывали ни страха, ни надежды, только безмерную усталость. Им уже нечего было терять. Никто не упрекнул бы Сигизмунда, если бы он предал пленных смерти: не было капитуляции, не было условий сдачи, никто не просил о пощаде. Сигизмунд, однако, не захотел омрачать бойней радость победы и решил всем, кто не хочет перейти на королевскую службу, оставив оружие, покинуть Смоленск. Ушли все, кто еще мог идти. Пошли на восток от города к городу по истерзанной Смутой земле, тщетно ища приюта, питаюсь подаянием Христа ради. Когда добрались до Арзамаса, местные земские власти пытались было поселить под городом нищенствующих дворян и детей боярских, да арзамасские мужики не захотели превращаться из черных крестьян в крепостных и прогнали новоявленных помещиков дубьем.

Эти странники с гноящимися под драным рубищем ранами, с беззубыми от цинги ртами еще не знали, что пролитая кровь, смерть товарищей, гибель семей не были бесцельной, бессмысленной жертвой. Они выполнили долг перед государством как смогли, но где оно, их великое государство? Без малого восемьсот верст прошли они, но на своем скорбном пути видели лишь одну и ту же мерзость запустения. Защитники Смоленска не могли и подумать, что истинными победителями остались они.

Однако это было именно так. Польская и литовская шляхта, уставшая от долгой осады, сразу же после взятия города разошлась по домам, несмотря на все уговоры и посулы короля. Сигизмунд с одними наемниками был не в состоянии продвинуться дальше в глубь России и оказать существенную помощь засевшему в Москве польскому войску. Восстановив укрепления и оставив в смоленской крепости гарнизон, он был вынужден вернуться в Варшаву. В России зарождалось народное движение за освобождение Москвы и восстановление Московского государства. Нужно было время, чтобы оно разрослось и набрало силу. Верный Смоленск и послужил ему надежным щитом.

Истории, как правило, не свойственны театральные эффекты. Ее герои, вышедшие на сцену в первом действии драмы, обычно не доживают до заключительного. Смоляне стали исключением. Неисповедимыми путями пришли они в Нижний Новгород именно тогда, когда Минин бросил свой клич. Смоляне первыми откликнулись на его призыв и образовали ядро народного ополчения. В его рядах они с боями дошли до столицы, где у Новодевичьего монастыря и Крымского моста отражали последний, самый сильный натиск войска гетмана Ходкевича, прорывающегося к осажденному в Кремле и Китай-городе польскому гарнизону. Наконец среди пылающей Москвы на Каменном мосту смоляне во главе с Пожарским приняли капитуляцию королевских рот, выходящих из Кремля через Боровицкие ворота.

Личная судьба смоленского воеводы Шеина весьма примечательна. Вернувшись из Польши в соответствии с договором об обмене военнопленными, он вскоре по указу царя

Михаила Федоровича возглавил десятитысячную рать, отправленную отвоевывать потерянный Смоленск. Едва русские расположились под городом, отстроили палисад и деревянную крепость, острожек, как на помощь осажденным пришел со всей армией Владислав, теперь уже король Польши. Осаждающие оказались между двух огней и стали осажденными. Прорвать внешнее кольцо и дать бой в чистом поле русская рать не могла из-за численного и, главное, качественного превосходства регулярного польского войска; отсиживаться в окружении было также невозможно, поскольку запасы продовольствия быстро таяли. К тому же иностранные наемники, бывшие под началом Шеина, требовали сдачи, грозя бунтом и переходом в польский лагерь. Шотландцы принялись сводить старые счеты с англичанами. Те и другие открыто пренебрегали требованиями воинской дисциплины. Полякам со своей стороны не было смысла брать русские укрепления штурмом, а дожидаться того, чтобы упорные московиты перемерли с голоду или согласились на безоговорочную капитуляцию, тоже не хотелось: и так всю зиму пришлось провести в поле без дела. Так или иначе, Шеину удалось выговорить условия выхода из окружения. Утром 19 февраля русская рать без барабанного боя, со свернутыми знаменами и с затушенными фитилями покинула свои укрепления и остановилась у подножия холма, где на коне сидел польский король, окруженный сенаторами и рыцарями. Русские знамена были сложены у его ног, а знаменосцы отошли на три шага назад. Шеин и другие воеводы, спешившись, низко поклонились Владиславу. Пушки были переданы победителям. Было предложено выйти из рядов тем, кто желает поступить на королевскую службу. Иностранцы вышли почти все, из московских людей только восемь человек (из них шесть казаков). После этого Владислав в знак приязни к воеводе Шеину, своему знакомцу еще со времен первой осады, позволил ему взять с собой 12 полковых пушек (хотя это не предусматривалось условиями капитуляции). По знаку короля знаменосцы подняли и развернули знамена, стрельцы запалили фитили, раздалась дробь барабанов, и русское войско двинулось по Московской дороге.

На этот раз все прошло на уровне европейских стандартов: красочная мизансцена, музыкальное сопровождение и даже заключительный милостивый жест короля воспроизводили в деталях представления, которые не раз видели на Западе в эпоху Тридцатилетней войны. Не выполненной оказалась лишь одна «мелочь»: там, на Западе, побежденные полки в полном составе переходили под знамена великодушного, а главное, более щедрого победителя (ибо победитель, как правило, имел возможность быть щедрым), а здесь перешла лишь жалкая горстка москвитов.

Причиной столь странного для европейцев явления не могло быть какое-то особое озлобление русских против поляков. Несмотря на то, что борьба России против Литвы и Польши велась более трех столетий, в ней не было того ожесточения, которое, например, всякий раз прорывалось в более коротких столкновениях русских с тевтонскими псами-рыцарями. В разгар Смуты русские города по доброй воле присягали Владиславу, а польско-литовская шляхта не раз выдвигала кандидатуру московского царя на престол Речи Посполитой. Московские щеголи, отправляясь на войну с Польшей, наряжались в платья, сшитые по варшавской моде, и брали с собой в поход книги, переведенные с польского. Вообще говоря, Речь Посполитая не должна была казаться русским воинам, стоявшим у подножья холма под Смоленском, совершенно чуждым государством. Она включала в себя русские земли, пользовавшиеся широким самоуправлением. Русские магнаты Острожские, Вишневецкие, Ходкевичи, Чарторыйские, Сапег и другие вошли в высший слой польской аристократии, оттеснив чисто польских по своему происхождению Пястов. И, напротив, в Московии до трети боярских и дворянских семей произошли от выходцев из Польши и Литвы. Иногда граница разделяла одну семью. Так, князья Мосальские, служившие и Варшаве, и Москве, вполне могли встретиться друг с другом на поле брани. Польский король был одновременно и русским князем. Так почему же русские дворяне и дети боярские, эти «холопы государевы», составлявшие ядро войска Шеина, не признали Владислава своим князем, не выбрали шляхетскую

вольность, не оставили тяжкую и неблагодарную царскую службу ради вольготной и хорошо оплачиваемой королевской, почему не распростились с московским кнутом и батогами? В пользу этого решения был и еще один сильный довод — голод. Русские ратные люди были голодны. За три месяца осады недоедание сменилось самым настоящим голодом. Многие едва держались на ногах от слабости. Многие были больны: уже давно в костры пошло все, что могло гореть, и последние недели приходилось днествовать и ночевать на морозе. А польский лагерь совсем рядом, манит дымком, запахом горячей пищи. Москва же далеко, на другом конце снежной пустыни. И как еще встретит она свое опозоренное воинство? Лишь больным нечего бояться — для них довольно места по обеим сторонам Смоленской дороги. И все же они не покинули рядов, не перешли на службу королю.

Пятая часть вышедшей из-под Смоленска рати погибла в пути. Шеин в докладе, представленном Боярской думе, привел точную цифру умерших от болезней: 2004 ратника. Они тоже сказали свое «нет!».

Кремль не оценил дипломатического искусства своего воеводы. Шеину и его молодому помощнику Измайлову было предъявлено обвинение в государственной измене. Бояре выговорили им: «А когда вы шли сквозь польские полки, то свернутые знамена положили перед королем и кланялись королю в землю, чем сделали большое бесчестие государеву имени...» Выговор завершился суровым приговором... Палач, подойдя к краю помоста, поднял отрубленные головы, чтобы их хорошо видели все: пусть замолчат те, кто толкует о том, что московскому люду не под силу стоять против литовского короля; пусть Польша полюбуется на плоды своего рыцарского великодушия; пусть ждет новую рать и знает, что, если даже вся Смоленская дорога превратится в сплошное кладбище, Смоленск все же будет русским.

Итак, держа Россию на грани жизни и смерти, монголо-татары помогли превратиться русским в особую нацию, которая стала смотреть на себя как на единую семью, имеющую одну цель — выживание. Но семье нужен единый глава, а не несколько. Иначе это было бы уже несколько семей

и не было гарантии их совместных действий. Таким началом был царь-самодержец. Самодержавие создавалось несколько веков, и тогда народ в массе своей безусловно поддерживал самодержцев, с пониманием относясь к их жестокой борьбе со всеми суверенитетчиками.

Однако монархия, основанная на законе о престолонаследии, имеет существенный дефект: дети могут не повторить достоинств своих родителей. Отец мог быть рабом своего народа и отдать ему все, а сын или внук порой оказывался романтиком рыцарских эпох, да еще западного толка, да еще и мудраком вдобавок. И не было возможности избавиться от неудачной шутки природы. Русским приходилось каждый раз что-то придумывать. Посмотрим, какая смерть завершила жизненный путь глав и наследников императорского дома России, статистика довольно поучительная: Петр I — умер своей смертью, Алексей Петрович, наследник — убит отцом, Екатерина I — своей смертью, Петр II — своей смертью, Анна Иоанновна — своей смертью, Иоанн Антонович — убит конвоем, Анна Леопольдовна, правительница, умерла в тюрьме, Елизавета I — своей смертью, Петр III — смещен гвардией, убит, Екатерина II — своей смертью, Павел I — убит гвардией, Александр I — своей смертью, Николай I — своей смертью? (покончил с собой?), Александр II — убит революционерами, Александр III — своей смертью, Николай II — убит революционерами, Алексей, наследник — убит революционерами.

С 1721 года, когда Петр I объявил себя императором, по 1917 год, то есть за 196 лет существования империи, из 17 человек, имевших непосредственное отношение к управлению ею, своей смертью умерло всего 9 человек, если считать и Николая I, — чуть более половины. А половина правителей оказалась России так или иначе не нужна. Среди убитых были и явно не виновные, — дети, но и явные мудраки, чье мудрачество и послужило причиной их собственной гибели.

Итак, 196 лет на 17 человек. Это менее 12 лет на каждого или 14 лет на тех, кто действительно правил. На этот срок 50%-ная вероятность смерти — это много, так что долж-

ность российского императора была опаснее должности летчика-испытателя или космонавта.

Заметьте, ни в одном случае не было убийства императора с целью захвата трона претендентом, что, например, обычно и для Востока, и Запада. Императора смещали силы, более мощные, чем претендент. Многие говорят об интриге Екатерины II против Петра III, но судьба его была уже предрешена и без Екатерины: в тот самый момент, когда он подписал свой первый указ, Россия подписала ему смертный приговор.

Но, к чести российских великих князей, царей и императоров, большинство из них понимали свое предназначение в жизни и честно исполняли свой долг, не жалея ничего и, подчеркнем, никого.

Так как эта книга об управлении людьми, пожалуй, будет уместен рассказ (в качестве примера) о действиях Дмитрия Донского на Куликовом поле, когда перед ним стояли чрезвычайно сложные управленческие задачи. Он их решил и показал русским, что они могут победить доселе непобедимую ордынскую армию.

После битвы на Калке прошло 150 лет, русские немного окрепли и стали оказывать сопротивление гнету Орды. Московский князь самовольно уменьшил выплату дани, набеги мелких отрядов ордынцев встречали вооруженное и часто успешное сопротивление князей. Новгородские «демократы» посылали отряды разбойников (ушкуйников) грабить по Волге ордынские поселения.

Хан Мамай решил за это наказать русских, напомнить, кто есть кто. Он собрал огромное войско, возможно, около 100 000 человек, и действовал в союзе с литовским князем Ягайло, войска которого должны были участвовать в битве. Для Дмитрия политическая обстановка была просто трагической. Русь не была объединена, с Дмитрием враждовали многие князья, а рязанцы вообще выступили вместе с Мамаем и участвовали в битве на его стороне.

Перед Дмитрием стояла тяжелейшая военно-экономическая задача. Войско его не превышало 40 тысяч, в него входили дружины многих российских князей,— союзни-

ков Дмитрия. Хотя это были воины-профессионалы, храбрые, умеющие драться, достаточно хорошо вооруженные и защищенные для боя, но выходить с такими силами в бой с сильнейшей армией было безумием даже в том случае, если бы она и не превосходила русское войско численностью. Тогда Дмитрий призвал народ — крестьян и горожан, то есть сделал то, что не могло бы прийти в голову никому на Западе. Во-первых, потому, что это были пешие воины. Накопленный к тому времени боевой опыт свидетельствовал, что 15—20 конных рыцарей без труда разгоняют 3—4 тысячи восставших крестьян. В те времена использование пехоты против кавалерии вообще не практиковалось, и с точки зрения западных мудрецов такой шаг Дмитрия был бессмысленным. Между прочим, устав ордена тамплиеров не возбранял пешим кнехтам разбегаться при встрече с кавалерией без ущерба для их чести. Значительно позже положение не изменилось. В 1456 году две сотни московских дворян рассеяли новгородскую рать из пяти тысяч человек, а в 1471 году 4,5 тысячи служивых из московского феодального войска без труда разгромили сорокатысячное новгородское ополчение.

Но Дмитрий вопреки западной мудрости призвал народ — свыше 100 тысяч человек, но при этом не смог их обеспечить латами, мечами, арбалетами, даже щитами. Единственное, что он смог сделать, — вручить каждому короткое копье, сулицу, надеясь, что они захватят с собой ножи и топоры.

Русское войско быстро собралось под знамена Дмитрия.

Литовский князь Ягайло, хоть и был союзником Орды, по-видимому, ненавидел ее. Формально он согласился выступить на стороне Мамаю против Дмитрия, но шел такими длинными дорогами, так медленно, что «не успел» к бою. Кроме того, он не стал препятствовать двум князьям — своим вассалам в их желании присоединиться к войску Дмитрия.

Дмитрий собрал армию общей численностью свыше 150 тысяч человек. Не пришли только новгородцы. Там мудра-

ки-демократы после недолгого совета решили, что грабить незащищенные кочевья и доходнее, и безопаснее, чем противостоять противнику в открытом поле, что будет очень мудро, если за них расплатятся своими жизнями остальные россияне.

Два войска двигались к месту встречи — просторному Куликову полю, которое могло их вместить. Без колебаний Дмитрий переправил свои войска через Дон, отрезав себе пути к отступлению. Он выстроил свою армию в линию, причем правый фланг, на который он поставил Олгердовичей, литовских князей Андрея и Дмитрия, упирался в болото, практически непроходимое для конницы. Дмитрий заранее планировал, что противник попытается прорвать линию войск, и ему было важно, чтобы кочевники прорвались не на правом, а на левом фланге.

Дмитрий планировал не просто отбить удар Мамай или только выстоять перед ним. Он замыслил гениальную операцию — разгромить его! Эта цель была сродни безумной, если учесть качество войск его и ордынцев, если учесть, что до сих пор они в таком числе никогда не знали поражения! И эту идею Дмитрий реализовал блестяще. Он сделал то, чего бы никогда не сделал мудрак: запланировал три подряд идущих тактических поражения своих войск, заранее отдавая часть своих, русских людей, в жертву.

Ордынцы же были прирожденные кавалеристы и искусные стрелки из лука, чему учились с раннего детства. Еще не умеющего ходить мальчика сажали на коня и давали маленькие лук и стрелы. Ордынцы не могли сами изготавливать мечи и кольчуги, наконечники стрел и копья, но луки огромной мощности они делали сами и стреляли без промаха, причем с ходу, с коня. Этот вид оружия определил и два тактических приема ведения боя. Если враг был слаб, то его просто сминали конной лавой, заставляя бежать и вырубая бегущих сзади. Таким путем достигалась быстрая и почти бескровная для нападавших победа. Этот тактический прием ордынцы, естественно, предпочитали. Но если противник был силен или позиции его были укреплены, ордынцы, не соприкасаясь с ним, кружили вокруг, расстреливая воинов

противника из луков до тех пор, пока он не слабел, и тогда наносился окончательный удар. Так как и противник стрелял, то и у ордынцев были потери, и этот тактический прием для них был вынужденным.

Дмитрий сознавал, что, увидев перед собой войско, численностью в полтора раза превышающее его силы, Мамай не станет сразу атаковать, а сначала будет расстреливать из луков воинов Дмитрия. А крестьянам, не имевшим лат и щитов, укрыться от стрел будет нечем — их легко выбьют. По замыслу Дмитрия ордынцы должны приблизиться вплотную к его крестьянам, на расстояние копья и топора, смешаться с ними, тогда, действуя втроем против двух конных, крестьяне смогут добиться успеха. Чтобы решить эту задачу, Дмитрий перед основной линией своих войск выстроил две слабые передовые линии. Их задача была — умереть. А суть замысла Дмитрия была такова: конная лава не стала бы останавливаться перед слабой сторожевой линией, а с ходу смяла бы ее, не стала бы она останавливаться и перед передовым полком. И увидев, как легко они справляются с русскими, татары по инерции ударили бы по основной массе русского войска и застряли бы в ней. Однако для разгрома Мамай этого было мало. Его военачальники могли разгадать замысел Дмитрия и вывести свои войска из соприкосновения с русскими, отойти и расстрелять из луков, а могли вообще выйти из боя и навязать русским бой в другом, более для себя удобном месте.

Чтобы разгромить Мамай (да и кого угодно), мало было одной обороны, надо было атаковать. Но пехота не может напасть на кавалерию, а своей кавалерии было слишком мало, чтобы атаковать противника в лоб. Эффект от нее был бы возможен только в том случае, если бы атака была проведена внезапно — в спину. Поэтому Дмитрий спланировал третье тактическое поражение своих войск. Левый фланг был самым слабым, здесь должны были прорваться ордынцы и выйти в тыл русских. Но на левом фланге, в тылу он поставил лучшую свою кавалерию — засадный полк, с лучшим воеводой во главе. Расчет был таков: когда конница Мамай прорвет левый фланг, ей, чтобы атаковать с

тыла центр и правый фланг русских, придется развернуться на 180 градусов и в этот момент она подставит свои спины находящейся в засаде кавалерии русских. Засадная кавалерия ударит и будет гнать противника и рубить его, не давая ему развернуться и перестроиться.

Чрезвычайно сложный, громоздкий и поэтому очень уязвимый план не предусматривал непосредственного руководства Дмитрием по его осуществлению. И этому были причины.

Мы уже говорили, что, согласно установившимся на Западе и в России рыцарским традициям, рыцари служили лично королю или князю. (И позднее, когда Россия была империей, дворяне и офицеры давали по традиции клятву в верности не ей, а императору.) Дмитрий понимал, что если его убьют, то князья и дружинники, освободившись от клятвы в верности ему, Дмитрию, побегут с поля боя. Увидев это, побегут и крестьяне. Это был бы полный разгром.

И он ставит последнюю точку в подготовке к битве. Когда ордынцы уже появились на горизонте и стали строиться для атаки, он выехал из строя, снял с себя золоченый шлем, серебряные княжеские доспехи и одел их на Андрея Бренка — своего друга детства. Его друг, в доспехах великого князя, сел на коня и возглавил российские войска под княжеским знаменем. А Дмитрий в простых доспехах, стал в ряды воинов передового полка, которому, по его плану, было суждено погибнуть. Видевшие это военачальники и дружинники (а это видели все) были поставлены в сложное морально-правовое положение: если знамя князя упадет, и человек в серебряных доспехах будет убит, то покинуть поле боя, не потеряв чести, они не смогут: ведь это не Дмитрий убит, не его знамя упало. А судьбу князя в течение всего сражения они не будут знать, только после боя выяснится, жив он или нет.

Началось сражение, и прошло оно (в силу случайности или в силу военного гения Дмитрия) точно по его плану. Ордынцы ударили по сторожевому и передовому полкам и легко их вырубили. С разгону конница врезалась в основные русские войска и застряла в них. Общая битва перешла

в индивидуальные бои, в которых ордынцы несли большой урон. На правом фланге литовские князья отбили удар и в боевой ярости сами напали на противника, ослабив этим ударом их давление на центр русского войска. Мамай не терял надежды на скорую победу, и ему казалось, что она уже очень близка. Его воины прорвались к всаднику в серебряных доспехах, и он пал под их ударами, упало красное знамя князя, но русские продолжали сражаться. Но, наконец, левый фланг русских был уничтожен, кавалерия Мамая в последнем рывке бросилась в прорыв и развернулась в тылу русских для решающего удара. Но здесь, как и было задумано, еще раз сверкнул гений Дмитрия — по команде сидевшего весь бой в засаде боярина Волынского-Боброка отборная русская кавалерия обрушила свой удар в спину врагу. Этого удара ордынцы не выдержали и побежали. Русские ринулись за ними и гнали их 20 километров. Разгром был полнейший, эта победа изумила мир.

Но пока это была только победа духа, так как человеческие и материальные потери были огромны. Считается, что в живых осталось только 40 тысяч русских. Среди убитых долго искали Дмитрия, нашли его лежащим без сознания, Дмитрий с трудом пришел в себя, с трудом распознал, кто с ним говорит и о чем; его панцирь был весь избит, но он не получил ни одной смертельной раны.

Отметим следующее в описанном эпизоде. Во-первых, Дмитрий не был мудраком, он был способен принимать решения, которые требовало Дело, а не те, которые были освящены официально признанной мудростью. Для этого руководителю требуется особое мужество, ведь в случае неудачи тебя все объявят дураком, бездарностью, человеком, из-за глупости или подлости которого погибли другие люди. Для этого нужна смелость, то есть способность принимать рискованные решения, а не слепо следовать «мудрости» советчиков, не отвечающих за результат Дела, рисковать, зная, что поступки потом будут жестоко раскритикованы мудраками. Если бы Дмитрий потерпел поражение, то мудраки бы говорили: не надо было и крестьян на бой выводить, и пере-

довые линии на гибель выставляют, и кавалерию весь бой в тылу держать, и самому от руководства боем устраниваться.

Во-вторых, Дмитрий имел мужество принести в жертву Делу жизни своих людей. Только болтуны, никогда не отвечавшие за Дело, считают, что это просто, но в жизни, особенно для верующего, это всегда огромная тяжесть, и необходимо мужество, чтобы решиться на это.

И, наконец, Дмитрий доказал свою способность во имя Отечества, своего народа пойти на смерть без колебания, без шума, презирая почести, выделяя только одно свое право — служение народу.

Надо сказать, что Россию было трудно удивить жертвенностью своих руководителей, более того, для нее это было естественно, так как народ рассматривал их как отца в семье, а для отца жертвенность во имя семьи естественна. Причем отца всего народа, а не собственно монархического семейства. Наоборот, очень часто члены семьи царя России становились жертвой, положенной без больших колебаний на алтарь Отечества, во имя народа.

Вот яркий пример. Великий князь Иван III, даже готовясь к смерти, боясь Божьего наказания за грехи, боясь преисподней, отказывается освободить из тюрьмы своего брата Андрея, хотя митрополит просит за него, уговаривает Ивана не брать на душу грех смерти в тюрьме родного брата. Иван боится этого, но не может освободить Андрея: «Жаль мне очень брата, и я не хочу погубить его... но освободить его не могу. Иначе, когда умру, будет искать великого княжения над внуком моим, и если сам не добудет, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, а татары будут русскую землю губить, жечь и пленить, и дань опять наложат, и кровь христианская опять будет литься, как прежде, и вы снова будете рабами татар».

Наши отечественные мудраки ищут сходства между русскими и европейцами. А между тем, судя хотя бы по приведенному выше примеру, не лучше ли поискать сходства между русскими и японцами? Самурай превыше всего ставит исполнение своего долга. Он тоже боится греха и наказания в загробной жизни, и этот страх обязывает его исполнять

долг. Но кодекс самурайской чести требует, чтобы он исполнил свой долг даже в том случае, если для этого ему придется сделать что-либо такое, за что он попадет в ад.

Начав формировать регулярную армию, Петр I, как и другие государи, столкнулся с необходимостью призыва большого количества молодых мужчин, не представляющих себя солдатами, то есть людьми робкими, не способными подавить в себе страх. Проходило время, и они, в конце концов, становились хорошими воинами, хотя на первых порах пугались неприятельского выстрела, поддавались панике и разбегались при натиске врага. Под Полтавой Петр I, боясь, как бы не повторился нарвский конфуз, ввел в боевое построение войск отряды, которые в 1941 году стали называться заградительными. Сзади боевой линии своих войск он выстроил линию солдат и казаков и объявил: «Я приказываю вам стрелять во всякого, кто бежать будет, и даже убить меня самого, если я буду столь малодушен, что стану ретироваться от неприятеля».

Чтобы понять разницу в образе мыслей россиян и народов Запада, можно обратиться к такому наглядному образу. Любую западную страну можно представить как гостиницу, где каждый человек живет в своем номере и платит за проживание, охрану и обслуживание (то есть то, что в государстве называют налогами) выборной администрации гостиницы. Существуют основной договор между администрацией и жильцами (конституция страны) и правила (законы), в которых оговаривается что, кто и кому должен. Жильцы могут быть патриотами своей гостиницы, но при этом не вызовет недоумения и их переезд в другую гостиницу или случай, когда охранник, законно расторгнув договор с администрацией, перейдет на службу в другой отель. Абсолютно естественно то, что одни живут в дешевых номерах, а другие в комфортабельных. Каждый оберегает неприкосновенность своего номера (мой дом — моя крепость) и личную свободу как от остальных жильцов, так и от администрации. В своей весьма ценимой личной свободе западный человек привык ориентироваться на себя, на свою активность и предприимчивость. Он не ждет ничего особенного от сво-

его правительства: если оно защитит его жизнь от внешнего врага и уголовника, то и хорошо. Причем не важно, как оно это сделает, лишь бы сам житель не пострадал или пострадал в минимальной степени. Он требует, чтобы никто не вмешивался в его дела, не ограничивал его свободу, не мешал ему. Заплатил налоги — и все! В делах он коммуникабелен, для получения какой-либо выгоды легко сходится с другими людьми, но и при этом остается индивидуалистом, его мир сосредоточен в нем самом.

Мировоззрение русских совсем другое; монголо-татарское иго сбило нас в одну семью, научило истинной демократии, и наше мировоззрение приняло формы мировоззрения члена огромной семьи. Русские перестали рассматривать свое государство как гостиницу, они стали считать его огромным домом с многочисленной, но близкой родней. Во главе семьи естественно стоял отец — царь или правительство. В связи с этим доверие к нему было полнейшее, действительно, не может же отец сделать что-то в ущерб собственной семье. И те цари и правительства, которые это понимали, также достойно играли свою роль.

Причем действительными и полноценными членами семьи раньше считались только простые люди, то есть крестьяне, и, разумеется, царь. Те, кто занимал промежуточное положение между царем и крестьянами, особенно чиновники органов управления государством, тоже считались членами семьи, но не совсем «родными». Народом, «миром» крестьяне считали только себя. Первыми чиновниками государства были воеводы, бояре, дружинники, организовывавшие народ и управлявшие им в период военной опасности. Нередко воеводы были пришлыми, князю или царю служили и иностранцы, по найму. Возможно, поэтому к ним и впоследствии сохранилось несколько недоверчивое отношение.

До самого конца существования российской империи царь ко всем обращался на «ты», а ему говорили «Вы, Ваше Величество» все, кроме крестьян, которые относились к царю, как к отцу, несколько фамильярно обращаясь к нему: «Ты, царь».

В свое время был такой анекдот. Николай I как-то объезжал Россию, и в очередной деревне к нему вышли крестьяне с хлебом-солью. Староста, долго зубривший приветственную речь, при виде царя смог произнести только первые три слова: «Царь, ты столп...». Он снова и снова начинал: «Царь, ты столп», — и забывал, что дальше. Наконец Николаю надоело: «А ты бревно», — сказал царь, забрал хлеб-соль и закончил на этом митинг.

Тем не менее и чиновники, и офицеры — все были членами семьи. О каких-либо договорных отношениях с царем не могло быть и речи. Разве в семье договариваются с отцом так: я тебе плачу определенную сумму, а ты меня защищай, или ты мне плати определенную сумму, а я буду защищать семью. В семье такие отношения немыслимы, это естественная обязанность членов семьи. В этом и состоит резкое различие России и Запада.

Когда Россия, объединяясь в семью вокруг Москвы, стала крепнуть, к ней с окраин от границ с Ордой стали стекаться крестьяне. Великий князь Московский ни о чем не договаривался с вновь прибывшими детьми, он давал им землю, семена, а если мог, то и скот, ничего не требуя взамен. А что может потребовать отец за исполнение своего долга перед детьми? Но когда приходила пора защитить семью, то царь и брал у крестьян столько, сколько было нужно, включая и их самих, их жизни. Почему он это делал, всем было понятно: ведь в семье не может быть иначе.

В Москву приходили князья и бояре из других княжеств. Князь Московский и с ними ни о чем не договаривался, а ставил их в строй. Но в те времена для содержания одного воина требовался труд не менее десяти крестьянских семей. Поэтому князь закреплял за своими дворянами крестьянские семьи, которые кормили дворян, их трудом дворяне вооружались, нанимали дополнительно солдат и защищали под водительством князя или царя этих же крестьян.

В России, как и на Западе, было крепостничество, но русские дворяне по отношению к крестьянам имели прав не более чем ротный командир по отношению с солдатам. Если на Западе рыцарь мог повесить своего крепостного, имел пра-

во первой ночи, тот был фактически его рабом, хотя и самостоятельно вел хозяйство, то в России это было немыслимо. Дворянин мог только выпороть крестьянина за проступки, а в крайнем случае, вернуть его царю — отдать в солдаты. Но ни посадить в тюрьму, ни тем более убить крестьянина дворянин не мог: это было делом отца-царя, делом только его суда. Дворянин мог отдать крепостного крестьянина другому дворянину и получить за него деньги. Это похоже на продажу, но надо учесть, что для дворянина крестьянин был единственным источником дохода, при помощи которого дворянин защищал тех же крестьян. Поэтому, передавая источник своего дохода другому, он имел право на компенсацию. Разумеется, что при такой продаже законом исключалось разделение семей.

Дворянин имел крепостных до тех пор, пока служил он и служили его дети. По окончании службы крепостных отбирали. Заметим, что сроки службы русского дворянина, как и службы семье члена семьи, не устанавливались. Поступив на службу в 15 лет, он мог до глубокой старости прослужить в крепости на границе за тысячи километров от своего имения и так никогда и не увидеть своих крепостных. Тяжелые условия, в которые попала Россия, требовали такой же тяжелой службы ей.

Мировоззрение русского человека как члена семьи выработало особые черты русского характера и, прежде всего, демократизм. То, что каждый человек должен в первую очередь служить народу, обществу, страдать во имя общества, было для русских вещью безусловной. Поэтому всякое уклонение от службы Отечеству, противопоставление ей своих личных интересов было для русских противоестественно, что уже тогда вызывало удивление западных современников, которые не без резона считали, что Родина у человека там, где ему хорошо живется.

Приведу еще одну цитату из книги Ф. Ф. Нестерова: «В июле 1701 года шведская эскадра в составе семи боевых кораблей входит в Белое море и направляется к Архангельску, чтобы согласно королевской инструкции сжечь город, корабли, верфи и запасы». Шведы знают, что русские счита-

ют Архангельский порт своим глубоким тылом, а поэтому и рассчитывают на внезапность диверсии. Операция закончилась, однако, провалом. Шведский историк XIX века А. Фриксель, используя сохранившуюся в архивах документацию, объясняет следующим образом неудачу экспедиции: «Когда шведские корабли вошли в Белое море, то они стали искать лоцмана, который сопровождал бы их в дальнейшем пути в этих опасных водах. Два русских рыбака предложили свои услуги и были приняты на борт. Но эти рыбаки вели суда прямо к гибели шведов так, что два фрегата сели на песчаную мель. За это оба предательски действовавших лоцмана были избиты возмущенным экипажем. Один был убит, а другой спасся и нашел способ бежать. Шведы взорвали на воздух оба своих фрегата и затем возвратились в Готенбург. Царь Петр тотчас вслед за тем поспешил в Архангельск, одарил деньгами, а также из собственной одежды рыбака, который с опасностью для жизни посадил на мель шведские корабли, и назвал его вторым Горацием Коклесом».

Русские источники кое-что добавляют и исправляют в шведской версии события. Архангельский воевода князь Прозоровский через голландских купцов был осведомлен о готовившейся экспедиции, а потому запретил рыбакам выходить в море. Дмитрий Борисов и Иван Рябов послушались приказа воеводы и были захвачены шведами, которые угрозами и посулами принудили их показать безопасный путь к берегу для высадки десанта. Лоцманы, как видно, действительно хорошо знали свое дело, коль скоро не только посадили на мель шведские фрегаты, но сделали это как раз напротив недавно поставленной береговой батареи. После десятичасовой перестрелки русские пушкары разбили оба корабля (другие, опасаясь мелей, держались вдалеке), шведы не взорвали их, а покинули на шлюпках. Русские «обрили» на шведских судах 13 пушек, 200 ядер, 350 досок железных, 15 пудов свинца и 5 флагов. Дмитрий Борисов был застрелен на палубе шведского флагмана, а Иван Рябов выбросился за борт и вплавь добрался до берега, после чего был посажен в острог за самовольный, вопреки указанию воеводы выход в море.

Князь Прозоровский, следует признать, действовал более в духе своего общества, нежели царь Петр. Он, конечно, доволен поступком рыбаков и даже избавляет Рябова от причитавшихся ему батогов, но не разделяет восторга Петра. Будь на месте Ивашки с Митькой, думал воевода, Сидорка с Карпушкой, то, наверное, тоже не оплошали бы; чего же ради смотреть на Рябова, как на чудо морское? За выполнение долга не требуется особой благодарности.

Европейский взгляд, выраженный А. Фрикселем, прямо противоположен первому. Характеризуя действия рыбаков как предательские, он подразумевает, что Рябов с Борисовым поступили бы разумно и порядочно, если бы указали шведам слабые места русской обороны и, пересчитав добросовестно заработанные деньги, с низким поклоном удалились. Разные шкалы этических ценностей действуют на западной и восточной частях одного континента.

Петр попытался применить европейское понятие героизма к российской действительности, но, наверное, не был понят окружающими. Его подданные классического образования не имели, Тита Ливия не читали, а поэтому приняли Горация Коклеса скорее за одного из тех лихих голландских капитанов, с которыми любил бражничать государь.

Вообще в этой стране было неведомо, что такое героизм в том смысле, как его понимали на Западе. Мост через реку Каланэбра в Эстляндии шведы успели облить горючей смесью и поджечь до подхода русских. По приказу Петра солдаты, бросив на горящие мостовые клетки бревна, ползком перебираются по ним на другую сторону и штыковым ударом выбивают шведов из предмостного укрепления. Первоисточник сухо сообщает об этом бое местного значения и не упоминает, были ли после него розданы награды: такое поведение солдат в порядке вещей. Было бы очень трудно растолковать прошедшим через огонь гренадерам сущность героического.

Героизм в его классическом понимании всегда есть исключение из правила. Герой, то есть сын бога, полубог, совершает непосильные для простых смертных деяния. Он возвышается над толпой, которая служит пьедесталом для

его неповторимой личности. Долг, совесть, различие добра от зла — все это хорошо для низкой черни, не для него. Цезарь Борджиа, а потом Наполеон Бонапарт — любимые герои Европы, в них видела она апофеоз своего индивидуализма. Но такая компания вряд ли подходит скромному Ивану Рябову, и на пьедестале он должен чувствовать себя не слишком удобно.

Со времен Петра понятие героизма все же вошло в обиход русской мысли, но при этом оно обрусело, потеряло первоначальную исключительность. Антитеза между героем и толпой как-то незаметно стерлась, и на ее месте появилось маловразумительное для европейца словосочетание «массовый героизм», то есть что-то вроде исключения, которое одновременно является и правилом».

Могут подумать, что неприятие русскими парламентской формы правления, их приверженность самодержавию обусловлены их отсталостью и умственной неразвитостью: дескать, они просто не могли понять, как это хорошо, когда свободу отстаивает в парламенте профессиональный депутат, большинством голосов принимаются мудрые решения и т.д.

За сотни лет в России видели все. И поняли, что такое «демократия» по-западному, твердо зная, что большинством голосов принимаются решения, нужные не всему государству, не всему народу, а только большинству голосующих, которые руководствуются чаще всего не пользой страны, а исключительно своими, корыстными интересами. Корыстный же интерес купить просто — были бы деньги. И сама самодержавная Россия на протяжении своей истории покупала голоса «демократов».

Вспомним историю. Речь Посполитая три столетия вела войны с Россией. Пока это государство было монархией, Россия терпела поражения за поражением. Дошло до того, что русские не в состоянии были в открытом поле сопротивляться полякам. В смутное время отчаявшиеся бояре покупают в Швеции наемников, чтобы хоть что-то противопоставить профессионализму и удали поляков.

Но вот Речь Посполитая ступила на цивилизованный путь развития, «демократизировав» свое общество: король

был отодвинут на второй план, на первое место вышло «демократическое» собрание — сейм. Он очень быстро довел Польшу до полного политического и военного бессилия.

1 февраля 1733 года умер польский король Август II. Предстояло избрание нового короля.

Для России вопрос, кто будет польским королем, был жизненно важным.

Россию по-прежнему терзали набеги крымских татар — вассалов Турции. Вечным врагом Турции была Австрия. А поскольку враг моего врага — мой друг, то Австрия стала надолго, пусть и неверным, но союзником России. Соперником Австрии на континенте была Франция, по той же причине для нее любой враг Австрии и России был другом. В Швеции нарастали силы, жаждавшие реванша за поражения, нанесенные Россией в Тридцатилетней войне. Пруссия спокойно выжидала в стороне, чтобы отхватить в предстоящей драке куски пожирнее.

Европа разделилась на два лагеря: в одном Россия, Австрия и (лишь потенциально) скупая Англия — традиционный противник Франции, в другом — Франция, Турция, Швеция. Оба лагеря поспешно направили в Польшу своих посланцев с тем, чтобы там выбрали короля, лояльного к соответствующему союзу. Франция боролась за Станислава Лещинского, Россия — за курфюрста саксонского Августа.

22 февраля 1733 года российская императрица собрала министров и генералитет, которые постановили:

«1) по русским интересам, Лещинского и других, которые зависят от Короны Французской и Шведской и, следовательно, от Турецкой, до Короны Польской допустить никак нельзя;

2) для того отправляемые в Польшу министры должны усиленно стараться, денежные и другие пристойные способы употреблять, сообщая с министрами союзников, чтобы поляков от избрания Лещинского и других подобных ему отвлечь, для того этих министров надобно снабдить денежными суммами;

3) а так как может случиться, что вышеозначенные способы для отвращения таких вредных русскому государст-

ву предприятий окажутся недостаточными... без упущения времени на самих границах поставить 18 полков пехоты, и 10 полков конницы... донских казаков 2000, гусар украинских сколько есть, из слободских полков 1000, из Малороссии 10 000, Чугуевских калмыков 150 да волжских тысячи 3».

Как в воду глядели — «пристойных способов» оказалось недостаточно. Пока из Вены в Варшаву шло 100 000 червонных, а посланник саксонский давал ежедневные обеды на 40 человек, пока русские везли туда денежные «суммы», шустрые французы сунули польским «демократам» более миллиона ливров, и те проголосовали за Станислава Лещинского. Но подоспели деньги от австрийцев и русских. Польские демократы взяли и эти деньги, и еще раз проголосовали — теперь за курфюрста саксонского. В Польше оказалось два законных короля: один профранцузский, другой — прорусский. Россия двинула в Польшу войска.

Лещинский стал собирать вокруг себя верных шляхтичей. Казалось, в патриотическом подъеме гордые поляки должны были дать мощный отпор интервентам. Но ... Польша стала «демократической и цивилизованной». Историк Соловьев так описывает события: «...Русские беспрепятственно били приверженцев Станислава в Польше и Литве. Мы видели, что этих приверженцев было много, но вместо того, чтобы вести войну с русскими, они занимались усобицею, опустошением земель своих противников, приверженцев Августа. Они вредили русским войскам только тем, что утомляли их бесполезными переходами. Иногда большие массы поляков приближались к русскому отряду, распуская слух, что хотят дать сражение, но не успеют русские дать два пушечных выстрела, как уже поляки бегут; никогда русский отряд в 300 человек не сворачивал с дороги для избежания 3000 поляков, потому что русские привыкли бить их при встречах». Лещинский бежал в Данциг, сильную крепость, гарнизон которой к тому же был усилен 2000 присланных Францией солдат. К Данцигу подошла русская пехота. Однако король Пруссии не разрешал провезти через свою территорию осадную артиллерию. Пока российский фельдмаршал Миних торговался с ним по этому поводу,

пехота взяла укрепленное предместье Данцига, разумеется, с польскими пушками и боеприпасами, и с помощью польских же пушек блокировала Данциг. К этому времени поднялась осадная артиллерия, и Данциг сдался вместе с французами. Лещинский снова бежал.

И в цивилизованной Швеции к тому времени была такая же «демократия». Истосковавшиеся по грабегам шведские офицеры образовали значительную партию, которая требовала начать войну с Россией, пока она умиряет крымских татар и ведет войну с Турцией. Король Швеции был связан представительными органами власти. Он искренне не хотел новой войны и даже пытался обосновать свою позицию отсутствием необходимой конъюнктуры, на что получил ответ от ястребов шведской секретной комиссии: «Надобно жалеть, что мы нынешними конъюнктурами не пользовались и войска на помощь Станиславу не послали, особенно в то время, когда город Данциг еще не покорился: мы все ждем революции в России, ждем уже 14 лет и все не дождемся, видно, мы до тех пор будем ждать, когда небо на Россию упадет и всех подавит: тогда нам полезна конъюнктура будет». Агрессивные настроения дворянства умело подогревал с помощью ливров французский посол. Русский же посол Бестужев поддерживал (тоже деньгами) мирные настроения шведского кабинета министров, представителей бюргеров, духовенства, крестьян. Но француз, который уже истратил на эти цели по слухам 300 000 ефимков, взял и в одну ночь сунул бюргерам 6000 ефимков сразу. Бюргеры переметнулись на французскую сторону. Мир между Россией и Швецией повис на волоске.

Шведы через Марсель послали в Турцию предложение о заключении наступательного союза против России, а копии предложений дали опытному разведчику майору Синклеру, чтобы он их доставил в Турцию через Польшу.

Шведский король проинформировал о миссии майора Синклера российского посла, и тот просит Петербург перехватить Синклера и «аневлировать» его, а потом распустить слух, что на него напали разбойники. Петербург, как всегда, промедлил, и Синклер проскользнул в Порту. Но и в

Петербурге все же дела движутся: на «охоту» за Синклером отправлен поручик Левицкий, а за курьерами между Турцией и Францией, и молодым Орликом (а заодно и Синклером) — капитан Кутлер и поручик Веселовский. Как видим, и в те времена разведка России кое-что умела. Синклер попался Кутлеру и Левицкому на обратном пути, когда возвращался с ответом в Швецию. Разумеется, этот Джеймс Бонд XVIII века скоропостижно «скончался», а его бумаги были переданы русскому послу в Польше. Но смерть Синклера не удалось списать на разбойников. Кутлеру и Левицкому срочно сменили фамилии и отправили служить в полки подальше от западных границ.

В Стокгольме начался скандал. За смерть Синклера шведские ястребы пообещали уничтожить Бестужева. Посол незамедлительно отдал деньги для взяток на хранение голландскому послу, сжег все расписки и счета взяточников, а также секретные бумаги и укрылся в посольстве. Король усилил охрану посольства и не допустил погрома. Конечно, это сюжет для «Трех мушкетеров», но каковы последствия парламентаризма? Король Швеции за мир, часть парламента подкуплена русскими, часть — французами, часть — англичанами. В то время не стеснялись, никто не придумывал словосочетаний типа «Движение Демократическая Россия», а говорили прямо: русская партия, французская партия, английская партия. Иностранные государства спокойно и нагло отстаивали свои интересы в шведском, так сказать, парламенте.

В Польше в это время русские министры продолжали тратить деньги, пытаясь пристойным способом утихомирить расхोдившихся «демократов». Страницы истории, посвященные этому периоду, напоминают бухгалтерские книги: «Теще коронного гетмана 1500 и 20 000, дочери его 1300, литовскому гетману 800, жене его 2500, примасу 3166 (ежегодно), духовнику его 100, сеймовому маршалу на сейме 1738 года 1000, депутатам 33 000» и т.д. Россия хорошо знала, что творится и вследствие чего.

Между прочим, и в последующие времена при словах «цивилизованная демократия» российский император с тос-

кой вытаскивал кошелек. Россия продала Аляску, однако посол в США всю сумму в Россию не привез и на вопросы заинтересованных лиц: «Где деньги?», — застенчиво мялся, пока царь не сказал: «Я знаю где. В США ведь цивилизованная демократия, ну как там осуществишь такую сделку, не «смазав» конгресс и сенат?»

Так что в России много знали относительно демократических преобразований и поэтому не захотели внедрять их у себя, мудраки всегда оставались в меньшинстве.

А возможностей было предостаточно. Например, у декабристов. И хотя действовали они решительно (под руководством Пестеля был, например, вынесен смертный приговор всем членам дома Романовых, так что большевики, по сути, только привели его в исполнение), достичь успеха не смогли — слишком много в этот период было законных наследников на престол, было из кого выбрать императора. Самыми удобными для преобразования России в парламентскую республику или монархию были случаи, когда обрывалось правление династии, и перед дворянами вставал вопрос: «Кого избрать царем?» И действительно, в такие моменты у мудраков возникали мысли о парламенте.

В 1613 году на престол был избран первый царь из династии Романовых Михаил. Ему было всего 17 лет, и это извиняет его собственную попытку поставить над собой нечто вроде боярского парламента. Церковь быстро пресекла эту попытку.

19 января 1730 года в возрасте 14 лет скончался российский император Петр II — внук Петра I и сын казненного им сына Алексея. По линии Петра I кандидатами на престол остались только его дочь Елизавета в возрасте 21 года, которая слыла по-девичьи легкомысленной, и внук от дочери Анны двух лет. Верховный тайный совет России остановился на кандидатуре племянницы Петра I Анне, дочери его родного брата Ивана, герцогине курляндской. Ей было 37 лет, ее считали умной и рассудительной женщиной, и она довольно хорошо знала российский двор, так как часто посещала его.

Но Верховному тайному совету захотелось большего, и он подготовил конституцию страны — Кондиции — которую Анна должна была тайно подписать перед вступлением на престол. В этой конституции еще не говорилось о правах народа, в ней шла речь только о правах восьми членов тайного совета и об ограничении самодержавия. Анна все это подписала, вступила на престол, но тайну хранить не стала. Узнав о происках Верховного тайного совета, российское дворянство возмутилось. Большинство из них не стало обращаться к членам совета с требованиями расширения представительства, всеобщего равного и тайного дворянского права избирать и быть избранным и т.д. (хотя были и такие), а побежало к императрице со словами: «Не хотим, чтоб государыне предписывались законы... Государыня, мы верные подданные Вашего Величества; мы верно служили прежним великим государям и сложим свои головы на службе Вашего Величества; но мы не можем терпеть, чтобы Вас притесняли. Прикажите, Государыня, и мы принесем к вашим ногам головы Ваших злодеев». Анна уничтожила подписанные Кондиции, а Верховный тайный совет был упразднен.

А ведь и после Беловежской Пуши офицеры могли обратиться к Горбачеву со словами: «Прикажи, и мы принесем к твоим ногам головы Ельцина, Кравчука и Шушкевича». Ясно, что Горбачев не тот человек, но разве офицеры те?

Немного о демократии

Строго говоря, выражение «русская демократия» должно звучать так же абсурдно, как и «русская химия», и «русская математика» и т.д. Но ведь не мы первые довели употребление этого понятия до абсурда, украшая его определениями «западная», «народная», «парламентская».

Демократия — это положение дел в обществе, при котором и население, и исполнительная, и законодательная власти подчиняются интересам народа, он (народ, «демос») имеет над ними власть. Разумеется, само по себе избрание тайным голосованием болтунов в парламент еще не означает,

что в стране демократия, может быть наоборот: именно эти болтуны демократию и уничтожили.

Сказанное выше понимают не все. Мало кто осознает, что демократия — это служение народу, и чем больше ему служат, тем надежнее демократия. Но еще хуже обстоит дело с организацией этого служения. Чтобы его организовать, необходимо отдать населению конкретные команды. Кто должен командовать? Законодательная власть? Исполнительная власть? Какими должны быть команды? Кому следует адресовать команду о начале войны: населению, правительству или парламенту? Кто определит размер налога с конкретного человека? Кто определит землеустройство в данном районе? И так далее, и так далее.

С точки зрения здравого смысла необходимо, чтобы в каждом конкретном случае команда исходила от того, кто более всего разбирается в данных вопросах и за них отвечает, то есть отвечает за Дело. Скажем, за безопасность страны отвечает правительство, в его состав входят наиболее знающие люди в военной области. Наверное, ему, а не митингующим болтунам надо определять, разоружаться или вооружаться, начинать войну или нет. Но, заметим, это должно быть правительство, отвечающее за результаты своих команд. Царь за это отвечал и своей судьбой, и судьбой наследников.

А определять, какие налоги должен платить конкретный Иванов, следует людям, которые за ошибки в налогообложении заплатят из своего кармана, то есть сами и ответят за свою глупость, если налоги Иванова разорят.

Для того чтобы понимать такие вещи, нужно обладать свободолюбием и достоинством. Русский народ эти качества приобрел за тысячу сто лет борьбы за свою свободу.

Представляю себе, как, прочитав эти строки, потешаются мудраки: «Да разве наши тупые ваньки да маньки свободолюбивы? Вот американские джоны да мэри, те да, свободолюбивы!» Этот общемировой идиотизм насаждается подвластной США индустрией формирования общественного мнения. Именно она убеждает всех, что США — цивилизованная страна свободных людей. Но кто пробовал их сво-

бодолюбие на зуб? Кто его испытывал? Кто скажет, сколько надо убить джонов и мэри, чтобы все американцы подчинились немцам, русским, китайцам, кому угодно, так же охотно, как они подчиняются людям с деньгами?

Ричард Никсон в одной из своих речей привел слова Андре Мальро о том, что США — единственная страна в мире, ставшая великой державой, не приложив к этому никаких усилий. А сколько усилий приложила она к отстаиванию своей свободы?

Вот и получается, что русских учат свободе те, кто не представляет, что это такое, для кого высшая степень свободы и вершина цивилизованной демократии — демонстрация гомосексуалистов на главной улице города. Все равно как если бы пятилетний сопляк, умеющий удачно имитировать звук работающего двигателя, начал бы учить водить машину водителя с сорокалетним стажем. И мы бы это поняли, если бы в органах формирования общественного мнения в СССР не было так много подобных имитирующих интеллект сопляков и выживших из ума мудраков.

Повторяем, для создания механизма демократии важно, кто именно получает право давать команды. Здесь возникает противоречие между двумя силами государства: народом и бюрократией. Собственно народ и его представители заинтересованы в том, чтобы команды поступали от компетентных и, главное, отвечающих за свои действия лиц. Государственная бюрократия заинтересована в том, чтобы все команды по защите народа поступали только от нее. (Правильные это будут команды или нет, это второй вопрос.) Ведь чем больше команд, тем больший контроль требуется за их исполнением, тем больше нужно бюрократов, тем выше доходы бюрократии, законные и незаконные. От этой аппаратной бюрократии зависят мудраки, следовательно, в этом и их интерес.

В первой части книги я писал, приводя в пример армию, что к делократическому, единственно верному способу управления люди приходят только тогда, когда оказываются на грани уничтожения. Россия успела. Нельзя сказать,

что все было организовано идеально, эмпиризм есть эмпиризм, но это было лучшее из всего, что имелось в мире.

Однако по мере того как жизнь в стране становилась безопаснее, мудраки затеяли изнурительную борьбу с делократической системой управления Россией, все более и более бюрократизируя ее, выскребая из нее заложенную русским народом справедливость.

Еще раз напомню, что книга посвящена управлению людьми, все в ней рассматривается именно с этих позиций — история России, образ мыслей и дух россиян.

Внешне Россия выглядела, как другие страны. В ней был царь, при нем бюрократия, были крестьяне. Но свободолюбие русских, их борьба с монголо-татарами привели к делократизации отношений между людьми и к их изменению по сравнению с такими же отношениями на Западе.

Бюрократия везде одинакова, о царях мы, уже поговорили, теперь рассмотрим статус русских дворян и крестьянскую общину.

Дворяне и крепостные

Уже упоминалось, что русские, а подавляющая часть населения были крестьяне, считали народом, миром только себя и царя. Дворяне тоже были свои, ...но не полностью, они были как бы боевыми друзьями царя-батюшки, которые помогали ему защищать семью. Поскольку дворяне шли за семью на смерть, у них были свои особые права, но все-таки они не были полноценными членами семьи, к ним название «народ» не подходило. Это становится понятным, если вспомнить, что первоначально, в Средние века в роли царя и дворян выступали князь и его дружина. А дружину обычно набирали из разных княжеств, в понимании русских — из разных семей.

Если русский попадал в армию, то его ставили в строй под командование дворянина. Дворянин водил его в бой, а в случае нерадивости в службе или быту давал команду его выпороть, что в те времена было обычным наказанием. В отношении личной свободы русского в мирной жиз-

ни помещик имел столько же прав. Ни убить, ни посадить в тюрьму, ни судить своего крепостного русский дворянин не имел права, и само притязание на это было преступлением. Другое дело, насколько неукоснительно выполнялось это положение, учитывая, что следствия по подобным преступлениям велись теми же дворянами. Но сама идея отношений между крепостными и крестьянами была именно такой.

Солдату, чтобы покинуть часть, нужно спросить разрешения своего командира. И крестьянину, чтобы покинуть своего помещика, нужно было получить у него паспорт. Крепостной мог заняться любым делом, в том числе уехать за границу, стать купцом или промышленником на Аляске.

Дворянин служил России, он защищал ее, а это может только сытый и вооруженный человек. Ему это обеспечивали крепостные (на одного воина нужен был труд десяти семей) тремя способами. Они могли быть дворовыми, фактически членами семьи помещика. Они могли отрабатывать барщину, то есть работать за него оговоренное число дней в неделю. Они могли быть на оброке — платить дворянину определенную сумму и заниматься чем угодно.

Но надо постоянно помнить, что основная цель закрепления — обеспечить России вооруженного воина-дворянина. Поскольку это обеспечение так или иначе можно было определить в деньгах, дворянин при передаче своего крепостного другому дворянину получал за него деньги. Формально это выглядело как продажа. Но продают только свою собственность кому угодно. Русский крепостной не был собственностью помещика и в отличие от западного крепостного не мог быть продан кому угодно. Только дворянину, и причем российскому. На Западе это было абсолютно по-другому. Там дворянин — мини-король, который порой имел королевскую власть над крепостным, включая право судебной расправы и казни. Естественно, что он полностью распоряжался своей собственностью и мог продать ее кому угодно. Приведу цитаты о наших ближайших соседях — поляках, заимствованные из «Истории кабаков в России» И.Прыжова, а им из подлинных документов: «В 1517 году князь Александр

Пронский и жена его милости княжна Федора Сангушкова выдали арендное условие благородному пану Бурлацкому и славному пану Абрамку Шмойловичу, жиду Турийскому, по которому они получили в аренду город и замок Локачи на три года за 12 000 злотых со всеми доходами, со всеми людьми тяглыми и нетяглыми, со всеми жидами и получаемыми от них доходами, с корчмами и с продажей всяких напитков, с правом судить крестьян и наказывать виновных и непокорных по мере вины, даже смертью». Или так: «Григорий Сангушко Кошерский с женою отдают все свои имения, ничего себе не оставляя, славному пану Абраму Шмойловичу и жене его Рыкле Юдинне и его потомкам, со всеми доходами, с корчмами, шинками и продажей всех напитков, с данью медовою, деревом бортным и с правом наказывать непокорных денежною пенею и горлом карать».

Для русских это было немыслимо. Наверное, за всю историю России был всего один подобный случай. Русский дворянин женился на француженке, не принявшей российского гражданства, и вскоре умер. Оказалось, что часть русской земли и часть народа принадлежат гражданину другого государства. Это было чрезвычайное происшествие, которым занимался лично император.

Европейцам феодализм привил рабскую психологию и мировоззрение. Они, не понимая сути происходящего в России, могли предложить купить русских девушек для вывоза в гарем и удивляться, получая матерный ответ. Англичане, например, без всякого желания оскорбить предложили Екатерине II продать русских солдат для войны в североамериканских колониях: покупали же они солдат тысячами по всей Европе. И им было совершенно непонятно, почему Екатерина рассердилась, а Потемкин разразился потоком слов, которые невозможно перевести на английский. Как рабу понять свободного русского?

Русский не был чьим-то рабом, кроме Родины, он был закреплен за дворянином, чтобы обеспечить его готовность к бою за Россию, и только. Да, потом царь-мудрак, аналогичный мудраку-Горбачеву, изменил положение, заставив Россию умыться кровью в гражданской войне за народную

справедливость. Но это изменение, внесенное Петром III, к личному рабству русских не привело, русский ничьим личным рабом никогда не был, даже царя.

В потоках послеоктябрьской пропаганды, да и до нее, в трудах многих мудраков дело представляется так, будто крепостные страдали от личной зависимости от помещика. (Автор не имеет в виду барщину и оброк, которые по сути являлись налоговой повинностью и налогом.) Но ведь это не так. Уйти от дворянина, освободиться, заплатить выкуп стремились люди, которые благодаря освоенной профессии были твердо уверены, что заняли надежное место в обществе и им не грозят случайности. Крепостные были и врачами, и юристами, и художниками, и музыкантами. У графа Шувалова был крепостной-миллионер, имевший десятки собственных судов на Балтике. Он платил Шувалову оброк и не стремился купить себе волю, пока его сын не влюбился в дочь прибалтийского барона. Согласитесь, что для барона мысль выдать дочь за крепостного была невыносима, ведь сам барон мог своего крепостного по своему капризу хоть повесить. Шувалов покочевряжился — жаль было терять предмет гордости перед другими дворянами, но крепостного отпустил.

Герцен, ярый ненавистник крепостного права, описал случай, когда его родственник отпустил на волю своих дворовых людей. Они бросились к нему с криком: «Батюшка, не гони!» Мудраки здесь немедленно заявят, что русские по своему образу мыслей типичные рабы.

Но поподробнее разберем эту ситуацию. Дворовые люди — это конюхи, кучера, повара, лакеи. Что им делать после освобождения? Придется наниматься на те же самые должности и получать зарплату, которую они потратят на еду и одежду. Но еду и одежду они, безусловно, получали у своего барина. А когда наступит старость, чужой барин выгонит их на улицу. А свой барин не выгонит, докормит до смерти и с честью похоронит. А если у барина не будет места в доме, то он построит в деревне для старика избушку и будет обеспечивать его до смерти и едой, и одеждой, и дровами. И крестьянской общине заплатит за похороны.

Так положено, ведь дворовый фактически член семьи. Так зачем дворовому нужна свобода? На самом деле описанный Герценом благодетель решил избавиться от затрат по содержанию своих людей, которые столько отработали на него. Скажем, украинскому поэту Т.Г.Шевченко был смысл откупиться от своего помещика Энгельгардта. К моменту выкупа стало ясно, что он хороший художник и проживет самостоятельно. Но дворовым и крестьянам это было зачем? У Тургенева есть рассказ о богатом крестьянине, который только в аренде держал 300 десятин земли, но оставался крепостным, объясняя это просто: пока он у барина, то ни один чиновник-мздоимец его не ограбит, барин не позволит. А когда освободится, чиновники его разорят поборами.

Салтыков-Щедрин, описывая свое детство, рассказывает об одном помещике, своем родственнике. Он был жадным настолько, что по ночам ходил воровать овощи на огороды своих крепостных крестьян, а те его там ловили и... били морду, что, впрочем, плохо помогало. Здесь хорошо чувствуются отношения между дворянами и крестьянами: они обязаны отработать барщину, но что их, то их, и, защищая свою собственность, они не стеснялись. Когда этот помещик умер, его любовница, крепостная, украла все деньги и передала их своему уже свободному сыну. Сын помещика, вернувшись из армии, попытался ее заставить вернуть деньги. Для этого он начал пороть эту женщину, но она потеряла сознание. Ее снесли в «холодную», а утром обнаружили, что она умерла. Узнав об этом, крестьяне написали жалобу в судебные органы, и хотя судебно-медицинская экспертиза определила, что женщина умерла не от порки как таковой, что у нее не был поврежден ни один орган, тем не менее, следствие длилось три года, а когда дело дошло до Петербурга, там постановили лишить сына помещика дворянского звания и сослать навечно в солдаты.

Когда вспоминают крепостное право, то обычно речь заходит о Салтычихе, скорее всего помешанной, замучившей десятки своих крепостных девушек и сосланной за это в монастырь. Но не только в монастырь ссылали, и не только ссылкой оканчивалось дело. Невестка упомянутого выше

помещика-жадины была очень жестокой, и, в конце концов, ее задушили подушками собственные горничные.

Кстати, когда речь идет о жестоком отношении к крепостным в России, то почему-то на первое место выходят женщины. Может потому, что место дворян все-таки было в армии.

У историка Соловьева описан такой случай. Жестокая помещица любила есть щи под крики своей кухарки, которую для этого во время обеда специально пороли. По-видимому, жалобы на нее последствий не имели. И однажды на эту помещицу напали разбойники, застрелили ее любимую собачку, а помещице прикладом выбили все зубы и ограбили. Помещица созвала соседей и организовала погоню. Но хитрые разбойники оставили на дороге бочонок водки. Погоня, конечно, уперлась в бочонок как в непреодолимое препятствие. Пока водку не выпили, никто никуда не двинулся. Разбойники скрылись. Соловьев к этому случаю относится, по-видимому, как к курьезу, но нам интересен способ сдерживания помещиков в рамках закона.

Положение, конечно, не было однозначным, но мы видим, что если конкретного русского в чем-то ущемляли, то это был не закон и не обычай, а извращение, покрывавшееся бюрократической судебной камарильей.

Изначально назначение дворян в России заключалось не в управлении сельским хозяйством, а в военной службе, причем службе вечной и непрерывной.

Пока Россия была небольшой по размерам, пока татары нападали в основном только в начале лета, когда был корм для лошадей; а западные противники — только в разгаре зимы, когда замерзали болота и становились проходимыми дороги, у дворян были небольшие промежутки времени, в течение которых они могли отдохнуть дома и лично распорядиться делами по хозяйству. Но Россия расширялась, на окраинах строились крепости, нуждающиеся в гарнизонах. Ездить на побывку домой дворянам стало некогда. В 15 лет призванные «новиком» на службу они до самой старости могли ни разу не побывать дома, не видеть своих крепостных, которых все это время мог разорять недобросовестный

управляющий. Отпуска не практиковались. Чтобы их получить, приходилось давать огромные взятки чиновникам, да отпуск и не мог помочь делу. Бремя службы тяготило одинаково всех. Фельдмаршал Шереметьев, глубокий старик, слезно просил Петра I отпустить его со службы. Петр ему даже не ответил. Лет тридцать спустя, в октябре 1736 года, фельдмаршал Леси, храбрый и скромный генерал-трудыга, участвовавший почти во всех более или менее крупных военных кампаниях того времени и в Польше, и на Юге, написал: «Понеже я с начала отбытия моего в Польшу уже четвертый год в домишке моем не бывал и бедной моей фамилии не только не видал, но за отдалением и мало писем получал, паче же дети мои одни без всякой науки, а другие без призрения находятся, того ради Ваше Императорское Величество приемлю дерзновение утруждать, чтобы нынешнее зимнее время соизволили от команды меня уволить в Ригу». Но вместо отпуска получил выговор.

Непрерывность и длительность службы представляли для дворян помимо общих еще и экономические трудности. В России за службу государству не платили ничего и никогда. Какую плату должен получать сын за службу семье? Если платили, то для того, чтобы мог служить. Тех, кто имел крепостных, естественно, содержали крестьяне. Но крепостные — это предприятие, им надо управлять, ему нужен хозяин. Без хозяина предприятие хиреет и доход дворянина уменьшается. Получается, чем тяжелее служишь — тем хуже живешь.

Знающие могут сказать, что в те времена любая армия имела доход не только от крепостных и от жалованья, но и от военной добычи, а она порой бывала значительной. К примеру, Горацио Нельсон, став капитаном корабля, начал быстро богатеть. И в английском флоте это было естественно. В первых боях доля Нельсона в добыче составила уже 800 фунтов стерлингов, и его биограф сетует, что он не участвовал в захвате и ограблении испанского порта Омоа в Гондурасском заливе, где добыча моряков и морской пехоты составила 3 миллиона фунтов. Это обычное дело для «цивилизованной» Англии.

А вот пример России. Русские под командованием фельд-маршала Шереметьева взяли шведскую крепость Мариенбург. В числе добычи — женщины, и это тоже по тем временам обычно. Фельдмаршалу понравилась одна, но он не берет ее как свою долю добычи, а покупает за рубль у солдата. Эпизод точен, поскольку эта женщина стала российской императрицей Екатериной I. Но интересно, почему солдаты с добычей, а фельдмаршал без добычи? В книге «Наука побеждать» А. В. Суворова для солдат написано: «Обывателя не обижай: он нас поит и кормит. Солдат — не разбойник. Святая добычъ: возьми лагерь — все ваше! Возьми крепость — все ваше! В Измаиле, кроме иного, делили золото и серебро пригоршнями. Так и во многих местах». Почему Суворов в одном месте пишет «нас поит и кормит», а в другом пишет «все ваше», а не «все наше»? Ответ простой, хотя его и мало кто знает. В отличие от западных русские дворяне в святой военной добыче никогда не участвовали, не имели права. Она принадлежала только царю и солдатам — отцу и семье. Для русских дворян война была всегда бесприбыльным делом. Можно гадать, почему так, но обратим внимание, что и здесь есть некоторое отделение дворян от народа.

Рассуждая о дворянах, о воинах, нелишне отвлечься и сказать несколько слов о русских солдатах.

Солдат — это сложная профессия, в которой должны быть заложены два начала. Во-первых, солдат должен быть профессионалом, то есть уметь убивать в бою солдат противника. Для этого он должен владеть большим количеством специальных приемов точно так же, как и специалист любой другой профессии. Как в любой другой профессии, для этого солдату нужен стимул. То, что его могут убить, если он не будет профессионалом, как ни странно, обычно плохо работает как стимул, поскольку с появлением оружия дальнего поражения в бою могут убить любого. Но главное, убивать учатся в мирное время, когда этого стимула нет. Стимулом может быть обычный доход, зарплата, возможность хорошо жить благодаря своему профессионализму. Речь идет о зарплате наемного солдата или возможности грабежа, добычи.

Но в любом случае возможность разбогатеть благодаря своей профессии, безусловно, способствует ее освоению.

Для русских это никогда не было стимулом. Армия России никогда не была наемной, а русские никогда не были наемниками. Военная служба — долг, его обязаны нести все. За то, что служишь, денег не платили, платили для того, чтобы служил. Многим не понятна разница, но она есть, и весьма существенна. Скажем, один сын в семье может заниматься ее охраной профессионально, и для этого семья может платить ему деньги. Но платят деньги и наемнику. Однако если создалось такое положение, что у семьи нет денег, наемник скажет: «Гуд бай, май фрэндз» и будет прав, потому что ему платят за то, что он служит. А сын так сказать не может. Он защищает свою семью, и есть у нее деньги или нет, значения не имеет. Это его долг.

Возможность грабить во время войны отсутствовала: подавляющее число войн были оборонительными. Кого грабить? Свои освобожденные города? Да и в отношении противника, начиная с XIX века, грабеж перестал поощряться, а затем начал преследоваться. Материальный стимул в освоении солдатской профессии в России всегда отсутствовал.

И надо сказать, что, как это ни парадоксально, но с профессиональной точки зрения в мирное время и в начале войны русские солдаты всегда уступают иностранным. Это подтверждают сотни исторических примеров. В Смутное время, когда дворянское ополчение не могло справиться с поляками, отчаявшиеся бояре наняли шведов. Под Нарвой Карл XII буквально разогнал втрое превосходящее численностью русское войско под командованием Петра I. Под Полтавой Петр I поставил за линией своих войск заградительные отряды. Под Бородином Кутузов принял жесткие меры против бегущих и дезертиров. Женщина-кавалерист Дурова со своими уланами ночью наткнулась на казачий разъезд, и уланы, решив, что это французы, бросили ее и удрали — она с сожалением вспоминала о хорватах, с которыми раньше служила. А 1941 год?

Но у солдатской службы есть и второе начало. Солдат действует в условиях опасности для жизни, он должен мо-

рально принять неизбежность смерти в бою и смотреть на жизнь как на счастливый случай. И чем тяжелее бой, чем тяжелее война, тем больше жертв требуется от солдата, тем тверже он должен быть. Никакой материальный стимул этой твердости не даст. Зачем мертвому деньги? Даже профессионалу? Только сознание того, что от тебя зависит жизнь твоей семьи, дает такую твердость, только преданность ей, только патриотизм. Не слава великого воина, не слава героя, а преданность народу.

Да, русские тоже состоят из костей и мяса. Им тоже бывает страшно. И они в первых боях бегут, паникуют, сдаются. Но проходит какое-то время, появляются ярость, обида за потери, страх не за себя, а за семью, появляется опыт бить врага, и русская армия превращается в силу, которую никто не в состоянии остановить. Опять обратимся к историческим примерам. Великий полководец Фридрих II, не потерпевший ни одного поражения в войнах с Францией и Австрией, отдал русскому солдату и Пруссию, и Берлин, сетуя: «Русского солдата мало убить, его нужно еще и повалить!» В 1941 году Красная Армия, бросая пушки, танки, пленных, бежала к Волге, но прошло три года, и она берет сильнейшую крепость Кенигсберг, теряя в восьмидневном штурме менее 4 тысяч человек. Осажденные немцы в этом мощнейшем укреплении Европы теряют 40 тысяч и 92 тысячи успевают сдаться.

Это известнейшая вещь, но мудраки ее не могут понять. Когда они видят по телевизору учения американской наемной армии, они млеют от восторга: профессионалы! Да, и неплохие профессионалы, и многое умеют. Но русская армия и не таких побеждала. Конечно, это нелегко, но она справится, как справлялись деды и прадеды.

Когда немцы подходили к Москве, академик Вернадский высказал свои опасения Калинин и удивился полнейшему спокойствию последнего. «Ничего,— успокаивал его Калинин,— нам надо разозлиться». Но Калинин — исконно русский мужик, он обязан понимать. А вот тоже русский, но шотландского происхождения. Раненный под Аустерлицем генерал Барклай де Толли, уже тогда, в 1805 году, в госпитале

обсуждал возможные пути победы над Наполеоном. И видел единственный путь — пропустить его войска в глубь России и уничтожать их там, в глубине, всем миром. Очень сильная была армия у Наполеона, Европа с ней не справилась, а Россия победила. Чисто русским путем, тяжелым, кровавым. Поэтому в России и не любят войны: профессионалов, чтобы воевать, у России нет, а детей жалко.

Но вернемся к дворянам и крепостным. В любом случае мы видим, что положение дворян в России до второй половины XVIII века, пожалуй, худшее по сравнению с остальными сословиями. Как ни тяжело крестьянину, но он дома, у него есть жена, дети, праздники, нет постоянной опасности для жизни, у него есть пусть и призрачная, но надежда разбогатеть и жить лучше. У дворянина есть только служба, служба днем и ночью. Дворянские дети стали тайно записываться в купцы. Жалобы дворян стекались ко двору, и наконец в 1736 году императрица распорядилась со многими оговорками, что из нескольких братьев-дворян в семье одного можно оставить в хозяйстве; остальным определить службу в 25 лет, считая с 20 лет, то есть до 45 лет. В эти годы дворянина можно уволить, если он действительно служил в армии. Впрочем, императрица добавила: «А понеже ныне с турками война, то отставлять по вышеписанному только по окончании войны». И все же дворяне вздохнули свободнее: справедливость восторжествовала. Заканчивая раздел о дворянах и крепостных, следует упомянуть, что крепостными распоряжались еще три сословия, или инстанции России.

Во-первых, собственно государство, то есть крепостными командовали бюрократы.

Во-вторых, монастыри. Дело в том, что монастыри в России всегда строились как крепости, как военные опорные пункты для русской армии. Почти все они были вооружены, а такие, как Соловецкий, например, могли выдержать осаду силами одних монахов. Кроме этого, монастыри были органом социального обеспечения. Здесь доживали свой век престарелые и увечные солдаты и офицеры, причем, как русские, так и иностранные, служившие в русской армии (сначала вышла заминка с вероисповеданием, но потом

решили: пусть живут в монастырях, а молятся, как хотят). Благодаря своим крепостным церковь формировала изрядные денежные и материальные запасы, которые использовались в трудное для России время. Этих крепостных церковь не покупала, обычно деревни, приписанные к монастырям, были пожертвованиями царей и дворян.

В-третьих, государственные заводы.

И, наконец, крепостных имели сами крепостные крестьяне. При этом свободные крестьяне, а они составляли около 40% всех крестьян России, крепостных, разумеется, иметь не могли, так как не несли военную службу и не имели других способов их приобретения. Юридически не могли иметь крепостных и крепостные крестьяне, но фактически имели. Делалось это так: разбогатевший крепостной, решивший вложить деньги в приобретение крестьян, оформлял покупку на своего барина, но они были его крепостными. Поскольку они прятались, так сказать, за его спиной (хребтом), то и назывались они «захребетники».

Автор хотел бы, чтобы читающие эти строки сделали для себя выводы о том, что русский крепостной — это не то, что поляк или чухонец. Это не раб ни в душе, ни по мировоззрению. Для него помещик — это не Бог и не царь, а только командир, которого необходимо содержать для своей собственной безопасности и подчиняться которому нужно тоже только из этих соображений. Для русского крепостного было немыслимо, чтобы его продали разбогатевшему кабатчику да еще и с правом кабатчика убить его, а не прикрепили к другому русскому воину. Немыслимо, чтобы его, даже солдата, продали за границу. Воевать в составе войск союзников за Россию, воевать за союзников — это понятно. Но быть проданным, как немец, чтобы убивать Бог знает где индейцев или североамериканских поселенцев, которые ничего России не сделали, не по-русски.

Дворяне только воины. В другом качестве они не были нужны России. В этом была справедливость, которую не понимал Петр III и другие мудраки. И пока дворяне преданы служили России, они имели право на часть рабочих дней

закрепленных за ними русских, имели право дать им ограниченный круг распоряжений и потребовать их исполнения, прибегая в случае необходимости к обычной в те времена порке, и только.

Крестьянская община

Основная масса народа России, собственно русские люди, которые несли в себе то, что называют духовной силой, это крестьяне. Даже к 1917 году их количество превышало 85% населения страны. Как «технарь» скажу, что 85% — это достаточно весомая величина: если есть 85% вероятности получения какого-либо результата, то в ряде случаев его перестают контролировать — такой вероятности хватает.

Тот, кто хочет понять Россию, должен понять образ мыслей крестьян, ибо они суть России. Мы все вышли из крестьян, от силы во втором или третьем поколении. И в нас сидит крестьянский дух, русский дух. И когда поэт говорит: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», — значит здесь «пахнет» крестьянином, поскольку ничего более русского у нас нет.

Русские крестьяне никогда не селились отдельно друг от друга, а вернее, много сот лет жили вместе, общинами, и именно эти общины они называли «мир». Не зная правил мира и его основополагающих принципов, бессмысленно говорить о русских. Ибо мы все оттуда — из общины, из мира.

Обычный западный человек при переезде на другую квартиру нанимает за деньги машину и грузчиков, которые его перевозят. А 99% русских в аналогичном случае приглашают приятелей, для которых покупают водки и закуски на сумму, превышающую ту, что они заплатили бы грузчикам, и после переезда устраивают с приятелями пьянку.

Все знают, что самой стабильной валютой в России остается бутылка, выпиваемая зачастую совместно. Почему? Ведь русские не пьют больше, чем, скажем, французы.

Формально русский мир, русская община была уничтожена в столетней борьбе с бюрократией, но дух ее живет в нас. Он пока неистребим, и его нельзя не учитывать.

Повсюду слышишь, что у нас народная власть, но народ не имеет к ней отношения, так как команды всему населению сразу дает единая бюрократия из одного центра. Народ в законах и указах, как в тисках, но бюрократии раздолье.

Свободолюбивый русский народ этого не терпел и объединенный в общины долго оказывал сопротивление бюрократическому безумию.

Схема управления России изначально строилась таким образом. Царь, и законодатель и исполнитель, командовал, казалось бы, безраздельно всей Россией. Внешне это так, но никто не обращает внимания, что с точки зрения, с позиции народа он командовал в узких областях общественной жизни. Крестьянам очень редко приходилось сталкиваться с его командами, командами центра. Сначала царь занимался только внешней защитой, для чего и обязывал народ поступать согласно царской воле, а не так, как народ считает нужным, в трех случаях: при выплате податей, при отработке на дружинника, а позже на дворянина и при поставке рекрута в армию. Было еще уголовное право: царь с помощью своих законов преследовал уголовных преступников по всей территории России, но если крестьянин не был преступником, то его это не касалось. Впоследствии власть царя распространилась на промышленность, науку: строили и содержали университеты, поощряли искусства и т.д. Но и это касалось крестьянина только косвенно, через налог — подать.

Сколько раз в год крестьянину приходилось вспоминать, что у него есть царь, а у царя законы? Как часто он сталкивался с этими законами? Трижды в неделю с царским законом о барщине. А с остальными? Два-три раза в год, не более!

А нам, живущим ныне, сколько раз приходится сталкиваться с законами и указами, спускаемыми из столицы? Из области?

Вот пример из еще недавнего прошлого. Мы просыпались утром в квартире, размеры которой и плата за которую определялись в столице; надевали одежду, цена которой «спускалась» из Москвы; ели продукты, качество которых определялось центром; плата за проезд в транспорте, зарплата во-

дителя, ширина автобусных кресел — все это тоже решалось в столице. Колхозники и сеяли, и сажали, и убирали урожай только согласно указаниям свыше. Мы были опутаны бюрократическими цепями, причем чиновники заявляли, что все это для нашего блага, а иначе никак невозможно. Сегодня эти же бюрократы штампуют все новые и новые законы и по-прежнему убеждают всех, что иначе невозможно.

Нет, можно! И раньше было можно, пока цари не спасовали перед бюрократами и мудраками. Русская крестьянская община не имела над собой никаких законов высшей власти, кроме приведенных выше, и в общественной и хозяйской жизни управлялась самостоятельно. Народ управлял собой сам. Как это еще назвать, если не демократией? Да, русские крестьяне не избирали всеобщим и тайным голосованием депутата, чтобы он якобы от их имени что-то там вещал в парламенте, причем сам не понимая, что именно. Но им этого и не требовалось, так как свои законы они устанавливали сами и каждый, подчеркнем, каждый оказывал непосредственное влияние на формирование этих законов.

Законы самоуправления в общинах были разные. Русская поговорка того времени гласила: «Что город, то и норы, что деревня, то и обычай». Писаных законов не было, законы утверждались в виде обычаев, которые запоминались миром. *Этим* обычаям неукоснительно следовал каждый член общины. В этом плане каждая деревня, каждая община были отдельным государством — суверенным, как сказали бы нынешние мудраки.

Тем не менее было несколько правил, обычаев, общих для всей России. Веками русские люди подмечали, что требуется, чтобы дружно жить вместе, и в принципе они не далеко ушли от ортодоксального христианства или мусульманства. Главное — всеобщая справедливость, здесь русские не сделали никакого открытия, но интересны пути, которыми они обеспечивали эту справедливость.

Разумеется, что для России, жившей по принципу семьи, главным законом, или обычаем, было то, что и община формировалась по принципу семьи, но без ее главы (отца). «Отцом» было собрание общины — коллективный орган

управления, которое не было собранием представителей, каждый член общины автоматически был членом этого собрания, и его голос обладал таким весом, который и не снился, например, депутату самого старейшего в мире парламента — английского.

Из принципа русской семьи автоматически вытекал следующий принцип: ни один член общины не мог быть исключен из нее ни при каких условиях. Родился в общине либо был принят в нее — все, нет силы, способной тебя отсюда выдворить. Правда, в обычной семье отец мог отделить от себя сына, отдав ему часть имущества. А в общине, наоборот, ее член мог уйти из общины только добровольно, но ничего из общего имущества ему не полагалось. И тот, и другой принципы сохраняли справедливость, только в разных условиях. И в семье, и в общине человек был спокоен: какие бы решения ни принимал отец или община, никакую несправедливость по отношению лично к нему никто не допустит.

Принципом семьи определялась еще одна особенность: община весьма пренебрежительно относилась к священному праву личной собственности вообще и крайне негативно к личной собственности на землю. У члена семьи не должно находиться в личной собственности то, с помощью чего существует вся семья. Непризнание личной собственности на землю — священная русская идея, пронесенная через тысячелетие. Собственность — только общая, земля должна находиться в распоряжении того, кто ее обрабатывает.

Еще один русский принцип, единый для всех общин: решение на собрании общины могло быть принято только единогласно. Община не утруждала себя подсчетом голосов. Если хоть кто-то был против, решение не принималось.

О возможности существования такого принципа парламентские мудраки и не подозревают. Действительно, как внедрить этот принцип? Ведь это тупик. Парламент не примет ни одного решения. В парламентах это невозможно, хотя сотни тысяч русских общин на протяжении тысячелетия существовали по этому принципу.

Необходимо понять следующее. Русский мужик, как и русский человек вообще, истинный демократ, то есть он всегда считал, что общественный интерес выше личного, причем не только считал так, но и руководствовался этим принципом. И на мирских сходках крестьяне исходили именно из интересов общины, следовательно, разногласий быть не могло. А парламент — это арена борьбы личных интересов, даже если это личные интересы групп, партий или слоев населения. Эти интересы различны, поэтому невозможно достичь единогласия.

Для крестьянина община — дом, в котором живет он и будут жить его дети. Разорение общины — разорение его лично. Крестьянин отвечал своей судьбой за принятое им решение. А в парламентах, особенно советских и постсоветских, депутаты за свои решения лично не отвечают, поэтому могут позволить себе голосовать за что угодно.

Крестьянские сходки, особенно по запутанным вопросам, могли длиться много вечеров подряд и порой принимали весьма грубую (на грани драки) форму. Там не стеснялись, обсуждая любые мелочи, даже если они затрагивали деликатные стороны чьей-либо жизни, которые в обычное время обсуждению не подлежали. Общинная проблема буквально выворачивалась наизнанку, рассматривалась абсолютно со всех сторон до тех пор, пока каждый член общины не начинал понимать, что предлагаемое решение — единственное, пусть его лично оно и не устраивает. И решение принималось только тогда, когда успокаивался последний спорящий. (С этих позиций сегодняшние парламентские бдения выглядят крайне позорно. Депутаты собираются обсуждать тяжелейшие государственные вопросы, но начинают с того, что договариваются, когда закончить свое собрание. А кто сказал, что этого времени хватит? Ведь вопрос еще и не начинали обсуждать!).

А могло ли быть так, что, несмотря на длительность обсуждения, какой-либо член общины, преследуя личный интерес, все-таки не соглашался? Да, могло. В этом случае, устав от споров, 200 или 300 человек могли уступить одному и принять решение, выгодное только этому человеку. Но

община — не институт благородных девиц, ее члены — занятые тяжелой работой и достаточно решительные люди. Человеку, который пошел против мира, никто и ничего не прощал. Он обязательно расплачивался за свою дерзость и часто вынужден был из общины уходить. У него происходили неприятности: тонула в болоте корова, сгорало сено, внезапно ломалось колесо подводы и так далее, пока человек не начинал понимать смысл поговорки: «Против мира не попрешь».

Кулаки-мироеды всегда строили свои дома в центре села, поблизости от других домов, чтобы при пожаре пламя от их горящего дома перебросилось на соседние дома, зная, что только в этом случае их не подожгут.

А что давало единогласие при принятии решений отдельному человеку? Гарантию того, что твоим голосом, твоим личным интересом никто не пренебрежет. Поскольку в интересах общества учитывать интересы всех. Никто не прекратит прения, не выслушав твоего мнения. Можно много болтать об уважении к каждой отдельной личности, а можно уважение к ней ввести в закон. Можно утверждать, что раз в государстве свобода слова, значит это цивилизованное государство, забывая, что свобода слова без обязанности слушать — забава для мудраков. Что толку говорить, если тебе никто не собирается внимать? Крестьянская община России в отличие от подавляющей части российской интеллигенции, предпочитающей «мудрачествовать» на западный манер, это понимала.

Еще одно правило, общее для всех крестьянских общин, — соблюдение справедливости при распределении средства своего существования — земли. Способы распределения у общин были разные.

И, наконец, общей для всех общин была коллективная ответственность по внешним обязательствам, по обязательствам уплаты налогов и поставок рекрутов в армию. Если, к примеру, в общине было 200 человек, обязанных платить подати царю, то ни один из них непосредственно свои положенные 12 рублей в налоговое ведомство не носил, все

2400 рублей платила община, а затем уже раскладывала эти деньги на членов общины.

Так же и с набором рекрутов. Если, к примеру, полагалось выставить в армию одного человека из 100, то военное ведомство не искало этих людей по деревням и селам. Общины сами определяли, кому служить, причем часто стремились купить рекрута на стороне, то есть найти здорового холостого мужчину, чтобы он за огромные по тем временам деньги, собранные миром, согласился пойти в солдаты. Если такого найти не удавалось, мир решал, из какой семьи взять солдата. И деньги выплачивались ему. Решение общины, «приговор мира» в этом случае обжалованию не подлежал, выбранного новобранца могли доставить к призывному пункту без его согласия, связанного.

Община выполняла свои обязательства добросовестно и требовала к себе такого же отношения. Если помещики или чиновники, нарушая законы и обычаи, наносили общине обиды, а законным путем добиться справедливости не удавалось, то община решалась на крайние меры. Одной из таких мер был бунт. Между тем и цари понимали, что причины бунта часто кроются в действиях властей, понимали, что пролитая кровь может вызвать огромное количество ответной. Поэтому при вспышке бунта государство всегда старалось погасить его без крови, пока это еще было возможно. Характерно, что орденом Св. Владимира, четвертая степень которого давала право на потомственное дворянство, награждались те офицеры и чиновники, которые могли прекратить крестьянские волнения, не прибегая к оружию. Это требовало мужества, так как возмущенная община переставала жалеть и свою, и чужую кровь.

Иногда община, не прибегая к бунту, могла сделать следующее.

Несколько мужчин убивали ненавистного помещика с семьей, а его дом поджигали. Затем они шли и сдавались властям. В России к смертной казни приговаривали в исключительных случаях. Поэтому суд приговаривал крестьян к какому-то сроку каторжных работ и ссылке в Сибирь. Брачные узы считались священными, тогда верили, что браки совер-

шаются на небесах и не людям их разрывать. Поэтому согласно существовавшему закону семьи осужденных при желании отправлялись за казенный счет к месту каторги и ссылки, им также за счет казны назначалось содержание. Помимо этого, крестьяне регулярно собирали деньги и отправляли их осужденным, поскольку в их глазах это были не преступники, а герои, пострадавшие за мир.

Итак, русские люди были объединены в самоуправляемые общины, хотя и имевшие обязательства перед государством, но по небольшому перечню вопросов. Община в ряде случаев была способна эффективно защитить свой суверенитет перед кем бы то ни было, как это может сделать только семья.

Приоритет таких духовных ценностей, как преданность обществу, готовность к самопожертвованию ради него, обостренное чувство справедливости и пренебрежительное отношение к догматам материальных ценностей типа неприкосновенности частной собственности, личной собственности на землю определяли различия в поведении русских людей и людей западного мировоззрения.

Много веков подряд русские расселялись по всей земле, осваивая новые необжитые места. То же делали англичане, французы, немцы. Они так же переселялись в Америку, Африку, Австралию. Но те и другие делали это по-разному. Скажем, европейские переселенцы заселяли североамериканские прерии. На выделенном им участке земли они строили дом и ферму, устанавливали дружеские связи с соседями для совместных действий против общих напастей. Налог они платили в зависимости от количества находившейся в их владении земли; с течением времени часть из них разорялась, их землю скупали более удачливые соседи, а менее удачливые становились городскими и сельскими пролетариями. Это соответствовало образу мыслей западного человека, в этом не было ничего, что беспокоило бы его совесть.

Русские поступали иначе. Крестьянская община, получив выделенную ей землю (для всех), прежде всего, выбирала удобное место для села или деревни. Каждой семье

отводился участок под усадьбу. Участки нарезались рядом друг с другом, образуя улицу или улицы будущего села. Одновременно община учитывала, что семьи будут расти и делиться, в связи с чем оставляли резерв для будущего развития. Оставшаяся земля делилась на три части: луга, пастбища и пахотная земля. Могла быть и четвертая часть — лес. Всей этой землей община пользовалась сообща.

На земле, выделенной под усадьбу, всем миром строились дома для всех. Весь скот села единым стадом выпускался на пастбища. С пахотной землей и лугами дело обстояло сложнее. Пахотная земля, во-первых, делилась по качеству: пригорок или низина, в одной больше глины, в другой песка и т.д. В разных общинах землю подразделяли на разное количество сортов, иногда до 15. Далее землю делили на участки — наделы, исходя из следующих соображений. Налогом (податью) среди крестьян облагались только лица мужского пола, но зато все: и стар, и млад. Перепись населения производилась каждые семь лет. Зафиксированное в переписи число лиц мужского пола оставалось для налогов единым на весь этот период. То есть фактически податью облагались не отдельные люди, а вся община. Количество мужчин было просто численной оценкой налогообеспособности данной общины.

Если на момент переписи в общине было сто мальчиков, мужчин и стариков, а подать на одного составляла 12 рублей в год, то общую подать в сумме 1200 рублей нужно было платить в течение семи лет. Со сбором налогов внутри общины должен был разобратся сам мир.

В каждой общине это происходило по-разному, но принцип был один: мир не требовал от человека заплатить налог, если не предоставлял ему землю, чтобы этот налог зарабатывать. Чаще всего каждый сорт пахотной земли делился в соответствии с числом налогоплательщиков. Это был надел. Очевидно, что один надел мог состоять из полосок земли разного сорта в количестве до 15. Кроме того, полоски располагались на трех полях: яровом, озимом и пару. (Над этим потешались мудраки сначала в Петербурге, а потом в Москве и Ленинграде, но надо понимать, что, прежде все-

го, неразумность такого деления понимали и сами крестьяне, но справедливость была для них выше этой нецелесообразности.)

Наделы распределялись между семьями, но не поровну, а по «силе» каждой семьи, то есть в зависимости от того, сколько она имела рабочих рук для обработки земли. Скажем, в семье было четыре лица мужского пола: отец и три малолетних сына. Формально она имела право на четыре надела или надел четырехкратной величины. Но община могла выделить им всего лишь два, так как фактически в этой семье некому было обрабатывать землю, а, следовательно, была мала вероятность, что семья способна внести в общинную кассу свою часть податей. А другая семья, в которой из мужчин только отец, но три взрослые незамужние дочери, могла получить не один, а три надела.

В промежутках от переписи до переписи состав семей мог меняться: мальчики выросли, дочери выходили замуж, старики умирали. Община ежегодно оперативно реагировала на эти изменения. У ослабевших семей наделы изымались и передавались тем семьям, которые входили в силу. Никаких условий получавшим землю не ставилось, разве что заплатить предыдущему владельцу за улучшения, скажем, за новую изгородь. Свято исповедовался принцип: землей владеет только тот, кто ее обрабатывает.

В некоторых губерниях велся более точный учет силы семьи: мальчик в возрасте 10 лет получал право на 0,25 надела, 12 лет — 0,5 надела, 14 лет — 0,75 надела, мужчина с 20 до 55 лет мог получить до двух наделов, но с 55 лет — всего 0,5 надела, а после 60 лет крестьянин освобождался и от земли, и от подати. Очень редко, но бывало, что общины делили землю по едокам, то есть пропорционально составу семьи.

В других общинах для уменьшения числа полосок земли, приходящихся на один надел, тщательно определяли прибыль, которую может дать одному работнику земля того или иного качества. Пропорционально этой прибыли отмерялась длина шестов, которыми мерили землю разного сорта, то есть в одном наделе земля была похуже, но ее было больше,

а в другом получше, но меньше. Кому какой надел отдать, решал жребий, вообще в России он применялся практически в любом случае, когда надо было что-то делить.

Многие русские исследователи, жившие на селе в прошлом веке, предсказывали развитие общины в направлении коллективного хозяйства, но, конечно, не в такой бюрократизированной форме, как колхозы в их окончательном виде. Действительно, во многих общинах выделялись специальные поля, которые обрабатывались всем миром. Собранный урожай иногда делился, но чаще шел на уплату налогов, в помощь немощным, в общем на социальные цели. Иногда для этого у помещика арендовалось поле или вся усадьба.

Разумеется, никто в общине не мог продать свой надел, правда, он мог сдать его в аренду. Но община могла продать часть земли, она же могла и купить ее, пополнив свой земельный запас.

Покос также нередко проводился коллективно, хотя в те годы и луга могли разделить на полосы, чтобы каждый сам себе косил. Но некоторые общины разбивались на артели и делили луга по числу артелей и людей в них. Затем артель дружно косила весь луг, ставила и равняла стога по числу людей, а затем по жребию делила готовое сено.

Община обеспечивала каждому члену право на труд без всяких «если». Хотел человек работать, — община предоставляла ему для этого равные со всеми условия. Община была и органом социального обеспечения. Обычно немощные старики доживали свой век у детей, а дети-сироты выросли у близких родственников. Но случалось, когда и старики, и дети оставались одни. Чаще всего в этом случае они «шли по миру», то есть жили в каждой семье общины по очереди определенное время, скажем, неделю, а одевались на общинные деньги. (Кстати, хотя это звучит цинично, но до отмены рекрутских наборов особую ценность для общины представляли мальчики-сироты, за их здоровьем, здоровьем будущих солдат, особенно следили.)

Но были и другие способы. Старики могли получать еду и корм для скота, собранные «по миру», а могли просто жить в своей избе, и члены общины регулярно носили им гото-

вую пищу. И это не было подаянием: община обязана была содержать своих немощных членов, и тот, кто принимал помощь, не унижался, чтобы ее выпрашивать.

Община собирала больше денег, чем требовалось государству. Эти деньги шли на те же цели, которые и сейчас преследует государство, увеличивая налоги. Община запасала хлеб, строила школы и нанимала учителей, а если была сильна, то врачей или фельдшеров. Фактически крестьянин тратил на налоги больше, чем предусматривалось правительством, но эту разницу устанавливал он сам и тратил ее тоже сам. Центральное правительство получало деньги за то, что могло сделать только оно. Остальное оставалось в общине и в руки бюрократии не попадало. Это важно отметить, чтобы понять конечные цели борьбы бюрократии с общиной.

Во всех русских общинах существовала система взаимопомощи. Особенность ее состояла в том, что каждый, к кому обращались за помощью, оказывал ее, но не от душевной щедрости, а потому что обязан был помочь. Эта помощь (по-старому помочь) делилась на три категории.

В первом случае каждый, кого приглашали помочь, помогал, не рассчитывая на поощрение. Как правило, речь идет о тяжелых случаях, когда член общины бедствовал из-за обстоятельств неодолимой силы, скажем, наводнением снесен дом. Тогда те, кого он просил, или вся община шли строить дом, и никто не вправе был ничего за это требовать.

Во втором случае член общины звал на помощь, если затеял дело, которое стало ему не по силам: решил построить мельницу или запахал столько земли, что не в состоянии убрать урожай, или внезапно умер муж, а жена решила сама убрать урожай со своего надела и не отказываться от него. В этом случае каждый, кого звали, был обязан помочь, но хозяин должен был устроить ужин с выпивкой (отсюда и все наши бутылки во взаиморасчетах).

В третьем случае речь идет скорее не о помощи, а о найме в условиях, когда патриархальные отношения не позволяли отдать и принять деньги за работу. Скажем, кулак или помещик, приглашая на уборку урожая, обязан оговорить,

что будет в конце: ужин с выпивкой или еще и танцы. Кого это не устраивало, тот мог не идти.

Системой взаимопомощи крестьяне обманывали Бога. Дело в том, что в страду каждый день был дорог, а в воскресенье Бог запрещал работать, нужно было отдыхать. Но ведь запрещал-то он работать, а не помогать! Вот и помогали каждое воскресенье с июня по сентябрь, теряя сознание к вечеру от усталости.

Отметим разницу между русской крестьянской общиной и ее пародийной копией — колхозом.

Первое. Колхозы строились по марксистской догме, согласно которой крестьянин должен стать пролетарием — наемным рабочим: приходить на работу в 7 часов утра, добросовестно делать то, что ему приказало начальство, и, получив за это деньги, уходить, а дальше — хоть трава не расти. Эта догма сделала скотиной рабочего в промышленности и крестьянина в сельском хозяйстве. Марксизм базируется только на законах экономики, не учитывая, что людьми надо еще и управлять, то есть задавать им, работникам, определенное поведение.

Русская крестьянская община, будучи более коммунистической, чем мог мечтать сам Маркс, учитывала законы поведения людей. Крестьянин, работая в общине, на наделе принадлежавшей общине земли, получал за свой труд не зарплату от начальника, а конечный результат своего труда в полном объеме и натуральном виде.

Второе. Община была суверенной, и никто не вмешивался в ее дела. Колхоз — это предприятие, где властвует бюрократия, это предпоследняя победа бюрократии в сельском хозяйстве. (Последней победой станет развал колхозов.)

В остальном идеи общины и колхоза совпадают, да и не могут не совпадать, так как община шла к коллективному труду, а колхозы строились на общинных принципах.

Итак, подытожим изложенное, позволив себе повторить сказанное (повторение — мать учения).

Народ — это население страны и будущие поколения. Государство — это население, законодательная и исполнительная власти. Цель государства — защитить народ.

Государство защищает себя руками и жизнью населения. Команды населению по защите народа дает законодательная власть, организует население на эту защиту исполнительная власть.

Первоначально демократия в России строилась по следующей схеме. Царь — законодательная власть и глава исполнительной власти — брал на себя обязанность дать населению команды по защите народа и организовать население на исполнение этих команд только в тех случаях, когда оно само себе таких команд дать не могло: по защите народа от внешнего врага, уголовника (на всей территории России); по защите интеллекта народа — подготовка научных и инженерных кадров, проведение научных исследований; по экономической защите — создание государственной промышленности; по защите граждан России за рубежом. В остальных случаях население России, объединенное в общины, команды по своей защите давало себе само.

Можно оспаривать целесообразность отдельных элементов устройства России (крепостное право, монархия и т.д.). Но нет причин утверждать, что российская идея управления была порочной в отношении осуществления демократии (власти народа). Она была абсолютно верной. Мало провозгласить власть народа, нужно дать народу способы управлять.

Население (крестьяне) не вмешивалось в вопросы управления, если не могло их понять (управление армией, внешней политикой и т.д.), и не избирало из своей среды депутатов, чтобы те решали эти вопросы. А правительство не вмешивалось в те вопросы, в которых оно было некомпетентно: управление общинами, их экономические и социальные дела. При этом государственный аппарат был минимален, а значит, и расходы на него, и налоговое бремя на народ. Подавляющая масса военных и гражданских чиновников действительно отвечала за нужное народу Дело, и налоговые расходы на них были оправданы.

Но в России уже созревали две силы, для которых демократия в принципе неприемлема: буржуазия и аппаратная бюрократия.

Здесь автор правит марксизм, и хотя он сам не любит ничего сложного, тем не менее, считает, что Маркс сильно упростил вопрос борьбы в обществе. Считать, что мы имеем только два класса-антагониста: рабочих и капиталистов, недостаточно. Согласно марксистской теории, бюрократия — порождение буржуазных отношений и по пути движения к коммунизму она исчезнет. Но мы на примере истории СССР убедились, что это далеко не так. Дело в том, что эти две силы основываются на разных фундаментах: действия буржуазии подчиняются законам экономики, а действия бюрократии — законам управления. Объект грабежа у них один — народ, а способы разные: буржуазия отнимает у труженика часть труда в виде прибавочной стоимости, а бюрократия — в виде налога и взятки. Но дерут-то они шкуру с одного барана.

Они враги друг другу, конкуренты по объекту грабежа, но могут стать на время союзниками, чтобы сломить сопротивление тех, кого собираются грабить. Когда сопротивление сломлено и начинается сам грабёж, они снова становятся врагами и, как ни странно, могут стать союзниками народу (по принципу враг моего врага — мой друг), уничтожая с его помощью конкурента. В этом «классическом» треугольнике народ — буржуазия — бюрократия все ненавидят друг друга, но все стараются использовать друг друга в борьбе со своим врагом.

Возьмем современную историю. Ельцин — вождь бюрократии, во имя ее целей разваливший Советский Союз. При этом он обещал сытую жизнь буржуазии, и она выступила как его верный союзник, хотя по своей сути буржуазия интернациональна. Буржуазия деньгами и боевиками поддерживала Ельцина на баррикадах Белого дома и позволила его бюрократии разместиться в креслах чиновников бывших союзных ведомств. Но бюрократы очень быстро поняли, что налоги с народа и выплачиваемые из них оклады обеспечивают весьма скромную жизнь. Тогда они занялись поборами (взятки) с буржуазии. Та взвыла, буржуазные партии и объединения даже оказались в оппозиции к Ельцину. Однако как только Верховный Совет России начал подго-

тавливать вопрос об освобождении Ельцина от должности, буржуазия снова не раздумывая бросилась ему на помощь, покупая телевидение, демонстрантов, а затем и боевиков для расстрела Верховного Совета. Буржуазия и бюрократия ненавидят друг друга, но больше всего они ненавидят власть народа — демократию, понимая, что они и демократия несовместимы.

Вернемся к крестьянской общине, к миру. Крепнущая буржуазия и формирующаяся среди чиновников аппаратная бюрократия, не отвечающая непосредственно за защиту народа, начали боевые действия против русского мира, и это естественно.

Чем не устраивала община буржуазию? Буржуазии, чтобы собирать с народа свою долю прибавочной стоимости, нужно получить в собственность средства производства, а для крестьян это земля. Следовательно, буржуазии требовалось, чтобы земля общин поступила в продажу, но для этого нужно было уничтожить общины.

А чем буржуазия не устраивала крестьян? Ведь отбирал же у них прибавочную стоимость в виде податей царь, в виде оброка помещик! Почему же нельзя буржуазии? Царь брал деньги для защиты крестьян, и дворянин, по первоначальной идее, брал для этого же. А буржуа, кулак или капиталист брал деньги лично для себя и на защиту народа тратить их не собирался. Это грабеж в чистом виде.

С бюрократией вопрос обстоит сложнее. Дело в том, что она плодится, жиреет, грабя народ, эксплуатируя идеи о его якобы еще лучшей защите. Технически это делается так. Какие-нибудь чиновники, отчаявшиеся сделать быструю карьеру и не слишком обремененные обязанностями по действительной защите народа, вытаскивают идею о какой-либо его дополнительной защите. Например, в России бывает много пожаров, и убытки от них огромны. Мудраки активно доказывают, что такой вопрос нельзя оставить без государственного вмешательства, организуют кампанию и, расталкивая друг друга, спешат показать свою мудрость и знание жизни. Царь или правительство, не вникая в суть вопроса, в то же время искренне хотят предотвратить народ-

ные убытки. Поэтому они на деньги казны, деньги налогов нанимают чиновников и мудраков подготовить соответствующий документ, затем утверждают этот документ и опять за деньги народа нанимают новую бюрократию, чтобы она следила за исполнением правил, заложенных в документе. При этом никто не задумывается, что убытки от пожаров несет не казна, а люди, никто у этих людей не спрашивает, нужны ли им эти правила, эти чиновники и контролеры. У них забирают деньги и платят новому отряду аппаратной бюрократии, утверждая при этом, что все делается для их же блага.

Царю или другому законодателю необходимо выработать собственное понимание вопроса, чтобы не попасться на бюрократическую провокацию. Для этого надо понимать, что такое бюрократия. Но кто это понимал и понимает? Правда, далеко не все цари верили своей бюрократии, но ее коварству не могли ничего противопоставить.

Отвлечемся немного от вопросов, связанных с общиной, и посмотрим, как действовала бюрократия в недрах самого государственного аппарата. Легкость, с которой множится бюрократия, особенно характерна для контролирующих организаций, умеющих еще в момент создания завуалировать цель своей деятельности. Парадокс заключается в том, что их бессмысленность для Дела ясна, но начальник, использующий бюрократический механизм управления, не может жить без контроля.

Приведем пример. Николай I усмотрел различные недостатки в составе чиновников, их продвижении по службе. Кроме того, были очевидны различные злоупотребления, связанные с назначениями и перемещениями чиновников в необъятной России, присущие самому бюрократическому механизму. Строго говоря, царь должен был потребовать от министров конечных результатов их работы, не вмешиваясь в вопросы подбора кадров. Но он решил улучшить дело по-другому: приказал разработать правила подбора кадров и учредил контроль за точным выполнением этих правил. Для этого в 1846 году был создан Инспекторский департамент, по поводу которого Николай I писал: «Цель достиг-

нута: порядок, отчетность заменила беспечность и злоупотребления различного рода». Департамент быстро разросся и вскоре уже бодро рапортовал царю: «Четырехлетний опыт доказал, что высочайшая мысль принять в державную руку Вашу нить управления... принесла пользу во многих отношениях: а) все, что не имело общности, что исполнялось отдельно, пришло к возможному единству; б) Устав о службе гражданской получил должную силу...; в) поступление на службу, увольнение от оной, переход из одного ведомства в другое, производство в чине... совершаются ныне на положительных началах системы центрального управления в одинаковом общем порядке».

О том, насколько «эффективным» оказался общий порядок, департамент умалчивал: об убытках не рапортуют. Для честных людей служба резко осложнилась, а мерзавцам, как и прежде, было раздолье. Ведь департамент отвечал не за их отсутствие, а за правильность прохождения заполнения бумаг. Так, заполняя графу об источниках доходов, наглецы потешались: «Имение приобретено женою на подарки, полученные в молодости от графа Бенкендорфа». И ничего, проходило.

Немудрено, что после смерти Николая I жалобы потекли к его сыну. В 1857 году Александр II «соизволил повелеть предоставить всем министрам и главным управляющим сообразить, какими средствами можно было бы уменьшить и ограничить огромную переписку, возникшую с учреждением означенного департамента».

В то время еще не все виды деятельности в России были централизованы, и на фоне делократических управлений частных предприятий Инспекторский департамент выглядел особенно убого. Поэтому царь согласился с тем, что департамент не нужен, и он был упразднен. Но... бюрократический механизм остался. И сын Александра II решает возродить это ведомство. Министры всполошились, министр юстиции Н.В. Муравьев написал царю записку с просьбой задержать опубликование указа, на что царь ответил: «Если бы я желал получить отрицательный ответ, то, конечно, обратился бы к министрам». (Царь невольно показал, что он

своих ближайших помощников не считает за порядочных людей и верных слуг, без контроля со своей стороны их работы не представляет.) Итак, в 1894 г. департамент возник, как птица Феникс из пепла, под названием «Инспекторский отдел», все началось сначала, но в худшей форме. Даже близкие к царю люди писали: «У нас все делается как-то случайно, не соображаясь ни с чем... Вообще произвол министров был ничем не связан, но теперь впали в другую крайность... Выходит, что теперь за все назначения дураков или мошенников, за которые прежде отвечал министр или губернатор, будет нести ответственность царь!»

Стоны министров достигли ушей сына Александра III. Приведем цитату из записки, в которой сравнивалась работа Инспекторского департамента и Инспекторского отдела: «Но затруднения того времени, как бы они ни были велики, бледнеют перед теми затруднениями, кои возникают ныне по случаю учреждения Инспекторского отдела, и перед той перепиской, которая достигает уже до пределов физической невозможности». Нерешительный Николай II хотя и не ликвидировал, как дед, этот контролирующий орган, но все-таки вынужден был его существенно ограничить.

И заметьте, это бюрократическое гнездо формировалось на глазах у царя и действовало в Петербурге, несмотря на противодействие не простых людей, а министров! С простыми людьми, с крестьянами, бюрократия вообще не церемонилась, и это было одной из причин боязни крестьянина выйти не только из общины, но даже из крепостной зависимости.

Тесно связанный с крестьянами русский писатель Лесков описывает массу подобных примеров; некоторые из них я приведу в своем пересказе.

Уже после освобождения крестьян в деревню приезжает новый уездный начальник. Крестьяне собирают по двадцать копеек ему на «подарок». Он с негодованием отвергает эти деньги, заявляя, что он честный слуга государю и не будет брать с крестьян поборов, но... будет требовать от крестьян строгого исполнения всех законов и указов государя. После этого он идет с обходом по домам. Дело проис-

ходит зимой, печи топятся. Начальник открывает толстый том правил и читает, что для предотвращения пожаров лежанки печей должны накрываться пуховыми одеялами, ватными одеялами, войлоком... Солома не указана, а лежанка печи крестьянина укрыта соломой. Это нарушение закона, а закон предусматривает за это штраф 10 рублей. Начальник требует уплатить этот штраф. Крестьяне падают на колени, молят не разорять. Наконец начальник «смиловившись», положил в карман 3 рубля и пошел к следующему дому. Там уже знают об этом правиле, и солома с лежанки сметена. Но начальник не унывает. Он обнаруживает, что на чердаке нет бочки с водой на случай пожара, а в правилах сказано, что за это нарушение полагается штраф 50 рублей. Крестьяне пытаются объяснить ему, что на случай пожара в деревне создана пожарная дружина, и по тревоге из каждого двора прибегут дружинники с инструментами по расписанию: кто с топором, кто с багром, кто выкатит насос, кто бочку с водой. А бочка с водой на чердаке — это глупость. Ведь вода на чердаке замерзнет, какая польза будет от глыбы льда в замерзшей бочке при пожаре? Начальник соглашается с крестьянами, но что он может сделать: ведь не он писал эти правила. Крестьяне его упрашивают, и он, наконец, соглашается взять с каждого двора по 10 рублей и уехать. И крестьяне рады: какой добрый начальник попался.

Все очень просто: инструкция, написанная мудраками в Петербурге, плюс умелое применение ее бюрократами на местах, а в результате и те, и другие при деньгах, и те, и другие под видом защиты народа его ловко ограбили. Но для этого нужно было уничтожить общину, ведь в традиционной общине мир просто не дал бы себя проверять, поскольку от него требовалось только подати платить и рекрутов поставлять, а остальные дела общины никого не касались.

Мир, конечно, уважал начальство. Например, существовала традиция, по которой при посещении деревни начальником одного ранга ему жарили специальную яичницу и подносили стопку-другую водки, начальнику рангом выше полагалась курица. Но если община не считала себя виноватой перед государством (такой виной, например, могло

быть «мертвое тело человека, обнаруженное на территории общины»), то она и не унижалась перед государственными чиновниками, не позволяла им вмешиваться в свои дела.

Русская демократия (со своими свободолобием, независимостью, непризнанием частной собственности как средства грабежа других людей) мощным препятствием стояла на пути «шкурных» интересов буржуазии и бюрократии. И устояла бы, если бы в династии Романовых не проявились генные «капризы», а на престол не стали приходить мудрак за мудраком. В прошедших столетиях остались Петр Великий и даже Екатерина Великая, способные понять Дело самостоятельно, которым помощники были нужны только для участия в оценке обстановки и выработке решения, а не для подсказки решения в целом. Не стало царей, ясно представлявших суть своих указов и их эффективность при защите народа. Пришло время царей, за которых решения вырабатывали сначала министры, царей — «плешивых щеголей, врагов труда», а закончилась династия Романовых таким убожеством на престоле, которое не гнушалось слушать советы подлого маньяка Распутина. Цари предали мир,* предали Россию, и крестьянская община начала подвергаться одному удару объединенных сил буржуазии и бюрократии за другим. Началом открытых боевых действий можно считать, пожалуй, 1861 год, год реформ, год освобождения крестьян.

Мудраки до сих пор радуются этому освобождению, до сих пор ругают революционеров, убивших Александра II — царя-освободителя. А чему, собственно, радоваться? До 1861 года крестьяне обязаны были обработать поля помещика, которые, кстати, были меньше по площади, чем после 1861 года. После реформы они уже не обязаны были их обрабатывать. Так что же, эти поля остались необработанными? Нет, они, как и раньше, обрабатывались. Может быть, их обрабатывали негры или китайцы? Нет, все те же русские крестьяне. Тогда от чего их освободили? Разве они работали на помещичьих полях, потому что им было нечего делать? Может быть, они от работы на помещика так разбогатели, что стали жить, как баре?

Через три с лишним десятилетия после освобождения крестьян энциклопедия Брокгауза и Ефрона дает такие «радостные» цифры состояния русского народа, ошачливленного освобождением и «свободным» трудом на помещика. В 1896 году Россия вывезла за границу продукции сельского хозяйства на сумму 534 865 тысяч рублей. Эти деньги были отняты у крестьян владельцами земли и податью, отняты частной собственностью на землю, отняты бюрократией, поскольку лишнего хлеба у русских крестьян не было. Сельских жителей в России на это время было 109,8 миллиона, то есть в расчете на одного сельского жителя вывозилось продукции на 4 рубля 87 копеек. Средняя российская семья состояла из 6,6 человека, следовательно, на одну семью приходится сумма 32 рубля 14 копеек. При крепостном праве крестьянин на оброке должен был платить помещику не более 20 рублей. Если считать, что хлеб, проданный для уплаты податей, остался в России, то что крестьянин выиграл от освобождения? Раньше платил 20, а теперь 321 рубль. А как он «роскошествовал» в своей избе! В Московской губернии на один дом приходилось 8,4 человека. И 80% таких семей жили в домах 6—8 аршин и менее, то есть рубленных из бревен длиной от 4,2 до 5,6 метра. А здоровье было какое крепкое! Из 1000 родившихся мальчиков до 10 лет доживали 490, а из 1000 девочек — аж 530! В Англии и Швеции, куда Россия экспортировала хлеб, средняя продолжительность жизни мужчин была 45,25 года, а женщин 50,0 лет, в самой России мужчины в среднем жили 27,25 года, женщины 29,38 года.

Александр II освободил крестьян от помещиков и отдал в рабство владельцам земли. Но и бюрократия захотела получить свою долю. Она начала энергично вмешиваться в дела общины, стараясь подчинить все себе. Мы говорили, что общиной руководило собрание, сходка, но между сходками текущими делами управлял староста — исполнительная власть общины.

В первую очередь русская демократия была заменена западным парламентаризмом. Решение сходки стало считаться действительным не только при единогласном голосо-

нии, но и при наличии двух третей голосов. В мир ворвался кулак, покупающий голоса.

Далее бюрократия взялась за старост, стремясь их бюрократизировать, подчинить себе, а не миру. Старосты сопротивлялись, их подкупали серебряными медалями и именными кафтанами, со строптивыми поступали круто — только в год реформы и только в Самарской губернии было сослано в Сибирь почти 70 сельских старост, отказавшихся подчиняться волостным старшинам и сохранивших верность мирским приговорам.

И буржуазия, и бюрократия сняли намордники со своих мудраков и спустили их с поводков. Те, начитавшись книг западных ученых (написанных для условий Запада, причем для умных людей), со всем старанием стали хаять общину, русских крестьян и все, с этим связанное. (Нам это несложно представить, мы видели, что получилось, когда Горбачев спустил с цепи своих мудраков.) Одни, услышав, что в германской армии в рацион солдат вводится гороховая колбаса, стали требовать от крестьян сеять и есть горох (как тут не вспомнить Никиту Сергеевича с его кукурузой). Другие издевались над общинными наделами и прочностью традиций. Третьи обзывали крестьян пьяницами и лентяями. Кстати, о лени русского крестьянина. Те же Брокгауз и Ефрон сообщают, что самые «смертные» месяцы в России, то есть месяцы, когда смертность населения резко превышала среднегодовую, — июль и август, месяцы страды, самой тяжелой крестьянской работы. В это время надрывались и умирали на работе слабые. Зато следующие месяцы, сентябрь и октябрь, по смертности были самыми благополучными в году.

Те русские интеллигенты, кто знал и понимал народ, но не мог донести свои мысли до царя сквозь мудраческий словесный понос, отчаивались: «Знаете, шибко я боюсь вашей петербургской стряпни. Уж как вы, господа чиновники, да к тому же петербуржцы, да еще вдобавок ученые, приметесь законодательствовать, право, из этого может выйти чисто-начисто беда, да еще какая! Знаете, мороз по коже дерет и меня, и Хомякова от одних опасений. Много мы от вас боимся, но на деле вы будете страшнее и ужаснее.

Старайтесь сделать как можно неполно, недостаточно, дурно: право это будет лучше», — писал более ста лет назад А. И. Кошелев, но его слова подходят и к нашей сегодняшней жизни. Нисколько не поумнели мудраки.

В книге уже приведено немало примеров, когда мысль, казавшаяся правильной в столице, превращалась в шедевр глупости там, где она должна была внедриться в жизнь. Однако идея делократизма, к сожалению, понимается с трудом, а те, кто не пытаются анализировать, а предпочитают верить, как правило, не видят оснований верить в эту идею. Поэтому привести лишний пример — все равно, что добавить масла в кашу.

Лесков описывает такой случай. Он подсел попутчиком в телегу к мужику, едущему в волость, и разговорился с ним о его деле. Мужик рассказал, что мир собрал взятку и теперь он везет ее в волость начальству. Цель взятки — добиться, чтобы волость не отправляла в эту деревню коров голландской породы. Как бы этот эпизод оценил городской мудрак? Он слышал, что корова дает молоко, и знает, что крестьянские коровы дают молока мало, едва 700—1500 литров в год, причем слабой жирности, а голландская корова дает 5000—7000 литров в год. Одна голландская заменяет десять российских. Но ведь одну держать выгоднее, чем десять, и по трудозатратам, и по кормам. А тут крестьянам дают бесплатно голландских коров, царь потратился, на деньги казны купил, чтобы улучшить породность российского скота, а крестьяне деньги собирают и взятки дают, чтобы им этих коров не давали! Как это понимать?

Здесь нужно вспомнить, что Россия тех времен не знала минеральных удобрений, ее поля не знали и чилийской селитры. Советуя царю ввезти в Россию голландских коров, царские мудраки должны были задать себе вопрос: как в России столетиями растят хлеб, не удобряя поля? Мудраки не могли понять, что для крестьянина в корове самое ценное не молоко и не мясо (это все сопутствующие продукты), а навоз и только навоз, поскольку без навоза у него не будет хлеба. И Россия имела свою породу крупного рога-

того скота — навозную. «Система ценностей» скота была совершенно иная. Никто не кормил скотину зерном — это было глупо. В любой деревне главной ценностью была не пашня, а угодья — луга и выпасы. Именно по ним можно было определить, сколько скота способна содержать деревня. А количеством скота определялись пашни и площадь под зерновые. Считалось, что одна голова крупного скота (лошадь или корова) или десять голов мелкого (свиньи, овцы) дают минимальное количество навоза для выращивания хлеба на одной десятине. Нет навоза — не стоит и пахать. Навоз был главной ценностью, которую давал скот, а молоко, мясо, шерсть — это уже сопутствующее.

На заре российского государства Ярославом Мудрым был написан судебник. В нем определялся штраф за уничтожение чужого скота. По сумме штрафа можно определить, какое домашнее животное для крестьян было особо ценным. (Кстати, в те времена на крестьянском подворье жили и лебеди, и журавли в качестве домашней птицы.) Оказывается, самый большой штраф налагался не за уничтожение племенного жеребца или удойной коровы, а вола, поскольку он выполнял функции лошади и давал много навоза. Молоко для крестьян не имело большого значения, главным было зерно, хлеб. А вол и пахал, и удобрял поле. И теперь уже не покажется удивительным, что такой же штраф, как за вола (вдвое превышающий штраф за лошадь), брали за уничтожение... кота: то, что вол «вырастил», кот обязан был охранять от мышей.

Коровы русской породы отличались тем, что им годился любой корм: от болотной осоки до соломы с крыши избы затянувшейся зимой. Этим они были ценны, а не молоком. А что мужику делать с голландской коровой? Ведь ее нужно кормить клевером, нужно кормить зерном, которого мужику и для своей семьи не всегда хватало. Голландская корова на русских харчах сдохнет немедленно. А бюрократ обвинит мужика, что тот уморил царский подарок из-за лени, и накажет. Поэтому мужики и собрали взятку начальству, чтобы оно всучило царский подарок какой-нибудь другой деревне.

Это не очень сложно, и действия крестьян не вызывают сомнений в целесообразности, но сколько обвинений в тупости обрушили на их головы столичные мудраки, настроивая против крестьян чиновников, не слишком вникающих в суть дела, но увлекающихся и энергичных. Таких, например, как Петр Столыпин.

Именно Столыпин бросил в лицо революционерам известные слова: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!» Красивые слова, но, наверное, ни один революционер не сделал столько для великих потрясений, сколько сам Столыпин. И его потянуло мудрачествовать, его потянуло реформировать сельское хозяйство. Нахватавшись сведений о фермерских хозяйствах в США, о том, как у них идут дела, Столыпин решил реорганизовать крестьянскую общину России в общество единоличников-фермеров.

Городскому жителю, причастному к какой-либо экономической деятельности, мысль Столыпина должна казаться чрезвычайно привлекательной.

Ситуация в России была такова. Согласно данным словаря Брокгауза и Ефрона, в европейской части России площадь земли во владении средней деревни составляла 8,6 квадратных верст, жило в ней 167 душ обоего пола. При 6,6 человека на один дом в этой части России средняя деревня состояла из 25 дворов. Пашня в европейской части России занимала 26% земельной площади, остальное — Луга, леса, неудобные земли. Следовательно, на один двор в этой средней деревне приходилось около 9 десятин пашни, а всех земельных угодий 34,4 десятины (десятина примерно равна одному гектару). Площадь 8,6 квадратных верст можно представить как квадрат со стороной примерно 3 км. Но ведь чрезвычайно редко участок имел форму квадрата, а деревня находилась в центре его. Следовательно, можно допустить, что в средней российской деревне почти обязательно были поля, удаленные от усадеб на 3 км. На эти поля надо было ехать, чтобы вспахать, засеять, завезти навоз (примерно 40 тонн на десятину), вывезти снопы с поля. Все это связано с расходами, неудобствами, требует уйму рабочего времени (причем, если до поля было больше 2—3 км, крестьяне переставали

возить навоз: это было невыгодно, на таких полях сажали без удобрений и называли их запольными.)

Другое дело, если ферма, дом и подворье находятся прямо на том поле, которое надо обработать. Ведь 9 десятин — это квадратный участок со стороной 300 метров, следовательно, от порога дома до любой крайней точки не более 300 метров — в десять раз меньше, чем в деревне. Работа крестьянина по обработке поля облегчается, может быть, в 3—5 раз.

Кроме того, столичные мудраки, как и нынешние, упорно твердили, что крестьянин на земле, находящейся в его личной собственности, будет лучше работать, будет больше эту землю беречь и лелеять. Конечно, горожанин всегда найдет, что сказать крестьянину.

Несмотря на такие очевидные преимущества, процесс перековки русских крестьян в фермеры, даже с помощью энергичного Столыпина с его льготными кредитами и прочим, шел очень туго: с 1861 года по 1914, то есть за 53 года, из общин в хутора удалось переселить едва ли 14% крестьян. Ну как тут не утверждать городскому мудраку, что наши крестьяне чрезвычайно тупы и не понимают своей выгоды? Он, городской, понимает, а они, сельские, — нет.

Но давайте призовем на помощь фантазию и представим, что мы те самые крестьяне, которые выселились из деревни на свою личную ферму. Прежде всего, прикинем, а какое расстояние будет до нашего ближайшего соседа? На один двор, мы считали, в европейской России приходилось 34,4 десятины общих земельных угодий, это площадь квадратного участка со стороной почти 600 м. То есть, до соседей в среднем 600 метров. А это значит, что до них не докричишься, а идти к ним даже по хорошей дороге быстрым шагом придется 6—8 минут, и без крайней нужды даже летом в сухую погоду к соседу никто не пойдет. А зимой, весной, осенью? А пять месяцев сугробы по пояс и три месяца непролазная грязь! Переселиться на хутор — значит добровольно обречь себя на одиночную камеру в тобой же построенной тюрьме! Архангельские мужики говорили, что Столыпин потому не смог их выселить на хутора, что бабы воспротивились:

им там не с кем было бы сплетничать. Шутка шуткой, но это такая причина, которой и одной хватит, чтобы не выселяться из деревни.

А как же американцы? У американских фермеров несравненно легче работа из-за не сопоставимого с российским климата. Несравненно лучше дороги. У них оставалось свободное время, чтобы вечером проехать верхом 3—4 километра до салуна и там посидеть с приятелями пару часиков за виски и картами.

Но у русских это не принято, и не потому, что они не любят выпить, просто их рабочие дни были заполнены трудом до самого вечера. Даже на молодежных посиделках девчата и парни были заняты какой-нибудь монотонной, оставляющей свободной голову работой, а не игрой в карты.

В деревне, где дома стоят друг от друга в 20 метрах, хозяйка всегда найдет время забежать на часок к соседке и посудачить с ней, излить душу, послушать сплетни, одновременно не выпуская из поля зрения свой дом и двор, своих детей и свой скот. На хуторе это невозможно.

Но были и чисто экономические соображения. Дело в том, что самые тяжелые, напряженные сельскохозяйственные работы приходились на весну и июль—август. Зимой крестьяне стремились в отхожий промысел, чтобы к копейкам, заработанным на земле, добавить копейки, заработанные извозом или на фабриках. Если на хуторе жил только один мужчина, ему было сложно бросить хозяйство и уйти на промысел. Другое дело в деревне, там всегда оставались мужчины, которые могли завезти дрова, сено не только себе, но и соседям. В деревне, теряя в производительности труда из-за поездок к участкам и обратно, выигрывали, получая добавочные доходы от промыслов, да и в целом для России было выгоднее, чтобы ее жители работали круглый год. Возникали и другие проблемы: как посылать детей в школу за 5 — 6 километров, кто окажет помощь в случае несчастия и т.д.

Но главное, видимо, не в этом. У нас и сейчас, и в те времена мудраки проповедовали идею частной собственности на землю, не понимая, что для крестьянина земля сама

по себе, как товар, ценности не представляет. Ценность, товар — это урожай. А земля — один из инструментов, при помощи которого получают урожай. Доход крестьянина, его материальная заинтересованность заложены в урожае, а чья земля, личная или государственная, не важно. Как не важно для рабочего, кому принадлежит станок, на котором он точит болты — ему, капиталисту или государству. Если он получает за болт условно 10 рублей, его эта работа интересует, а если всего рубль, то какой толк с того, что станок его личный? Чтобы понять это мудракам типа Черниченко, надо самим поработать.

Образ мысли русского, русская идея состоит в следующем: лично тебе может принадлежать только то, что сделано твоими руками. Землю ты не делал, ее создал Бог. Поэтому идея личной собственности на землю для русских была крамольной. Да, за годы пропаганды образовался слой русских с западным мышлением, понявших, что хотя земля и Божье творенье, на ней можно неплохо нажиться, понявших, что в землю можно вкладывать не только свой труд, но и деньги. Такие русские были, но Гражданская война 1918—1920 годов показала, что их было меньшинство.

Из недр русской крестьянской общины выходила и развивалась демократия высшей пробы, настоящая демократия. Но бюрократия с буржуазией при царе и одна победившая бюрократия при коммунистах основательно подрезали ей крылья.

Демократия

В XII—XIV веках оказавшаяся на грани уничтожения Россия пришла к совершенно особенной форме общественной защиты своего государства. На Руси под ударами Орды произошел естественный отбор: те, кто не погиб, кого не угнали в рабство, обрели особое свободолюбие, причем не теоретическое, не декларативное, а практическое, воспитанное многими веками непрерывных войн и борьбы за свободу. Ненависть к любому угнетению, к любой форме паразитирования у россиян в крови.

Особенность этого государства — абсолютно единовластный царь, который мог в России все. Единовластие давало царю уникальную свободу служить только своему народу. Не зависимый ни от кого, он никому, кроме своего народа, не должен был служить: ни членам политических партий, избравшим его, ни мафии, давшей деньги на избрание. Царь мог все, но делал по защите народа только то, что без него народ сделать не мог. Остальное делал сам народ, объединенный в общины.

Русская идея демократии состоит в следующем:

верховная власть ни от кого персонально в стране не зависит, никто не имеет права воздействовать на нее с целью получения собственных выгод;

верховная власть занимается только тем, с чем мир справиться не может, и в дела мира не вмешивается;

лично человеку принадлежит только то, что он сделал сам, заслужил у верховной власти или купил на честно заработанные деньги, все остальное принадлежит обществу;

вести между собой расчеты за труд деньгами — это не по-русски, каждый обязан помогать друг другу, в единой семье деньги не нужны;

каждый человек — личность и имеет право на то, чтобы его голос и его мнение выслушали и приняли во внимание.

Существуют ли надежные данные, которые подтвердили бы эту особенность русской демократии? Да, и много.

Как ни в одной другой стране, все сословия на Руси были по отношению к царю одинаково бесправны, а следовательно, находились в равном положении. Бесправие заключалось в отсутствии каких-либо прав уклониться от службы России. Все обязаны были служить: дворянин копьем, крестьянин сохой, купец мошной. На отношение к себе со стороны царя все сословия имели одинаковые права: он обязан был всех защитить одинаково.

Сотни лет подряд по соседству с Россией безумствовали мудраки, носясь с парламентаризмом различных окрасок — от турецкого до шведского. Русские, окружив царя плотным

кольцом, наблюдали соседнее мудрачество с презрением, а друг за другом с подозрением: не пробует ли кто-то подчинить царя своим интересам.

Как ни в одной другой стране, крестьянская община в России имела исключительные властные права и свободы.

Как ни один народ в мире, русские отличались полным отрицанием частной собственности на землю, презрительным отношением к жадности, бескорыстием в служении России. В Смутное время купец Минин призвал купцов имущество продать, жен и детей заложить, но Россию освободить. Перед наступающим Наполеоном смоленские купцы сами подожгли свои лавки и склады с товарами.

Как ни в одной другой стране, в России помощь ближнему считалась обычной, не требующей благодарности обязанностью.

Как ни в одной другой стране, в России на мирских сходках требовалось единогласие при принятии решений.

Русский (россиянин) был хозяин в своей стране, он имел власть, и, следовательно, в стране была демократия.

Своей властью русский народ требовал себе право на неприкосновенность своей жизни и своей свободы, и цари (его рабы) старались, делали все, чтобы отбить набеги, не дать попасть в полон к татарину, погибнуть от сабли поляка или меча ливонца. Но одежда прав шьется на подкладке обязанностей, как гласит восточная мудрость. И русский народ считал своей обязанностью и дворянина содержать, и подать платить, и своей кровью свободу и жизнь оплачивать.

Русский имел не просто свободу слова, не просто свободу говорить в пустоту, его свобода была сопряжена с обязанностью остальных его слушать и стараться понять. Где и в какой стране была и есть сейчас конституция, которая бы гарантировала такую свободу?

Русский уже тогда имел права, которые и сейчас не все имеют. Он имел право на жилище, и общество (община) ему это право обеспечивало. Он имел право на труд, и общество предоставляло ему землю на равных с другими условиях. Он имел право на обеспеченную старость. Он имел все,

что могло обеспечить ему тогдашнее развитие производительных сил государства.

Ни один народ не имел такого набора прав, как русский, ни один народ не имел органов управления, которые были обязаны обеспечить ему такой объем прав, и все это было демократией особого, высшего порядка — русской демократией.

Но никогда не могла обеспечить русская демократия право народа иметь умную интеллигенцию. Сколько бы народ свою интеллигенцию ни кормил, а она, как волк в лес, все на Запад смотрела.

Термин «русская демократия» мы уже использовали, и я считаю, что этот термин имеет полное право на самостоятельную жизнь.

С развитием производительных сил, ростом производительности труда Россия становилась богаче, что дало экономические предпосылки для совершенствования демократии. Становилось ясно, что у умного отца может быть сын-дурак, что в наследственности монархии есть дефект. Надо было совершенствовать русскую демократию и в этой области, причем нам самим, не оглядываясь на Запад. Но мудраки всех опередили: начался долгий период уничтожения русской демократии бюрократией и буржуазией, который закончился в октябре 1917 года. От этой даты Россия совершила рывок к... К чему? Как назвать то, в чем очутилась Россия начиная с 1989 года?

Две тысячи лет назад человечество суммировало те моральные правила, которые позволяют людям жить вместе и достойно людей. Они вошли в христианство, позже в мусульманство, присутствуют и в других религиях. Без исповедования этих моральных норм люди нигде не считаются людьми. Вспомним эти нормы: самоотверженное служение людям, лишения и смерть ради них — подвиг; пренебрежение к богатству; запрещение воровать; запрещение убивать; отношение к представителям всех национальностей, как к братьям; презрение к предателям.

Пришедшие к власти в апреле 1989 года люди открыто объявили свои правила: обогащайся любым путем, если

он преступный, мы закроем глаза; предательство допустимо, если оно выгодно; патриотизм — признак подлеца; каждая национальность должна иметь преимущества перед остальными.

В СССР были люди, которых совесть обязывала служить людям больше остальных, — коммунисты. Партия коммунистов была запрещена и ошельмована людьми, пришедшими к власти. Причем люди, пришедшие к власти, всю свою жизнь паразитировали, получая деньги именно от коммунистов.

Приход к власти этих людей ознаменовался: потерей права на труд вследствие разрушения экономики; потерей права на жилье из-за резкого сокращения объемов строительства жилья для народа; потерей или ущемлением права на медицинское обслуживание из-за частичного превращения его в платное; потерей права на обеспеченную старость вследствие обесценивания сбережений; потерей свободы слова после почти полного подкупа средств информации бюрократией и новой буржуазией; потерей или ущемлением права на высшее образование из-за превращения его в платное и размещения вузов в разных государствах; потерей свободы передвижения из-за разделения страны границами и резкого скачка цен на билеты.

Такого удара изнутри Россия никогда не получала. Как назвать этих людей и эту власть за одну только утрату общечеловеческих моральных ориентиров? Дикарями? Но дикари и не знали правил человеческой морали, а эти знали отлично и пошли на их нарушение из соображений личной выгоды. Самое мягкое из определений этим людям — дерьмо. И власть их — дерьмократия.

Правда, я должен оговориться, что этот термин — не мое изобретение: с приходом этих людей к власти народ стал применять к ним это слово инстинктивно, не догадываясь, что случайно достаточно точно охарактеризовал явление в целом. Да, «дерьмократия» звучит еще менее благозвучно, чем «мудрак». Но что же поделать, явление ведь еще более мерзопакостно, чем само слово.

ДЕЛОКРАТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

(окончание)

Народ

В составляющей государство троице «Народ — Законодатель — Исполнитель» Народ (будем писать и это слово с большой буквы) занимает двойственное положение: он и хозяин, и раб. Кроме того, Народ — это основа власти, называемой демократической. Уточним, что мы подразумеваем, говоря «Народ».

Под Народом будем иметь в виду людей данной страны без учета факторов времени: это все те, кто живет сейчас, и те, кто будет жить после нас. То есть люди сейчас живут ради того, чтобы жили последующие поколения. Для нас, людей, принцип «после нас хоть потоп» совершенно не пригоден, ведь даже животные в некоторых случаях жертвуют собой ради своего потомства. И слово «демократия» человек должен понимать именно так. Люди, использующие это слово, но считающие Народом только себя, должны задуматься над вопросом: что отличает их от животных? Да, животные в случае опасности для себя бросают своих детенышей, хотя, например, волки, по заметкам охотников, долго преследуют уносящих волчат людей в надежде вернуть их. Но у животных есть альтернатива: погибнуть вместе с детенышами либо дать погибнуть этим детенышам и вывести новое потомство. У людей такой альтернативы нет. Поэтому приемлемо только такое толкование: Народ — это мы и наши следующие поколения.

Из этого вытекает следующее. Народ — это очень мощная инстанция в историческом плане, но совершенно беспомощная сегодня, поскольку его никогда нет в полном составе. Народ непосредственно не может никого заставить себе служить, не может лично осуществить демократию, поэтому демократия только там, где люди сами служат Народу.

Строя систему управления демократического государства, понимать это очень важно, так как такое положение означа-

ет, что Законодателя нельзя немедленно, прямо подчинить Народу. Эту проблему мы решим позднее, но важно отметить, что между представителем Народа — Законодателем и Народом есть еще один представитель Народа — Избиратель. А зачастую избиратели считают Народом именно себя, заставляют служить государство именно себе. Громогласно требуя демократии, они первая инстанция, которая демократию губит.

Подчинить Народу Исполнителя несложно, некоторую трудность представит подчинить Народу Законодателя, но сложно подчинить интересам Народа избирателей. Этот вопрос можно решить только с помощью властвующей в обществе морали, нравственных норм, то есть подчинение избирателей Народу — задача воспитания.

Воспитание человека прямо связано с вопросами управления им; сложность воспитания взрослого человека усугубляется отсутствием обратной связи с ним: по внешнему виду и словам сложно понять, порядочный перед вами человек или подлец, нельзя с уверенностью сказать, как поведет он себя в той или иной обстановке. Время, когда с наилучшими результатами можно воспитать человека, — раннее детство. Поэтому пусть читатель не удивляется, когда дойдет до раздела, где будут рассматриваться вопросы воспитания детей.

А сейчас просто запомним, что Народ — это мы и будущие поколения, что командовать Законодателем будет только живущая ныне дееспособная часть Народа — избиратели, что команды Законодателя будут исполняться живущей ныне частью Народа — населением.

Законодатель

Рассмотрим, каким будет наш Законодатель — тот, с кем Народ заключит договор, кому он даст приказ организовать свою защиту.

Законодателем может быть либо один человек — монарх или диктатор (редко таких несколько — хунта), либо избран-

ная группа людей — законодательное собрание, парламент и прочее. Нам надо выбрать для себя что-то одно.

Наибольшим доверием у людей пользуется монарх, и это объясняется многими причинами. Он один во всех лицах, как правило, он и Законодатель, и Исполнитель, он тот, к кому можно обратиться по любому вопросу. Он профессионал, так как с малых лет готовится и его готовят стать монархом, а к профессионалу всегда больше доверия. Монарх никем не избирается, его должность передается по наследству, то есть монархия самовосстанавливается. Поэтому монарх никому ничего и не должен: он независим, никому не даст преимуществ и этим не нарушит справедливость в обществе. Так как он не избирается, он неподкупен, а следовательно, он самый справедливый судья. То, что он не избирается, освобождает его от службы избирателям и он может служить только Народу. И он, как правило, действительно служит народу, поскольку престол от него перейдет его детям, а он, естественно, как и мы, стремится оставить своим детям богатую и счастливую страну, а именно это нужно Народу от государства. Это настолько убедительные преимущества монархии, что идея самодержавной власти не умирает в желаниях народа, и не только в слаборазвитых странах, хотя и дискутируется уже несколько столетий. Достаточно недавно во Франции опрос общественного мнения показал, что чуть ли не каждый пятый француз вместо своего парламента (говорильни) предпочел бы иметь короля. Аналогичный опрос в других странах Европы дал такие результаты: наибольшее доверие из всех институтов государства у европейцев вызывают полиция и пожарные, а наименьшее — парламент, причем, к старейшему парламенту, английскому, у англичан практически нет никакого доверия.

Но идеального в жизни не бывает, есть недостатки и у монархии и, к сожалению, неисправимые.

Чрезвычайно возросший объем проблем в государстве с тех времен, когда появились первые монархи, становится не под силу среднему человеку. Действительно, первоначально перед монархом стояла одна-единственная зада-

ча — защитить свой народ от таких же, как он, королей. Задача не сложная, и в этом плане интересно вспомнить Рюриковичей — основателей монархии в России.

По летописным версиям, в 862 году русские призвали скандинавского князя Рюрика на русский престол, и тот пришел со своей дружиной викингов — сухопутно-морских разбойников. (Эта версия была взята Гитлером в подтверждение мысли о том, что русских будет легко удержать в подчинении, поскольку ими всегда руководили немцы.) Но эта версия мало устраивала некоторых русских патриотов, особенно после Второй мировой войны, вследствие чего была выдвинута официальная версия, например в Исторической энциклопедии: Рюрик сам захватил княжеский престол в Новгороде. Чивилихин же утверждал, что, хотя русские и добровольно пригласили Рюрика, но он не скандинав, а поляк, к тому же зять последнего русского князя Гостомысла; тоже некоторый бальзам на душу русского патриота: все же не немец, а поляк, славянин.

Но по моему мнению, дело здесь гораздо проще. Русские подвергались набегам со стороны соседних банд и не только варягов, но и хазар, и печенегов, и прочих, и прочих. С целью защиты от внешнего врага было весьма разумно нанять к себе на службу самую сильную банду. А сильнее викингов в то время, пожалуй, никого не было: они грабили нещадно всю Европу. И долгое время род Рюрика, хотя и занял русский престол, нрава и привычек не изменил: продолжал грабить, как и раньше, кого мог. Сын Рюрика Игорь, киевский князь, грабил всех, не только ближних хазар и древлян, но и совершал дальние походы: на востоке он дошел до Баку, а на юго-западе — до Византии. В конце концов, его убили древляне, которых он обложил двойной данью. Сын Игоря Святослав вообще Русью не интересуется, переложив вопросы правления на свою мать, княгиню Ольгу. Он же увлеченно воюет то на востоке, где он окончательно разгромил Хазарский каганат, то на Западе, в Болгарии, где самозабвенно дерется с Византией. И все это он успел, не дожив до 28 лет, когда его постигла естественная для профессионала смерть: в 972 году его убили в бою печенеги.

Ясно, что при таких князьях русским было спокойнее: их соседи-разбойники уже и не помышляли о грабеже России, а сами пытались защититься от русского князя и его варягов.

Предоставляя гражданам государства защиту только от внешнего врага (организуя их на это), монархи не были обременены напряженной умственной работой по оценке жизни своих подданных во всем ее многообразии. В данном случае особого ума от королей и не требовалось, что отражалось и на их прозвищах. Их чаще называли Храбрый, Грозный или, на худой конец, Окаянный, нежели Мудрый.

Но жизнь усложнялась и ставила задачу организовать защиту граждан страны по многим поводам. Для этого нужно было принимать законы, что требует восприятия огромных объемов информации, чтобы оценить, насколько возможно исполнение их в странах, население которых составляет десятки и сотни миллионов человек с разными свойствами национальных характеров, с разными обычаями и устоявшимися представлениями о жизни. Возможно, что законы, которые защитят граждан в одном регионе страны, в другом будут восприняты как бесцельное ограничение свободы и нарушение прав. Возникает вопрос, на который трудно ответить: может ли быть вообще человек с интеллектом, способным переварить столько информации.

Второе свойство монархии, которое компрометирует идею монарха как Законодателя, состоит в том, что положительные свойства монархии, ее независимость основываются на престолонаследии. А известно, что «на детях гениев природа отдыхает», и здесь наука управления людьми бессильна. Здесь ничего нельзя сделать. Дурак у власти перечеркивает все достоинства монархии.

Мы уже писали о генных причудах российского императорского дома. Если в XVIII веке еще есть монархи, которые пытаются достичь каких-то нужных для защиты народа целей — Петр I и Екатерина II, монархи, понимающие, зачем они нужны России, — Анна и Елизавета (правда, есть и откровенные мудраки Петр III и Павел I), то в XIX веке во главе России стоят в основном монархи безусловно серые.

В русской истории более всего поражает то, что в XIX веке цари продолжали больше всего издеваться над наиболее преданной лично себе частью населения — крестьянством. Ведь крестьяне не бунтовали и не поднимали руку на царя, чем, кстати, пользовались главари бунтовщиков, выдавая себя за царя. На жизнь царей посягали дворяне: Петра III убили дворяне, Павла I — дворяне, дворяне вывели солдат-крестьян в декабре 1825 года на Сенатскую площадь под картечь, на смерть за Константина и Конституцию и против царя Николая I, выдумав, что Конституция — жена императора Константина, брата умершего императора Александра I. (Константин по закону должен был наследовать престол Александра I, но отказался в пользу младшего брата Николая.)

Во второй половине прошлого века революционеры пытались настроить «освобожденных» крестьян против самодержавия. Когда такой агитатор критиковал местное начальство, крестьяне охотно поддакивали, когда он критиковал министров, они соглашались, но как только критика касалась лично царя, тут же вязали агитатора и везли в полицию. Узнав об этом, один отчаявшийся революционер-жулик сфабриковал царский манифест, в котором царь якобы просил у крестьян защиты от лишивших его свободы чиновников. Этот манифест стал причиной кровавого бунта в районе распространения, который удалось подавить с трудом.

На народную любовь династия Романовых ответила полным безразличием к крестьянским нуждам, мало того, она по советам своих мудраков и интеллигенции проводила над крестьянами различные эксперименты. Лучше бы Николай II, который никогда не интересовался крестьянами, вообще забыл о них, дал им возможность выжить в своих общинах, но он предоставил Столыпину право эксперимента, право издеваться и над общинами.

Поэтому не стоит удивляться, что свержение Николая II было встречено крестьянами и служивыми дворянами с полнейшим равнодушием, даже белые не рискнули в гражданской войне взять идею монархии на вооружение — вот до чего Николай II довел Россию.

Таким образом, можно сделать вывод, что монархии присущи несколько очень нужных для Народа, для демократии черт, которые необходимы (как мы увидим позже) Исполнителю (ведь монарх не только Законодатель, но и Исполнитель в одном лице). Но в роли Законодателя монарх неприемлем, и нет способа усовершенствовать монархию в этом вопросе.

Диктаторы и хунты — это пародия на монархию. Имея все недостатки монархии, они не имеют ее достоинств — независимости: они всегда зависимы от тех, кто привел их к власти, и всегда служат не Народу, а тем, кто им дал власть. Конечно, и здесь могут быть положительные примеры, но нельзя превращать демократию в лотерею.

Следовательно, роль Законодателя может выполнить только парламент — временное собрание чванливых, болтливых, безответственных и жуликоватых «народных избранников». Как человеческий материал парламентарий — это, конечно, невелика находка, но ведь и в армию попадают не только люди высшей пробы, тем не менее офицеры справляются с управлением ими и в Делах посложнее, чем наше. Справимся и мы с парламентариями, используя законы поведения людей.

Прежде всего, решим вопрос о количестве инстанций, прямо подчиненных Народу. Нельзя допустить, чтобы нас, Народ, обманули, а сделать это очень просто.

Кто должен непосредственно решать Дело организации Народа на свою защиту: Народ или Законодатель? Поскольку Народ на это не способен (как мы уже говорили) и в силу своей некомпетентности, и вследствие неполного его состава, это дело Законодателя. То есть мы, Народ, не должны даже пытаться разделить это Дело между исполнителями. Если сделать хоть малейшее движение в эту сторону. Законодатель немедленно снимет ответственность с себя за результаты Дела. Ведь разделение Дела обязательно включает выбор его исполнителей.

Поясним это на конкретном примере, чтобы ясно представить, где нас, Народ, могут обмануть. Представьте, что вы решили построить себе дом и выбрали человека, кото-

рый берется это организовать — прораба. Заключив с ним договор, вы по этому договору обеспечите его деньгами и утвердите проект дома. Но не более того! Нельзя хоть как-то вмешиваться в дела прораба. Почему? Если прораб безответствен, то он ласково и ненавязчиво может подольститься к вам (какой вы умный!) и предложить лично подобрать и каменщика, и штукатура, и плотника, и остальных. Если вы согласитесь с этим предложением, то в итоге получится следующее. Вы заплатите прорабу деньги сполна, а когда будете принимать готовый дом, вдруг выяснится, что стены кривые, в окнах щели, через крышу видны звезды, полы горбом, двери не закрываются. На ваши претензии прораб с удивлением спросит: а при чем здесь он? Он прораб замечательный, и все сделал очень хорошо. Но ведь каменщика и плотника выбрали вы сами, а это каменщик положил стены. И хотя прораб ему делал замечания, но каменщик его не слушал. А каменщик укажет на прораба, который дал ему такой кирпич, что стены лучше и сделать было нельзя, кроме того, прораб ведь не заставил его стены разобрать и переложить. И они начнут кивать друг на друга, а вы, ничего не понимая ни в кирпиче, ни в лесе, ни в технологии строительства, будете молча слушать перебранку специалистов, находясь в роли человека, которого обобрали до нитки и ничего не дали взамен.

Вы поступите единственно разумным способом, если на обольстительные речи прораба ответите, что в технологии строительства не разбираетесь (что несколько не унизит вас) и поэтому будете иметь дела только с самим прорабом, а ему, специалисту, придется отвечать за малейшие недочеты по дому. Если он вам скажет, что, дескать, каменщик плохой, вы ему сможете ответить, что вы с каменщиком не знакомы и деньги платили не ему, а прорабу, и если каменщик был плох, то прораб не должен был ставить его на кладку стен. Прораб не сможет уйти от ответственности, и он будет это понимать еще до того, как возьмет деньги и начнет строительство. Прораб-неспециалист сразу откажется от строительства дома: он побоится рисковать, зато толковый построит дом в лучшем виде.

Законы поведения людей едины, и от людей не зависят. И при строительстве государства надо поступать так же, как и при строительстве дома.

У Народа должен быть только один подчиненный — Законодатель. И как бы «умники» ни твердили, что нужно еще избрать и президента, и верховный суд, и черта-дьявола, надо помнить: только один подчиненный, и только с него спрос. Кто еще нужен Законодателю, он должен определить сам. И сам за него отвечать перед Народом. Нельзя давать власти выскользнуть из ваших рук, рук Народа. Не будьте глупым пескарем, не соблазняйте поганым червячком прямых выборов президента, это наживка на крючке безответственности всех тех, кто живет на ваши деньги, деньги Народа.

Теперь скажем несколько слов о народных представителях. Что значит, что они нас представляют? Как мы убедились, сами они полагают, что их обязанность, — это от имени своих избирателей заявлять свои претензии в парламенте. А кому от этого заявления стало лучше, не их дело, они считают, что свой долг перед Народом исполнили. Но Дело Законодателя — организовать нас на собственную защиту. Наша защита — Дело народного избранника, а будет он говорить речи при этом или нет, не имеет значения. Мы должны изменить свой взгляд на парламент. Парламент — это не место для разговоров, это рабочее место людей, чья цель — организация Народа.

Как мы сейчас формируем парламент? Выбираем одного человека от 100 000 избирателей, или одного от миллиона, или одного от области и так далее. Для говорильни такой принцип комплектования парламента годится, а для того, чтобы делать наше Дело,— нет.

Приведем такой пример. Предположим, что в городе организуется система перевозки жителей общественным транспортом и необходимо определить количество водителей автобусов. Мы, конечно, не будем комплектовать штат водителей по принципу один от тысячи жителей. Мы посчитаем, что если в день нужно перевезти 100 000 пассажиров, а один автобус перевозит 2000 пассажиров, то необхо-

димо 50 автобусов; на каждый автобус требуется два водителя, то есть на весь автобусный парк 100 водителей; кроме того, надо учесть, что пятая часть водителей будет находиться в отпусках, болеть и отсутствовать по прочим причинам, следовательно, всего нужно 120 водителей.

Таким же образом нам нужно подходить и к комплектованию парламента. Предположим, что в конституции записано десять видов коллективной защиты Народа. Все без исключения депутаты должны знать все о каждом виде защиты (мы должны позаботиться о том, чтобы они это знали). Но если они будут обсуждать организацию защиты сообща и с нуля, это займет очень много времени. Поэтому нужно разделить труд между ними: выделить комитеты, комиссии, которые детально разберутся в своем вопросе и представят его собранию депутатов со всеми объяснениями и подробностями. Эти комитеты будут предварительно обсуждать способ организации защиты, а потом следить за его осуществлением, чтобы вовремя подправить возможные недоработки или оплошности. Опыт подсказывает, что в таких комитетах должно работать не более 5 человек, остальные будут балластом. Хотя численность комитета не наше дело, а дело самих депутатов, но предположим, что и они пришли к такому же решению. Тогда на десять видов защиты потребуется десять комитетов, а всего 50 депутатов. Кроме того, нужны депутаты для руководящего органа парламента, на случай особых вопросов и поручений, допустим, еще 20 человек. То есть в парламент нужно выбрать 70 депутатов. Разделив число избирателей страны на 70, получим численность избирателей в округе. Впрочем, со временем парламент сможет изменить свою численность, но это не тот вопрос, который должны решать избиратели со всей настойчивостью. Главное, следует понимать, что депутаты парламента должны исполнять определенное Дело и их должно быть столько, сколько нужно для его исполнения, и только.

Мы обсудили вопросы, сопутствующие деятельности Законодателя, далее необходимо рассмотреть, как ее делократизировать. Но это удобнее сделать несколько позже, после

рассмотрения деятельности других учреждений государства. А сейчас нужно запомнить, что у Народа должен быть только один непосредственный подчиненный — Законодатель, функции которого исполняют избранные Народом на определенный срок представители в количестве, достаточном для Дела организации самозащиты Народа.

Исполнитель

А сейчас, читатель, мысленно займем кресла депутатов собрания Законодателя и с этой позиции оценим своих подчиненных. Функции двоих подчиненных — населения и Исполнителя — понятны; пока неясна деятельность суда, но этот вопрос мы рассмотрим позже.

Если представить страну в виде пассажирского самолета, то исполнительная власть — это экипаж, командир корабля — ее глава. Представим, что в начале рейса пассажирам объявили, что командир вчера окончил летное училище и сегодня — его первый рейс. Вряд ли пассажиры обрадуются этому известию. Наверное, половина немедленно сойдет с самолета, не дожидаясь взлета. Или, к примеру, во время полета вдруг объявят, что проводятся свободные выборы на должность командира корабля и главный претендент — стюардесса, красивая, обаятельная девушка. Я думаю, что пассажиров не растрогают ее улыбка и обещание в случае успеха на выборах подарить каждому бутылку шампанского.

Есть моменты, когда каждый из нас понимает, хватает ума понять, что в определенных случаях высшей формой демократии является диктатура профессионала. Но когда дело касается управления государством, что-то с нами происходит и мы на государственные должности предлагаем людей, руководствуясь совершенно дурацкими соображениями. Например, хотелось бы узнать, чем руководствовалось население России, когда избирало на пост президента интригана Ельцина, который к тому моменту имел опыт только руководителя области, и не избрало Рыжкова, руководившего в течение десяти лет до этого Советским Союзом? Наверное, нам, русским, обещанного Ельциным куска колба-

сы хватило, чтобы заменить им собственные мозги. Но ведь то же самое и на Западе: кажется, Бушу Конгресс не позволил назначить министром обороны или председателем комитета начальников штабов нужного человека только потому, что, по сведениям журналистов, у претендента когда-то была любовница. Представьте, что в полете мы решили выбрать командира из тех членов экипажа и пассажиров, у которых нет любовниц. Это абсурдно, а министра обороны, оказывается, можно подбирать по этому критерию.

Читатели, наверное, со мной согласятся, что профессионализм — это главный признак, которым следует руководствоваться при подборе исполнительной власти, поэтому-то следует достичь понимания и в вопросе об источниках профессионализма.

Профессионализм имеет две составляющие: способности человека и опыт, приобретенный на данной работе. Говоря проще, это ум, трудолюбие, упорство и мужество, с одной стороны, и время нахождения в должности или опыт данной работы — с другой. Что касается занятия должностей в системе управления, то общепринятый механизм имеет и достоинства, и недостатки. Человек движется снизу вверх, переходя с маленьких должностей на более ответственные. Достоинство этого механизма в том, что есть время присмотреться к способностям кандидата. Но чем он способнее, тем быстрее его продвижение. (Разумеется, мы имеем в виду делократические схемы управления или хотя бы минимально бюрократизированные.) Но в этом и недостаток: нет времени освоить работу по-настоящему и дать максимальный эффект. Хорошо, если к достаточно высокой должности человек подойдет еще молодым, и у него останется время для ее освоения и полной отдачи.

В ряде случаев несовершенство этого механизма мы понимаем и без труда находим решение. Например, летчика, командира корабля, не заставляют работать сначала стюардом, потом механиком и так далее, пока его не заметят и не назначат командиром. Его сразу учат летать, учат, не жалея денег. После училища он занимает кресло второго пилота и рядом с опытным шефом по-прежнему учится толь-

ко летать, год от года выполняя все более сложные операции по управлению самолетом, но все еще под наблюдением. И только тогда, когда убеждаются, что он способен самостоятельно исполнить эту ответственную работу, ему дают штурвал и он начинает по-настоящему совершенствоваться в ее исполнении, приобретая летный опыт с каждым годом самостоятельных полетов. Но если мы готовим таким образом десятки тысяч профессионалов, то почему нельзя подготовить так же главу исполнительной власти? Вспомним, монарха готовят именно так! И хотя человеческий материал здесь может быть любой, в том числе, и недостойный своего поста, но подготовка его проводится правильно.

Так, если командиром экипажа самолета является профессионал, то профессионал должен быть и во главе страны. Эта мысль должна, казалось бы, отпугнуть от исполнительной власти всех, кто не имеет отношения к власти, к управлению. Но мы видим противоположное явление. Люди, не имеющие ни малейшего опыта организации чего-либо, анализа работы государственных учреждений, не руководившие никогда даже бригадой, становятся министрами, используя для достижения желанных должностей самые подлые приемы. Так, чтобы занять должность президента Литвы, музыканту Ландсбергису пришлось в свое время перенять приемы и идеологию немецких нацистов, но ведь у него не было опыта Гитлера, который к моменту занятия поста рейхсканцлера уже 15 лет руководил мощнейшим движением, которое он же и организовал.

В обществе есть специалисты, которые в силу специфики своей профессии весьма далеки от вопросов управления. Это ученые. Специфика их работы такова, что они не всегда разбираются в общих вопросах даже своей собственной науки, так как занимаются очень тонкими подробностями ее. Скажем, доктор наук, академик, выдающийся специалист в области теории полетов, всю жизнь изучавший тонкости движения летательных аппаратов, под страхом смерти не сядет за штурвал реального, даже на основе его идей сконструированного самолета.

Так что же влечет этих людей к исполнительной власти? Надо думать, что в первую очередь надежда добиться славы. То, что слава занимает главенствующее место в стремлениях к власти абсолютно некомпетентных людей, подтверждают примеры действительно ученых, таких, как Сахаров.

Мне кажется, что у Сахарова, возможно, был с юности душевный шрам, комплекс неполноценности, проступок, который он не мог себе простить всю жизнь и чувствовал себя из-за этого униженно перед другими людьми. Причиной этого могла быть его трусость во время войны. Он окончил институт в тылу в середине войны и стал инженером по профессии, которая в военное время не требовалась. У него был один путь — курсы офицеров и фронт, но он его не выбрал. До самого конца войны он пробыл в тылу. Его сверстники вернулись с фронта (вернулось всего 2—3%) с орденами, они были защитниками Родины, их любили женщины, их рассказами восхищались девушки. А что Сахаров мог рассказать о войне? То, что он работал учетчиком в женской бригаде на лесоповале?

Он попал в атомный проект Берии и действительно работал упорно и хорошо, и у него была заслуженная слава физика, даже внешние атрибуты славы — три Звезды Героя Труда! Но об этом никто не знал, никто этим не восхищался: ведь Сахаров был засекречен! Он жил, как при коммунизме, Берия заботился о том, чтобы у него было все, что можно пожелать. Говорят, что Сахаров боялся заболеть и был настолько капризен, что даже соленую рыбу ему подогревали, чтобы он не простудился. Все было, а славы, узнавания на улице, толп восторженных поклонников не было!

И вот появился Сахаров-политик. Примитивный, как набедренная повязка. Он ничего не знал о реальной жизни, так как и его профессия отвлечена от нее, и жил он изолированно. Начав искать славу там, где он не способен был ее найти, он потерял присущую ученому логику, стал откровенно подл в попытках обосновать свои высказывания, перестал стесняться клеветы. Но, главное, он предстал перед гражданами своей страны совершенным глупцом и уже

не понимал этого. На Съезде народных депутатов он читал свое гениальное творение — «Декрет о власти» (о том, чем мы сейчас занимаемся). Стоит вдуматься в то, что написал этот апологет перестройки:

ДЕКРЕТ О ВЛАСТИ

Исходя из принципов народовластия, Съезд народных депутатов заявляет:

1. Статья 6 Конституции отменяется.

2. Принятие Законов СССР является исключительным правом Съезда народных депутатов СССР. На территории союзной республики Законы СССР приобретают юридическую силу после утверждения высшим законодательным органом союзной республики.

Рассмотрим пункт 2. Так как СССР не имеет территории, его территория — это территории союзных республик, то законы СССР, принятые Съездом народных депутатов СССР по этому декрету, не действуют в СССР, поскольку главным условием их действия является утверждение в союзной республике. Такой декрет равносителен тому, что для подтверждения власти командующего армией заявить, что его приказы исполняются полками только после того, как командиры полков их утвердят. Это нелепо, это свидетельствует о полном непонимании даже элементарных основ жизни.

Вот и спросите: что надо было Сахарову в политике, в делах, в которых он абсолютно не разбирался, но в которые лез с академической настойчивостью?

Но не для всех слава — главная забота. Для многих важно нечто попроще, попрозаичнее — деньги. Ведь все налоги, все бюджетные поступления — до половины всего создаваемого народом богатства — поступают в распоряжение чиновников исполнительной власти. А эти чиновники делать деньги лично для себя могут весьма разнообразными способами: помог дельцу получить выгодный заказ от государства, заключить выгодную сделку, и делец сам принесет деньги. Поэтому борьба нынешних партий за власть — это, по сути, борьба за деньги, отнимаемые у народа.

То, что Ельцин растоптал Конституцию России, разогнал Верховный Совет и расстрелял тех граждан России, которые пытались защитить хотя бы видимость демократии, уже само по себе преступление, но совсем зловеще это выглядит, если учесть, что огонь танков фактически утверждал право исполнительной власти воровать. Ведь были уничтожены и документы, собранные Руцким и подтверждающие факты воровства российских перестройщиков. В истории русской армии было всякое, расстреливала она и народ, но чтобы это делалось в утверждение прав правительства обворовать народ — такого никогда не было. Арест Руцкого лишил его возможности доказать, что Гайдар, Шумейко, Полторанин и другие — воры, но быстрый уход этих деятелей из правительства России под защиту депутатской неприкосновенности не свидетельствовал об их моральной чистоте.

Подводя итоги, можно сказать, что надо уяснить депутатам законодательной власти, прежде чем формировать исполнительную власть.

Во-первых, ее нужно комплектовать профессионалами.

Во-вторых, сама исполнительная власть уязвима, так как к ней за деньгами и славой стремятся политические проходимцы и просто проходимцы.

Чтобы принять решение, в каком виде создать исполнительную власть, представим ее как единое целое, не рассматривая пути делократизации внутри ее. (Мы уже рассмотрели путь делократизации управления экономикой, невелики отличия и для других областей.) Рассмотрим сначала, как делократизировать деятельность ее главы, а он осуществит делократизации деятельности всех нижестоящих чиновников тем способом, который выберет.

Путь делократизации — определить Дело и найти способы, при которых Дело само будет поощрять и наказывать исполнителя, — в данном случае следует рассматривать шире. Для главы исполнительной власти невозможно назначить ни достаточного материального поощрения за его работу, ни достаточного наказания. Даже если назначить ему 10 миллионов долларов в год поощрения, то какая-нибудь

фирма «Локхид» попытается купить его за 100 миллионов. Какое материальное поощрение можно назначить Сталину за выигранную войну, которая прервала 20-летнюю цикличность войн и оставила свободными сотни миллионов советских граждан, избавила их от каннибальских планов Гитлера сократить численность славянского населения? А какое наказание ему назначить за упущения, при которых его судебная бюрократия во имя отчета уничтожила тысячи граждан под видом борьбы с врагами народа — расстрелять, распять, сжечь на костре? А разве этим поднимешь из могил невинно убитых?

Единственным поощрением для главы государства может быть слава, единственным наказанием — позор, если, конечно, для данного человека это имеет хоть какое-то значение.

Я предлагаю использовать способ, который условно назову японским. (Вообще-то к Японии этот способ имеет очень малое отношение.) Работники японских фирм за собственно работу деньгами не поощряются (мы уже писали об этом), за выслугу лет они поощряются деньгами, а за работу — славой.

Развивая эту идею, я предлагаю, во-первых, вообще не поощрять главу исполнительной власти. Следует установить, что глава исполнительной власти не должен иметь в нашей стране никаких материальных ценностей, никогда не может уехать из страны, только по вопросам, связанным с исполнением Дела, никогда не смогут уехать из страны его родные: жена, муж, дети, внуки. Они станут как бы пленниками своей страны.

Во-вторых, глава исполнительной власти должен иметь все, что ему необходимо для работы, для отдыха, но лично ему ничего принадлежать не будет — все будет принадлежать стране и не будет передаваться по наследству, включая, разумеется, все сделанные ему подарки. Благодаря этим мерам глава исполнительной власти и его семья получат все, следовательно, его невозможно купить. Действительно, как купить взрослого человека, у которого все есть, кото-

рого трудно соблазнить какой-либо блестящей побрякушкой или автомашиной, которую его страна ему купит, если он захочет. Для детей и внуков он не сможет сделать запас, поскольку они будут под постоянным финансовым контролем, и за границей тоже, так как у него за границей никто жить не будет. Таким образом, все сводится к тому, чтобы убраться от главы исполнительной власти. Его поощрение — только слава человека, сделавшего Народ счастливым. Наказание — слава человека, сделавшего Народ несчастным. Для умного и порядочного человека, настоящего Человека этого достаточно.

Как будет называться глава исполнительной власти — безразлично. Можно назвать его председателем совета министров, президентом. Я предлагаю назвать его царем, потому что его положение будет равным положению монарха в должности Исполнителя.

Избранный Законодателем первый царь будет совершенствовать свой профессионализм, и замена его не будет предусмотрена до возраста 65 лет. Последующих царей, своих наследников, царь должен подготовить себе сам, как первый пилот самолета готовит к своей должности второго пилота. Это можно сделать следующим образом. Достаточно точно установлено, что возраст расцвета мужчины — 40—45 лет. В этом возрасте он еще крепок и силен, у него отличная реакция, полностью развиты интеллект и мужество. Если в этом возрасте царь станет главой исполнительной власти, он сможет еще 20—25 лет трудиться на благо Народа. Если на подготовку царя отвести 20 лет (наверное, меньше нельзя: не продавца в киоск готовим), то начинать поиск наследника надо за 20 лет до ухода царя на пенсию (отречение от престола) среди 20—25-летних мужчин и женщин. Не меньше двух лет нужно потратить на предварительный отбор и испытания претендентов, постепенно сокращая их число. Когда останется человек 30 — 50, к этой работе должен подключиться царь, которому предстоит выбрать двух-трех наследников. Их нужно будет обучать по специальной программе, которая обязательно должна включать воспитание

самостоятельности и ответственности в различных государственных делах: руководство войсками в конфликтах, руководство крупными инженерными проектами, руководство областями и министерствами. После завершения общей подготовки царь приблизит их к себе, будет выслушивать их решения по проблемам государства и объяснять смысл своих решений. Перед отречением от престола он изберет царем одного из наследников. Остальные будут товарищами царя и смогут заменить его в случае внезапной смерти, если очередные наследники еще недостаточно подготовлены. То есть система управления исполнительной властью, как и при монархии, будет самовосстанавливаться.

Что же даст такой способ? Во-первых, исключительный профессионализм Исполнителя. Главой страны уже не станет тупой профессор: ведь его начинают искать и подготавливать с молодых лет и не среди, возможно, глуповатых или распущенных детей царской фамилии, а среди всего населения. Следовательно, высока вероятность, что Исполнителем будет не просто профессионал, а весьма способный профессионал. Во-вторых, исполнительная власть не будет зависеть от политических коллизий. Какие бы страсти ни бушевали в стране, исполнительная власть будет стоять незыблемо, как скала. Народ может избрать в парламент одних только дерьмократов, или одних коммунистов, или 100% населения проголосует за Жириновского. Но это не изменит состава исполнительной власти: министром иностранных дел Владимир Вольфович не станет, им будет только тот, кого назначит царь. Это обеспечит спокойствие чиновников и их преданность службе, поскольку им не нужно будет кривить душой и наносить ущерб стране в угоду политикам, которые могут сместить их с должности. А в случае неразрешимого конфликта царя с Законодателем последний убедит строптивного царя, и исполнительная власть сама заменит выбывшего царя новым, тем, кто специально подготавливается для этого.

Конечно, многим читателям предлагаемая идея покажется надуманной, нежизненной. Но, напомню, когда начина-

ют использовать законы, которые были ранее не известны (в нашем случае — законы поведения людей), многое кажется невероятным и невозможным. Перенесите себя мысленно на сто лет назад и представьте, что вы рассказываете людям конца XIX века про автомашины, телевизоры, самолеты и прочее; я думаю, что свой рассказ вы будете заканчивать в сумасшедшем доме. Поэтому свое мнение соотносите не с тем, что раньше было или есть сейчас, а с собственным пониманием того, что надо. Неважно, что такого нет и не было, важно — надо ли?

Община

Итак, мы установили в общих чертах, каким должен быть Исполнитель с точки зрения Законодателя. А теперь обратимся к второму подчиненному Законодателя — населению.

В этом подчиненном пугает его огромность. Десятки и сотни миллионов человек, сотни языков, тысячи обычаев, тысячи особенностей жизни, связанных с климатическим и географическим положением, и все это непрерывно изменяется. А Законодатель должен дать один закон, установить единые правила для всех. Это в принципе невозможно.

Например, попытаемся определить зарплату милиционера или врача с учетом особенностей данных мест, а следовательно, бюджетные ассигнования на содержание милиции и врачей. Но... на юге страны на отопление жилья человек тратит 1000 рублей, на севере 10 000 тысяч, с запада добраться до курорта стоит 100 рублей, с востока 1000. Сколько же платить?

Чтобы решить эту задачу, придется создать огромный бюрократический аппарат для помощи в оценке обстановки и принятии решения. Но оценить и проверить работу этого аппарата из-за обилия данных все равно невозможно, поэтому аппарат будет принимать решения за нас, оставив нам их утверждение. То есть руководить страной будет он, а Законодатель будет отвечать перед Народом. Мы повторим то, что есть сейчас: мы сделаем себя — Законодателя — придатком аппарата.

Решим этот вопрос по-новому. Сначала оценим обстановку. В том Деле, что Народ запишет законодателю в Конституцию, будут защиты, которые осуществить можем только мы или, другими словами, все население одновременно, скажем, защита от внешнего врага или защита граждан за границей. Но есть такие защиты, которые граждане могут осуществить практически самостоятельно, им нужна лишь минимальная помощь Народа.

К примеру, в данном городе или селе завелся хулиган или вор. Конечно, жители этих мест могут от него защититься. Но вот если преступник сбежит, тогда им будет нужна помощь всего населения страны, чтобы разыскать преступника и вернуть туда, где он совершил преступление, для наказания. Это — выполнение Законодателем его долга по защите неприкосновенности личности и имущества граждан. Другой пример. Граждане данного города или группы сел могут на собственные деньги построить больницу и нанять на работу врачей, то есть осуществить свою медицинскую защиту. Но подготавливать врачей и вести исследования по новым способам лечения рака или других болезней им будет не под силу. Чтобы сосредоточить усилия всего населения, нужен Законодатель. Причем это можно сделать, не собирая у населения деньги, а чисто организационным путем. Но свой конституционный долг перед Народом по его медицинской защите Законодатель выполнит. Причем безразлично, каким способом граждане получают эту медицинскую защиту: будет ли она в данной местности платной, в другой бесплатной, а в третьей — страховой.

Оценка обстановки позволяет уяснить: многие защиты Народа, которые Законодатель обязан обеспечить по Конституции, население может обеспечить само себе с минимальной помощью от нас. Более того, оно это сделает лучше Законодателя, так как будет действовать исходя из местных условий и местных выгод, то есть руководствуясь тем, что никто, кроме Народа, учесть не сможет. Именно так было организовано управление в России до начала нашего века, даже не надо выдумывать что-то новое.

Тогда наше решение будет следующим. Население может объединиться в общины по принципу: делитесь насколько возможно мельче, чтобы было соблюдено правило: община — это живущие в данном месте люди и средства, дающие большинству из них работу. Что такое сельская община, ясно сразу — это село и земля. В городские общины может войти город полностью, либо его районы, если это будет возможно. Таким образом, вся территория страны будет разделена между общинами и закреплена за ними. Предложим членам общин избрать свой законодательный орган любого, наиболее подходящего вида. Возможно, этот орган будет одновременно и исполнительным, возможно, это будет один человек, возможно, его вообще не будет, а законы будут принимать все члены общины. Здесь важно, чтобы законы общины не затрагивали остальное население страны и исполнялись самой общиной.

Что это значит? Скажем, Законодатель принял основы уголовного закона, где перечислены преступления, которые подлежат наказанию на всей территории страны. Но не следует указывать меру наказания за конкретные преступления — это сделают законодатели общины. Нас, Законодателей, это не интересует, главное, чтобы ни один гражданин на всей территории страны не был обижен безнаказанно. А как именно будут наказывать общины: приговаривая к тюремному заключению или порке кнутом — это дело общины и должно интересоваться в первую очередь преступников. Общины могут считать преступлением и то, что Законодатель не считает таковым, но это должно касаться не всех граждан страны, а только членов общины. К примеру, в какой-то общине многоженство будет преступлением, но только для членов этой общины. Общины не могут свои законы превращать в ловушки для тех, кто по делам временно находится на ее территории — не может быть общинных правил дорожного движения или общинного уголовно-процессуального кодекса. Но в общине могут быть приняты любые нужные ей законы и, главное, свои законы о налогах и повинностях. Вследствие этого Законодатель не будет

облагать налогом ни отдельных граждан, ни предприятия. Введем подушную подать, как в царской России, и будем облагать ею не отдельных людей, а общины. Сначала определим сумму государственных расходов на душу населения на те цели, которыми занимаемся мы — Законодатели. Потом члены общины должны определить, кто и в каком размере будет платить налог: предприятие или лично граждане, за землю или торговлю. Собрав сумму, превышающую указанную, они отдадут в бюджет, сколько с них причитается, а оставшиеся деньги потратят на содержание собственных врачей и учителей, милиционеров и пенсионеров. И не надо что-либо навязывать, общины могут сообща содержать местную милицию, больницу, школу, а, например, для выплаты пенсий вносить деньги в пенсионный фонд страны.

Здесь будет много тонкостей, главное в том, что часть своих прав Законодатель передал общинам, включая право налогообложения. Спустим процесс законотворчества как можно ниже, вплотную к Народу. Поручим ему самому принимать для себя законы.

Зададим еще раз вопрос: зачем это нужно? Чтобы было так, как раньше в России или как сейчас в США, где штаты можно условно считать общинами? Нет, конечно, не в этом дело.

Зачем армия, делократизируясь, ввела единоначалие? Почему стремится людей, отдающих приказы, передвинуть как можно ближе к фронту, к бою, к Делу? Потому что сверху невозможно учесть все тонкости, понять все выгоды, все потенциальные возможности в Деле, которые делают миллионы человек. В нашем Деле, которое делают десятки и сотни миллионов человек, тем более нельзя командовать из центра.

Но при этом возникает следующий вопрос. Если мы, Законодатели, передали общинам функции организации целого ряда защит, значит ли это, что мы больше не отвечаем за них перед Народом? Нет! Мы делегировали свои права общинам не для того, чтобы снять с себя ответственность. Но перед общинами нужно поставить обычные стандартные условия. Общины будут свободны тратить свои сред-

ства при условии, что они будут выделять, к примеру, на здравоохранение не менее 100 рублей с души, будут платить в пенсионный фонд (свой или государственный), скажем, 200 рублей с души и так далее. Больше могут, меньше — нет. Желая проесть все деньги сегодня и ничего не оставить детям или старикам мы этого не позволим. Губернатор это должен контролировать.

Как правило, удачному решению сопутствуют другие полезные эффекты. Решение организовать общины — удачное, и у него есть побочный положительный эффект — националистический сепаратизм лишается материальной базы. Ведь для граждан иметь между центром и общинами еще какую-то прослойку, скажем, автономную республику или область, означает, что они помимо подушного налога центру будут платить еще и на содержание республиканской бюрократии со своим президентом. Но населению известно, на что идет подушной налог: на оборону страны, науку и прочее. А за что платить республиканской бюрократии? Что они могут? Ввести язык коренной национальности в качестве государственного? Но никто не мешает общинам это сделать, пусть говорят на каком угодно языке: ведь они нанимают учителей и содержат школы за свои деньги. Им для этого не нужно республиканское начальство. Мы хотим дать людям максимальную свободу, сейчас в мире нет страны, которая бы так освободила людей и дала им столько власти.

В свое время один остроумный человек, Альтшуллер, пытался сформулировать законы, по которым люди изобретают. Среди приемов изобретательства был такой: если во время работы некий объект разламывается на части, то их нужно заранее разъединить. В нашем предложении что-то подобное: чтобы страна не развалилась на части, нужно заранее разделить ее на очень мелкие общины, на мини-государства.

Пожалуй, на этом мы закончим беглый обзор нашего будущего государства и обратимся к вопросу взаимоотношений Законодателя и Народа. Пора «привязать» к Делу и его — единственного прямого слугу Народа.

Делократизация Законодателя

Мы уже рассмотрели схему делократизации, Дело Законодателя. Осталось понять, как Дело может поощрить и наказать Законодателя.

Зададим себе ряд вопросов и ответим на них.

Зачем нам собственно организовывать себя в государство? Чтобы оно предоставило нам защиту.

А зачем нужна эта защита? Чтобы жить лучше. Неужели нам нужно государство, чтобы жить хуже?!

А что входит в понятие «жить лучше»? Все! Все, что связано с жизнью человека, а с государством у гражданина связано все. Человек не может сегодня выжить один, без общества, следовательно, и без государства.

Если тебя выгнали из честно заработанной тобой квартиры какие-то «коренные нации», которых твои предки, отец или ты кровью защищали от уничтожения, и ты стал беженцем — ты стал жить хуже. Государство не защитило тебя, хотя ты его защищал. Если ты в условиях полного разделения труда лишился работы и средств существования из-за остановки твоего предприятия, а твоя профессия не дает тебе возможности добыть эти средства другим путем — ты стал жить хуже. Тебя государство не защитило, хотя ты честно его содержал. Если ты не в состоянии вставить зубы, сделать операцию, мучаешься или умираешь без медицинской помощи — ты стал жить хуже. Если твои способные к учебе дети не могут получить образование — ты стал жить хуже.

Следовательно, практический итог существования государства в том, чтобы его граждане жили лучше. Это Дело государства. Кухарка, шахтер, шофер, грузчик, возможно, не способны судить о том, что происходит в государстве. Но они способны судить компетентно о собственной жизни, о том, стала она лучше или хуже. Это единственный вопрос, в котором они более или менее справедливые судьи. Поэтому наказание или поощрение, назначаемое ими, будет справедливым и будет сделано по Делу.

Законодатель — группа избранных Народом на определенный срок депутатов. Каждый депутат избирается отдельно, но законы они издают от имени всех. То есть невозможно оценивать итоги деятельности каждого депутата отдельно, а следует рассматривать собрание депутатов только как единое целое, как одного человека.

Безусловно, депутаты будут утверждать, что такая оценка несправедлива, нужно оценивать каждого из них отдельно. Можем быть уверены, каждый из депутатов собрания будет утверждать, что все виноваты, а он нет: «Дескать, я очень хороший, умный депутат, я так много очень хорошего хотел сделать для народа, я так много выступал на заседаниях, но что я мог сделать, если остальные депутаты такие тупые и подлые, что принимали не мои предложения, а законы во вред народу. Все плохие, а я хороший!»

Избирателям нужно иметь самообладание и хозяйскую твердость, чтобы ответить: «А кто тебя заставлял идти в депутаты? Если ты не смог убедить коллег в своей правоте, почему ты утверждаешь, что они глупей тебя? Ты, умный, не смог убедить глупых? А где гарантия, что другие избиратели выбрали депутатов глупее тебя? Когда ты убеждал нас, что нужно избрать тебя, а не твоих соперников, ты думал о том, что тебе придется убеждать других? Ты думал о том, что твои соперники на прошлых выборах были умнее и способнее тебя, но не имели твоей наглости и твоей способности обманывать избирателей? Для нас работа не может считаться правильной и добросовестной, если нет нужного результата. Ты не добился результата, значит, ты все делал неправильно и недобросовестно! И не надо говорить нам, что другие виноваты».

Народ — хозяин страны и поэтому должен разговаривать со своими слугами-депутатами так, как разговаривает со слугами хозяин, а не оттопыривать уши, чтобы бюрократам было удобнее на них «лапшу навешивать». Слишком дорого обходятся Народу ошибки, чтобы на месте депутатов иметь честолобивых болтунов, считающих, что их болтовня — это и есть исполнение депутатских обязанностей. Тому депутату, который не знает, что делать, чтобы Народу ста-

ло лучше жить, надо работать в своем институте, например, объяснять студентам, что тела при нагревании расширяются. Надо делать то, что ты знаешь, и не мешать другим.

Поскольку Дело государства — это улучшение жизни Народа, а граждане в этом вопросе достаточно компетентны, то мы не очень ошибемся, если дадим им право от имени Дела поощрять и наказывать Законодателя. Сделать это несложно. Каждые четыре-пять лет Законодателя следует переизбирать. В этот момент Законодатель старого созыва должен предстать перед судом избирателей и, если избиратели сочтут, что их жизнь стала хуже, они осудят всех депутатов Законодателя, например, на тюремную отсидку, а если сочтут, что жизнь улучшилась, то наградят всех до одного.

Прочитав или услышав в первый раз это предложение, обычно шарахаются: такого же нет! нигде!! в мире!!! А где найти таких депутатов-камикадзе?! Ведь никто не согласится быть депутатом при таких условиях.

Но, во-первых, все, что сейчас у нас есть, когда-то было впервые в мире и появилось тогда, когда люди поняли, что это надо.

А во-вторых, не вызывает озабоченности проблема дефицита депутатов, не боящихся взять на себя ответственность за судьбу Народа. Среди нынешних депутатов их может быть и мало, но ведь на них свет клином не сошелся.

Для закрепления всего вышесказанного юридическим образом можно предложить следующий проект Закона о работе депутатов.

ПРОЕКТ ЗАКОНА О РАБОТЕ ДЕПУТАТОВ

I. Цель Закона

Статья 1. Целью Закона является предоставление народу России возможности поощрить и наказать законодательную власть и тем заставить ее обеспечить народу конституционную защиту.

II. Преступление и подвиг по данному Закону

Статья 2. а. Ухудшение жизни народа без веских внешних причин является преступлением против него.

б. Улучшение жизни народа — подвиг.

III. Преступники и герои

Статья 3. По данному Закону, преступниками (статья 2а) являются одновременно все депутаты законодательной власти России, все они и каждый отдельно являются и героями (статья 26).

IV. Оценка преступления и подвига

Статья 4. Оценка преступления и подвига депутатов законодательной власти дается судом всего народа над ней.

Статья 5. Суд народа над властью проводится в момент выборов нового состава депутатов законодательной власти.

Статья 6. При очередных выборах каждый избиратель, пришедший на избирательные участки, получает проект вердикта всем депутатам законодательной власти старого созыва. В нем должно быть два пункта: «Достоин благодарности» и «Достоин наказания». Избиратель в ходе тайного голосования вправе оставить в вердикте или один из этих пунктов, или оба.

Статья 7. Если более половины зарегистрированных избирателей вычеркнут пункт «Достоин благодарности» и оставят пункт «Достоин наказания», то все депутаты законодательной власти — преступники.

Если более половины зарегистрированных избирателей вычеркнут пункт «Достоин наказания» и оставят пункт «Достоин благодарности», то все депутаты законодательной власти — герои.

Если большинства ни по одному решению не будет, то это решение народа считается одобрительным «Без отличия».

Проекты вердикта, в которых оба решения вычеркнуты, считаются отдельно, и их сумма вычитается из общего числа проектов вердикта, поданных зарегистрированными избирателями.

V. Наказание и поощрение

Статья 8. Если избиратели сочтут деятельность депутатов законодательной власти преступлением против народа, то в течение двух недель после суда народа органы МВД задерживают всех депутатов осужденного состава и помещают в места заключения общего режима сроком на три года с момента задержания.

Статья 9. Исполнение приговора народа по статье 8 может быть отсрочено на срок депутатских полномочий, если депутат снова избран. Наказание по данному приговору может быть отменено, если в составе депутатского корпуса нового созыва депутат добьется от народа вердикта «Достоин благодарности», и сокращено наполовину, если народ оценит работу «Без отличий».

Наказания по приговору суда народа не поглощаются, а суммируются.

Статья 10. Если избиратели одобряют действия депутатов «Без отличий», то те из них, кто не имел по этому Закону ранее наложенных наказаний, покидают должность депутата без последствий для себя.

Статья 11. Если суд народа признает работу законодательной власти достойной поощрения, то все депутаты, не имеющие не отбытых наказаний по данному Закону, становятся Героями России со всеми правами и льготами, дающимися этим званием.

VI. Время действия Закона

Статья 12. Преступление по данному Закону не имеет срока давности. По инициативе законодательной или исполнительной власти законодательная власть любых прошлых созывов по вновь вскрывшимся обстоятельствам может быть вновь представлена на суд народа и по получении от него другого вердикта либо реабилитирована и награждена, либо лишена званий и наказана.

VII. Неотвратимость исполнения воли народа

Статья 13. Уклонение от суда народа или исполнения его приговора — особо опасное преступление. Наказание за него — смертная казнь.

Статья 14. Если весь законодательный орган путем законодательных ухищрений либо самороспуска, либо роспуска под воздействием любой силы попытается уклониться от суда народа, то каждый депутат этого созыва через два месяца после конституционного срока суда становится преступником и подлежит немедленной казни.

Статья 15. Если депутат попытается избежать наказания самостоятельно, то он обязан быть разыскан и казнен, где бы он ни находился.

Статья 16. Если исполнительные органы власти России по любым причинам не приведут в исполнение приговор по статьям 14 и 15 Закона, то обязанность приведения приговора в исполнение ложится на каждого гражданина России. В отношении этих преступников гражданам России дается право действовать самостоятельно, любыми способами и в любой точке земного шара.

Статья 17. Гражданин России, приведший самостоятельно в исполнение приговор по статьям 14 и 15 Закона, становится Героем России по этому Закону без каких-либо дополнительных представлений и указов.

VIII. Незыблемость Закона

Статья 18. Данный Закон утверждается на ближайшем референдуме и не может быть впоследствии изменен в своей сути иначе, чем всенародным решением.

Что этот Закон даст России и законодателям?

Первое. Законодательный орган страны перестанет выслушивать бредовые идеи: от введения «рыночных отношений» до «завоевания берегов Индийского океана». Важным будет одно — улучшить и обезопасить жизнь народа, причем немедленно.

Второе. Сейчас депутаты далеко не всегда слушают друг друга: либо они испытывают неприязнь к говорящему, либо отвергают его идеи, либо вообще заняты своими делами.

Третье. Из депутатского корпуса уйдут все те, кто не знает, что нужно сделать, чтобы народ России жил лучше, кто направляет свои усилия только на то, чтобы услужить своему хозяину. А это тоже будет шаг к успеху в деле восстановления России.

Четвертое. Закон успокоит народ. Он даст ему надежду на улучшение будущего, позволит ему наказать виновных, не взяв в руки оружия.

Пятое. Закон исключит возможность «противостояния властей», поскольку будет абсолютно ясно, кто высшая

власть в условиях, когда и депутаты, и президент избраны народом и имеют как бы равный статус. Закон все поставит на свои места: станет понятно, кто исполнитель, а кто законодатель.

Но нельзя медлить. В данном случае промедление подобно наказанию. Народ так или иначе заставит власть подчиниться себе, и чем быстрее власть подчинится, тем больше у нее останется времени на то, чтобы провести нужные народу изменения, улучшить его жизнь до срока следующих выборов и уйти, по крайней мере хотя бы без последствий для депутатов.

Следует также сказать, что любой депутат, который будет противиться принятию этого Закона, поставит себя в положение врага собственного народа. Ведь нельзя объяснить, почему человек, доказывавший избирателям, что готов им служить, боится суда этих избирателей над собой, суда, который может сделать его Героем. Можно бояться только наказания, и депутат, протестующий против принятия этого Закона, фактически перед всем миром заявляет, что он стал депутатом не для того, чтобы сделать жизнь России лучше, а для того, чтобы ограбить ее. Такая позиция — это косвенное признание своего участия в этом грабеже.

В предлагаемом Законе нет ничего, что люди бы не видели. Этот закон действует везде, кроме высшей власти страны! Вот пример. Допустим, водитель автобуса взял пассажиров, они купили билеты. Между ними договор: они платят деньги, он доставляет их к месту назначения. Автобус подъезжает к железнодорожному переезду, горит красный свет, но водитель решил быстрее довезти пассажиров до места назначения и проскочить переезд, пока нет поезда. Но на переезде у автобуса заглох двигатель, водитель успел выскочить из автобуса, а пассажиры в салоне погибли. Естественно, этого водителя будут судить и накажут, и никто не спросит, чем руководствовался водитель автобуса, какими благими намерениями. Он взялся довезти пассажиров до места назначения, а не под колеса локомотива, и ему нет оправдания.

А в конце 1980-х годов депутаты Верховного Совета СССР взялись «довезти» Народ к лучшей жизни, исправно получали с него налоги и даже спросили его: «Хочет ли он в жить в едином СССР?» «Хочу!» — подтвердил Народ. После этого депутаты развалили СССР, сделали население нищим, и ни один из них до сих пор за это не наказан! Они даже не чувствуют себя виноватыми!

Неужели полная безответственность депутатов должна считаться нормальным явлением?

А разве руководители Чернобыльской АЭС, давая разрешение на проведение экспериментов на станции, хотели кому-то причинить вред? Они вовсе не думали, что экспериментаторы не то переключат и не то выключат. Сами они спокойно спали, когда четвертый блок станции взорвался, это стоило руководителям станции 10 лет лишения свободы. И когда их судили, никто не спросил, какие благие цели они преследовали. Они руководители и обязаны знать, кому вверяют станцию.

А Верховный Совет России никак не наказан за то, что разрешил Международному валютному фонду проводить в России эксперименты руками ельциноидов. Что теперь пенять на Ельцина с его командой? Эта компания выползла из гадючьего гнезда Верховного Совета России. Ведь именно депутаты Верховного Совета ввели должность президента специально для Ельцина, они приняли программу «чикагских мальчиков» «500 дней», они одобрили развал СССР вопреки решению Народа России. И если бы зондеркоманды Ельцина перестреляли всех депутатов ВС России, не тронув Народ, это было бы только по форме несправедливо, а по существу — наивысшей справедливостью. Но зондеркоманды по сути своей таковы, что готовы расстреливать безоружных и невиновных. Ни один депутат ВС России не был наказан, более того, те, кто, не задумываясь, предали Народ, были Ельциным награждены миллионами рублей и государственными кормушками.

Как видим, парламентарии уже давно предусмотрели наказания для всех в стране за плохое исполнение Дела, забыли только про себя.

Несколько слов стоит сказать о единстве депутатов Законодателя перед лицом коллективной ответственности. Я думаю, что депутаты станут настолько едины, что смогут прийти к решению принимать законы единогласно, как крестьяне русской общины. Между прочим единогласие — это не русская находка. Когда через 18 дней после смерти папы конклав кардиналов собирается для избрания нового папы, их «замуровывают» в Сикстинской капелле и не выпускают до тех пор, пока они не выберут его. Естественно, в этих условиях на отстаивание личной позиции ни одному кардиналу не хватит терпения, волей-неволей приходится думать только о благе римско-католической церкви.

Подшло время вернуться к Конституции нашего государства, то есть закону-договору, в котором мы, Народ, договариваемся между собой и с государством — с тем, кого мы этим договором создаем.

Следует обратить особенное внимание на два очень важных момента договора: во-первых, обязанности договаривающихся сторон, то есть кто и что кому должен, суть договора; во-вторых, наказание (санкции) за неисполнение того, что пообещал, за что взялся в договоре.

Нужно четко различать, как представляется суть обязанностей в законе и договоре. Если речь идет о законе, то он должен содержать только запрещающие правила или норму и запрет ее нарушать, скажем, запрещающие правила: не воруй, не убивай и так далее, или норма: отдай 25% дохода в виде налога; вне этих запретов человек свободен — может делать, что сочтет нужным, и тратить деньги, как хочет. Такая форма закона дает человеку максимум свободы.

А при составлении договора соблюдаются иные принципы. В договоре должны быть указаны обязанности, а вне этих обязанностей человек свободен. Если в законе не указать, что именно запрещено, то в реальной жизни это обернется тем, что закон запретит все, лишит свободы. Но если в договоре не оговорить собственные обязанности, то может оказаться, что в реальной жизни вы обязаны делать все, в том числе и то, о чем не подозреваете. Вы не будете

в состоянии оценить: хороший вы гражданин или нет, вас будет оценивать чиновник и, возможно, не с позиции государственных интересов.

Вспоминаю, как после окончания института работал помощником мастера в плавильном цехе. Такой должности не было в штатном расписании цеха (она вводилась в некоторых случаях, в основном на время стажировки молодых специалистов), соответственно не было и должностной инструкции помощника мастера с перечнем обязанностей. Казалось бы, делай что хочешь, но что бы ни случилось в смене, начальник смены предъявлял претензии ко мне: ковшей не было, почему металл на складе не взвесили, почему транспортер коксом засыпало? Мало того, что еще ничего не понимаешь, так еще и не поймешь, что понимать! Бежишь туда, бежишь сюда, хватаешь лопату откапывать транспортер, но в конце концов всегда что-нибудь найдется, что ты обязан был сделать, но не сделал. Вот тогда я стал настаивать, чтобы мне указали перечень обязанностей, потому что не может нормальный человек все время оцениваться начальством, он должен прежде всего оценивать себя сам, сам понять, справляется он с обязанностями или нет.

В Конституции США как документе, как договоре Народа с государством, не указаны обязательства государства перед гражданами, а указаны только права, то есть разрешение государства, данное гражданину, в том, что гражданин может самостоятельно защищать себя, в первую очередь от государства. Не указаны и обязанности гражданина перед государством. На первый взгляд, Конституция предоставляет полную «свободу» граждан от государства. Но на самом деле это резкое ограничение свободы, и надежным подтверждением этому служит обилие юристов в США, подсказывающих гражданам, что они обязаны делать, а что нет. В американских детективах, которые наводнили наши книжные магазины, полицейский предупреждает задерживаемого: «Вы имеете право не отвечать на мои вопросы, вы имеете право вызвать адвоката...» Это радость для простаков. Ведь, по сути, это означает, что нормальный американский граж-

данин до такой степени не знает своих обязанностей и обязанностей чиновников государства, что даже его слово может стать роковым и без адвоката ему лучше не общаться с собственным государством, кормящимся на его деньги. Только в бреду такую ситуацию можно назвать свободой или демократией. А начало этого заложено в Конституции США, которая в сущности своей является должностной инструкцией тоталитарно-бюрократического государства, всевластного, абсолютно безответственного перед Народом.

...Мы уже начали писать демократическую Конституцию государства и начали с Дела: «Мы, Народ, живущие сегодня и те, кто будут жить после нас, с целью организации собственной защиты в случаях, когда в одиночку или общинами мы не можем ее осуществить, создаем государство (название государства)».

Далее надо обрисовать, как выглядит наше государство. Сделаем это так:

Глава I. Состав государства

Статья 1. Государство состоит из граждан и избранной ими законодательной власти.

Статья 2. Гражданами являются совершеннолетние лица, добровольно принявшие на себя обязанности гражданина, указанные в Конституции.

Родившиеся на территории государства становятся гражданами по достижении совершеннолетия, после добровольного подписания текста Конституции.

Прибывшие на территорию государства или выразившие желание стать его гражданами становятся ими по ходатайству других граждан. Количество ручающихся и процесс ходатайства определяет Закон.

Статья 3. Законодательная власть — (название органа) — состоит из (количество) народных депутатов.

Депутаты избираются на пять лет всеобщим тайным голосованием граждан.

После избрания законодательная власть рассматривается Народом как единое целое, оценка деятельности отдельных депутатов не производится.

Статья 4. Народ в лице своих представителей — граждан и законодательная власть создают государство настоящей Конституцией и в дальнейшем будут совершенствовать его и саму Конституцию.

Это все, что следует сказать о составе государства. Некоторые читатели, наверное, недоумевают: зачем же в предыдущих разделах мы говорили об общинах, об исполнительной власти, о царе?

Еще раз напомним. У нас один подчиненный, собственно — это частица нас, Народа. Ему нельзя указывать, как он должен делить свое Дело между его подчиненными, сколько у него должно быть подчиненных и какими они должны быть. Это он сам решит. И, кроме того, не дело Народа заниматься такими мелочами. (Когда мы будем говорить об обязанностях, мы об этом упомянем.)

Если в одном законе делаются ссылки на другой, то можно сказать, что этот закон плохо подготовлен. Автор же во второй статье дал ссылку на какой-то неизвестный Закон. Это сделано для того, чтобы не загромождать Конституцию тем, что человеку требуется знать в редких случаях. В момент, когда он будет решать вопрос о конкретном новом гражданине или о присоединении другого государства, он ознакомится с этим Законом. А в Конституции достаточно сказать, что новый гражданин — товарищ действительных граждан. Без согласия (ходатайства) действительных граждан нового человека под защиту общества пускать нельзя.

Теперь сформулируем обязанности сторон, в первую очередь законодательной власти. Эти обязанности будут Делом Законодателя, Исполнителя, суда. Поэтому следует указать цель (Дело), достижение которой и есть обязанность Законодателя. Но сначала об общих обязанностях.

Глава II. Обязанности законодательной власти

Статья 5. Принять соответствующие законы, которые определяют поведение граждан таким образом, чтобы их единые действия способствовали наибольшей защите Народа, оговоренной настоящей Конституцией, с наименьшими тяготами для него.

Статья 6. С целью единства действий населения по своей защите наказывать (даже смертью) тех, кто будет уклоняться от исполнения законов, и поощрять тех, кто не жалеет труда и крови в деле защиты общества, государства и отдельных граждан.

Статья 7. С целью наилучшей организации защиты Народа создать профессиональную исполнительную власть, дав ей законами необходимые права и полномочия.

Статья 8. С целью избежать риска наказания добросовестного гражданина за не совершенное им преступление и добиться неотвратимости наказания преступников создать систему правосудия, предоставив ее работникам необходимые права и полномочия.

Статья 9. Для материального обеспечения защиты граждан создать систему справедливого налогообложения и распределения государственных доходов так, чтобы содержание государства не ложилось избыточной тяжестью на плечи Народа.

Статья 10. Создать систему натуральной повинности так, чтобы служба государству раскладывалась наиболее разумно и справедливо на всех граждан.

Статья 11. Не требовать чужого и не отдавать своего. Со всеми государствами мира жить в дружбе и добром соглашении, вести с ними торговлю и образовывать союзы без хищнических намерений, помогать добрым друзьям, чем государство может, включая вооруженную помощь. Государства, посягающие на интересы нашего Народа, укрощать умным словом, а не поможет — силой.

Статья 12. Заботиться о моральном облике Народа, используя все способы морального воздействия, чтобы подавить в гражданах чувства алчности, подлости, злобы, эгоизма.

Статья 13. Заботиться о том, чтобы государство вызывало гордость граждан и внутренним содержанием и внешними формами.

Глава III. Обязанности граждан

Статья А. Гражданин (название государства) обязан свято исполнять настоящую Конституцию и законы государства и способствовать исполнению их другими.

Статья Б. Гражданин обязан трудиться и часть своего труда, оговоренную законом, отдавать на организацию коллективной защиты Народа.

Статья В. В случае военной угрозы гражданин обязан защищать свой Народ, не жалея сил и самой жизни.

Эти статьи Конституции человек обязан подписать, оформляя свое гражданство. Разумно организовать изучение текста Конституции в школе, чтобы каждый ясно понимал, что он подписывает и зачем.

Теперь последняя глава Конституции.

Глава IV. Ответственность сторон

Статья Г. За неисполнение законов государства, основанных на данной Конституции, граждане несут наказание, предусмотренное законодательством.

Статья Д. Плохая организация защиты граждан государства считается не имеющим срока давности преступлением против Народа, хорошая организация — подвигом.

В момент перевыборов депутатов законодательной власти избиратели судят ее старый(ые) состав(ы). Если они сочтут организацию своей защиты плохой, то все депутаты лишаются свободы на три года согласно закону, утверждаемому референдумом всех избирателей.

Вот, пожалуй, и вся Конституция. Не очень длинная и достаточно ясная. Демократическая потому, что делократизирована. Народ по этой Конституции, кроме статей об обязанностях граждан и наказании за их невыполнение, получает в руки кнут и пряник для Законодателя, своего слуги. Власть начнет не «любить» народ, а бояться, но не народного бунта, а законной угрозы наказания за нерадивость. Народ станет в стране самой высшей властью, станет государем страны. Никколо Макиавелли очень точно подметил: «Итак, возвращаясь к спору о том, что лучше: чтобы государи любили или чтобы его боялись, скажу, что любят государей по собственному усмотрению, а боятся по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого». Мы — Народ, нам надо быть мудрыми. Еще добавим, что бояться

Народа не стыдно, страх перед Народом — это страх перед Богом, а страх перед Богом должен быть у каждого.

Мы сконструировали простую, надежную и удобную схему делократизации. Но каждые пять лет народные депутаты будут представлять не перед судом Народа, а лишь перед судом избирателей; к сожалению, это далеко не одно и то же. Для того чтобы такой суд был действительно судом Народа, необходимо, чтобы сами избиратели служили Народу, подчинялись его интересам, а не своей корысти. А по тупой подлости избирателей Россия, похоже, «впереди планеты всей». Но деваться некуда, какой народ ни есть, а он свой и другого не будет. И прошлое у него героическое. Как ни тяжело будет Законодателю, но во имя спасения Народа и одновременно во имя справедливого суда над собой Законодатель будет вынужден непрерывно заниматься воспитанием и нынешних, и будущих избирателей. Поэтому два следующих раздела будут посвящены вопросам воспитания.

Делократизация воспитания детей

Разумеется, необходимо начать с Дела воспитания детей. Но прежде ответим на вопрос: кто такой человек? Причем ответим, не углубляясь во всевозможные связанные с этим вопросом дебри, а рассмотрим его только с нужной нам стороны: чем человек отличается от животного? Обычно спешат ответить, что способностью думать, но автору этот ответ не кажется убедительным. Способность думать, то есть способность логически связывать разрозненные факты воедино, пусть и примитивно, присуща почти всем живым существам.

Скажем, крысу легко обучить, что свет зеленой лампочки означает получение пищи, а свет красной — удар током. И она поступает так, как поступал бы и человек: горит зеленая — идет за пищей, горит красная — отскакивает от кормушки. Чем принципиально она отличается от многих сегодняшних лидеров? Кормила их КПСС — кричали здравницы коммунизму, начали кормить США — кричат здравницы капитализму.

Еще говорят, что человек способен к духовному, у него есть душа. Но, с другой стороны, лебедь убивается по погибшей подруге, есть примеры, когда собаки издыхали от тоски на могиле умершего хозяина. Поэтому с душой тоже что-то неопределенное.

А ведь мы резко отличаемся от животных, по крайней мере должны отличаться. Вот новорожденный. Он маленький зверек и не отличается, скажем, от поросенка: он инстинктивно сосет грудь, инстинктивно оправляется, инстинктивно отдергивает руку от огня. Он, безусловно, животное. Но когда он становится тем, кого мы имеем право называть человеком? Когда научится читать, или когда научится пить и курить, или когда ему исполнится 16 лет? Что должно произойти в маленьком животном, чтобы его можно было назвать человеком?

У животных и у человека головной мозг отвечает за способность мыслить, за интеллект, а спинной мозг — за инстинкты. Их несколько: самосохранения, удовлетворения естественных надобностей, продолжения рода. Можно добавить и инстинкт сохранения энергии, выражающийся в склонности человека к ничегонеделанию, к лени.

Если у человека, у животного не развиты инстинкты, они не способны жить. Например, прогудел сигнал автомобиля, вы еще ничего не успели подумать, а ноги перенесли вас на тротуар — сработал инстинкт самосохранения, дав команду мускулам напрячься. Атрофируйся вдруг у нас инстинкт продолжения рода, и род человеческий закончится. Инстинкты, естественно, полезны и необходимы, не говоря уже о том, что за следование инстинктам природа награждает. Удовлетворение многих из них для живых существ сопровождается чувством, которое мы называем удовольствием.

У животного процесс жизни — это процесс удовлетворения инстинктов. Интеллект животного только помогает этому процессу — оценивает пастбища, самок, степень опасности и прочее, чтобы наилучшим образом «угодить» инстинктам. У человека по сравнению с животным произошел качественный скачок: ум, интеллект человека контро-

лируют инстинкты, его головной мозг свободен от службы им. Это надо понимать так. В древние времена человек понял, что жизнь звериными стаями бесперспективна, требуется создать новое общество — человеческое. Но для существования этого общества, его самозащиты нужно нечто, что в корне противоречит инстинктам, — то, что мы называем моральными нормами.

Человеку очень хочется есть, но еды мало. Животное в нем съело бы все немедленно, но головной мозг командует: «Нельзя, это будет не по-человечески, ты обязан поделиться с другими». Бой, противник силен и страшен, инстинкт самосохранения командует: «Убегай!» Но ум командует: «Стой! Ты человек, ты опозоришь себя трусостью, ты не спасешь общество». Соблюдение моральных норм контролирует головной мозг, и если рассуждать проще, то животное — это живое существо, у которого спинной мозг руководит головным, а человек — тот, у кого головной мозг командует спинным. В этом отличие человека от животного. И пусть данный субъект записал в головном мозгу всю Библию, знает Бодлера и Кафку, цитирует Пушкина или Толстого, но если его головной мозг не способен во имя моральных принципов подавить свои инстинкты, то он — животное.

Еще момент. Мы говорили, что удовлетворение инстинктов приносит животному удовольствие, но, победив в себе инстинкты, человек получает удовольствие от своего творчества, от уважения людей, от сознания своей полезности. Животному эти удовольствия не доступны, для него они просто не существуют. Помните «Песню о Соколе» Горького? Уж совершенно не понимает, о чем говорит Сокол. Соколу доступны и удовольствия от удовлетворения животных инстинктов, и человеческие удовольствия, а Ужу нет, для Ужа пределом является то, что дала ему природа, и он не понимает человека, хотя оба говорят на одном языке. Язык, слова понимает, а о каком удовольствии идет речь — нет!

Из этого попутно следует, что если не воспитать из ребенка человека, то он останется животным с ограниченным

мироощущением, с ограниченным комплексом удовольствий. Не воспитать из ребенка человека — значит, его обворовать, хотя сам ребенок об этом и не догадается, как не догадывается ни о чем таком боров, наевшийся пареной кукурузы и лежащий в теплой луже. Он счастлив, он на вершине блаженства.

Еще об инстинктах. В принципе и животное может подавить инстинкт. Скажем, ваш пес во время прогулки каждые пять минут задирает заднюю лапу, а в доме часами терпит, подавляя в себе инстинкт удовлетворения естественных надобностей. Но этот инстинкт пес подавляет другим — инстинктом самосохранения, иначе ему будет больно. А человек подавляет инстинкты только умом, он не возьмет чужого не потому, что ему будет после этого больно, а потому что человек так не делает. Животное будет мучиться, сожалеть, что не взяло, побоявшись наказания. А человек об этом и не вспомнит, у него инстинкты стоят в строю по стойке «смирно». И он отпускает их порезвиться только тогда, когда его чести и человеческому достоинству ничего не грозит.

Отсюда следует, что Делом воспитания, за которое другие люди согласны платить, между прочим, и деньгами, а не только уважением, является воспитание человека — живого существа, способного сдерживать свои животные инстинкты без душевных мук. Зачем обществу людей иметь среди себя животных? Ведь они, животные, ненасытны и ради удовольствия удовлетворения инстинкта способны на любую подлость, они не будут участвовать в самозащите общества, они обуза для него.

Поэтому в процессе воспитания детей момент или время, когда ребенок становится способным одним умом подавить свои инстинкты, является временем перехода его из статуса животного в статус человека. Не перейдет — значит останется животным, несчастным животным среди людей. Это животное не будет служить Народу: инстинкты не позволяют, животное, повторяем, подчиняется только своим инстинктам. Перед нами как Законодателем стоит важней-

шая проблема: нам нужно, чтобы избиратели были людьми. А добиться этого можно только воспитанием в детстве.

Церковь — организация мудрая и прагматичная. Она оценивает людей, не впадая в эйфорию, она видит в них только животных. Подавить инстинкт животное может только другим инстинктом. И церковь использует инстинкт самосохранения, самый сильный инстинкт, для удержания животных в рамках человеческих моральных норм. Она грозит человеку страшными муками в аду и обещает приятное ничегонеделание в раю.

Законодатель без труда удержит избирателей в рамках человеческих моральных норм при обычных обстоятельствах. Но он бессилен у избирательных урн, когда контроль над избирателями утрачен. Вот проблема!

Воспитывать из животных людей придется всеми доступными способами: поможет церковь — давай церковь, поможет искусство — тащи искусство. Как угодно, но мы обязаны вернуть человеческий облик своим избирателям.

Никто и никогда не «охранит» честь и достоинство живого человека, это может сделать только он сам. Учить его этому — да, но как охранить? И вообще, что же нам, родителям, конкретно делать? Как «строить» душу?

В прошлом веке чириканию мудраков от педагогики не внимали, другие были установки, иные педагоги. «Тот кто жалеет розг для дитя своего — тот губит его», — учила Библия, суммировавшая тысячелетний опыт человечества. Но и этого мало — не жалеть розг надо вовремя: «Учи ребенка, пока поперек лавки помещается», — советует русская поговорка. А Джон Локк, английский философ конца XVII века, которого одновременно считали и выдающимся педагогом, объяснял: «Упрямство и упорное неповиновение должны подавляться силою и побоями: ибо против них нет другого лекарства. Одна из моих знакомых, разумная и добрая мать, принуждена была в подобном случае свою маленькую дочь, только что взятую от кормилицы, высечь восемь раз подряд в одно и то же утро, пока ей удалось преодолеть ее упрямство и добиться повиновения в одной, собст-

венно говоря, пустой и безразличной вещи. И если бы она бросила это дело раньше, остановилась бы на седьмом сечении, дитя было бы испорчено навсегда, и безуспешные по бои только укрепили бы ее упрямство, которое впоследствии весьма трудно было бы исправить».

Оставим пока в покое способы воспитания и оценим их с позиции уже рассмотренного нами Дела. Можем ли мы какими-то словами, речами, примерами, разговорами на темы о душе и прочем воздействовать на человеческие инстинкты? Можем ли только мыслью заглушить их? Нет. Хотя головной мозг и руководит всем существом в целом, но природа позаботилась о прочности инстинктов, ведь они — основа жизни.

Попробуйте заставить сработать инстинкт продолжения рода у мужчины методом убеждения, если женщина ему категорически не нравится. Говорите ему про долг, про душу, про что угодно — инстинкт глух. Поменяйте женщину — инстинкт словам не внемлет. Воспитывать словами человека как такового, убеждать можно, его инстинкты — бесполезно. Подчинить их себе можно только одним путем — тренировкой. Необходимо натренировать себя, свой спинной мозг до состояния, когда работа будет исполняться автоматически.

Представьте себя на вышке по прыжкам в воду. Вам страшно, инстинкт самосохранения кричит: «Не смей этого делать!» Вы пересиливаете его и прыгаете. Один раз, второй... двадцать второй, и на двадцать третьем замечаете, что уже не думаете о страхе, вас уже заботит, как выполнить более сложный прыжок.

Мой отец начал войну в Молдавии, вышел из окружения в Одессе, там был ранен, воевал в Туле, в Сталинграде и через Курск, Варшаву, Кенигсберг дошел до Берлина. Четырежды был ранен, одиннадцать раз ходил в атаку. «И тем не менее, — говорил он, — всякий раз, попадая с отдыха на передовую, испытываешь сильнейший страх. Два дня. На третий день о нем как-то забываешь».

В первый рабочий день вам нужно утром вставать, а инстинкт лени уговаривает лежать, спать, экономить энергию. Но

надо. Одно утро, второе, и через месяц вы встаете, не думая, что хочется спать, что вы не отдохнули и прочее. Надо!

Но мы говорим о взрослых людях, о тех, которые уже в детстве стали взрослыми, то есть оттренировали в себе способность подавлять инстинкты. А если в детстве родители не сделали ребенка человеком, то всю жизнь каждое утро будет одно и то же: страшная борьба между инстинктом удовлетворения естественных надобностей и инстинктом лени! И вся жизнь такого человека — сплошное мучение: работа кажется постылой, выполнение обычного долга перед семьей или обществом вызывает отвращение, он живет только по выходным, когда его оставляют в покое. По сути своей это ужасная жизнь.

Так неужели ребенку надо выдумывать специальные тренировки по подавлению инстинктов? Нет, этого не требуется.

Когда вы задаете ребенку человеческие правила поведения, выполнение этих правил непрерывно входит в конфликт с инстинктами. Ребенок хочет играть, а вы требуете от него убрать в комнате. Он хочет шоколадку, а вы настаиваете, чтобы он через полчаса пообедал. Он хочет спать, а вы поднимаете его в школу. Его животное, инстинктивное «хочу» постоянно пресекается «надо» человеческого поведения. Тренировка в подавлении инстинктов идет автоматически. Ему ничего больше не требуется. Но требуется вам.

Кто задает ему правила? Вы! Следовательно, необходимо, чтобы ребенок вас слушался безоговорочно, автоматически. Тренировка действительно должна быть тренировкой, а не ее имитацией. Ребенок должен слушаться не за конфетку, не за блага, которые вы ему можете пообещать, а только и исключительно потому, что вы отец или мать. А подчинить себе животное можно только силой, наказанием. И делать это нужно как можно раньше, когда интеллект ребенка еще не развит и не способен найти путей удовлетворения инстинкта при уклонении от наказания. Поэтому и Локк, и русская поговорка требуют подчинить ребенка в раннем детстве, этим вы избежите необходимости наказывать его в более взрослом возрасте. И в это время, когда нет

зачатков человеческого стыда, единственное наказание — это боль. Действия наших предков были абсолютно логичны. И результат был соответствующий.

Итак, Дело воспитания сводится к тренировке подавления инстинктов нормами человеческого поведения. Наказание и поощрение от Дела определяется вами: вы поощряете за хорошее поведение и наказываете за уклонение или нежелание следовать человеческим нормам.

Наказание — боль без издевательства, такую боль дает порка, пока по возрасту ребенка она еще имеет смысл. Нельзя издеваться над ребенком, наказание должно пресечь его уклонение от норм в будущем, а не дать выход вашим собственным животным инстинктам или мести за собственное беспокойство. Надо помнить, что ребенок должен бояться не вас, а нарушения заданных вами правил поведения.

Делократизация прессы

Ладно, скажут читатели, находящиеся на месте Законодателя, допустим, мы убедим людей воспитывать детей так, как это делали наши предки, только с пониманием, почему они так должны делать. Но дети ведь не избиратели, им к моменту суда избирателей над Законодателем едва исполнится 5 лет. Судить-то нас будут совсем другие люди. Что с ними делать, как их заставить служить Народу искренне, а не под страхом наказания от нас?

Для этого есть единственный способ — использовать органы формирования общественного мнения. Они делают из населения идиотов, сделают из него и людей.

В чем состоит Дело прессы? (Будем называть так для краткости всех, кто составляет эти органы.) Спросите об этом работников прессы, и они немедленно прикинутся дурачками: дескать, просто информировать население.

Просто информации не бывает. Даже если информация идет от абсолютно честного журналиста, он «переваривает» ее и подает читателям такой, какой он ее понимает. Когда речь идет об элементарных событиях жизни: катастрофах,

сексе, удовлетворении естественных надобностей, тут куда ни шло, тут все специалисты. Но когда речь заходит о вопросах более сложных, скажем, о политике или экономике, то как может понять их человек, совершенно в этом не сведущий? Ведь чтобы эти дела понять, надо в них поработать. Даже если журналиста учили в институте какой-то специальности, это еще не значит, что он способен реально работать в данной области.

Речь идет о том, что если нам нужны действительно качественные журналисты, необходимо набирать их в реальном Деле, а не среди школьников-абитуриентов. Политических обозревателей — из практических политиков, экономических — из практической экономики, военных — среди строевых офицеров армии.

А что мы хотим от нынешних журналистов, ничего не понимающих в тех делах, которые они освещают, в силу того, что они лично никогда ими не занимались. Повторяю, даже если это не обычные для журналистики продажные подлецы, а честные люди.

Телевидение время от времени показывает нечто вроде круглого стола. Корреспонденты почти всех известных печатных изданий задают вопросы приглашенным. Работники прессы просто не понимают, что такое подлость, кто такие подлецы. Режиссер Марк Захаров вступил в компартию, чтобы мелькать на телеэкране и получать доходы от съемок своих идейно выдержанных фильмов. Но как только большие деньги стало можно заработать беспартийному, он тут же публично сжег партбилет. Скажите ему: «Марк, вы же подлец», — и он не поймет.

Теперь представьте, что такие люди «освещают» события. Ведь они попытаются превратить избирателей в подлецов, таких же тупых и безграмотных, как они, поскольку все, что происходит в мире, избиратели будут видеть их глазами.

Считать, что Дело прессы — сообщение населению фактов, просто неверно, так как пресса никогда не дает и не даст так называемую объективную информацию. Пройдя через журналистов, она становится тенденциозной, и журналисты

таким образом вольно или невольно формируют сознание народа по своему образу и подобию. А их образ — далеко не тот эталон, которому нужно следовать.

Но если пресса, так или иначе формируя общественное мнение, создает у народа некий образ человека, на который следует ориентироваться, то пусть это будет образ человека, который нужен Народу. Тогда пресса и станет демократической, так как именно этим послужит Народу, а других способов служить ему у прессы нет.

Итак, Дело прессы — создать у Народа представление об идеальном человеке — честном, порядочном, трудолюбивом и беззаветно преданном Народу гражданине. Тогда каждый из нас (включая и подлецов) согласится добровольно платить прессе.

Что же нам, Законодателям, делать? Заняться кадрами прессы, начать отбирать самых достойных? Это уже было. Компартия в свое время уже отбирала в прессу самых достойных, а теперь можно в любой момент включить телевизор и полюбоваться на отобранных КПСС самых отборных подлецов. Законодателю придется работать с теми, кто есть, точно так же, как мы вели реорганизацию управления до сих пор. Ведь мы ни разу не сказали, что Делу будет лучше, если Ельцина или Назарбаева заменить на кого-то другого. Надо создать делократическую систему управления, а она управляет любыми людьми.

Поскольку и в этом случае наказание должно поступить от Народу, а его нет в наличии, Народ будет представлен населением. Поощрять прессу оно будет обычным способом: читать, слушать, смотреть демократических журналистов, а наказывать — отказом покупать подлые газеты, слушать и смотреть подлые передачи и фильмы.

Чтобы предоставить Делу возможность таким образом поощрять и наказывать прессу, Законодатель должен установить моральную цензуру. Если просто закрывать газеты и запрещать передачи, то поощрение и наказание будут поступать не от Дела, а от Законодателя, а это не годится.

Моральная цензура должна заключаться в следующем. Законодатель выберет журналистов, которым он доверяет, и

они плюс депутаты Законодателя, плюс чиновники исполнительной власти возьмут прессу под контроль. Законодатель издаст закон о том, что любое издание и любая передача в эфире должны предусматривать место для выступления тех журналистов, которым верит Законодатель, и эти журналисты в тех же изданиях и передачах будут разоблачать ту-пость и подлость «желтых» журналистов. Избиратели, знакомясь с критическими выступлениями, увидят, как их обманывают, как делают из них болванов, и перестанут покупать подлые газеты, перестанут смотреть и слушать подлые передачи. Это будет убийственно для подлецов от журналистики.

Автор понимает, что не всех убедят приведенные доводы, но нельзя не согласиться с тем, что для подлецов от прессы критика смертельно страшна, и именно поэтому Законодателю необходимо ввести критику.

Делократизация суда

Начнет жить и работать наше государство, начнут действовать законы, начнутся их нарушения и потребуются эти нарушения остановить. Виноват ли человек? Какое наказание ему назначить? Эти вопросы решает суд. Делом суда является правосудие — не должен пострадать невиновный, не должен избежать наказания преступник. Напоминаю, что Делом собственно наказания является пресечение преступлений.

Так как суд в своей работе сравнивает поступки конкретного человека с правилами, заложенными в Законе, то естественно, что он должен знать Закон. Поскольку суд состоит из людей, которые хорошо знают Закон, где нам найти таких людей? Ответ напрашивается сам собой — среди юристов. Но автор с таким ответом категорически не согласен. Смысл приказа лучше всего понимает тот, кто отдает приказ, в данном случае Законодатель.

Ведь главное не исполнение закона как такового, а защита общества с его помощью. Представим себе, что данный закон нарушается, но общество от этого не страдает. Тогда

какой смысл в его исполнении? Но никакой юрист этот вопрос не решит уже в силу того, что он не несет ответственность за организацию защиты. Такие вопросы может решить только Законодатель, ему отвечать перед Народом.

Поэтому высшим судом может быть только Законодатель, это проистекает из его сути, его Дела. Правда, депутаты не обязаны иметь юридическое образование, да и страшно допускать непрофессионалов к решению дел, от которых зависят человеческие судьбы. Это не проблема: Законодатель примет к себе на работу лучших юристов для консультаций, но вершить высший суд он обязан сам. Его законы, он и судья. Отвечающий перед Народом судья.

Поэтому нам не требуются никакие верховные или конституционные суды, состоящие из заведомо безответственных людей, которые могут людские судьбы поставить в зависимость от мертвых бумажек, не отвечая за последствия.

Что, кроме несчастья, принесла России деятельность Конституционного суда? Когда Ельцин после первой неудачной для него попытки фашистского переворота потребовал проведения референдума о доверии к себе народа, Верховный Совет России постановил определить его по доле проголосовавших от общего числа избирателей. И здесь абсолютно ясная логика. Если, скажем, речь идет о выборах президента или депутата, то человек вправе сказать: «Все кандидаты для меня одинаковы и все мне безразличны, пусть лучшего из них выберет тот, кто видит в них какие-то различия, а я на выборы не пойду». Рассуждая таким образом, он как бы доверяет другим. Но в данном случае человек имел право заявить иначе:

«Не стану я из-за этого Ельцина, опротивевшего мне до тошноты, тратить свое личное время на голосование, кому он нравится, тот пусть и идет на референдум». Однако тут вмешивается Конституционный суд и начинает шуршать бумажками, дескать, такая норма, как доверие президенту, не предусмотрена Конституцией, следовательно, доверие Ельцину можно оценить по доле проголосовавших от числа пришедших на выборы. Но Конституцию принял Верховный

Совет, только он мог толковать ее, а не кучка безответственных юристов, думающих только о том, как быть приятными всем начальникам сразу. В результате референдума доверие Ельцину оказал только каждый третий россиянин, несмотря на старания прессы две трети в доверии ему отказали, но по продажному решению Конституционного суда получилось, что за Ельцина проголосовал «весь народ».

Последствия: клика поняла, что последний звонок прозвенел, и вооруженной рукой убрала препятствия (которые в виде критики реформ поступали из Верховного Совета) дальнейшему разорению России экономическими реформами. Деятельность Конституционного суда нанесла россиянам огромный экономический ущерб, суд обворовал большинство населения, на деньги которого, кстати, он существовал. Так зачем Народу такие суды?

Разумеется, Законодатель не способен лично вести процессы и, вероятнее всего, заниматься он ими будет только время от времени, но его право быть высшим судом не может оспариваться. Законодатель сам создаст суды, и сам же будет ими руководить. Это не значит, что он будет командовать — этого осуди, этого освободи, тут такое решение прими, а там — эдакое. Суд и не сможет такие команды исполнять, так как подчиняется только закону. Но если закон, данный Законодателем, не останавливает преступлений, то Законодатель может потребовать от судов максимально ужесточить наказания.

Если Законодатель создаст общины и делегирует свои права и обязанности им, то общины сами создадут свои суды (отдельно для одной общины или к примеру, один суд для района). Эти суды будут рассматривать дела по преступлениям против своих граждан.

Но кроме общинных судов видятся еще некоторые. Во-первых, это военные трибуналы, рассматривающие преступления военнослужащих. Во-вторых, это государственные суды, рассматривающие преступления против всего государства, такие, как измена Родине, организация массовых беспорядков и другие. Эти суды создает Законодатель страны, а

трибуналы — главнокомандующий. Исполнитель организует сеть арбитражных судов для рассмотрения исков по договорам хозяйствующих субъектов. Здесь важно проконтролировать, чтобы не было обязательной привязки к какому-то одному арбитру. Заключая договор, стороны предусмотрят и тот арбитражный суд, который при необходимости решит их спор. Тогда арбитражные суды будут конкурировать между собой в отношении справедливости решения.

Ни в каких других судах — областных, республиканских, верховных — нужды нет, это бесполезные инстанции. Читатель может возразить: а если осудят неправильно, то куда жаловаться? Уверен, что так скажет читатель, которого ни разу не осуждали неправильно, иначе бы он знал, что жаловаться наверх бесполезно, ничего, кроме безграмотных отписок, вы оттуда не получите. Если ваш первый суд действительно рассматривает дело или хотя бы делает вид, что рассматривает, то есть вызывает свидетелей, экспертов, может выехать на место преступления и увидеть воочию все улики, то последующие суды рассматривают только бумаги по вашему делу. И если уж первый суд несправедлив, то от последующих справедливости ждать нечего. Нам необходимо, чтобы самый первый суд осуществлял правосудие, ибо требуется именно оно, а не пересылка бумажек с жалобами, апелляциями и кассациями.

Рассмотрим, в каких случаях вы можете быть недовольны судом, и у вас появится необходимость жаловаться.

Во-первых, когда вы признаете, что осуждают вас законно (то есть вы совершили преступление), но уж слишком сурово. Но суровость наказания задается суду Законодателем, поэтому и просить о помиловании надо у него.

Во-вторых, суд ошибся, посчитав вас преступником. Но суд не может ошибиться просто так, а только если его обманут те, кто дает суду улики вашей вины или доказательства невинности: свидетели, эксперты, следователи. Но тогда не суд виноват, и жаловаться надо прокурору, чтобы он провел следствие и уличил, например, свидетеля в даче ложных показаний суду. Тогда свидетеля осудят, а ваше дело

пересмотрит тот же суд, то есть вышестоящие суды вам и здесь не нужны.

В-третьих, возможно, что сам суд, зная, что вы невиновны, осуждает вас. Но тогда он — преступник, совершивший тяжкое преступление, которое необходимо считать государственным. И надо не обжаловать приговор преступного суда, а писать государственному прокурору, чтобы тот возбудил уголовное дело против судей и передал его в государственный суд.

Мы уже говорили, что у каждой общины могут быть свои законы, но процессуальные кодексы (гражданский и уголовный), безусловно, должны быть едиными для всей страны. Они содержат правила для следователей, прокуроров и судей, которые предусматривают действия работников юстиции.

Суд, совершая преступление, нарушает какое-либо правило, предусмотренное процессуальным кодексом. Причем из-за специфики своей работы суд делает это открыто, более того, он еще и вынужден записывать каждый свой шаг. Для расследования преступления суда не требуется ни Шерлок Холмс, ни майор Пронин. Расследование преступлений членов суда не видится сколько-нибудь сложным.

Будут суды общин и прокуроры общин. И будут государственные суды и государственные прокуроры. Различаться они будут не тем, что один выше, а другой ниже рангом, а тем, что заниматься они будут совершенно разными делами: одни — воровством, убийствами и прочим, а другие — шпионажем, организацией массовых беспорядков и прочим, в том числе преступлениями судов общинных и военных. На суд мы будем жаловаться прокурору, пока еще не являющемуся преступником и не имеющему никакой заинтересованности в неправосудном деле. А на неправосудие государственного суда жаловаться надо будет суду депутатов, который они создадут при Законодателе страны. И депутаты не смогут отмахнуться: такой неправосудный приговор может вызвать возмущение огромного числа из-

бирателей, и на выборах они опустят в урны свой приговор. Законодателю:

«Виновен в плохом управлении страной».

Таким образом, все суды от своего Дела — правосудия непременно получают наказание, если они нанесут ему ущерб, так как при таком положении в стране не будет инстанции, которая была бы заинтересована в наличии неправосудного суда. Государственный суд будет следить за правосудием остальных судов, а лично Законодатель — за правосудием государственного.

И в заключение раздела немного поговорим о наказании в таком аспекте: зачем мы, собственно, сажаем людей в тюрьмы? Я не говорю о том, зачем мы лишаем их свободы — это наказание. Но почему в тюрьмах и лагерях? Что это дает обществу?

Смотрите, что при этом происходит. Огромную часть заключенных составляют скорее не преступники, а разгильдяи, которые шли на преступление неосознанно, не хотели его. Скажем, водители, сбившие пешеходов, мелкие хулиганы. А мы сажаем их, как будто специально, вместе с закоренелыми преступниками. Для обучения, что ли?

Хороших работников сдергиваем с места работы и ставим на неквалифицированный труд. Разлучаем их с детьми, которым не всегда становится от этого лучше. Огромное число людей отвлекаем для конвойной службы. И главное (если вы разделяете мою позицию в вопросе воспитания детей), не даем им тренироваться в подавлении инстинктов. В тюрьмах их инстинкты подавляют не они сами, а конвой.

Мы тратим огромные усилия, чтобы лишить преступников свободы, наказывая их страшно дорогим и, главное, каким-то дурацким способом. Ведь никогда нет полной уверенности, что тюрьма исправила преступника, а не подготовила нового.

Когда обязанность наказывать перейдет к общинам, я думаю, наказания разнообразятся и вместо тюрьмы может появиться порка кнутом или розгами. Но этого мало, надо пересмотреть и свое отношение к лишению свободы.

Ведь свободы можно лишить и так: обязать приговором суда отсидеть дома в течение назначенного срока. То есть осужденный ходит на работу и возвращается домой, а то время, что мы обычно тратим на отдых и развлечения, он должен просидеть в своей квартире. Мы его лишили свободы? Да, лишили! Но теперь он сам себе конвой. И общаться будет не с тюремной сволочью, а со своей семьей.

Но если он нарушит режим, то тоже не стоит спешить с тюрьмой — его можно отправить в место лишения свободы на тех же условиях: работать и жить в общежитии. Пока он все еще сам себя конвоирует, хотя живет уже отдельно от семьи и старых дружков. (Правда, получив взамен других дружков, не лучше прежних.)

Но если он и здесь нарушит режим, то тогда он не человек, а животное. Его нужно сажать в каторжную тюрьму и вести себя с ним, как с животным. Эта тюрьма должна быть действительно страшной, и ее должны бояться. Держать его там нужно для начала недолго, просто показать, что это такое, и вернуть в место лишения свободы без конвоя. Если снова нарушит режим, увеличить срок в каторжной тюрьме.

Мы поставим преступника в условия, когда неповиновение резко усиливает наказание. И главное, мы заставим его самого тренироваться в подавлении своих инстинктов.

Суды общины должны иметь широкий спектр наказаний за одно и то же преступление, чтобы применять более гибкий подход к конкретному человеку. Одному квартирному вору суд может сразу определить каторжную тюрьму, а другому — домашний арест. Все будет зависеть от того, как будет вести себя преступник на суде, в розыске и во время следствия: вернет ли украденное, будет ли запираяться, будет ли оказывать сопротивление при аресте. Преступник не должен иметь возможность прогнозировать свою судьбу после ареста, ему нельзя знать, что его ждет. Даже убивший с корыстными побуждениями не должен быть уверен, что его арест — преддверие расстрела. Возможно, суд назначит десять лет домашнего ареста. И все это будет зависеть от

его поведения после совершения преступления. Обществу нет резона ставить преступника в положение, когда он продолжает совершать преступления, чтобы скрыть предыдущее или избежать поимки. Скажем, сбил пешехода — одно преступление, но в страхе наказания уехал, не оказав помощи, — еще одно.

Разумеется, это резко облегчит работу по розыску преступников, они не будут так озлоблены по отношению к милиции и прокуратуре, так как характеристика, данная ими преступнику, будет значить многое для определения формы наказания в суде.

Могут сказать, что преступники будут сбегать. Если мы не примем мер. Но если мы за побег назначим наказание не до трех лет лишения свободы, а «от ужесточения режима лишения свободы до высшей меры наказания», то решиться на побег станет сложно. Наказание за побег, неизвестное преступнику, может намного превзойти наказание по основному преступлению. Тут, знаете, преступнику будет из чего выбирать. Заменить пять лет домашнего ареста за воровство возможным расстрелом за побег?

И теперь о гуманности наказания. Сейчас у нас очень многие говорят о негуманности смертной казни. Эти люди просто не могут отличить цель от средства. Обычно я спрашиваю: допустимо ли живым людям вспарывать животы и проламывать Черепа? Как правило, люди, не видя подвоха, немедленно отвечают: «Нет». Тогда снова спрашиваю: почему мы разрешаем вспарывать животы и проламывать черепа хирургам? Неважно, что у них это называется по-другому, преступники тоже говорят не «убил», а «замочил».

Важно не то, что делается, а зачем это делается. Расстреливают не затем, чтобы поиздеваться над убийцей, он сам по себе уже общество не интересуется. Расстреливают, чтобы предотвратить следующие убийства. И расстрел — самый эффективный способ предотвратить их, как для хирурга самое эффективное вспороть вам живот и удалить аппендикс, а не мучить вас до смерти припарками, хотя они и бескровны, «гуманны», так сказать. Когда мы говорим о гу-

манизме, думать надо только о честных людях, к преступникам это не относится, их действия вне гуманизма. Гуманно то наказание, что останавливает преступление.

Итак. Дело суда — правосудие. Суд, умышленно не сделавший Дело, неотвратимо должен быть наказан. На наказании обычных судов будет специализироваться независимый суд — государственный, находящийся под контролем Законодателя.

На этом закончим рассмотрение путей делократизации государства и превращения его в демократическое. И мы такое государство безусловно создали бы, не будь у нас на его месте того маразма, что есть.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

Мы смогли бы, читатель, и дальше заниматься делократизацией управления остальных отраслей человеческой деятельности, скажем, медицины, высшего образования и прочего, тем более что приемы нами освоены: определить Дело и найти пути, с помощью которых Дело будет поощрять и наказывать своего исполнителя. Однако на сегодня эта важная и интересная работа приобретает формы пустого умствования. Что толку заниматься тем, что никто не собирается внедрять в жизнь? Ведь что, собственно, в СССР произошло?

Создали страну революционеры, большевики, хотя я считаю, что было бы более логично, если бы на их месте оказались эсеры. Однако дело не в тонкостях их социальных воззрений. Главное в том, что они революционеры — люди, считавшие необходимым разрушить существовавшее тогда управление государством. Они не считали правильным сидеть в Думе Российской империи и постепенно ее реформировать.

Но резко разрушив старый госаппарат и став на место руководителей России, революционер столкнулся с трудностью: некому было приказать подготовить себе «программу реформ», чтобы потом, не думая о ней и не понимая, что там написано, произвести руководящее действие — поставить на ней свое «утверждаю». Следовательно, революционер стоял перед необходимостью думать лично, лично представлять каждый свой шаг по управлению. Правильные ли это были

шаги — вопрос второй. Эти люди не могли быть придатком к своему бюрократическому аппарату, они руководили им, аппарат был еще бессилён взять власть над своим руководителем-революционером. Слишком ясно революционер себе представлял, что именно он хочет. Он лично определял Дело страны и лично делил его на Дела подчиненных.

Для этого революционер в подполье, а потом в роли руководителя обязан был оценить обстановку. Ему требовалась информация, и он брал ее в основном из литературы. Уже на месте руководителя к этой информации добавлялась и специальная в виде отчетов госаппарата, но принципиальные положения функционирования государства, его экономики, политики, философские воззрения аппарат не готовит, они по-прежнему поступают из литературных источников.

Эти люди очень много читали. Читали всё. Поймите правильно: они не обязаны были читать, никто их не заставлял, но они должны были лично найти решение, и это заставляло их самостоятельно искать все данные, которые могли бы его найти. А они обязаны были найти правильное решение. Мне не хочется оскорблять Ленина и Сталина подозрениями в трусости, но подумайте вот о чем: что было бы с ними лично, если бы пали Советский Союз или власть большевиков? Их ждала бы судьба Сергея Лазо или 26 бакинских комиссаров. Не меньше! Спасение государства было их собственным спасением. Разве вы поручите собственное спасение каким-то профессорам или академикам с их программами? Повторяю, я лично думаю, что эти люди отдали бы за Народ жизни не задумываясь, нет причин в этом сомневаться, но фактор жесткого наказания за ошибку в их Деле нельзя не учитывать. И они читали. Читали всё, поскольку нельзя заведомо знать, нужна тебе эта литература или нет. Читали, чтобы понять...

Автором в данной книге принимаются решения — связать данные факты в логическую цепочку. Решения эти принимаю я сам, следовательно, мне необходимо самому в них разобраться. Какому аппарату это поручить? Кто и что мне может отыскать, если я еще сам не знаю своего решения? Не знаю пока, что отыскивать, и буду знать только тогда, когда

отыщу. Аппарат может найти цифры, факты, но не поможет найти принципов решения.

В неизмеримо более ответственном положении по сравнению с автором (смешно и сравнивать!) находились Ленин и Сталин. Те, кому это интересно, знают, что Ленин и Сталин «потребляли» огромное количество самой разнообразной информации. Знакомые со Сталиным люди рассказывают, что он пересмотрел все советские фильмы и прочитал практически все книги советских писателей. Действительно, его речи и статьи насыщены ссылками на литературные источники. Специалисты же утверждают, что Сталину невозможно было «навесить лапшу на уши». Если он считал нужным лично принять решение в конкретном вопросе, то вникал в него, и это действительно было его личное решение. Будучи уже далеко не молодым, он написал статью по вопросам языкознания. Автор и сегодня не встречал никого, кто бы раскритиковал материал статьи, хотя вопросы языкознания никак не были связаны с деятельностью Сталина. А уж тем, что его непосредственно касалось, он занимался так плотно, что не опасался лично вступать в полемику с оппонентами, не боялся попасть впросак и сказать ненароком глупость, как, например, при обсуждении учебника политэкономии, где он спорит с читателями и на мелкие темы, скажем, иметь ли колхозам свою технику или лучше пусть она будет в МТС.

Сталин поражает даже в мелочах. Он настолько хорошо знал деятелей искусства и разбирался в самом искусстве, что в Потсдаме, когда советская сторона давала концерт в честь Рузвельта и Этли, он лично представлял артистов, одновременно успокаивая их, чтобы не волновались перед столь высокими зрителями. А его «сменщик» Хрущев, который уже начал привыкать думать мозгами аппарата, разогнал выставку художников-модернистов только потому (он потом сам признался в этом), что ему сказали, что все эти художники «пидерасы».

Мы перестали понимать разницу между человеком, который действительно управляет сам (разумеется, с помощью аппарата), и человеком, который только подписывает то, что

решил аппарат. Скажем, в одной довольно антисемитской книге в качестве примера вреда, приносимого евреями, описывается деятельность Кагановича. Так, там говорится, что, являясь первым секретарем ЦК КП Украины, Каганович лично составлял программы заседаний Политбюро. Ишь, дескать, какой бюрократ. Автор этой книги просто не догадывается, что этими программами Дело управления Украиной делилось на Дела исполнителей и, если Каганович занимался этим лично, то, значит, понимал, что делает, он был действительным руководителем Украины, а не придатком к аппарату ЦК.

Закончим затянувшуюся преамбулу и вернемся к тому, с чего начали. В этой книге изложена теория и приведены конкретные приемы реорганизации управления страной. Для того чтобы ее быстро провести, книгу должны прочитать и понять те, от кого это зависит, кто сегодня имеет власть в стране, потому что в первую очередь эта книга для них. Но где они? Назовите мне их фамилии. Сталин? Но он уже умер. Назовите других. Я таких не знаю!

Означает ли это, что положение безнадежно, что это тупик? Нет. Опыт подсказывает, что тупиков в жизни существенно меньше, чем их насчитывают. Бывают целые недели, когда страшно ехать на завод, когда думаешь, что сегодняшний день — последний и уже ничего нельзя предпринять. Но через какое-то время находится дельный выход из положения (сам что-нибудь придумаешь или кто-то подскажет). Все-таки, когда много людей пытаются достичь одной и той же цели, то это сила, которую трудно преодолеть.

Если бы я считал, что положение в государстве безнадежно, то просто не стал бы писать эту книгу. Может, положение и безнадежное, но по другим причинам. Я употреблял для оценки существующих режимов слово «фашизм». Я вынужден был употребить этот термин как расхожий, но он абсолютно не соответствует действительности. Если бы у нас был фашистский режим! По сравнению с существующим положением это было бы прекрасно. У такого режима есть лидер, думающий о стране самостоятельно, его понимание ситуации дает толчок стране, и жизнь ее граждан ста-

новится лучше, пусть и на небольшой период. Эти режимы потому и парализуют сопротивление себе, что жизнь граждан улучшается.

Но мы не имеем у себя ничего подобного. Во главе страны у нас клубок мелких бюрократов, дерущихся между собой за место у кормушки, а над ними некто, кто вроде управляет страной, а на самом деле благословляет действия этого клубка. Никто из них и сам не верит, что сможет долгое время удержаться у власти, и спешит, спешит, спешит отхватить побольше.

Но что делать сегодня? Понять, как это ни нудно звучит, не что делать сегодня, а что мы должны получить, понять цель своих сегодняшних и последующих действий. Эта цель указана в настоящей книге, и ее нужно понять, а не поверить в нее. Англичане говорят: трудно понять, в чем состоит твой долг, а выполнить его гораздо легче. Поймите и объясните другим, тогда сотни тысяч и миллионы людей начнут думать, как достичь цели, и она будет достигнута. Ведь бюрократизм — это способ жить не понимая, по чей-то указке.

Я вижу, как читатель отмахивается: хорошо, хорошо, мы поймем, а что делать сегодня? Сегодня стряхните с себя тупое оцепенение и возьмите власть в стране в свои руки.

Хотя бы так.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

Часть I. АНТИБЮРОКРАТИЧЕСКАЯ АЗБУКА

Принципы управления людьми.....	10
Бюрократы и делократы.....	45

Часть II. ВЛАСТЬ — ДЕЛУ

Делократизация экономики страны.....	126
Делократизация государства.....	187
Русская демократия.....	212
Делократизация государства (окончание).....	304
Заключительный раздел.....	361

Мухин Юрий Игнатьевич

ВЛАСТЬ НАД ВЛАСТЬЮ

Редактор *О. В. Селин*

Художник *Б. Б. Протопопов*

Верстка *А. А. Кувшинников*

Корректор *Н. Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-0952

Оптовая торговля: Центр политической книги — 937-28-22, 8-903-519-8541

«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673

«ТД АМАДЕОС» — 513-5777, 513-5985

Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский».

Книжный клуб.

Торговое место № 30,1 -й эт. Тел. 8-903-5198541

Сайт: <http://www.algontm-kniga.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Подписано в печать 18.10.2007.

Формат 84x108/32. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л/19,32.

Тираж 6000 экз. Заказ № 4638

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81

www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

против **всех**

*Юрий
Мухин*

Власть

над
властью

Народ СССР хотел жить в едином Союзе и даже заявил об этом на референдуме, а бюрократия разделила Советский Союз на части. Народ заявил о своем стремлении к более богатой жизни, а бюрократия сделала его нищим. Народ хотел свободы, а бюрократия границами, собственной валютой и нищетой приковала его к постоянному месту жительства.

Народ никогда не отказывался работать, а бюрократия, развалив экономику, сделала его безработным.

И всякий раз втаптывая в грязь волю народа, бюрократия нагло заявляет, что делает это для его блага и от его имени. Пора с этим кончать. Народу осточертели не только вредные для него законы, но и преступники от власти, нарушающие их. Народ ждет истинно народного президента.

ISBN 978-5-9265-0495-5

9 785926 504955 >